АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

4

ИЮЛЬ—АВГУСТ

1960

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА

Издается с участием

ИНСТИТУТА МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
ПРИ ЦК КПСС

и

ГЛАВНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

К сведению авторов:

Рукописи авторам не возвращаются.

Технический редактор *Н. А. Колгурина*

Адрес редакции: Москва, В-36, 1-я Черемушкинская, д. 19,
тел. В 5-17-61

Подписано к печати 2/VIII 1960 г. Т-10515 Формат бумаги $70\times108^1/_{16}$. Бум. л. $7^1/_2$
Печ. л. 20,55+2 вкл. Зак. 598 Уч.-изд. листов 22,7 Тираж 2925 экз.

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

Документы

К ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ БРИГАД КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза наметил грандиозную программу развернутого строительства коммунистического общества, программу дальнейшего мощного развития социалистической экономики, науки, техники, культуры и подъема материального благосостояния советского народа. Выполнение семилетнего плана явится решающим шагом в создании материально-технической базы коммунизма, в достижении всемирно-исторической победы социализма над капитализмом в мирном экономическом соревновании двух систем.

Советские люди восприняли задание семилетнего плана как родное и близкое сердцу дело, отвечающее их жизненным интересам.

История советского государства показывает, что важнейшие задачи, выдвигавшиеся Коммунистической партией перед народом, всегда рождали в нем огромную энергию и творческий подъем. Так было в тяжелые годы гражданской войны, когда по инициативе коммунистов возникли коммунистические субботники, по праву названные В. И. Лениным «великим почином». Так было в годы первой пятилетки, когда по всей стране развернулось движение ударничества; в годы второй пятилетки, когда забойщик Алексей Стаханов, ломая старые «научно-обоснованные» нормы выработки, положил начало подлинно всенародному социалистическому соревнованию. Великая Отечественная война вызвала к жизни социалистическое соревнование фронтовых бригад, в котором принимали участие миллионы тружеников тыла.

Величественная программа семилетки привела к возникновению новых форм социалистического соревнования. Бригады коммунистического труда зародились накануне XXI съезда КПСС, когда советский народ обсуждал и горячо одобрял тезисы доклада Н. С. Хрущева.

Публикуемые ниже документы раскрывают зарождение и начальный период развития бригад коммунистического труда.

Первая бригада коммунистического труда возникла по инициативе коммунистов и комсомольцев роликового цеха депо Москва-Сортировочная 13 октября 1958 г. В этот день рабочие цеха приняли развернутые коммунистические обязательства в честь XXI съезда партии. Они обязались повышать производительность труда, экономить материалы, быть активными рационализаторами, повышать общеобразовательные и технические знания через школы рабочей молодежи и техникумы; не только хорошо работать и учиться, но и стремиться к воспитанию в себе высоких качеств человека коммунистического общества.

В обязательствах бригады записано: «Бороться с пережитками прошлого, старого в сознании людей, с проявлениями косности, эгоизма, мест-

ничества, влияния собственнической идеологии, пьянства, хулиганства — всего, что мешает нам в строительстве коммунистического общества. Не может быть и не должно быть в цехе поступков, порочащих честное имя строителей коммунизма» (док. № 1).

Партийная организация депо поддержала эту ценную инициативу и возглавила работу по ее распространению в других цехах (см. док. № 2). Одновременно с рабочими роликового цеха коммунистические обязательства приняли передовые машинисты депо, коммунисты Блаженов и Шманев.

Вскоре движение бригад коммунистического труда вышло за пределы депо и распространилось по всей нашей необъятной родине. Уже в дни работы исторического XXI съезда КПСС в стране насчитывалось 35 тысяч бригад [1], вступивших в соревнование за право носить звание бригады коммунистического труда.

Вопрос о бригадах коммунистического труда стал предметом специального обсуждения ЦК ВЛКСМ. В принятом постановлении отмечалось, что «бригады коммунистического труда... возникли на основе обобщения положительного опыта социалистического соревнования и являются дальнейшим его развитием на новом историческом этапе развернутого строительства коммунизма в нашей стране» (док. № 4).

ЦК ВЛКСМ одобрил патриотический почин комсомольских организаций и молодежных коллективов по созданию и развертыванию соревнования за звание бригад коммунистического труда и обязал комитеты комсомола поддерживать и распространять это важное начинание среди комсомольцев и молодежи промышленных предприятий, транспорта, строительства, колхозов, совхозов, РТС и МТС. Было присвоено звание цеха коммунистического труда инициаторам движения — комсомольско-молодежному коллективу тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная. Большую работу по распространению опыта соревнования бригад коммунистического труда провела печать и особенно газета «Комсомольская правда» (см. док. № 4).

Значительный интерес для изучения характера этого патриотического движения представляют материалы первого общезаводского совещания бригад, соревнующихся за звание бригады коммунистического труда, проведенного на Московском автомобильном заводе имени И. А. Лихачева (см. док. №№ 11, 12). В выступлении мастера ремонтно-механического цеха Попкова раскрываются формы и методы воспитательной работы среди рабочих за повышение производственной дисциплины, показана роль трудового коллектива в борьбе с пережитками прошлого, за нормы социалистической морали (см. док. № 11).

Выступавшие на совещании председатель завкома и секретарь парткома отметили, что заводские организации должны проявлять повседневную заботу по обеспечению нормальной работы бригад коммунистического труда, но при этом подчеркивали, что не следует создавать для них какие-то особые, тепличные условия [2].

В первые дни возникновения бригад коммунистического труда на некоторых предприятиях раздавались голоса о нежизненности этого движения, о том, что это лишь кампания, которая быстро пройдет, не оставив сколько-нибудь заметного следа. Жизнь показала несостоятельность подобных взглядов и на практике доказала могучую силу движения, возникшего в результате творчества народных масс.

---

[1] См. Внеочередной XXI съезд КПСС. Стенографический отчет, т. I, М., 1959, стр. 238.

[2] См. Музей революции СССР, № 32659/2, Д 211—4БЖ.

Сила и массовость социалистического соревнования — в его гласности. Успехи, достигнутые передовиками производства, на другой же день становятся достоянием широких масс трудящихся. Участники бригад коммунистического труда не только не скрывают от рабочих своих знаний и производственного опыта, но обязуются передавать их отстающим рабочим. Так, в заповедях бригад нефтеустановки Грозненского крекинг-завода говорится: «Бригада должна жить по правилу: один за всех — все за одного. Считать так: ...один допустил брак — беда целого коллектива; свои знания и опыт не держать в кубышке, а передавать всем. Видишь, сосед отстает — помоги. Сам не можешь сделать — не гордись, обратись к товарищу» (док. № 7). Это проявление черт характера, свойственных человеку и коллективу социалистического общества.

Ярким примером высокой коммунистической морали явился патриотический поступок работницы Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Валентины Гагановой, которая по собственной инициативе перешла из передовой бригады в отстающую, чтобы помочь своим товарищам по работе и вывести их в число передовых (см. док. № 3). Прошло два месяца, и отстающей в прошлом бригаде было присвоено звание бригады отличного качества и высокой производительности (см. док. № 17).

Н. С. Хрущев на июньском пленуме ЦК КПСС высоко оценил начинание Валентины Гагановой. «Ценность и благородство поступка этого человека,— сказал он,— в том, что не материальная заинтересованность толкнула ее на такой шаг, а идея, идейная преданность коммунистическому строю. И во имя этого строя человек идет на личные жертвы» [1].

Почин вышневолоцкой прядильщицы, наглядно свидетельствующий о замечательных качествах советского человека, ставящего общественные интересы выше личных, нашел широкий отклик среди тружеников нашей страны. В адрес Валентины Гагановой полетели сотни писем со всех концов нашей родины, особенно после присвоения ей звания Героя Социалистического Труда (см. док. №№ 22, 24, 25, 27). Здесь письма и приветствия текстильщиков, строителей, машиностроителей, воинов Советской Армии и студентов; письма эти проникнуты заботой об увеличении выпуска продукции, о снижении ее себестоимости и повышении качества, увеличении производительности труда, о воспитании советского человека в духе коммунистической морали.

Почин Валентины Гагановой вышел за пределы нашей родины; ее примеру следуют трудящиеся стран народной демократии. В телеграмме комитета чехословацких женщин говорится: «Чехословацкие женщины смотрят на Вас, как на пример для себя. Мы уверены, что, как и в СССР, у нас найдутся свои последователи» (док. № 25).

С каждым днем растет число последователей Валентины Гагановой. Передовики производства, и особенно молодежь, все отчетливее сознают, что после бескорыстного благородного поступка вышневолоцкой текстильщицы трудиться по-прежнему, по старинке просто стыдно.

Характерной особенностью движения бригад коммунистического труда и последователей Валентины Гагановой является его массовость. Если в дни работы XXI съезда КПСС насчитывалось 35 тыс. бригад, борющихся за право называться бригадами коммунистического труда, то в марте 1959 г. их количество возросло до 60 тыс. [2].

---

[1] Н. С. Хрущев. За дальнейший подъем производительных сил страны, за технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства. Речь на Пленуме ЦК КПСС 29 июня 1959 г. Госполитиздат, 1959, стр. 8.

[2] В. В. Гришин. Отчет о работе ВЦСПС и задачи профсоюзов СССР в связи с решениями XXI съезда КПСС. Доклад и заключительное слово на XII съезде профсоюзов СССР, 23 и 26 марта 1959 г. Профиздат, 1959, стр. 13.

Ко времени Всесоюзного совещания передовиков соревнования бригад и ударников коммунистического труда, состоявшегося в Москве 27—30 мая 1960 г., в этом патриотическом движении участвовало уже более 5 млн. рабочих, служащих и колхозников. За право называться бригадой коммунистического труда боролись 400 тыс. бригад, участков, смен и цехов, а 40 тысячам коллективов присвоено это почетное звание; более 100 тыс. рабочих удостоены звания «Ударник коммунистического труда» [1].

Советское правительство высоко оценило успехи передовиков соревнования за звание бригад и ударников коммунистического труда; 52 инициаторам этого движения присвоено звание Героя Социалистического Труда [2].

Движение продолжает шириться с каждым днем и распространяется по всем районам Советского Союза, вовлекая все новые и новые тысячи советских патриотов.

* * *

Публикуемые документы были получены Музеем революции СССР во время подготовки выставки, посвященной XXI съезду КПСС, от Московского, Ленинградского, Ростовского и других совнархозов страны, а позднее — от Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината и из личного архива Валентины Гагановой.

В. И. Девятов

№ 1

Коммунистические обязательства к XXI съезду КПСС коллектива роликового цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги

13 октября 1958 г.

Коллектив комсомольско-молодежного роликового цеха с 14 октября встает на вахту коммунистического соревнования в честь XXI съезда КПСС, за быстрейшее построение коммунистического общества в СССР и берет на себя следующие обязательства:

1. За счет автоматизации и механизации производственных процессов, повышения квалификации рабочих и лучшей организации работы снизить простой тепловозов в ремонте:

а) в малом периодическом — на 8 часов;

б) в большом » — на 16 » .

2. Сдавать узлы на ремонтируемые паровозы на полтора-два часа раньше срока с высоким качеством ремонта, без приемщика МПС [3], с гарантийной маркой цеха.

3. Каждому рабочему внести за год не менее одного рационализаторского предложения.

4. За счет внедрения рационализаторских предложений, экономии материалов и улучшения организации труда сэкономить к съезду не менее 60 000 руб.

5. Своими силами изготовить необходимую оснастку для ремонта тепловозов.

---

[1] См. «Труд» № 126, 28 мая 1960 г.
[2] См. «Правда» № 150, 29 мая 1960 г.
[3] Министерство путей сообщения.

6. Каждый рабочий цеха к XXI съезду КПСС берется овладеть новой специальностью по ремонту тепловозов без отрыва от производства.

7. Оказывать помощь подшефному колхозу в ремонте сельскохозяйственной техники.

8. Каждый рабочий обязуется отработать по 8 час. в месяц в помощь общественному строительству жилого дома для рабочих и служащих депо.

9. Подготовить группу учеников в подшефной школе на 3-й разряд по специальности слесаря по ремонту тепловозов.

10. Каждый молодой рабочий цеха обязуется в течение 4—5 лет получить среднее или средне-техническое образование.

11. Бороться с пережитками прошлого, старого в сознании людей, с проявлениями косности, эгоизма, местничества, влияния собственнической идеологии, пьянства, хулиганства — всего, что мешает нам в строительстве коммунистического общества. Не может и не должно быть в цехе поступков, порочащих честное имя строителей коммунизма.

Коллектив цеха вызывает на коммунистическое соревнование коллективы подъемочного и автоматного цехов.

Мастер цеха Станилевич
Партгруппорг Быков
Профорг Брыксин
Комсорг Белов

Музей революции СССР, № 32660/1, Д211—4БЖ.— Подлинник.

№ 2

Протокол заседания партийного бюро депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги

15 октября 1958 г.

Присутствовали. Члены бюро: Терехин, Блаженов, Тихонов, Тузлуков, Потоня, Пасынков, Бородулин, Крючкова, Житинев.

Были приглашены мастера цехов: Бирюков, Станилевич, Зернов, Никитин, Бочкарев, зам. Т. Ч. [1] Самошин; партгруппорги: Юрьев, Плотников, секретарь партбюро ремонтных цехов Щавлев М. Я., Кондратьев, один из организаторов Первого коммунистического субботника.

Повестка дня:

1. Об инициативе рабочих роликового комсомольско-молодежного цеха и передовых машинистов депо Блаженова и Шманева — о принятии коммунистических обязательств и развертывании коммунистического соревнования за достойную встречу XXI съезда КПСС (Информация Терехина Н. Т.).

1. Слушали: Информацию секретаря партбюро депо т. Терехина Н. Т. об инициативе рабочих комсомольско-молодежного роликового цеха и передовых машинистов депо тт. Блаженова и Шманева — о принятии коммунистических обязательств и развертывании коммунистического соревнования за достойную встречу XXI съезда КПСС.

Тов. Терехин сообщил, что коллектив рабочих комсомольско-молодежного роликового цеха и передовые машинисты депо тт. Блаженов В. Г. и Шманев С. С. выступили с предложением взять на себя коммунистические

[1] Условный железнодорожный телеграфный знак начальника депо.

обязательства и вступить в коммунистическое соревнование за достойную встречу XXI съезда КПСС, за право носить звание бригад коммунистического труда.

На партийно-комсомольском собрании цеха были выработаны коммунистические обязательства, которые обсуждались и были одобрены общим собранием рабочих цеха 13 октября. Эти обязательства роликовцев, а также Блаженова и Шманева говорят о новой заботе рабочих — трудовыми подвигами ознаменовать предстоящий партийный съезд. Отличительной чертой новых обязательств, взятых на себя коллективом роликового цеха и машинистами, является то, что наряду с заботой о дальнейшем повышении производительности труда, перевыполнении сменных заданий, рабочие берут на себя обязательства повышать технический и общеобразовательный уровень, помочь подшефной школе в обучении учащихся старших классов одной из производственных специальностей, а также воспитывать в себе высокие моральные качества, присущие строителю коммунистического общества. Эту инициативу надо поддержать и рекомендовать обсудить на рабочих собраниях других цехов депо.

Выступили: Станилевич В. И.— мастер роликового цеха; Блаженов В. Г.— старший машинист; Кондратьев Я. М.— персональный пенсионер; Крючкова В. К.— зам. секретаря партбюро; Бабайцев В. И.— главный инженер депо.

Постановление. Заслушав и обсудив сообщение секретаря партийного бюро депо Москва-Сортировочная т. Терехина Н. Т. «Об инициативе рабочих комсомольско-молодежного роликового цеха и передовых машинистов депо Блаженова В. Г. и Шманева С. С.— о принятии коммунистических обязательств и развертывании коммунистического соревнования за достойную встречу XXI съезда КПСС», партийное бюро одобряет инициативу коллектива роликового цеха, а также машинистов Блаженова и Шманева — о взятии коммунистических обязательств и вступлении в коммунистическое соревнование за достойную встречу XXI съезда КПСС, за право завоевать звание бригад и цехов коммунистического труда.

Партийное бюро постановляет:

1. Поддержать инициативу коллектива роликового цеха и передовых машинистов Блаженова и Шманева развернуть коммунистическое соревнование в честь XXI съезда партии за право носить звание бригад и цехов коммунистического труда.

Отметить, что ценным в этом начинании является забота рабочих не только о более высокой производительности труда, но также о повышении уровня своих общеобразовательных и технических знаний, о воспитании в каждом члене коллектива высоких моральных качеств, присущих строителю коммунистического общества.

2. Обязать партийные бюро цехов, партгруппоргов и мастеров цехов обсудить на цеховых собраниях и колонных собраниях локомотивных бригад предложения рабочих роликового цеха о развертывании коммунистического соревнования за право носить звание бригад и цехов коммунистического труда. Срок до 29 октября.

3. Обязать начальника депо коммуниста Житипева и мастеров цехов создать все необходимые условия для выполнения рабочими коммунистических обязательств. Принять меры к обеспечению цехов необходимыми запасными деталями, инструментами и материалами, обеспечить своевременную постановку локомотивов на все виды ремонта.

Техническому отделу своевременно изучить и распространить опыт и ценные начинания новаторов и рационализаторов, оказывать помощь в разработке и применении передовой технологии, освоении новой техники.

4. Местному депо (председатель Тихонов) организовать показ передо-

виков соревнования, ежемесячно подводить итоги соревнования и выносить их на обсуждение рабочих собраний.

5. Обязать редактора газеты «Первый субботник» т. Строкову выпустить специальный номер газеты, посвященный предложению рабочих роликового цеха. Систематически освещать на страницах газеты ход соревнования за достойную встречу XXI съезда КПСС.

6. Партбюро цеховых организаций и агитаторам цехов разъяснить всем рабочим о положительном начинании коллектива роликового цеха, направленном на дальнейшее повышение производительности труда, на поднятие технической грамотности рабочих и их коммунистической сознательности.

Секретарь партбюро депо Москва-Сортировочная
Московско-Рязанской ж. д.
Терехин

Музей революции СССР, № 32660/9, Д211—4БЖ.— Копия.

№ 3

Выписка из протокола заседания комитета ВЛКСМ прядильной фабрики Вышневолоцкого ордена Трудового Красного Знамени хлопчатобумажного комбината

30 октября 1958 г.

Присутствовало 9 человек.

Слушали: Заявление бригадира комсомольско-молодежной бригады тов. Гагановой В. И. с просьбой направить работать на отстающий участок ввиду того, что их бригада достигла неплохих результатов.

Выступали: Анисимова Т. М., Максимова З. В., Бортникова В. П.

Постановили: Одобрить начинание Валентины Гагановой — удовлетворить просьбу и направить ее на отстающий участок с №№ 267—274 машины. Распространить это начинание среди рабочих фабрик и просить комитет ВЛКСМ хлопчатобумажного комбината утвердить наше решение.

Секретарь комитета комсомола прядильной фабрики
Максимова З.

Музей революции СССР, № 33054/14, Д—24.— Копия.

№ 4

Постановление ЦК ВЛКСМ о новом патриотическом движении комсомольцев и молодежи по созданию и развертыванию соревнования бригад коммунистического труда

21 ноября 1958 г.

Наша великая социалистическая Родина в полном расцвете своих творческих сил. Советский народ, сплоченный вокруг Коммунистической партии, достиг таких вершин, осуществил такие грандиозные преобразования, которые дают возможность нашей стране вступить теперь в новый важнейший период своего развития, в ходе которого будут решены задачи всестороннего создания материально-технической базы коммунизма, дальнейшего укрепления экономической и оборонной мощи нашей Родины и одновременно все более полного удовлетворения растущих материальных и духовных потребностей советского народа.

Тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» вызвали новый политический и трудовой подъем среди юношей и девушек, стремление встретить предстоящий съезд партии новыми производственными подарками. По всей стране развернулось соревнование в честь XXI съезда КПСС. В ходе обсуждения тезисов доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде партии в комсомольских организациях возникла новая замечательная инициатива — родились бригады коммунистического труда.

Бригады коммунистического труда в молодежном коллективе тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги, где в 1919 г. был проведен первый коммунистический субботник, возникли на основе обобщения положительного опыта социалистического соревнования и являются дальнейшим его развитием на новом историческом этапе развернутого строительства коммунизма в нашей стране.

Что же является новым и определяющим в соревновании бригад коммунистического труда? В основу соревнования молодых рабочих депо за право называться бригадами коммунистического труда положена задача всемерного повышения производительности труда на базе освоения техники и механизации производства. Молодые рабочие обязались в полной мере использовать все новое, связанное со своей специальностью, оказывать помощь товарищам в работе. В коммунистических обязательствах бригад разработаны вопросы рационализации производства, автоматизации и механизации производственных процессов.

Одна из главных особенностей в работе бригад коммунистического труда — стремление их членов к знаниям, к учению без отрыва от производства с тем, чтобы эти знания приносили пользу не только себе, но прежде всего производству, товарищам. Коммунистические обязательства молодежных коллективов проникнуты большой заботой каждого стать образцом нового советского человека — образованного, культурного на производстве и в быту. В обязательствах содержатся требования к каждому члену коллектива активно участвовать в общественно-полезной деятельности.

Новый патриотический почин по созданию бригад коммунистического труда нашел горячую поддержку в молодежном коллективе доменной печи Магнитогорского металлургического комбината (мастера: Константин Хабаров, Леонид Рябцев, Василий Горностаев), в бригадах Акифа Джафарова на 2-м промысле нефтеуправления «Гюргяннефть» Азербайджанской ССР, Кузьмы Северинова на шахте 5—6 имени Димитрова Сталинской области и Ивана Белоусова на шахте 1—2 имени Свердлова Луганской области, Михаила Ромашова на Ленинградском металлическом заводе, Олега Топчия на Харьковском заводе транспортного машиностроения имени Малышева, Петра Лыгуна на доменной печи завода имени Дзержинского Днепропетровской области, Аркадия Дигилевича в строительном тресте № 4 г. Минска, Александра Микушина в кузнечно-прессовом цехе Уралвагонзавода, Адольфа Таальберга на шахте «Кукрусе» сланцевого бассейна Эстонской ССР.

В коммунистических обязательствах молодые рабочие комсомольской доменной печи Магнитогорского металлургического комбината заявили:

«Мы, члены коллектива комсомольско-молодежной доменной печи, ознакомившись с тезисами доклада тов. Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, решили обсудить наши ближайшие цели и определить возможности по дальнейшему увеличению выплавки чугуна. В нынешнем году наши доменщики выдали сверх плана более 72 000 *т* металла. Мы давно опере-

дили США по производительности труда. На каждого рабочего нашего цеха в среднем выпускается в год 6900 *т* чугуна, а в Америке только 2017 *т*. Но не в характере советских людей успокаиваться на достигнутом. Поэтому коллектив комсомольско-молодежной доменной печи решил отныне трудиться по-коммунистически и свою печь превратить в ударный участок семилетки. Учиться, жить и работать в коммунистическом обществе мы должны уже сегодня, каждый день. Отныне не только ударный труд будет характеризовать каждого из нас, мы будем непрерывно совершенствовать свои знания и опыт, неустанно учиться».

Молодежный коллектив 5-й комсомольско-молодежной бригады 2-го промысла управления «Гюргяннефть», приняв на себя коммунистические обязательства, решил повысить производительность труда в 1959 г. на 48%; давать ежесуточно в среднем на 450 *т* нефти больше, чем сейчас. Все члены бригады обязались получить в ближайшие годы среднетехническое образование.

Члены комсомольско-молодежной бригады Кузьмы Северинова шахты 5—6 имени Димитрова Сталинской области единодушно заявили о своей готовности жить и работать по следующим заповедям:

— Сознательно отдавать все свои силы и способности делу строительства коммунизма, воспитывать в себе и в своих товарищах качества членов коммунистического общества; по-коммунистически относиться к труду, ибо труд должен являться не только средством для существования, но физической и духовной потребностью, формой участия в дальнейшем развитии общества.

Закон бригады — один за всех и все за одного. Все радости и горести делить сообща.

Всем учиться. Постоянно повышать свою деловую квалификацию, общеобразовательный и политический уровень. Отказ от учебы считать отсутствием сознательности и уважения к себе и коллективу.

Коммунистические обязательства приняли также коллективы тракторно-полеводческой бригады Михаила Довжика из совхоза «Ярославский» Акмолинской области Казахской ССР; тракторной бригады Павла Печенкина из колхоза им. Фрунзе Егорьевского района Алтайского края; молочно-товарной фермы колхоза им. Сталина Узднского района Минской области (зав. фермой С. А. Десюкевич); свинофермы колхоза имени Сталина Калачеевского района Воронежской области (зав. фермой Василий Дубровин); комсомольско-молодежного звена Ирины Гребенниковой из колхоза «Новый путь» Ленинского сельского района Курской области; бригады хлопкоробов Бобокула Каршиева из колхоза имени Сталина Курган-Тюбинского района Таджикской ССР и многие другие.

Характер принятых коммунистических обязательств свидетельствует о стремлении каждого молодого рабочего, инженерно-технического работника, колхозника, механизатора и специалиста сельского хозяйства внести свой вклад в общее дело построения коммунизма в нашей стране; о глубоком понимании указания В. И. Ленина о том, что «коммунизм начинается там, где проявляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их „ближним“, а „дальним“, т. е. всему обществу в целом».

ЦК ВЛКСМ постановляет:

1. Одобрить патриотический почин комсомольских организаций, молодежных коллективов по созданию и развертыванию соревнования бригад коммунистического труда.

Обязать комитеты комсомола широко поддержать и распространить

этот ценный почин среди комсомольцев и молодежи предприятий промышленности, транспорта, строительства, колхозов, совхозов, РТС и МТС; оказывать молодежным коллективам всемерную помощь в выполнении принятых ими коммунистических обязательств, направленных на достойную встречу XXI съезда КПСС и успешного претворения в жизнь нового семилетнего плана.

2. Комсомольские организации при создании и развертывании соревнования бригад коммунистического труда должны направлять усилия каждого молодого рабочего и труженика сельского хозяйства на то, чтобы он:

добивался наивысшей производительности труда за счет непрерывного совершенствования техники, автоматизации и механизации производственных процессов, успешного освоения расчетно-технических норм выработки;

стремился работать лучше, с наименьшими затратами, экономил в большом и малом, добивался повышения качества и снижения себестоимости выпускаемой продукции;

использовал все новое, связанное со специальностью, помогал товарищам в работе;

постоянно учился, стремился овладеть современными знаниями, достижениями социалистической культуры, был примером поведения на производстве и в быту;

во всем проявлял коммунистическую сознательность, умел сочетать производительный труд с общественно полезной деятельностью, подчинять свои интересы интересам общего дела.

Установить, что звание коллектива коммунистического труда присваивается молодежным коллективам комитетами комсомола при достижении ими значительных успехов в выполнении принятых коммунистических обязательств.

3. Учитывая, что комсомольско-молодежный коллектив тепловозоремонтного цеха депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги успешно выполняет принятые коммунистические обязательства, присудить комсомольско-молодежному коллективу цеха звание цеха коммунистического труда.

4. Отметить большую положительную работу, проводимую газетой «Комсомольская правда» по распространению ценного почина — создания и развертывания соревнования бригад коммунистического труда. Обязать редакции комсомольских газет и журналов обеспечить систематическую публикацию материалов, рассказывающих об опыте работы бригад коммунистического труда и руководстве ими со стороны комитетов комсомола.

ЦК ВЛКСМ призывает комсомольские организации, комсомольцев и молодых рабочих, колхозников, ученых, строителей, инженеров и техников активно включиться в движение за создание бригад коммунистического труда, развертывание боевого соревнования в честь предстоящего XXI съезда партии, за успешное выполнение семилетнего плана развития народного хозяйства — живого воплощения ленинских идей построения коммунизма в нашей стране.

Секретарь ЦК ВЛКСМ В. Семичастный

Музей революции СССР, № 32660/3, Д211—1313.— Копия.

№ 5

Коммунистические обязательства бригады слесарей 8-го участка Ленинградского станкостроительного завода имени Я. М. Свердлова

24 ноября 1958 г.

Воодушевленные грандиозными масштабами развития народного хозяйства, намеченными в тезисах доклада Н. С. Хрущева, мы, бригада слесарей 8 участка в составе: Владимира Крошки, Михаила Кудрявцева, Николая Бизюкова и Николая Петрова, обязуемся жить и работать по-коммунистически и включаемся в борьбу за звание бригады коммунистического труда. Берем на себя следующие обязательства:

1. Всегда и во всем оправдывать звание члена бригады коммунистического труда. Это значит — сознательно отдавать все свои силы, энергию и способности делу строительства коммунизма, воспитывать в себе и в своих товарищах качество членов коммунистического общества. Ежемесячно выполнять производственные задания на 150 процентов.

2. Всей бригаде внести за год не менее 10 рационализаторских предложений.

3. Добиться полной взаимозаменяемости в бригаде, каждому члену бригады уметь выполнять все операции технологического процесса.

Повседневно помогать своим товарищам по труду. Содержать свое рабочее место в образцовом порядке.

4. Решительно бороться с остатками прошлого и быть примером в быту и в семье.

5. Постоянно повышать свою деловую квалификацию, ощеобразовательный и политический уровень.

В 1959 г. В. Крошке, М. Кудрявцеву, Н. Бизюкову и Н. Петрову повысить свою квалификацию на один разряд и заниматься в кружках партийного и комсомольского просвещения. На 1959/1960 учебный год В. Крошке, Н. Бизюкову и Н. Петрову поступить в школу рабочей молодежи.

Члены бригады: В. Крошка, М. Кудрявцев, Н. Бизюков, Н. Петров

Музей революции СССР, № 32691/2, Д211—4БЖ.— Подлинник.

№ 6

Коммунистические обязательства в честь XXI съезда КПСС бригады прядильного цеха № 1 фабрики имени М. И. Калинина в Москве

Ноябрь 1958 г.

Воодушевленные великой программой развернутого коммунистического строительства, изложенной в тезисах доклада Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС о контрольных цифрах развития народного хозяйства в СССР на 1959—1965 гг., мы хотим быть активными строителями коммунизма, включаемся в коммунистическое соревнование и принимаем на себя следующие коммунистические обязательства:

1. Ознаменовать первый год семилетнего плана новым высокопроизводительным коммунистическим трудом. Ежедневно выполнять нормы выработки не ниже чем на 115% и ежесуточно давать сверх норм не менее 46 кг пряжи.

2. Ко дню открытия XXI съезда КПСС дадим дополнительно сверх задания 18 430 кг высококачественной шерстяной пряжи, из которой будет выработано 45 625 метров костюмной ткани.

3. Задание на первый год семилетнего плана завершить участкам досрочно к 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции и дать дополнительно 19 710 кг пряжи.

4. Систематически бороться за улучшение качества выпускаемой продукции и добиться снижения перевода в пониженные сорта пряжи в два раза против нормы.

5. Организовать в цехе коммунистическую копилку, и за счет лучшего использования сырья, снижения материальных и трудовых затрат внести в нее первый вклад к XXI съезду КПСС — 72 400 рублей.

6. Каждому члену комплекта внести не менее одного рационализаторского предложения.

7. В целях непрерывного повышения своих знаний, дальнейшего совершенствования мастерства, освоения вторых профессий все члены участка будут учиться в звеньях технической учебы, вечерних школах и техникуме.

8. Все работницы участка будут вести себя по-коммунистически на производстве и в быту.

9. Превратить участок в образцовый по чистоте и культуре.

10. Широко развернуть на участке товарищескую взаимопомощь, передавать опыт своей работы другим бригадам.

Работницы нашего участка коммунистического труда призывают весь коллектив фабрики широко развернуть коммунистическое соревнование за комплексное повышение технико-экономических показателей работы, за выполнение семилетнего плана в шесть лет.

Высокопроизводительный труд приблизит нас к заветной цели человечества — коммунизму.

Котова, Фетисова, Гаськова, Заколдаева, Александрова, Лебедева, Чвилева, Крылова, Баркова, Янкина, Бузина, Коробкина, Семина, Климова, Фалина, Незнанова, Купрякова, Коновалова, Хусяинова

Музей революции СССР, № Вр 587/6.— Подлинник.

№ 7

Заповеди бригад коммунистического труда нефтеустановки Крекинг-завода в г. Грозном

Ноябрь 1958 г.

Так решил жить и работать коллектив установки имени Героя Советского Союза Ю. Смирнова Грозненского Крекинг-завода. Не отказываться ни от какой работы — выгодная она или невыгодная, тяжелая или легкая. Браться за нее с охотой; одним словом, относиться к труду, как к потребности и радости.

Во всяком деле проявлять смекалку. Думать, как сделать лучше. Не механически выполнять работу, а творчески, с мыслью.

Бригада должна жить по правилу: один за всех — все за одного. Считать так:

Один лодырь — позор для бригады;
один прогулял — пятно на всех;

один допустил брак — беда целого коллектива;
свои знания и опыт не держать в кубышке, а передавать всем.

Видишь, сосед отстает — помоги.

Сам не сможешь сделать — не гордись, обратись к товарищу.

Отработал — не теряй времени зря. Тебя ждет школа, техникум, институт.

Есть свободная минута — бери в руки книгу. Учись так, чтобы принести еще больше пользы своему народу.

Заботиться о своей культуре. Покончить со сквернословием, грубостью, выпивками.

Никогда не проходить мимо фактов хулиганства, пьянства, бескультурья.

Обидели на твоих глазах человека — и ты виноват.

Уважать старость на улице, дома, везде.

Быть вежливым, приветливым, тактичным.

Нарушил эти правила — не место тебе в бригаде коммунистического труда.

Принято на собрании коллектива установки.

Музей революции СССР, № 582/56.— Подлинник.

№ 8

Коммунистические обязательства в честь XXI съезда КПСС бригады М. Рожневой Купавинской тонкосуконной фабрики

Ноябрь — декабрь 1958 г.

В ответ на заботу партии и правительства о дальнейшем подъеме нашего народного хозяйства, улучшении материального и культурного благосостояния народа мы, рабочие 4-го комплекта второй смены, включаемся в соревнование за звание бригады коммунистического труда и обязуемся:

1. За счет выравнивания скоростного режима машин и увеличения средней скорости на 0,2 м. дать дополнительно 1,8% пряжи.
2. За счет освоения скоростных приемов работы всеми рабочими бригады увеличить выработку пряжи по бригаде на 0,5%. Общий вклад — дать дополнительно в месяц 635 кг пряжи; в год 7,6 тонны, что составляет за семилетие 53 т.
3. Содержать оборудование в отличном состоянии.
4. Не иметь ни одного нарушения технологической и трудовой дисциплины.
5. Соблюдать высокую культуру на производстве и в быту.
6. Добиться выпуска пряжи первым сортом 96% при плане 93,9%.
7. Охватить всех членов бригады учебой по повышению технического и культурного уровня.
8. Добиться сокращения ровничного лома до 2,8% при плане 3,5%.

Бригадир М. Рожнева

Члены бригады: Бакурская, Горюнова, Смарчкова, Дуборовская, Фешкова, Круглова, Разваляева, Волкова, Бабурина, Артемьева, Плешивцева, Федорова, Иванова, Куштуева, Сухова

Музей революции СССР, № 32668/24, Д 211—4БЖ.— Подлинник.

№ 9

Письмо комсомольцев Будянского фаянсового завода инициаторам движения за звание бригад коммунистического труда роликового цеха депо Москва-Сортировочная

Ноябрь — декабрь 1958 г.

Здравствуйте, уважаемый Николай, Владимир, Александр, Владимир, Иван и Борис!

За 18 ноября в газете «Комсомольская правда» мы прочитали о том, что вы являетесь инициаторами движения за звание бригад коммунистического труда. Это ценное начинание мы поддерживаем и включаемся тоже в соцсоревнование за звание ударных бригад коммунистического труда. Мы взяли очень много соцобязательств и основное из них то, что мы решили семилетку выполнить за $5^1/_2$ года, и мы надеемся, что мы этого добьемся.

Мы работаем на Будянском фаянсовом заводе. Комсомольская организация состоит из 708 членов ВЛКСМ; все они дружные, сплоченные, как и должны быть, все комсомольцы — застрельщики всего нового, передового. Смена, которой я руковожу, первой на нашем заводе взяла это великое соцобязательство, и мы решили переписываться с вами и обмениваться опытом в работе (несмотря на то, что у нас предприятия разные по выпуску продукции) и хотим узнать, каких результатов добиваетесь вы.

С комсомольским приветом

Биличенко Александра,
Крушинская Елена, Плясова Анна

Музей революции СССР, № 32660/6, Д 211—4БЖ.— Подлинник.

№ 10

Приказ по Ленинградскому станкостроительному заводу имени Свердлова

11 декабря 1958 г.

Трудящиеся завода, как и весь советский народ, с чувством большой гордости за свою Родину знакомятся с контрольными цифрами предстоящего семилетия. Трудящиеся не только высказывают свое одобрение, но и одновременно намечают пути практического осуществления намеченных партией грандиозных задач.

Новым замечательным проявлением советского патриотизма явилось начинание молодежи в создании бригад коммунистического труда. Создание бригад коммунистического труда является новой, совершенной формой социалистического соревнования. В обязательства бригад коммунистического труда включены не только вопросы коммунистического отношения к труду, своим обязанностям, товарищеской взаимопомощи в работе, но и вопросы коммунистического поведения в быту. Особое место занимает в коммунистических обязательствах повышение всеми членами бригад своей общеобразовательной и технической подготовки.

На заводе одной из первых бригад, вступивших в борьбу за право именоваться коммунистической, явилась бригада слесарей-сборщиков цеха № 2, руководимая слесарем Григорьевым Валентином. Бригада обязалась собирать станки отличного и хорошего качества. Все члены

бригады приняли обязательство повысить свою общеобразовательную, техническую и политическую подготовку в специально организованных технических курсах в вечерней рабочей школе и политсети.

Одновременно организована бригада коммунистического труда на участке сборки станков 6441Б в цехе № 2 и на участке № 8 жестяносварочном.

Придавая исключительно важное значение творческой инициативе рабочих, начавших коммунистическое соревнование, приказываю:

1. Одобрить инициативу молодых рабочих слесарно-сборочного цеха № 2 в развитии коммунистического соревнования как новой формы проявления творческой инициативы.

2. Начальникам цехов и участков всемерно поддерживать и поощрять развитие коммунистического соревнования в цехах и участках, направляя его на воспитание у участников соревнования сознательного, коммунистического отношения к труду, высокопроизводительную и доброкачественную их работу, бережное отношение к станкам, сырью, инструменту, дальнейшее повышение их общеобразовательного, технического и политического уровня, достойное поведение их в быту.

3. Инженеру по техническому обучению т. Шерстневой совместно с начальниками цехов разработать план организации технической учебы рабочих и работниц, предусмотреть в этих планах создание постоянно действующих технических семинаров по почину инженера Ижорского завода т. Яшина.

4. Начальникам цехов, участков совместно с цеховыми общественными организациями обеспечить необходимую гласность творческой деятельности бригад коммунистического труда, всемерно популяризовать передовиков, широко распространять положительный опыт их работы среди всех трудящихся.

Директор завода Румянцев

Музей революции СССР, № 32691/1, Д-211—4БЖ — Копия.

№№ 11—12

Выступления на первом общезаводском собрании бригад, соревнующихся за звание бригады коммунистического труда автозавода имени И. А. Лихачева

15 декабря 1958 г.

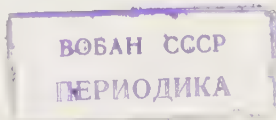
№ 11

Выступление А. В. Попкова — бригадира смены

Товарищи!

Наша смена состоит из 18 человек. Я работаю мастером в РМЦ[1] в отделении гидравлики. При обсуждении тезисов доклада т. Хрущева на XXI съезде партии мы приняли наши обязательства. У нас обязательства такие: повысить производительность труда к маю месяцу на 30 или 35%; быть примерными не только на производстве, но и в быту; повышать свой общеобразовательный и производственный уровень наших рабочих. Мы не говорим о тех обязательствах, над которыми мы работаем каждый день: повышать трудовую дисциплину, работать сплоченнее. Мы такие обязательства взяли потому, что если мы завоюем звание смены комму-

[1] Ремонтно-механический цех.

нистического труда, то в нашей смене производительность труда должна быть самой высокой.

Мы перешли на новый метод обработки деталей, т. е. пооперационно. Раньше мы обрабатывали деталь от начала до конца окончательной обработки. Мы к этому делу подключали 2—3 человека: один подрезает, другой обрабатывает предварительно, третий обрабатывает на более точном станке. Хорошо у нас работают тт. Огородин, Топорков, Егоров, Фадкин. Душа радуется, что дело идет на подъем. Сознательность рабочих при этом способе работы очень большая. Ответственность за качество повышается, меньше хождений по цеху.

Какую работу мы ведем в быту? Этот вопрос сложный и требует более внимательного отношения к нему со стороны всего коллектива. Возьму такой пример. У меня один токарь пришел в мае месяце; спустя месяц он нарушил трудовую дисциплину, — мы его на группе обсуждали. Выступает мастер, докладывает, что Рассохин запоздал на 3 минуты; выступает профгруппорг, партгруппорг, поддерживают комсомольцы и на этом дело заканчивается, выносим выговор или общественное порицание и все. Сейчас этого не стало. Сейчас мастер доложит, что такой-то товарищ нарушил трудовую дисциплину. Так было с Рассохиным, он ушел с работы раньше времени. На следующий день мы собрали группу. Мастер доложил, — я собрал всю группу, — и в этот день выступило 13 человек, — я не видел такой активности нашего коллектива никогда. Это очень хорошо.

Мы Рассохина хотели исключить из нашей бригады. Но некоторые товарищи говорят, что нужно съездить и поговорить, как он ведет себя в быту. Приехали к нему домой; он дома ведет себя хуже, чем на производстве. Отца не слушается, отец пьет, сам находился 7 лет в детском доме. Мы взялись за него. Сейчас он идет вперед, выполняет норму на 225%, вот что значит, что за воспитание человека взялся коллектив.

Я думаю, что мы и в дальнейшем на этом будем строить свою воспитательную работу. Мы обязались выделить людей, которые бы объездили каждого рабочего, побывали в его быту, как ведет себя каждый на производстве, с кем он дружит, как время проводит. Ведь т. Рассохин не бросал учебы, и мы из него сделаем настоящего производственника и хорошего человека нашего времени.

Как мы проводим отдых. Вчера был выходной день, мы ездили всей бригадой на лыжную прогулку, совместно с группой мастера Курлатова с 10 часов до 9 час. вечера. Ребята говорят, что отдохнули хорошо. Мы такие вылазки будем делать чаще. Нужно, чтобы все товарищи знали, чем человек дышит; это более тесно спаяет коллектив.

В отношении учебы. Из 18 человек учится 9 человек в школе рабочей молодежи, в институтах, в техникумах. Но это для нас мало, мы обязались все повышать свои знания, и с нового учебного года изъявили желание учиться еще три человека.

У нас сейчас проводится обмен опытом; мы подключили кадровиков к молодежи, они передают опыт прямо на рабочем месте. Я веду запись по качеству продукции и выработке; выработка повышается с каждым днем, товарищи передают друг другу опыт. У нас все идет добровольно, сознательно.

У нас раньше было не все в порядке с качеством. Брака хотя и мало, но доделок было много. Сейчас на доделку идут отдельные единицы деталей. Работать стали более внимательно. Надо отдать справедливость тому, что нам оказывает помощь администрация цеха в хорошем слове. Треугольник созвал всю нашу группу, мы выложили наши требования, дали правильное направление, и нам помогают конструктора и технологи; они дают нам хорошее направление в работе. Заслушали на партгруппе наше

отделение. Нам кадровые рабочие подсказывают, как нам вести дело. Мы рады советам.

Мы думаем, что наша группа завоюет звание группы коммунистического труда, несмотря на то, что группа большая и придется приложить немало труда, но нам надо помочь. Мы имеем большой брак по гидронасосам; литье нам подают очень плохое, но литейщики со своей стороны говорят, что им дают металл не такой, какой нужно. А мы, если нам дают заказ на болты, то мы стараемся найти металл не со склада, но бывают такие работы, как золотники, и эти золотники надо сделать 18 мм, а нам заготовку дают 32 мм, эти 16 мм мы гоним в стружку. Мы пошли к Завалову, оказывается и материальный [illegible] Раскина не подает материал как 12ХН3, 18ХГТ; этот металл отсутствует, а нам подают 32 мм, и мы из него должны вытачивать такой маленький диаметр. Это больной вопрос, у нас производство мелкое, точное, а материала соответствующего нет.

Я к докладу не готовился, я просто рассказал, как мы работаем, как живем, может быть, я сказал недостаточно хорошо, но работать мы начали хорошо.

Музей революции СССР, № 32659/2, Д 211—4БЖ.— Стенограмма.

№ 12

Выступление бригадира бригады прессового корпуса Н. Г. Мячина

С августа месяца этого года, с 40-летия комсомола, в прессовом корпусе была создана комсомольско-молодежная бригада. Я был в отпуске, коллектив организовал бригаду и во главе поставил меня. Я пришел, почувствовал всю ответственность, доверие коллектива и приходится работать ответственно и много сил затрачивать. Перед бригадой поставлена благородная задача — в кратчайший срок оснастить прессы защитными приспособлениями. Хотя работа новая, никто с этим не знаком, кадры как конструкторов, так и слесарей молодые, но нас эти трудности не страшат; мы совместно с конструкторами эту задачу решим. Помимо защитных устройств, мы требуем изготовления ряда приспособлений, направленных на производительность труда и на облегчение трудоемких процессов.

После опубликования тезисов доклада тов. Хрущева к XXI съезду партии о развитии народного хозяйства нашей страны, о поднятии благосостояния трудящихся наш коллектив одобрил эти тезисы и откликнулся на почин инициаторов о создании бригад, борющихся за звание бригад коммунистического труда. Мы выявили наши возможности, взяли повышенные соцобязательства и приложим все силы, чтобы выполнить эти обязательства. Коллектив, в основном, молодежный; самый старший в коллективе это я, остальные только что окончили десятилетку, некоторые пришли из армии. Из 12 человек половина учится: двое — в институте, двое готовятся в техникум. Некоторые товарищи не имеют большого разряда, учатся по повышению квалификации. Коллектив, хотя и молодой,— дружный; группа нарушений не делает, но молодежь иногда пошалить любит. Если кому что непонятно, мы показываем, но если нарушают дисциплину, то поправляем. Задачи перед коллективом большие, у нас есть отдельные недостатки, которые мы устраним. Начальник цеха отзывается на помощь. Но есть вопросы, которые не может решить администрация корпуса. Раз мы делаем приспособления к прессам, нам надо прессы, но нам их дают только в воскресенье. Мы понимаем, что мы программу подрывать не должны, но нам надо давать прессы в рабочее время, тогда и качество будет лучше.

Нам хотелось бы, чтобы учли недостатки и сделали все, чтобы мы давали качественную продукцию и много. Просим дать задел конструкторских

чертежей на месяц, а то мы хватаем чертежи, еще не будучи скооперированными, в металле потом трудно исправлять недостатки. Если бы были чертежи с месячным заделом, то мы больше продукции дали.

Наши обязательства: выполнить план, дать сверх плана приспособление. Но мы видим, что с помощью руководства мы сможем дать больше. Мы взяли повышенные обязательства — дать сверх плана 3 приспособления, повышать свои знания политические, производственные и общеобразовательные; быть образцом в производстве и быту. У некоторых была неуверенность, но сейчас мы видим, что возможности есть при помощи администрации.

Музей революции СССР, № 32659/2, Д 211—4БЖ.— Стенограмма.

№ 13

Постановление комитета ВЛКСМ Череповецкого металлургического завода

16 декабря 1958 г.

Слушали: Вопрос о присвоении звания бригад коммунистического труда комсомольско-молодежным коллективам, включившимся в соревнование за звание бригад коммунистического труда.

Постановили: Учитывая, что комсомольско-молодежные коллективы Николая Андросова — аглофабрика, Сергея Слободник — коксохимцех, включившиеся в соревнование за звание бригад коммунистического труда, успешно выполняют принятые коммунистические обязательства, завоевали за ноябрь месяц по производственным показателям первенство среди комсомольско-молодежных коллективов завода, активно участвуют в общественной жизни цеха и завода, присвоить им звание бригад коммунистического труда.

Секретарь комитета ВЛКСМ ЧМЗ Соколов

Музей революции СССР, № 32690/2, Д 211—4БЖ.— Подлинник.

№ 14

Постановление партийного комитета завода имени Свердлова о ходе соревнования за почетное звание бригад коммунистического труда в цехах и отделах завода

18 декабря 1958 г.

Заслушав и обсудив сообщения тт. Крошки, Григоровича, Бесчастного и Григорьева, партийный комитет отмечает, что возникшая в ходе подготовки в XXI съезду партии новая более высокая форма социалистического соревнования, как соревнование за почетное звание бригад коммунистического труда, нашла своих последователей в цехах и отделах завода. Партком полностью одобряет инициативу тт. Крошки, Григоровича, Бесчастного, Григорьева и рабочих их бригад, которые первыми на заводе вступили в соревнование за это почетное право.

Вместе с тем партийный комитет отмечает, что партийные, профсоюзные и хозяйственные руководители ряда цехов и отделов мало еще уделяют внимания широкому распространению этого патриотического начинания, не проявляют должной заботы о создании условий для успешной работы бригад, уже вступивших в это соревнование, еще слабо проводят разъяснительную работу о большом значении бригад, участков и цехов коммуни-

стического труда в деле успешного осуществления нового семилетнего плана.

Партком постановляет:

1. Обязать партийные, профсоюзные, комсомольские организации и хозяйственных руководителей цехов и отделов усилить массовую политическую работу по широкому развертыванию соревнований за создание бригад, производственных участков и цехов коммунистического труда. Причем, не допускать в этом важном деле излишней поспешности и огульного зачисления в эти бригады подряд всех желающих рабочих.

2. Считать недопустимым, что на слесарном участке цеха № 8, где работает бригада т. Крошки, помещение захламлено и в нем не производится уборка. Обязать т. Серякова в течение декабря с. г. привести в порядок помещение участка и цеха, регулярно проводить уборку.

Начальникам цехов: № 2— т. Пестунову, № 4— т. Шаблаеву и цеха № 8— т. Серякову, а также секретарям партбюро тт. Корсакову, Клементьеву, Костенко и культпропу парткома т. Кручилину организовать на рабочих местах бригад, борющихся за почетное звание бригад коммунистического труда, соответствующую наглядную агитацию и показатели их работы.

3. Обязать начальников цехов тт. Пестунова, Шаблаева, Озомина, Серякова и начальника ПДО [1] т. Межерицкого в десятидневный срок разработать и провести мероприятия по созданию всех условий для улучшения работы бригад и участков коммунистического труда.

4. Предложить завкому т. Соколову П. А. и комитету ВЛКСМ т. Токареву Р. В. обсудить в ближайшие дни на заседаниях завкома и комитета ВЛКСМ вопрос о дальнейшем развертывании соревнования за почетное звание бригад и участков коммунистического труда, систематически проводить всестороннее и глубокое изучение условий труда и быта участников этого соревнования, оказывая им в этом всемерную помощь.

5. Редакторам заводской газеты т. Марешину, радиовещания т. Колесову и БТИ [2] т. Копосову еще шире и глубже рассказывать в газете, по радио и путем бесед о работе и жизни передовых людей и бригад, вступивших в соревнование за почетное звание бригад коммунистического труда.

Секретарь парткома завода им. Свердлова В. Киселев

Музей революции СССР, № 32691/6, Д 211—4БЖ.— Копия.

№ 15

Коммунистические обязательства бригады В. И. Гагановой

Декабрь 1958 г.

Поддерживая почин купавинских текстильщиков о создании бригад, соревнующихся за звание «Бригада коммунистического труда», мы, члены бригады планочницы II смены 1-го прядильного цеха Гагановой В. И., поддерживаем этот почин и всем коллективом бригады берем на себя следующие обязательства:

1. К 1965 г. получить всем среднее или среднетехническое образование в школе рабочей молодежи и техникуме.

2. Закончить семилетнее задание бригадой за 6 лет.

3. К концу 1959 г. добиться бригадой выполнения 8-часового задания за 7 часов.

4. К концу 1965 г. достигнуть производительности по утку № 34—900 килономеров на 1000 веретен в час.

---

[1] Производственно-диспетчерский отдел.

[2] Бюро технической информации.

5. Вырабатывать пряжу, только пригодную для ткачества.

6. До конца 1965 г. ежегодно каждому члену бригады отработать по 10 часов на строительстве жилого дома.

7. Превратить бригаду в образцовую бригаду — бригаду коммунистического труда с высокой производственной культурой и дисциплиной.

Бригадир — планочница бригады 1-го цеха Г а г а н о в а

Музей революции СССР, № 33054/16, Д—24.— Подлинник.

№ 16

Социалистические обязательства бригады забойщиков шахты № 2 «Северная» треста «Краснодонуголь» Героя Социалистического Труда Н. Я. Мамая

Декабрь 1958 г.

Бригада взяла на себя обязательства:

1. В подарок XXI съезду КПСС добыть 11 500 т. угля сверх плана.

2. В 1959 г. — первом году семилетки — ежемесячно выдавать на гора по 2,5 т. топлива сверх нормы на каждого члена бригады.

3. Снизить плановую себестоимость каждой добытой тонны топлива на 1 руб. 50 коп.

4. Систематически повышать свой идейно-политический уровень в школе политпросвещения.

5. В новом учебном году всей бригадой учиться в школе рабочей молодежи для получения общеобразовательных знаний. Быть примером в быту, труде; показывать образцы поведения в общественных местах, активно участвовать во всех проводимых общественных мероприятиях. Бороться с пережитками прошлого.

6. Все члены бригады обязуются в совершенстве овладеть техникой угольного производства.

Каждый из нас приложит все свои силы и умение к тому, чтобы оправдать звание бригады коммунистического труда, чтобы сократить сроки выполнения семилетнего плана и тем самым внести свой вклад в дело строительства коммунизма.

Музей революции СССР, № 32732/14, Д17Б — 4БЖ(211).— Копия.

№ 17

Выписка из протокола заседания цехового комитета прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината

13 января 1959 г.

П р и с у т с т в о в а л и: члены цехового комитета —12 человек, члены производственно-массовой комиссии цехкомитета, начальники цехов и другие — всего 42 человека.

П о в е с т к а д н я:

1. Подведение итогов социалистического соревнования за декабрь месяц 1959 г.

Докладывает зав. прядильной фабрикой Трабер И. Г., председатель цехкомитета — Ромкина В. Я.

П о с т а н о в и л и: Присвоить звание — бригада отличного качества и высокой призводительности с занесением на Доску Почета бригаде прядильщиц, руководимой бригадиром-планочницей В. И. Гагановой, выполнившей условия соревнования.

Председатель цехкомитета прядильной фабрики В. Р о м к и н а

Музей революции СССР, № 33054/17 в, Д—24.— Копия.

№ 18

Коммунистические обязательства бригад Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината Валентины Гагановой и Тамары Андреевой за досрочное выполнение плана первого года семилетки

Январь 1959 г.

Мы, члены бригады, инициаторы движения Валентины Гагановой и ее последователей Тамары Андреевой решили начать соревнование между нашими бригадами за досрочное выполнение плана первого года семилетки и приняли на себя следующие обязательства:

1. Закончить годовое задание обеим бригадам 25 октября и дать сверх плана 35 тонн пряжи каждой бригадой.

2. Встретить международный праздник 1 Мая с выполнением нормы выработки не ниже, чем на 120%, и дать сверх плана за 4 месяца по 11 т. пряжи каждой бригадой.

3. Добиться производительности оборудования в 1959 г. 850 к№№ [1] при КПВ [2] 0,95, а к 1 Мая 835 к№№ при КПВ—0,95.

4. Полностью ликвидировать неправильную подмотку, выработку брачных початков, не допускать II разбора более 3%.

5. Оказать товарищескую помощь следующим бригадам: бригада В. Гагановой — бригаде 1 смены Бровиной с таким расчетом, чтобы бригада имела такие же показатели, как и наша; бригада Тамары Андреевой — бригаде III смены т. Кирьяновой.

Гаганова
Андреева

Музей революции СССР, № 33054/52, Д-24.— Подлинник.

№ 19

Выписка из протокола заседания цехового комитета прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината

14 апреля 1959г.

Присутствовали: члены цехового комитета — 13 чел., члены производственно-массовой комиссии цехкома, начальники цехов, профгрупорги и другие — всего 49 человек.

Повестка дня:

1. Подведение итогов социалистического соревнования за март месяц 1959 г.

Докладывает заведующий прядильной фабрикой тов. Трабер И. Г., председатель цехового комитета фабрики Ромкина В. Я.

Постановили: 1. Присвоить звание — бригада отличного качества и высокой производительности оборудования бригаде прядильщиц, руководимой бригадиром-планочницей В. И. Гагановой, выполнившей условия соревнования.

2. Занести в Книгу Почета бригаду прядильщиц, руководимую В. И. Гагановой, выполнившую условия соревнования.

Председатель цехового комитета прядильной фабрики В. Ромкина

Музей революции СССР, № 33054/176, Д-24.— Копия.

---

[1] килономера.
[2] коэффициент полезного времени.

№ 20

Протокол общего собрания рабочих, инженерно-технических работников и служащих 1-го прядильного цеха прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината

27 апреля 1959 г.

Присутствовало 240 человек.

Президиум: тт. Смирнов А. В., Ромкина В. Я., Гавришева А. И., Трабер И. Г., Семнова Н. Г.

На собрании присутствовали представители из других цехов завода.

Повестка дня

1. О ценном почине бригадира 1-го прядильного цеха Валентины Гагановой.

Слушали: тов. Смирнова А. В.— начальника цеха и председателя цехкомитета тов. Ромкину В. Я. — о ценном почине Валентины Гагановой.

Выступили: Гавришева А. И. — бригадир 2-го прядильного цеха.

Товарищи! Я со своей стороны считаю, что Валентина Гаганова является инициатором хорошего начинания, результаты у нее есть, и хорошие; ее благородный поступок заслуживает внимания. Я поддерживаю предложение т. Смирнова о присвоении Валентине Гагановой звания «Ударник коммунистического труда» и считаю, что она его оправдает.

Смирнова (планочница 1-го цеха).

Товарищи! Я рада, что в нашем коллективе работают такие люди, как Валентина Гаганова: она за короткий срок вывела отстающую бригаду в передовые бригады цеха, и поддерживаю предложение о присвоении звания «Ударник коммунистического труда».

Семенова (прядильщица).

Я, как член бригады, в которую пришла работать Валя Гаганова, от души одобряю предложение о присвоении ей звания «Ударник коммунистического труда».

Трабер И. Г. (заведующий прядильной фабрикой).

Нам всем известно, что дело, которое начала т. Гаганова, приобрело большое значение, вышло за пределы нашей области, известно стало всей стране и за границей нашего Союза. Я считаю, что правильно сегодня выносится предложение о присвоении звания Валентине Гагановой «Ударник коммунистического труда», и я поддерживаю это решение.

Шибанова (съемщица).

Товарищи! Валя Гаганова, придя в нашу бригаду, много сделала хорошего для нас, мы всей бригадой стали выполнять технически обоснованные нормы, повысился заработок всех членов бригады, и наша бригада из отстающей стала передовой бригадой в цехе. От имени всей нашей бригады поддерживаю о присвоении звания «Ударник коммунистического труда» Валентине Гагановой.

Постановили: Заслушав и обсудив сообщение о почине бригадира-планочницы 1-го прядильного цеха Валентины Гагановой, общее собрание отмечает, что товарищ Гаганова внесла предложение перевестись из передовой бригады в бригаду отстающую. Перейдя в эту бригаду, т. Гаганова умело организовала труд всех членов бригады, обеспечила высокую дисциплину и отличный уход за машинами, в результате чего в короткий срок коллектив бригады сумел добиться резкого улучшения работы отстающей бригады. Производительность оборудования повысилась по срав-

нению с сентябрем месяцем 1958 г. на 10% и достигла в феврале месяце 1959 г. 817 к№№, а в марте 821 к№№.

Все члены бригады выполняют технически обоснованные нормы; резко повысилась заработная плата всех членов бригады; бригада занимает первенство в соревновании среди бригад фабрики. Инициатива т. Гагановой является глубоким пониманием общественного долга и коммунистического отношения к труду.

Собрание постановляет:

Присвоить звание «Ударник коммунистического труда» бригадиру 1-го прядильного цеха Гагановой Валентине Ивановне и просить фабком утвердить постановление данного собрания.

Председатель собрания В. Ромкина
Секретарь собрания М. Ларионова

Музей революции СССР, № 33054/12, Д-24.— Копия.

№ 21

Выписка из протокола заседания фабкома Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината

28 апреля 1959 г.

Присутствовали: члены фабкома: тт. Андреев, Ананьев, Большаков, Баранова, Ерофеев, Жданова, Зайцева, Коробейщиков, Ландихова, Михайлова, Ромкина, Тыщук, Тиунова, Дмитриев, Баранова А. Я.

Повестка дня:

1. Присвоение звания «Ударник коммунистического труда» планочнице т. Гагановой В. И.

Слушали: О присвоении звания «Ударник коммунистического труда» новатору прядильной фабрики т. Гагановой Валентине Ивановне.

Докладывает т. Ромкина В. Я.— председатель цехового комитета прядильной фабрики.

Постановили: В связи с тем, что бригада под руководством т. Гагановой В. И. добилась резкого улучшения показателей работы: производительность оборудования повысилась по сравнению с сентябрем месяцем 1958 г. на 10% и составила в феврале месяце 1959 г. 817 к№№, в марте — 821 к№№, при выполнении всеми членами бригады технически обоснованных норм, решение общего собрания 1-го прядильного цеха — утвердить.

За проявленную коммунистическую сознательность и глубокое понимание общественного долга присвоить т. Гагановой Валентине Ивановне — бригадиру-планочнице звание «Ударник коммунистического труда».

Председатель фабкома В. Тыщук
Секретарь Л. Гладкова

Музей революции СССР, № 33054/12, Д-24.— Копия.

№ 22

Письмо бригадира прядильщиц Московского хлопчатобумажного комбината имени Ф. Э. Дзержинского Трехгорная мануфактура Н. Максимочевой В. И. Гагановой с предложением организовать соревнование бригад

Май 1959 г.

Дорогая Валентина Гаганова!

Мы, прядильщицы «Трехгорки», с большой радостью узнали о Вашем патриотическом начинании, которое поможет отстающим коллективам выйти в число передовых и успешно претворить в жизнь задания семилетки.

Стремясь быстрее осуществить исторические решения XXI съезда, коллектив нашей бригады недавно обратился к товарищам по работе с призывом развернуть соревнование за достижение высшей производительности труда на каждом виде оборудования. Наше начинание было одобрено Краснопресненским РК КПСС столицы, Мосгорсовнархозом, горкомом профсоюза; широко поддержано на предприятиях столицы.

Выполняя свои обязательства, наша бригада почти на 70% повысила производительность своего труда. Этого нам удалось добиться путем лучшей организации труда, перехода на обслуживание 1600 веретен вместо 1280, успешного освоения новой техники. Наша бригада с честью выполнила предмайское обязательство, дала сверх плана много высокосортной пряжи.

С большим удовольствием встретив сооообщение о созыве Пленума ЦК КПСС, мы решили трудиться еще лучше, еще продуктивнее; взяли обязательство досрочно выполнить задание первого полугодия. Мы решили также вызвать на соревнование Вашу бригаду. Давайте соревноваться, дорогие друзья! Будем вместе добиваться новых успехов в труде на благо любимой родины, во имя коммунизма.

Бригадир прядильщиц Н. Максимочева

Музей революции СССР, № 33054/136, Д-24.— Копия.

№ 23

Письмо бригады Валентины Гагановой бригаде прядильщиц Трехгорной мануфактуры

Май 1959 г.

Дорогие товарищи по труду, члены бригады Н. Максимочевой!

Мы получили ваш вызов на социалистическое соревнование.

Успехи вашей бригады нас радуют и стремление каждой прядильщицы работать еще лучше нам близко и понятно.

Стараясь достойно ответить на исторические решения XXI съезда родной партии, внести свой вклад в общее дело, мы тоже боремся сегодня за высшую производительность труда и оборудования.

Ранее отстававшая бригада под руководством Валентины Гагановой вышла в передовые и добилась роста производительности труда на 12 процентов. Но это — не предел. Мы сегодня ставим перед собой новые задачи.

Принимая ваш вызов на соревнование, идя навстречу июньскому Пленуму ЦК КПСС, мы берем на себя следующие обязательства:

1. Полугодовое задание 1959 г. закончить 6 июня 1959 г. и дать сверх задания 14 т утка № 34.

2. Выполнить план 1959 г. 13 ноября 1959 г. и выработать сверх задания 29,5 т пряжи.

3. Добиться производительности машин в первом полугодии 820 к№№ на 1000 вер/час, а в конце года 830 к№№ на 1000 вер/час.

4. Довести КПВ машин на бригаде до 0,95 против 0,93 по плану.

5. Ежемесячно выполнять технически обоснованные нормы всеми прядильщицами.

6. Вырабатывать пряжу только пригодную для ткачества и не допускать наработки 2-го разбора более 3%.

7. Активно принимать участие во всенародной стройке, отработать на строительстве жилого фонда каждому члену бригады не менее 10 час.

8. Соревнуясь за звание «бригада коммунистического труда», мы обязуемся постоянно повышать свой культурный уровень, воспитывать в себе высокое качество человека коммунистического общества, в новом учебном году всем пойти в школу рабочей молодежи с тем, чтобы в ближайшие годы получить среднее или среднетехническое образование.

Наша бригада состоит из 10 уточных прядильных машин системы «Таштекстильмаш», заправленные утком № 34 из ровницы № 2,2 (пряжа вырабатывается из низких сортов хлопка).

В бригаде работают 5 прядильщиц (обслуживают 832 веретена против нормы обслуживания 680 веретен) и 6 съемщиц, загрузка которых составляет 595 веретено-съемов на одну съемщицу.

Просим выслать ваши обязательства к июньскому Пленуму с подробным описанием условий работы вашего участка.

Бригадир В. Г а г а н о в а

Члены бригады: Ш и б а л о в а, Е ф и м о в а, И в а н о в а, М е д в е д о в а, С е м е н о в а, П а н к о в а, К л у м е н о в а, Л ь в о в а

Музей революции СССР, № 33054/13а, Д-24.— Подлинник.

№ 24

Письмо мастера заготовительного участка Истьинского машиностроительного завода Бориса Зубарева Валентине Гагановой

8 июля 1959 г.

Узнав о Вашем патриотическом почине, о переходе из хорошо работающей бригады в отстающую бригаду и проведя там соответствующую организационную работу, Вы вывели и отстающую бригаду тоже в передовую, меня как руководителя заготовительного участка Истьинского машиностроительного завода (Рязанского совнархоза) это сильно заинтересовало и влило в меня много энергии для лучшей организации работы своего участка, ибо я знаю, Ваша инициатива сослужит большую службу нашему народу для быстрейшего построения коммунизма в нашей стране.

Сейчас мой участок выполняет ежемесячно план от 108 до 110%. Теперь в ответ на Ваш почин я беру обязательство выполнять ежемесячно план от 110 до 115% и имею большое желание с Вами соревноваться.

Надеюсь, Вы тоже не будете против соревноваться со мной и на это мое письмо дадите ответ.

От души желаю Вам успеха в благородном деле, которое Вы начали.

С приветом Борис Зубарев

п/отд. Истье, Рязанской обл., Истьинский машиностроительный завод, мастер заготовительного участка.

Музей революции СССР, № 33054/57-е, Д-24.— Подлинник.

№ 25

Телеграмма комитета чехословацких женщин Валентине Гагановой

11 июля 1959 г.

Дорогая товарищ Гаганова!

От имени чехословацких женщин искренне поздравляю Вас с высокой наградой, которую Вы получили за свои трудовые заслуги на благо советского народа, построение коммунизма в Вашей стране. Чехословацкие женщины смотрят на Вас, как на пример для себя. Мы уверены, что, как и в СССР, у нас найдутся свои последователи.

Мы от всего сердца желаем Вам много успехов в дальнейшей работе, доброго здоровья, благополучия.

За комитет чехословацких женщин

Председатель Годинова
Спурна

Музей революции СССР, № 33054/57-а, Д-24.— Подлинник.

№ 26

Выписка из протокола заседания цехового комитета прядильной фабрики Вышневолоцкого хлопчатобумажного комбината

13 июля 1959 г.

Присутствовали: члены цехкомитета — 14 человек. Члены производственно-массовой комиссии, начальники цехов, мастера смен, профгруппорги, всего — 58 человек.

Повестка дня:

1. Подведение итогов социалистического соревнования за июнь месяц 1959 г.

Докладывают заместитель заведующего фабрикой Полянская Т. Ф., председатель цехового комитета Ромкина В. Я.

Постановили: Бригаде прядильщиц, руководимой В. И. Гагановой, выполнившей условие соревнования, присвоить звание — бригада отличного качества и высокой производительности оборудования с занесением на Доску Почета.

Председатель цехового комитета прядильной фабрики
В. Ромкина

Музей революции СССР, № 33054/17-а, Д-24.— Копия.

№ 27

Письмо дважды Героя Социалистического Труда электросварщика Алексея Улесова Герою Социалистического Труда В. И. Гагановой

Июль 1959 г.

Уважаемая Валентина!

От всего сердца рад поздравить Вас с присвоением высокого звания Героя Социалистического Труда. Мы, строители Волжской гидроэлектростанции, как и все люди советской страны, восхищаемся Вашим подвигом. Ваш пример, уважаемая Валентина Ивановна, вдохновил многих рабочих и инженеров нашей страны. У нас, на берегу Волги, там, где еще недавно была сооружена самая крупная в мире гидроэлектростанция, сейчас строятся десятки новых заводов и фабрик. Древняя земля у Жигулей превращается в один из промышленных районов Среднего Поволжья. И у нас есть много Ваших последователей.

Ваш самоотверженный пример беззаветного служения интересам советского общества будет всегда вдохновлять тружеников нашего государства. Действительно, это замечательно, что Вы добровольно перешли из передовой бригады, с более высокой оплатой труда, в отстающую и подняли ее до уровня передовых. Это подлинно коммунистическое отношение к труду. Думаю, что теперь везде и всюду лучшие передовые рабочие перейдут в отстающие бригады для того, чтобы у нас в стране не было ни одной отстающей бригады, ни одного человека, не выполняющего план.

Примите мои поздравления в связи с присвоением Вам звания Героя Социалистического Труда. Желаю Вам новых успехов в работе и личного счастья.

Алексей Улесов
дважды Герой Социалистического Труда
электросварщик

Ставрополь-на-Волге, Куйбышевской обл., Порт-город, ул. Волжская,17.

Музей революции СССР, № 33054/58 д, Д-24.— Подлинник.

МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛ В ГОДЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. явилась суровым испытанием силы и жизненности советского общественного и государственного строя, всесторонней проверкой морально-политических качеств нашего народа.

Под руководством Коммунистической партии страна с первых дней войны превратилась в единый боевой лагерь. Призыв нашей партии — все для фронта, все для победы — стал законом жизни всех советских людей. Труженики тыла, преодолевая огромные трудности и лишения, помогли Красной Армии сокрушающими ударами изгнать фашистских захватчиков с советской земли, разгромить фашистских варваров в их логове.

Вместе со всем советским народом комсомольцы и молодежь страны отдавали все свои силы, всю страсть своей молодости борьбе с врагом.

Важное место во всенародной борьбе за свободу и независимость Родины принадлежит молодым патриотам Москвы и Подмосковья. Деятельности комсомольцев Москвы в годы войны и посвящена данная публикация. Московская организация ВЛКСМ успешно справилась с задачами, поставленными перед ней войной, была верным помощником партии в разгроме фашистских оккупантов; боевыми и трудовыми подвигами она вписала новую яркую страницу в славную историю комсомола.

Более полумиллиона московских комсомольцев сражались на фронте и в партизанских отрядах. Десятки тысяч из них за доблесть и мужество в борьбе с врагом отмечены орденами, а 490 удостоены звания Героя Советского Союза. Бессмертные подвиги Зои Космодемьянской, Наташи Ковшовой, Марии Поливановой, Виктора Талалихина, комсомольцев, повешенных в Волоколамске, и многих других воспитанников Московской комсомольской организации навсегда сохранились в памяти советских людей.

Когда враг, устилая трупами своих солдат землю Подмосковья, бешено рвался к столице, свыше двухсот тысяч молодых патриотов работали на строительстве оборонительных рубежей на подступах к городу, самоотверженно отражали налеты авиации противника.

Публикуемые документы показывают, что в годы войны вся работа Московской комсомольской организации была подчинена интересам фронта. Особое внимание она уделяла военному обучению молодежи, подготовке для Красной Армии пулеметчиков, минометчиков, автоматчиков, снайперов, истребителей танков, лыжников, медсестер и т. д. (см. док. № 1). Проявляя заботу о Красной Армии, комсомольцы и молодежь Москвы и области внесли 25 млн. руб. в фонд вооружения армии, направили на фронт эшелоны с подарками, собрали 35 млн. руб. для детей фронтовиков (см. док. № 7).

Комсомольцы и молодежь Москвы и городов области, руководимые и направляемые Московской партийной организацией, сыграли громадную роль в обеспечении Красной Армии вооружением и боеприпасами.

Документы рассказывают о трудовых подвигах молодых москвичей в годы Великой Отечественной войны. Многие юноши и девушки стали к станкам, заменив ушедших на фронт, овладели производственными специальностями и не покладая рук трудились над выпуском военной продукции. Они широко развернули социалистическое соревнование молодежных бригад, явились инициаторами новых начинаний, имевших большое значение в успешном выполнении фронтовых заказов (см. док. №№ 3—5). Комсомольцы и молодежь принимали деятельное участие в восстановлении эвакуированных предприятий, строительстве третьей очереди метро, восстановлении шахт Московского угольного бассейна, в заготовке и снабжении столицы топливом, в сборе металлолома, они оказывали существенную помощь сельским районам Подмосковья, пострадавшим от фашистской оккупации (см. док. № 7).

Достойный вклад во всенародную борьбу с врагом внесли и молодые труженики колхозов и совхозов Московской области. Молодежные звенья и бригады сыграли большую роль в борьбе за урожай, в увеличении сельскохозяйственного производства, в обеспечении продовольствием армии и населения. За успешную работу сельских комсомольцев и молодежи Московской организации ВЛКСМ неоднократно присуждалось переходящее Красное знамя Центрального Комитета ВЛКСМ и Министерства земледелия СССР (см. док. № 7).

В годы тяжелых военных испытаний Московская организация ВЛКСМ с честью выполнила свой долг перед Родиной. За героизм, проявленный в годы Великой Отечественной войны, и активное участие в социалистическом строительстве комсомольская организация гор. Москвы в 1948 г. была награждена орденом Красного Знамени.

Публикуемые документы хранятся в архиве МК и МГК КПСС, в фондах МК КПСС (ф. 3), МК ВЛКСМ (ф. 634) и МГК ВЛКСМ (ф. 635).

Г. В. Юдин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГПЗ — Государственный подшипниковый завод.
МАРЗ-I — I Московский авторемонтный завод.
СВАРЗ — Сокольнический вагоноремонтный завод.
Связь СЦБ — Связь сигнализации, централизации и блокировки.
ЦНИИТМАШ — Центральный научно исследовательский институт тяжелого машиностроения.

№ 1

Постановление объединенного заседания бюро МК и МГК ВЛКСМ о мероприятиях по военной работе в комсомоле

24 июня 1941 г.

В связи с вероломным, разбойничьим нападением германских фашистов на нашу страну МК и МГК ВЛКСМ требуют от всех комсомольских организаций удесятеренной бдительности, сплоченности, дисциплины, организованности.

МК и МГК ВЛКСМ требуют, чтобы каждый комсомолец на своем посту работал так, как достойно для советского патриота, помогал бы обеспечить

нашу Красную Армию, Военно-Морской Флот всем необходимым для победы над врагом до полного его уничтожения. МК и МГК ВЛКСМ требуют, чтобы каждый комсомолец был готов с оружием в руках биться против нападающего, зазнавшегося врага за родину, за честь, за свободу.

Каждая комсомольская организация должна иметь своих стрелков, парашютистов, пулеметчиков, автоводителей, шоферов, санитаров, радистов, пожарников, бойцов противовоздушной обороны и т. д. на основании решения ЦК ВЛКСМ о мероприятиях по военной работе в комсомоле от 23/VI—1941 г.

Объединенное бюро МК и МГК ВЛКСМ постановляет:

1. Ввести обязательную военную подготовку комсомольцев и комсомолок. Обязать горкомы, райкомы комсомола и первичные комсомольские организации совместно с организациями Осоавиахима немедленно приступить к организации:

а) обучения комсомольцев, не призванных в армию и способных носить оружие, в учебных подразделениях Осоавиахима по подготовке ворошиловских стрелков и всадников, пулеметчиков, снайперов, радистов, планеристов, парашютистов, автоводителей, мотоциклистов;

б) обучения комсомольцев, освобожденных от строевой службы, и комсомолок в отрядах ПВХО Осоавиахима.

2. Создать при райкомах, горкомах комсомольские бригады в помощь органам милиции по охране социалистической собственности, наблюдению за порядком на улицах, выполнению населением правил светомаскировки и противопожарной охраны.

3. Обязать комсомольские организации совместно с обществом Красного креста немедленно приступить к организации санитарных постов на всех предприятиях, в учреждениях, на вокзалах, пристанях, в совхозах, колхозах, школах, крупных жилых домах и бомбоубежищах из числа комсомолок и комсомольцев-значкистов ГСО.

4. Обязать райкомы, горкомы комсомола совместно с обществом Красного креста провести набор на курсы медицинских сестер: 4290 девушек-комсомолок, имеющих образование не ниже семи классов средней школы и 3200 девушек-комсомолок, имеющих образование не ниже четырех классов в учебные санитарные дружины. Наборы полностью закончить к 10/VII—1941 г.

5. Установить, что занятия комсомольцев и комсомолок в учебных подразделениях, отрядах ПВХО, в школах медсестер, [на] курсах сандружин должны проводиться не менее трех раз в неделю.

6. Оказать помощь обществу Красного креста в организации школьных санитарных дружин из девушек-учащихся 9-х и 10-х классов во всех средних школах.

7. Обязать комсомольские организации оказать практическую помощь Осоавиахиму в создании групп самозащиты при каждом домоуправлении.

8. Обязать комсомольские организации принять активное участие в создании групп доноров при каждом госпитале, широко пропагандируя это движение среди молодежи.

9. Обязать горкомы, райкомы комсомола оказать помощь Осоавиахиму, физкультурным организациям, обществу Красного креста в укреплении комсомольскими кадрами руководящих органов в этих организациях и командно-инструкторского состава учебных подразделений, школ и курсов, особенно за счет комсомолок, имеющих соответствующую специальную подготовку.

10. Предложить РК, ГК ВЛКСМ укрепить существующие первичные осоавиахимовские организации и создать новые там, где их нет.

Считать необходимым для каждого комсомольца и комсомолки вступление в члены Осоавиахима и активной работы в нем.

11. Обязать всех секретарей ГК, РК ВЛКСМ немедленно довести настоящее решение до всех руководителей первичных комсомольских организаций.

12. Ответственность за выполнение настоящего решения и регулярную информацию МК и МГК ВЛКСМ возложить на секретарей ГК, РК ВЛКСМ и председателей военно-физкультурных комиссий.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 634, оп. 3, д. 577, лл. 4—5.— Подлинник.

№ 2

Постановление объединенного заседания бюро МК и МГК ВЛКСМ о работе комсомольских организаций по распространению движения двухсотников среди комсомольцев и молодежи

15 августа 1941 г.

В целях широкого распространения движения двухсотников среди комсомольцев и всей молодежи бюро МК и МГК ВЛКСМ постановляет:

1. Обязать ГК, РК ВЛКСМ возглавить и широко распространить движение двухсотников на фабриках, заводах, совхозах, МТС и колхозах, добиваясь того, чтобы все комсомольцы и несоюзная молодежь вырабатывали не менее двух производственных норм.

2. Предложить ГК, РК ВЛКСМ, комитетам ВЛКСМ фабрик, заводов, комсомольским организациям совхозов, МТС, колхозов совместно с инженерно-техническими работниками организовать помощь новым рабочим в быстрейшем освоении профессий путем проведения индивидуальной учебы, передачи опыта двухсотников, добиваться повседневного роста числа двухсотников среди комсомольцев и всей молодежи.

3. Обратить внимание ГК, РК ВЛКСМ на широкое развертывание изобретательства и рационализаторства среди комсомольцев и молодежи как серьезный источник увеличения производительности труда.

4. Обязать редакцию газеты «Московский комсомолец» повседневно освещать движение двухсотников, широко популяризировать лучшие комсомольские организации, добившиеся наилучших показателей в распространении движения двухсотников.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 634, оп. 3, д. 577, л. 35.— Подлинник.

№ 3

Постановление бюро МК ВЛКСМ об итогах предоктябрьского соревнования комсомольско-молодежных бригад Москвы

14 ноября 1942 г.

Бюро МГК ВЛКСМ отмечает, что развернувшееся предоктябрьское соревнование комсомольско-молодежных бригад способствовало повышению производственных показателей комсомольцев и молодежи.

В соревновании участвовало 2095 комсомольско-молодежных бригад с охватом 22 097 человек, причем в период предоктябрьского социалистического соревнования организовано вновь 1102 бригады.

Большинство комсомольско-молодежных бригад выполнило условия городского социалистического соревнования, и за лучшие показатели 987 из них присуждено звание фронтовых. За октябрь месяц силами комсомольско-молодежных бригад и квалифицированных комсомольцев обучено около 4000 молодых рабочих.

Лучших результатов в организации социалистического соревнования бригад добились Ленинский, Краснопресненский, Дзержинский, Сталинский райкомы ВЛКСМ. В Ленинском РК ВЛКСМ (секретарь т. Ошеверов) принимало участие в городском соревновании 164 бригады, из них 61 бригада создана в октябре. Райком оказывал повседневную практическую помощь комсомольским организациям в руководстве работой бригад; вел строгий учет их показателей; изучал опыт работы лучших из них и распространял его среди всех организаций; практиковал совещания бригадиров в порядке обмена опытом. Хорошо организовали руководство социалистическим соревнованием комсомольские организации Электролампового завода, ГПЗ-1, Электродепо Ярославской железной дороги, завода «Станкоконструкция», комбината Трехгорной мануфактуры.

Лучших показателей в итогах городского социалистического соревнования по металлообрабатывающей промышленности добилась комсомольско-молодежная фронтовая бригада токарей-универсалов т. Слепушкина завода «Станкоконструкция» (секретарь комитета ВЛКСМ т. Коровкин), которая выполнила производственный план октября месяца на 335% при отличном качестве продукции, повысила производительность труда по сравнению с сентябрем месяцем на 15%, обучила силами квалифицированных членов бригады 11 человек молодых рабочих, внесла два рационализаторских предложения. Наиболее высоких показателей в соревновании комсомольско-молодежных бригад железнодорожного транспорта добились бригады комсомольско-молодежного паровоза № СУМ 217-53 машинисты тт. Троицкий и Леон, депо Москва-Ленинская, которые достигли межпромывочного пробега 25 000 *км* вместо 8000 *км*, предусмотренных нормой, причем после пробега 25 000 *км* паровоз встал на промывку без единого пункта записи ремонта, с экономией топлива 17 502 *кг*; обучили трех помощников машинистов. Весь текущий ремонт бригада производит своими силами.

Лучших показателей в итоге соревнования по текстильной и легкой промышленности добилась комсомольско-молодежная бригада ватерщиц т. Милюковой комбината Трехгорной мануфактуры (секретарь комитета т. Байтин), которая, изменив маршрут обхода машин, выполнила план на 125,4%, дав за счет экономии сверх плана 1895,2 *кг* пряжи, из которой можно изготовить 19 692 *м* ткани. Обучили пять человек молодых рабочих, подняли производительность труда на 22,5%.

Хороших результатов добилась также бригада токарей т. Финогина, завод «Борец» (секретарь т. Заикина), бригада слесарей т. Манн (секретарь комитета ВЛКСМ т. Сорокина); бригада слесарей Обрезкова ГПЗ-1 (секретарь комитета т. Беляев), бригада токарей т. Захаренко (секретарь комитета ВЛКСМ т. Матюхина); комплексная бригада т. Шеврашова (секретарь комитета т. Климанов); бригада завертщиц т. Крысановой фабрики «Красный Октябрь» (секретарь комитета т. Колчанова); бригада слесарей т. Иванова завода «Водоприбор» (секретарь комитета т. Стратанович); бригада столяров-кузовников т. Замятина завода им. Войтовича (секретарь комитета ВЛКСМ т. Любомиров); бригада термометристов т. Костюхиной (секретарь комитета Бутушина); бригада монтажниц т. Замазкиной Электролампового завода (секретарь т. Шпицер); бригада клейщиц т. Фоминой завода «Каучук» (секретарь комитета т. Грузинов); бригада токарей т. Бахмутовой (секретарь комитета т. Широкова); бригада модельщиков

т. Прозоровой (секретарь комитета т. Коровкин); бригада телеграфистов т. Жуковой, Центральный телеграф (секретарь комитета т. Родионова); бригада комсомольско-молодежного паровоза № 200-87 Савеловского отд[еления], машинисты тт. Доронин и Коваленков; бригада токарей Соколова (секретарь комитета т. Боназундо); бригада проводников Буланова Ленинской железной дороги (секретарь т. Рябова); бригада паровоза № 736-05, старший машинист т. Маслов (Окружная железная дорога); комплексная бригада т. Михалиной, Метрополитен (секретарь т. Сташевский); бригада т. Полякова связи СЦБ (секретарь комитета узла т. Тузиков): бригада швей-мотористок т. Саватиной фабрики «Красная швея» (секретарь т. Лучкова); бригада швейников т. Смирновой фабрики «Москвошвей № 5» (секретарь комитета т. Соловьева); бригада путейцев т. Клочковой Окружной железной дороги (секретарь узлового комитета т. Казьмина); бригада слесарей-сборщиков Шашинова (секретарь комитета т. Селищина); бригада слесарей-инструментальщиков т. Силиной, ЗИС (секретарь комитета комсомола т. Морозова); бригада слесарей мастера т. Широкогорова, Электродепо Ярославской железной дороги (секретарь узлового комитета т. Компликова).

Вместе с этим бюро МГК комсомола отмечает, что отдельные райкомы ВЛКСМ, как Кировский, Калининский, Пролетарский, Советский, не уделяли необходимого внимания работе комсомольско-молодежных бригад, в результате чего не использованы все возможности по созданию новых комсомольско-молодежных бригад на ряде предприятий этих районов. Райкомы комсомола и комсомольские организации недостаточно занимались организацией индивидуального соревнования среди комсомольцев, вследствие чего более 700 человек членов ВЛКСМ по предприятиям города не выполняют норм, в том числе в Пролетарском районе — 149 человек, в Киевском — 90 человек, в Тимирязевском — 87, в Калининском — 58 и др.

Бюро МГК ВЛКСМ постановляет:

1. За лучшие показатели работы в предоктябрьском социалистическом соревновании комсомольско-молодежных фронтовых бригад г. Москвы занявшим первые места вручить переходящие Красные знамена и грамоты МГК ВЛКСМ:

а. По предприятиям металлообрабатывающей промышленности — комсомольско-молодежной фронтовой бригаде токарей-универсалов т. Слепушкина завода «Станкоконструкция» (секретарь комитета ВЛКСМ т. Коровкин, секретарь Ленинского райкома ВЛКСМ т. Ошеверов).

б. По организации Московского узла железнодорожного транспорта комсомольско-молодежному паровозу № СУМ 217-53, машинисты тт. Троицкий и Леон, депо Москва-Ленинская (секретарь узлового комитета ВЛКСМ т. Гарановская, секретарь Железнодорожного райкома ВЛКСМ т. Битенькова).

в. По предприятиям текстильной и легкой промышленности комсомольско-молодежной бригаде ватерщиц т. Милюковой комбината Трехгорной мануфактуры (секретарь комитета ВЛКСМ т. Байтин, секретарь Краснопресненского райкома ВЛКСМ т. Гудкова).

2. За хорошие показатели в городском соревновании комсомольско-молодежных бригад наградить почетными грамотами МГК ВЛКСМ: бригаду токарей т. Финогина, завод «Борец» (секретарь комитета т. Заикина); бригаду слесарей т. Манн (секретарь комитета т. Сорокина); бригаду слесарей т. Обрезкова, ГПЗ-I (секретарь т. Беляев); бригаду токарей т. Захаренко (секретарь комитета т. Матюхин); комплексную бригаду т. Шеврашова (секретарь комитета т. Климанов); бригаду завертщиц т. Крысановой, фабрика «Красный Октябрь» (секретарь комитета т. Колчанова); бригаду слесарей т. Иванова, завод «Водоприбор» (секретарь комитета

т. Стратанович); бригаду столяров-кузовников т. Замятина, завод им. Войтовича (секретарь комитета т. Любомиров); бригаду термометристов т. Костюхиной (секретарь комитета т. Бутушина); бригаду монтажниц т. Замазкиной, Электроламповый завод (секретарь комитета т. Шницер); бригаду клейщиц т. Фоминой, завод «Каучук» (секретарь т. Грузинов); бригаду токарей т. Бахмутовой (секретарь комитета т. Широкова); бригаду модельщиков т. Прозорова, завод «Станкоконструкция» (секретарь комитета т. Коровкин); бригаду телеграфисток т. Жуковой, Центральный телеграф (секретарь комитета т. Родионова); бригаду комсомольского паровоза № 200—87, машинистов тт. Доронина и Коваленкова Савеловского отделения (секретарь узлового комитета т. Румянцева); бригаду токарей т. Соколовой (секретарь комитета т. Боназундо); бригаду проводников т. Булановой, Ленинская железная дорога (секретарь узлового комитета т. Гарановская); бригаду паровоза № 736-05, старший машинист т. Масалова, Окружная железная дорога (секретарь узлового комитета комсомола т. Казьмина); комплексную бригаду т. Михалиной, Метрополитен (секретарь комитета т. Сташевский); бригаду т. Полякова, связь СЦБ (секретарь узлового комитета т. Тузиков); бригаду швей-мотористок т. Саватиной, фабрика «Красная швея» (секретарь т. Лычкова); бригаду швейников т. Смирновой, фабрика Москвошвей № 5 (секретарь комитета т. Соловьева); бригаду путейцев т. Клочковой, Окружная железная дорога (секретарь узлового комитета т. Казьмина); бригаду слесарей-сборщиков т. Шашкова (секретарь комитета комсомола т. Селищина); бригаду слесарей-инструментальщиков т. Силиной, ЗИС (секретарь комитета т. Морозова); бригаду слесарей мастера т. Широкогорова, Электродепо Ярославской железной дороги (секретарь узлового комитета т. Компликова).

3. Отметить комсомольско-молодежные фронтовые бригады, выполнившие условия городского социалистического соревнования:

бригаду токарей т. Орловой, завод «Красный пролетарий»; бригаду токарей т. Харламова, Карбюраторный завод; бригаду слесарей-сборщиков т. Якуша (секретарь комитета ВЛКСМ т. Куренков); бригаду слесарей т. Андрианова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Карасев); бригаду скорняков т. Алексеевой, 1-я меховая фабрика; бригаду расфасовщиц т. Конищевой, мясокомбинат им. Микояна; бригаду токарей т. Андреева, ЦНИИТМАШ; комплексную бригаду т. Гаврилиной (секретарь комитета ВЛКСМ Шубина); бригаду токарей т. Титова, МАРЗ-I; бригаду токарей т. Комарова, завод «Борец»; бригаду шлифовальщиц т. Крайновой, завод «Твердые сплавы»; бригаду токарей т. Погодиной, завод «Цветные металлы»; бригаду слесарей-сборщиков т. Крамского (секретарь комитета ВЛКСМ т. Башина); бригаду медников т. Никитина (секретарь комитета ВЛКСМ т. Сорокина); бригаду слесарей т. Кузнецова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Сорокина); бригаду котельщиков т. Телечева, завод «Коммунальник»; бригаду ампульщиц т. Клюевой, ликерно-водочный завод; смену прокатчиков мастера т. Кондратьева, завод «Серп и Молот»; бригаду т. Королева, завод им. Буденного; бригаду сборщиц т. Степановой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Рябчинская); бригаду слесарей т. Юдиной «Мотозавод»; бригаду формовщиц т. Игнатовой, «Динамо»; бригаду литейщиков т. Куликовой, ЗИС; бригаду слесарей-сборщиков т. Ермакова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Губарева); бригаду плавильщиц т. Степановой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Каменский); бригаду слесарей-лекальщиков т. Огурцова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Агапова); бригаду токарей т. Мельникова, комбинат Трехгорной мануфактуры; бригаду токарей т. Емельянова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Афенко); бригаду станочников т. Бемена (заместитель секретаря комитета т. Самарин); бригаду завертщиц т. Кургановой, пищекомбинат им. Микояна;

бригаду слесарей-сборщиков т. Ульяновой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Ильина); бригаду стеклодувов т. Андреевой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Бутушина); бригаду слесарей-сборщиков т. Власова (секретарь комитета ВЛКСМ т. Баранов); бригаду стерженщиц т. Выходцевой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Глинкина); бригаду прессовщиц т. Ефременковой (секретарь комитета ВЛКСМ т. Смирнова); бригаду столяров т. Митякова.

4. За лучшие личные показатели комсомольцев и молодежи в предоктябрьском социалистическом соревновании наградить почетными грамотами МГК ВЛКСМ следующих товарищей:

1. Игнатову — бригадира проводников Калининской железной дороги, Дзержинский район.

2. Мухина — помощника мастера, РУ № 12.

3. Горфинкеля — шлифовщика (секретарь комитета ВЛКСМ т. Матюхин).

4. Волкова — аппаратчика Дорхимзавода, Киевский район.

5. Епифанова — стахановца-тысячника, РУ № 4, Киевский район.

6. Слюнина — бригадира комсомольско-молодежной бригады вагонного участка железной дороги им. Дзержинского, Красногвардейский район.

7. Кочеткову — стахановку-мотористку фабрики им. Коминтерна, Красногвардейский район.

8. Ильютченко — стахановку фабрики Бумиз, Красногвардейский район.

9. Гирина — слесаря-тысячника (секретарь комитета ВЛКСМ т. Башина).

10. Полякова — бригадира медников (секретарь комитета ВЛКСМ т. Сорокина).

11. Зудину — башмачницу Калининской железной дороги, Ленинградский район.

12. Евстафьеву — стахановку-прессовщицу.

13. Перфильчеву — стахановку-револьверщицу завода «Станкоконструкция», Ленинский район.

14. Лукьянова — бригадира фронтовой бригады МАРЗ, Ленинский район.

15. Мухина — токаря завода «Красный пролетарий», Ленинский район.

16. Епифанову — стахановку-установщицу завода ГПЗ-2, Ленинский район.

17. Марину — крутильщицу (секретарь комитета ВЛКСМ т. Пинсон).

18. Салтыкову — помощника мастера фабрики им. Клары Цеткин.

19. Казанцеву — бригадира фронтовой бригады завода им. Буденного, Первомайский район.

20. Космачева — бригадира фронтовой бригады стерженщиков завода «Серп и Молот», Первомайский район.

21. Соколову — бригадира стерженщиков (секретарь комитета ВЛКСМ т. Федоров).

22. Дьяконова — слесаря-инструментальщика.

23. Кузину — бригадира фронтовой бригады (секретарь комитета ВЛКСМ т. Вартанова).

24. Рябова — слесаря-стахановца паровозного депо Западной железной дороги, Советский район.

25. Тимошенкову — стрелочницу Западной железной дороги, Советский район.

26. Котикову — бригадира проводников Октябрьской железной дороги, Железнодорожный район.

27. Осипова — слесаря автоматчика Ярославской железной дороги, Железнодорожный район.

28. Лапину — стрелочницу Ленинской железной дороги, Железнодорожный район.

29. Коноплева — слесаря-автоматчика станции Сортировочная, Железнодорожный район.

30. Потапова — слесаря паровозного депо Ленинской железной дороги, Железнодорожный район.

31. Филимонова — токаря завода «СВАРЗ», Сокольнический район.

32. Алексееву — бригадира комсомольско-молодежной бригады скорняков 1-й меховой фабрики, Сталинский район.

33. Андрианова — бригадира комсомольско-молодежной бригады слесарей-станочников (секретарь комитета ВЛКСМ т. Тесовская).

5. Учитывая, что предоктябрьское социалистическое соревнование комсомольско-молодежных бригад способствовало повышению производительности труда, продолжить городское соревнование комсомольско-молодежных бригад и установить ежемесячное подведение итогов их работы.

6. Обязать РК ВЛКСМ, комитеты ВЛКСМ промышленных предприятий и транспорта улучшить руководство комсомольско-молодежными бригадами, использовать все возможности создания новых комсомольско-молодежных бригад, всемерно расширять участие их в городском социалистическом соревновании, изучать и обобщать опыт работы лучших бригад, добиться такого положения, чтобы все комсомольцы и молодые рабочие обязательно выполнили нормы выработки.

7. Предложить РК ВЛКСМ до 20 ноября провести районные собрания бригадиров комсомольско-молодежных бригад по итогам предоктябрьского соревнования по городу с обсуждением хода соревнования комсомольско-молодежных бригад в ноябре месяце.

Бюро МГК ВЛКСМ требует от комсомольских организаций промышленных предприятий и транспорта активного участия в социалистическом соревновании за досрочное выполнение государственного плана 1942 г.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 635, оп. 3, д. 5, лл. 105—108.— Подлинник.

№ 4

Постановление пленума МК и МГК ВЛКСМ об участии молодежи в социалистическом соревновании и задачах комсомольских организаций

4 мая 1943 г.

Заслушав и обсудив доклад секретаря МК и МГК ВЛКСМ т. Красавченко «Об участии молодежи в социалистическом соревновании на предприятиях и задачах комсомольских организаций», объединенный пленум МК и МГК ВЛКСМ отмечает, что комсомольцы и молодежь предприятий г. Москвы и Московской области оказали значительную помощь партийным и хозяйственным организациям в восстановлении заводов, фабрик, освоении и увеличении выпуска продукции. Комсомольские организации за последнее время стали работать лучше и добились ведущей роли комсомольцев среди молодежи на большинстве предприятий. Положительных результатов добились те комсомольские организации, которые сумели

правильно организовать социалистическое соревнование среди комсомольцев и молодежи. На заводе «Станкоконструкция» (секретарь комитета ВЛКСМ т. Коровкин) в соревновании участвуют все комсомольцы и молодежь, в результате чего каждый комсомолец выполняет свою норму не ниже чем на 120%. Здесь социалистическое соревнование значительно подняло активность комсомольцев и молодежи и помогает воспитывать молодежь в духе сознательного, честного отношения к труду и умения преодолевать трудности в работе. Подобных результатов добились комсомольские организации многих других предприятий.

С большим трудовым подъемом комсомольцы и молодежь работали в дни предмайского социалистического соревнования, 5360 комсомольско-молодежных бригад и комплектов оспаривали первенство по г. Москве и Московской области; все они выполнили свои обязательства, а 2411 из них завоевали звание фронтовых.

Только на автозаводе им. Сталина[1] комсомольцы и молодежь сдали в фонд Главного командования Красной Армии продукции на сумму свыше 3 млн. руб.

Молодые горняки Подмосковного угольного бассейна добыли сверх установленных для них планов 22 000 *т* угля.

Однако в социалистическом соревновании участвуют далеко не все молодые рабочие и даже комсомольцы, а комсомольские организации проходят мимо этих фактов и, особенно, плохо организуют индивидуальное социалистическое соревнование, тем самым не заботятся о том, чтобы каждый комсомолец и молодой рабочий активно боролся за повышение производительности труда. В Тимирязевском, Киевском, Кунцевском районах, в г. Ногинске социалистическим соревнованием охвачено не более 50—60% молодежи. Часто участие молодых рабочих в социалистическом соревновании носит формальный характер, молодые рабочие берут на себя неконкретные обязательства, а взяв на себя хорошие обязательства, не борются за их выполнение.

На собраниях комсомольцев и молодежи ход и итоги выполнения принятых обязательств обсуждаются редко.

Несмотря на то, что комсомольские организации за последнее время стали больше уделять внимания соревнованию комсомольско-молодежных бригад и комплектов, пленум МК и МГК ВЛКСМ отмечает все еще недостаточную производственно-техническую помощь каждой бригаде и комплекту; комсомольские организации слабо привлекают к этой работе мастеров, инженеров, техников, технологов, конструкторов. Еще медленно развертывается работа по созданию новых бригад и комплектов.

Многие ГК, РК ВЛКСМ глубоко не занимаются вопросами социалистического соревнования учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, не помогают директорам училищ шире организовать борьбу в каждом училище и школе за первенство во Всесоюзном социалистическом соревновании.

Комсомольские организации слабо еще работают над улучшением материально-бытовых условий молодых рабочих, и решение ЦК ВЛКСМ от 3/X 1942 г. «О фактах формально-бюрократического отношения к нуждам молодых рабочих и задачах комсомольских организаций» многими комсомольскими организациями выполняется неудовлетворительно. Комитеты ВЛКСМ проходят мимо фактов неправильного использования молодых рабочих, особенно вышедших из школ ФЗО, ФЗУ, ремесленных и железнодорожных училищ.

---

[1] В настоящее время автозавод имени Лихачева.

Серьезные недостатки в социалистическом соревновании молодых рабочих объясняются прежде всего тем, что некоторые РК, ГК ВЛКСМ и первичные комсомольские организации недооценивают роль социалистического соревнования как сильного средства воспитания коммунистического отношения к труду молодых рабочих и организации их на борьбу за выполнение и перевыполнение производственных норм каждым молодым рабочим. Комсомольские организации, комсомольцы-агитаторы в своей работе не используют богатого опыта передовых рабочих, лучших цехов и заводов для передачи этого опыта молодым производственникам. Ряд ГК, РК ВЛКСМ и первичных комсомольских организаций работают в отрыве от производственной жизни предприятий.

Руководители комсомольских организаций, в первую очередь секретари горкомов, райкомов ВЛКСМ, глубоко не вникают в работу заводов и фабрик, не знают их слабых мест, поэтому не в состоянии своевременно мобилизовать комсомольцев и молодежь на устранение главных недостатков в работе того или иного предприятия. Этим объясняется, что ряд комсомольских руководителей терпимо относится к фактам нарушения трудовой дисциплины, невыполнению норм выработки.

Многие комсомольские организации недооценивают роль технического обучения молодых рабочих в деле повышения производительности труда, плохо связаны с отделами подготовки кадров заводов, фабрик и не оказывают им достаточной помощи в проведении технического обучения молодежи.

В целях устранения этих недостатков и усиления воспитательной работы среди молодых рабочих, улучшения работы комсомольских организаций по оказанию помощи партийным и хозяйственным организациям в борьбе за выполнение производственных планов предприятий и транспорта пленум МК и МГК ВЛКСМ постановляет:

1. Обязать ГК, РК ВЛКСМ, первичные комсомольские организации фабрик, заводов, ремесленных, железнодорожных училищ, школ ФЗО и ФЗУ, комсомольских организаций железнодорожного транспорта устранить отмеченные недостатки в социалистическом соревновании молодых рабочих, обеспечить активное участие в социалистическом соревновании каждого молодого рабочего, добиться, чтобы комсомольцы стали боевыми организаторами соревнования, показывали образцы выполнения принятых обязательств.

Ближайшей и важнейшей задачей комсомольских организаций является глубокое и повседневное разъяснение первомайского приказа товарища Сталина и тех задач, которые он ставит перед Красной Армией и работниками тыла, вовлечение всех комсомольцев и молодых рабочих в социалистическое соревнование, мобилизация их на борьбу за досрочное выполнение полугодового плана каждым цехом, предприятием.

2. Пленум МК и МГК ВЛКСМ считает, что без коренного улучшения всей политической работы среди молодых рабочих, без воспитания настойчивости, инициативы и преодоления трудностей, вызванных войной, немыслимо успешное развертывание социалистического соревнования. Пленум требует от РК, ГК ВЛКСМ, первичных комсомольских организаций, комсомольцев-активистов покончить с отставанием массово-политической работы от практических задач, стоящих перед комсомольскими организациями; широко разъяснять идеи социалистического соревнования, рассказывать молодежи, что плоды социалистического соревнования превращаются в потоки боевой техники, идущей на фронт для Красной Армии.

Чаще проводить собрания молодых рабочих с докладами, беседами о роли и значении социалистического соревнования, славных традициях ра-

бочего класса, о том, каким должен быть молодой рабочий нашей страны, и организовывать другие мероприятия, способствующие повышению культуры и политической сознательности молодых рабочих.

3. Пленум МК и МГК ВЛКСМ обязывает все комсомольские организации добиться того, чтобы каждый молодой рабочий выполнял производственные нормы, [чтобы] комсомольцы своим личным примером увлекали молодежь на перевыполнение норм и добивались увеличения числа двухсотников, трехсотников.

4. Обязать РК, ГК ВЛКСМ покончить с недооценкой работы комсомольских организаций по повышению технической грамотности молодых рабочих, коренным образом улучшить ее.

Предложить совместно с отделами подготовки кадров предприятий создавать стахановские школы, широко использовать опыт индивидуального обучения, популяризировать достижения передовых рабочих, практиковать беседы инженерно-технических работников на темы, способствующие закреплению знаний и лучшему освоению техники и своей специальности; добиться того, чтобы после прохождения курса молодой рабочий хорошо знал свой станок, агрегат и его наладку.

ГК, РК ВЛКСМ и комсомольским организациям предприятий перенять опыт работы учебно-производственных цехов, созданных на заводах, где директорами тт. Лосев, Казаков и Иосилович, и перенести его на другие заводы. Совместно с дирекцией заводов помочь в проведении всех работ, связанных с созданием этих цехов, особенно в изыскании, размещении и восстановлении оборудования, мерительного и режущего инструмента, и рекомендовать на работу мастерами в эти цеха лучших комсомольцев.

5. Отмечая положительную роль комсомольско-молодежных бригад, комплектов в производственном воспитании молодежи, обязать ГК, РК ВЛКСМ, первичные комсомольские организации:

а) значительно улучшить руководство работой созданных бригад, комплектов; регулярно созывать бригадиров для обмена опытом работы, заботиться о том, чтобы члены фронтовых бригад, наиболее отличившиеся в работе, выдвигались бригадирами, наладчиками, помощниками мастеров;

б) улучшить дело технического обучения в комсомольско-молодежных бригадах, активизировать в этом направлении работу бригадиров и широко привлекать к ней инженерно-технических работников;

в) добиться дальнейшего, более значительного роста новых комсомольско-молодежных бригад, участков, смен, цехов, широко развернуть социалистическое соревнование за перевыполнение производственных заданий, еще активнее организовать борьбу за право называться фронтовыми;

г) обеспечить активную работу комсомольских групоргов и агитаторов в каждой бригаде.

6. Пленум отмечает положительный опыт работы комсомольских организаций автозавода им. Сталина, завода «Станкоконструкция» и др. по развертыванию социалистического соревнования молодых рабочих по профессиям и обязывает ГК, РК ВЛКСМ, первичные комсомольские организации организовать на своих предприятиях соревнование на лучшего молодого токаря, слесаря, фрезеровщика, шлифовщика, лучшую ткачиху, прядильщицу и по другим профессиям.

7. В целях закрепления результатов и распространения лучшего опыта участников социалистического соревнования пленум обращает внимание всех ГК, РК ВЛКСМ, первичных комсомольских организаций на гласность социалистического соревнования и обязывает контролировать ход

выполнения социалистических обязательств, регулярно подводить итоги соревнования и объявлять результаты на собраниях молодых рабочих, в печати, по радио. Создавать общественное мнение вокруг передовиков соревнования и окружать их вниманием и уважением.

8. Пленум МК, МГК ВЛКСМ подчеркивает, что в организации социалистического соревнования большую роль играет мастер, и предлагает всем комсомольским организациям заводов, цехов оказывать помощь мастеру в воспитании и повышении технических знаний молодого рабочего.

9. Пленум обязывает ГК, РК ВЛКСМ и первичные комсомольские организации оказывать систематическую помощь партийным, хозяйственным организациям в борьбе с потерями на производстве; вести борьбу за качество выпускаемой продукции; добиться, чтобы каждый комсомолец показывал личный пример — работал без брака; проводить строгую экономию электроэнергии, сырья, металла и топлива; решительно укреплять трудовую дисциплину комсомольцев и молодых рабочих. Каждый факт нарушения трудовой дисциплины обсуждать на собраниях молодых рабочих. Комсомольцев, нарушивших трудовую дисциплину, привлекать к союзной ответственности.

10. Пленум МК и МГК ВЛКСМ обязывает ГК, РК и первичные комсомольские организации совместно с администрацией заводов и цехов навести и повседневно поддерживать чистоту и порядок на предприятиях, в ремесленных, железнодорожных училищах, школах ФЗО, ФЗУ, на транспорте — очистить от захламленности цеха, территории заводов, привести в образцовый порядок рабочие места, оборудование, склады готовой продукции. Добиться того, чтобы комсомольцы показывали личный пример опрятности и культуры.

11. Обязать ГК, РК комсомола повседневно заботиться об улучшении бытовых условий молодых рабочих, о правильном их использовании на предприятиях, об улучшении условий их работы, решительно борясь с формально-бюрократическим отношением к нуждам и запросам молодых рабочих со стороны некоторых хозяйственных работников; сигнализировать о подобных фактах партийным организациям; добиваться привлечения виновных к ответственности.

Пленум требует от всех ГК, РК комсомола повседневно контролировать работу первичных организаций по выполнению постановления ЦК ВЛКСМ от 3/Х 1942 г. «О фактах формально-бюрократического отношения к нуждам и запросам молодых рабочих и задачах комсомольских организаций», привлекать к строгой ответственности руководителей комсомольских организаций, не выполняющих это постановление.

12. Пленум МК и МГК ВЛКСМ требует от всех комсомольских организаций значительно активнее использовать право широкой инициативы в обсуждении и постановке перед соответствующими парторганизациями всех вопросов работы предприятий, связанных с задачами оказания необходимой помощи в улучшении их работы.

Важнейшими задачами комсомольских организаций пленум считает:

I. По угольной промышленности

Обязать Донской, Узловский, Сталиногорский горкомы ВЛКСМ, Скопинский РК ВЛКСМ, комсоргов ЦК и МК ВЛКСМ на шахтах «Москвоуголь», шахтные комсомольские организации:

1. Укрепить созданные комсомольско-молодежные участки, смены, бригады, поднять их производительность труда, создать новые комсомольско-молодежные коллективы на шахтах, добиться в ближайшие полтора-два месяца выполнения норм каждым молодым шахтером.

2. Усилить политическую работу среди молодых горняков.
3. Повседневно уделять серьезное внимание улучшению материально-бытовых условий молодых горняков.

II. По металлообрабатывающей промышленности

1. Развернуть социалистическое соревнование на лучшее освоение своего станка, его наладку и к концу третьего квартала провести экзамен среди комсомольцев по профессиям на лучшее знание своего станка.
2. Еще шире развернуть движение двухсотников и трехсотников.
3. Обеспечить бережное отношение к оборудованию и организовать ремонт и восстановление мерительного и режущего инструмента силами комсомольцев и молодежи.

III. По промышленности боеприпасов

1. Добиться, чтобы все комсомольцы и молодежь строго соблюдали технологический процесс, обучились работать на нескольких операциях, что даст возможность более целесообразно производить переброску рабочей силы с учетом условий работы производственного участка.
2. Обратить особое внимание, и в первую очередь комсомольских организаций транспортных цехов, на своевременную отправку готовой продукции.
3. Принять активное участие в переводе предприятий на поточную систему производства: оказать помощь дирекции заводов в изыскании материалов и приспособлений для оборудования поточных участков, а молодым рабочим оказать помощь в освоении и приобретении навыков работы в поточной системе.

IV. По железнодорожному транспорту

1. На основе разъяснения молодежи смысла и значения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16/IV 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» добиться передовой роли комсомольцев в его выполнении.
2. Оказывать постоянную помощь партийным и хозяйственным организациям в борьбе с простоями — под экипировкой паровозов, погрузкой и разгрузкой вагонов.
3. Широко внедрять лунинские методы работы, в первую очередь в комсомольско-молодежных бригадах.

V. По строительству метро

Пленум МК и МГК ВЛКСМ считает делом чести Московской организации активно участвовать в строительстве 3-й очереди метро, в связи с этим:
1. Обязать РК ВЛКСМ, комсорга МГК ВЛКСМ и первичные комсомольские организации объектов метро широко развернуть индивидуальное социалистическое соревнование, политическую и массовую работу среди молодых метростроевцев.
2. Создать на объектах комсомольско-молодежные бригады, смены, участки; мобилизовать комсомольцев и молодежь на окончание строительства и отделочных работ в сроки, установленные Государственным Комитетом Обороны.

3. Оказать помощь хозяйственным организациям в обучении молодых строителей новым производственным квалификациям.

4. Комсомольским организациям предприятий взять под особый контроль изготовление заказов для метро. В целях быстрейшего выполнения заказов поручать их изготовление лучшим комсомольцам и комсомольско-молодежным бригадам.

5. Комсоргу МГК ВЛКСМ и комсомольским организациям объектов взять под свой контроль работу бытовок, столовых, магазинов и оказывать им повседневную помощь.

6. Укрепить первичные комсомольские организации объектов и участков, комсомольские группы в сменах и улучшить работу по приему в комсомол молодых метростроевцев, проявивших себя на работе.

VI. По текстильной промышленности

1. Обратить особое внимание на работу с молодыми рабочими, не выполняющими нормы, оказать им помощь в быстрейшем освоении своей специальности, добиваться массового перехода комсомольцев на многостаночное обслуживание.

2. Принимать активное участие в социалистическом соревновании молодых помощников мастеров, вовлекать в соревнование новых помощников мастеров, добиваться, чтобы участки помощников мастеров-комсомольцев были передовыми на фабриках.

3. Заботиться о выдвижении лучших молодых производственников на работу помощниками мастеров-ремонтировщиков.

4. Покончить с безразличным отношением к работе школ ФЗУ. Усилить политическую работу среди учащейся молодежи, глубже вникать в содержание работы школ. Вовлечь всех учащихся во Всесоюзное социалистическое соревнование на борьбу за знамя ЦК ВЛКСМ и Наркомата текстильной промышленности.

VII. По ремесленным, железнодорожным училищам и школам ФЗО

1. Усилить политико-воспитательную работу среди учащихся. Совместно с директорами училищ широко развернуть индивидуальное, групповое социалистическое соревнование; мобилизовать всех учащихся на борьбу за честь своего училища, за первенство во всесоюзном соревновании.

2. Добиваться укрепления трудовой дисциплины и успеваемости по теории и практике не ниже чем на «хорошо» и «отлично». Совместно с дирекцией училищ и школ бороться за безусловное выполнение и перевыполнение государственных заданий по выпуску фронтовой продукции.

3. Укрепить комсомольские организации, значительно усилить рост комсомольских организаций, воспитывать из среды учащихся комсомольских активистов — вожаков молодежи.

13. Пленум МК и МГК ВЛКСМ подчеркивает, что успешное решение задач, поставленных перед Московской организацией ВЛКСМ по оказанию помощи партийным и хозяйственным организациям в улучшении работы промышленности и транспорта, требует усиления работы ГК, РК ВЛКСМ по организационному укреплению первичных комсомольских организаций, оживления работы цеховых организаций и комсомольских групп, воспитания у комсомольских руководителей инициативы и настойчивости в работе.

Пленум требует от ГК, РК ВЛКСМ организационного укрепления каждой первичной, цеховой комсомольской организации, внимательного отношения к воспитанию молодых комсомольских руководителей.

* * *

Пленум МК и МГК ВЛКСМ выражает твердую уверенность в том, что комсомольские организации г. Москвы и Московской области устранят серьезные недостатки в работе по организации социалистического соревнования молодых рабочих, учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО, ФЗУ и под руководством партийных организаций добьются нового подъема в работе, мобилизуют всех комсомольцев и молодежь на честный и самоотверженный труд, на борьбу за выполнение первомайского приказа верховного главнокомандующего товарища Сталина — дадут Красной Армии еще больше орудий, танков, самолетов, пулеметов, автоматов, минометов, боеприпасов, снаряжения; всеми силами помогут в подготовке к решающим сражениям с немецко-фашистскими поработителями.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 634, оп. 3, д. 29, лл. 1—16.— Текст типографский.

№ 5

Выступление секретаря комитета комсомола автозавода имени Сталина тов. Морозовой на митинге молодежи Москвы, посвященном XXV годовщине ВЛКСМ

10 октября 1943 г.

Дорогие товарищи!

Ярким проявлением патриотизма в суровые дни декабря 1941 г. явилась инициатива комсомольцев и молодежи нашего завода, бросивших клич молодежи всей страны — ознаменовать 24-ю годовщину Красной Армии новыми производственными победами.

На нашем заводе началось патриотическое движение за освоение женщинами мужских профессий. У нас появились первые комсомольско-молодежные бригады. В марте 1942 г. их было 28, сейчас — 189, которые объединяют 1600 человек молодежи и комсомольцев. Из месяца в месяц они повышают свои производственные показатели. 78 из них за систематическое перевыполнение производственного плана, отличное качество выпускаемой продукции присвоено почетное звание фронтовых. Только в предмайском социалистическом соревновании силами комсомольско-молодежных бригад было изготовлено сверх плана продукции на сумму более 3,5 млн. руб.

Комсомольско-молодежные бригады слесаря-лекальщика Самохина, стерженщицы Куликовой вышли в первые ряды по г. Москве.

Все свои силы, знания, умение и смекалку комсомольцы и молодежь нашего завода отдают делу победы над врагом. Лучшие люди нашего завода удостоены высоких правительственных наград. Комсомолец слесарь-сборщик Василий Гудков награжден орденом Ленина; медалями «За трудовую доблесть» награждены комсомолки Александра Кашигина, Татьяна Гусева и Валентина Дружилова.

Широкой волной развернулось на нашем заводе социалистическое соревнование в честь 25-й годовщины ВЛКСМ. Мы боремся за выполнение своих обязательств: добиться, чтобы каждый комсомолец выполнил норму не ниже, чем на 125%, обучить 200 человек молодых рабочих, отгрузить силами комсомольцев и молодежи 3000 *т* металлолома, из них 600 *т* сверх плана, создать широкую сеть оборонных кружков по цехам и отделам завода с охватом 1500 человек. И работа идет успешно. На заводе большой политический и трудовой подъем молодежи.

Ежедневно в ряды лучших стахановцев завода выходят новые десятки юношей и девушек. Среди них: токарь-стахановец Котов, дающий ежедневно 400%, комсомолки-стержепщицы Мария Колдаева, Зина Георгиевская вырабатывают по пять норм за смену; отлично работают слесари Владимир Боронихин, Николай Тамбовский, токарь Проваторов и десятки других. За время подготовки к 25-й годовщине комсомола в соревнование включились 77 вновь организованных комсомольско-молодежных бригад.

Большую работу комсомольцы и молодежь завода провели по подготовке к зиме жилищ рабочих. Силами комсомольцев оборудовано 4 образцовых общежития для рабочих. Свыше 20 раз выходили комсомольцы и молодежь завода на воскресники по отгрузке металлолома. Только за сентябрь отгружено 4800 *т*, или 120 вагонов металлолома.

Замечательные подарки к 25-летию готовят лучшие комсомольско-молодежные бригады завода. Бригада Виктора Самохина в честь славного юбилея выпускает партию опытных микрометров, ранее не изготовлявшихся на заводе. Вновь организованная бригада Владимира Портного готовит опытную партию сложного измерительного инструмента. Во время подготовки к 25-летию ВЛКСМ 300 человек лучших юношей и девушек подали заявление о вступлении в члены ВЛКСМ.

Товарищи! День нашего юбилея приближается. Вместе с некоторыми достижениями мы еще имеем ряд недостатков. Есть еще у нас молодые рабочие, которые не выполняют план. В этом повинны прежде всего мы, комсомольцы, потому что слабо организуем техническое обучение молодых рабочих, недостаточно им помогаем. Среди молодых рабочих есть еще нарушения трудовой дисциплины.

Готовясь к 25-летию ВЛКСМ, каждый из нас, комсомольцев и молодежи, считает, что устранение имеющихся недостатков — есть наша главная задача. Чтобы добиться еще более высокой производительности труда каждого молодого рабочего, комсомольцы и молодежь нашего завода решили с 15 октября по 7 ноября встать на стахановскую вахту, новыми трудовыми подвигами доказать свою любовь и преданность большевистской партии, нашему великому Сталину.

С трибуны митинга я заверяю весь московский комсомол, что комсомольцы и молодежь ордена Ленина автозавода имени Сталина всегда будут в передовом отряде советской молодежи.

Дорогие товарищи, юноши и девушки!

Столица широко развернула соцсоревнование комсомольцев и молодежи в честь 25-летней годовщины комсомола и 26-й годовщины Октября.

Да здравствует наша славная Родина!

Да здравствует наша могучая Красная Армия!

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 635, оп. 3. д. 36, лл. 6—8.— Подлинник.

№ 6

Рапорт бригадиров комсомольско-молодежных бригад ГПЗ-I общемосковскому городскому митингу молодежи, посвященному XXV годовщине ВЛКСМ

10 октября 1943 г.

Дорогие товарищи!

Вам, лучшим представителям молодежи столицы, собравшимся на митинг, посвященный 25-й годовщине ленинского комсомола, мы, бригадиры передовых комсомольско-молодежных бригад Первого государственного подшипникового завода шлем пламенный боевой привет и рапортуем, что принятые на себя социалистические обязательства выполняем успешно. Из месяца в месяц даем все больше и больше фронту боеприпасов и подшипников для вооружения.

Бригада строгальщиц Кати Барышниковой выполнила сентябрьский план на 339%, бригада слесарей Василия Скобелева — на 340%, бригада фрезеровщиц Нади Филиной — на 218%, бригада токарей Раи Бараковской — на 163,4%, бригада кузнецов-штамповщиков Алексея Федотова — на 153%, бригада станочников-автоматчиков Александра Бурова на — 138%, бригада сборщиц Маруси Головановой — на 172%.

Вчера, 9 октября, встав на стахановскую вахту в честь общемосковского митинга молодежи, бригада Кати Барышниковой выполнила сменное задание на 385,1%, бригада слесарей Василия Скобелева — на 353%, бригада фрезеровщиц Таисии Готилиной — на 235%.

Сегодня наши бригады, встав на стахановскую вахту в честь доблестных войск, освободивших Таманский полуостров от немецко-фашистских захватчиков, обязуются выполнить сменное задание не менее чем на 20% выше обычной выработки.

Заверяем Вас, что приложим все силы и молодую энергию для усиления помощи наступающей Красной Армии.

Будем в первых рядах соревнующихся.

Встретим славный юбилей — 25 лет комсомола новыми трудовыми подвигами.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 635, оп. 3, д. 36, л. 41.— Копия.

№ 7

Из отчета МК и МГК ВЛКСМ в МК ВКП(б) о работе Московской организации ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны

Июль 1948 г.

С начала Отечественной войны Московская организация ВЛКСМ перестроила свою работу и направила все силы на оказание помощи Московской партийной организации в мобилизации усилий трудящихся на борьбу за победу над врагом.

Более полумиллиона московских комсомольцев ушло на фронт и в партизанские отряды, десятки тысяч из них за доблесть и мужество в борьбе с врагом награждены орденами, а 490 удостоены звания Героя Советского Союза. В боях за Советскую Родину отличились сформированные из московских комсомольцев Двинский полк гвардейцев-минометчиков, 3-й авиационный корпус, Таманский женский авиационный полк, партизанский отряд имени Гастелло. Бессмертные подвиги Зои Космодемьянской, Наташи Ковшовой, Марии Поливановой, Виктора Талалихина и многих дру-

гих воспитанников Московской организации ВЛКСМ навсегда останутся в памяти советского народа.

Московская молодежь мужественно участвовала в защите родного города, более 200 тыс. человек участвовали в сооружении оборонительных рубежей. Сформированные из комсомольцев Московский противопожарный полк, отряды МПВО стойко отражали налеты вражеской авиации. Московские комсомольцы и молодежь внесли в фонд вооружения армии 25 млн. руб. и в фонд помощи детям фронтовиков 35 млн. руб., за что были дважды удостоены благодарности товарища Сталина. Десятки тысяч юношей и девушек, оставив учебные аудитории, пришли на фабрики и заводы. Более 300 тыс. молодых рабочих приобрели в годы войны производственную специальность. Комсомольские организации выступали инициаторами движения двухсотников, многостаночного обслуживания, широко развернули соревнование молодежных бригад. К концу войны 35 тыс. бригад объединяли около 200 тыс. молодых рабочих. Движение молодежных бригад, их ценные начинания, связанные с именами ныне лауреатов Сталинской премии Алексеева, Шашкова, Барышниковой, Кожевниковой, Федотовой и других широко распространились по всей стране и сыграли немалую роль в выполнении промышленностью фронтовых заказов.

В годы войны московский комсомол принимал деятельное участие в решении важнейших хозяйственно-политических задач: в восстановлении московской промышленности, во внедрении поточного метода производства, в восстановлении Сталиногорской ГРЭС, Подмосковного угольного бассейна. Московские комсомольцы собрали и отгрузили более 1 млн. *т* металлолома. На строительство 3-й очереди метро было направлено свыше трех тысяч комсомольцев. 120 000 юношей и девушек участвовали в воскресниках на этом строительстве.

Самоотверженно трудилась для фронта, для победы сельская молодежь. Московский комитет, ГК, РК ВЛКСМ области главное внимание сосредоточили на широком развертывании социалистического соревнования молодежных тракторных бригад, ставших ведущей силой в МТС, молодежных звеньев, сыгравших большую роль в борьбе за урожай. Из числа колхозной молодежи выросли такие мастера сельского хозяйства, как К. Шорина, А. Резцова, М. Лысенкова, В. Королев и многие другие. Свыше 10 тыс. комсомольцев в годы войны были выдвинуты на руководящую работу бригадирами, председателями колхозов и сельсоветов. За успешную работу сельских комсомольцев и молодежи Московской организации ВЛКСМ трижды присуждалось и оставлено на вечное хранение переходящее Красное знамя ЦК ВЛКСМ и Министерства земледелия СССР.

Поднимая молодежь на борьбу с врагом, росли и крепли комсомольские организации. Если в декабре 1941 г. в результате мобилизации на фронт и эвакуации рабочих и служащих на Восток в организации оставалось 55 тыс. комсомольцев, то к концу войны, в сентябре 1945 г., в организации насчитывалось уже 371 тыс. человек.

За период 1941—1945 гг. в члены ВЛКСМ вступило 352 725 человек, в ряды ВКП(б) было рекомендовано 30 833 комсомольца. Выросли новые кадры комсомольских работников.

Таким образом, в годы войны Московская организация ВЛКСМ успешно справилась с задачами помощника партии в борьбе за разгром врага, закалилась организационно и политически.

Партархив МК и МГК КПСС, ф. 3, оп. 66, д. 41, лл. 1—3.— Подлинник.

ПИСЬМА УЛЛУБИЯ БУЙНАКСКОГО

(к 70-летию со дня рождения)

В сентябре 1960 г. исполняется 70 лет со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии, руководителя дагестанских большевиков 1917—1919 гг. Уллубия Данияловича Буйнакского. Вся его жизнь с юношеских лет до последнего вздоха была посвящена самоотверженной борьбе за дело трудящихся, за их освобождение от гнета капитала, за торжество коммунизма в нашей стране.

У. Д. Буйнакский родился 27 августа (8 сентября) 1890 г. в селении Уллу-Буйнак Темир-Хан-Шуринского округа Дагестанской области в семье обедневшего бека (дворянина). В детские годы он лишился отца и матери, досыта испытав все «прелести» сиротской жизни. Он был определен в пансион реального училища в Темир-Хан-Шуре, откуда вскоре переведен в ставропольскую гимназию, где принимал активное участие в революционных выступлениях учащейся молодежи. Когда за участие в революционном движении 1905—1907 гг. старшие классы мужской гимназии в Ставрополе были распущены, а учащиеся переведены в другие учебные заведения, Буйнакский продолжал учебу в тифлисской гимназии. После ее окончания в 1910 г. он поступил на юридический факультет Московского университета, где вступил в партию большевиков и стал одним из активных членов комитета РСДРП. В 1911 г. за участие в революционном движении Буйнакский был исключен из университета без права жительства в университетских городах и влачил полуголодное существование, зарабатывая на жизнь грошовыми уроками.

С именем Буйнакского связаны ярчайшие страницы борьбы трудящихся-горцев за победу Советской власти в Дагестане. Летом 1918 г. когда Дагестан находился в плотном окружении контрреволюционных сил, Дагестанский Военно-революционный комитет направляет Буйнакского в Москву за помощью. В его отсутствие под ударами контрреволюционных войск Советская власть в Дагестане пала, и Буйнакский был оставлен для работы в Народном комиссариате по делам национальностей, а в конце 1918 г. направлен на Северный Кавказ для организации борьбы против Деникина в его тылу. По пути в Дагестан Буйнакский задерживается в Астрахани, и здесь по его инициативе формируется Дагестанский конный полк; он назначается комиссаром этого полка, в январе 1919 г. переходит линию фронта и возвращается в Дагестан.

Уллубий Буйнакский был одним из основателей большевистской организации Дагестана и ее первым руководителем. По его инициативе, в трудных условиях подполья в с. Кумторкала (в 20 км от г. Махачкала)

в середине февраля 1919 г. была созвана первая дагестанская партийная конференция, избравшая областной комитет. Дагестанский областной комитет, руководимый Буйнакским, развернул в тылу у Деникина огромную работу по подготовке вооруженного восстания против ненавистного горцам так называемого «горского правительства» и по организации борьбы против деникинцев. В разгар напряженной работы, 13 мая 1919 г., руководители дагестанских большевиков во главе с Буйнакским были арестованы, осуждены военно-шариатским судом и 16 августа 1919 г. расстреляны в степи вблизи железнодорожной станции Темиргое.

Уллубий Буйнакский отличался ясным умом и обладал серьезной марксистской теоретической подготовкой, о чем наглядно свидетельствуют публикуемые ниже его письма. Характерными чертами его революционной деятельности являются высокая принципиальность, исключительная деловитость и гибкость, уменье разобраться в сложных перипетиях социальной жизни Дагестана

Активные участники борьбы за Советскую власть в Дагестане Ибрагим Махмудов, Тахо-Годи и другие, кому приходилось работать совместно с Буйнакским, характеризуют его как человека кристально чистого и честного, чрезвычайно скромного в жизни и в работе, обаятельного и чуткого товарища. Раз увидев и услышав Уллубия, нельзя было не полюбить его искренне и глубоко.

К сожалению, жизнь и революционная деятельность Уллубия Буйнакского еще слабо изучены. Публикуемые ниже документы, относящиеся к последнему периоду его жизни, позволяют глубже понять и оценить незаурядную личность этого пламенного большевика-ленинца. Письма Буйнакского говорят о его высоком моральном облике, железной выдержке даже в минуты смертельной опасности, уверенности в победе Советской власти и вере в торжество коммунизма.

Письма Уллубия Буйнакского относятся к февралю — августу 1919 г.; они адресованы Тату Булач, одной из первых революционерок-горянок Дагестана, активной участнице борьбы за власть Советов в Дагестане (члену КПСС с 1918 г.). Публикация подготовлена при ее консультации; ею же написана вторая часть вводной статьи.

Публикуемые документы хранятся в Центральном государственном архиве Дагестанской ССР, в фонде 535-Р.

М. Бутаев, Ш. Магомедов

* * *

В борьбе за свободу и счастье трудового народа, за светлое коммунистическое будущее выдающуюся роль сыграл герой гражданской войны, первый председатель подпольного Дагестанского обкома Коммунистической партии — Уллубий Буйнакский. С ним связаны лучшие юные годы моей жизни, с его именем у меня ассоциируется все благородное, возвышенное и гордое, что есть в человеке. Рассказывать о нем — это значит рассказывать о борьбе передовых, прогрессивных и революционных сил Красного Дагестана с темными силами всероссийской реакции, о борьбе смелых, убежденных в своем деле подпольщиков-большевиков с контрреволюцией.

Годы стерли из памяти многое: одно забылось, другое утратило свою остроту. Восстановить события того времени мне помогают публикуемые ниже письма У. Буйнакского (адресованные мне), полные глубокой веры в окончательную победу Советской власти. В них затронуты многие вопросы борьбы за установление нового общественного строя.

Уллубий ясно и четко на основе марксистского учения излагал нам,

молодым революционерам, сущность классовой борьбы, он говорил, что борьба будет жестокой, не на жизнь, а на смерть, что имущие классы не захотят без боя уступить своей власти, своих богатств и поэтому нужно быть готовыми ко всему. «Борьба идет за диктатуру пролетариата,— писал он,— т. е. за политическое господство, руководство рабочего и батрака-крестьянина... Отныне он хозяин и проводник нового в жизнь, все старое должно или подчиниться или должно быть уничтожено» (док. № 2).

В публикуемых письмах Уллубий Буйнакский выступает как последовательный и убежденный интернационалист; он разъяснял, что не может быть какого-то особого «дагестанского» коммунизма (см. док. № 2). Говоря о горячей любви к своему народу, Буйнакский вместе с тем подчеркивал, что эта любовь «не только не вредит соседу моего народа, но напротив,— в помощь ему» (док. № 5). Он призывал и меня, в то время юную девушку, только вступившую на путь революционной борьбы, доброжелательно относиться ко всем народам.

Очень интересны и поучительны высказывания Буйнакского о молодежи. В одном из первых полученных мною в 1919 г. писем Уллубий, сетуя на ту молодежь, которая не включается в активную борьбу за новую жизнь, писал: «Молодость, молчащая в данное время, не молодость, а ветхость» (док. № 3). Он звал горскую молодежь к энергичному, непосредственному, горячему участию в политических событиях, происходивших в Дагестане. В то время бекская верхушка иной раз брала верх над сравнительно небольшой и еще недостаточно организованной и сплоченной группой революционеров-большевиков. И Уллубий рассчитывал опереться в первую очередь на молодежь, которая, по его убеждению, должна была выступить застрельщицей во всех революционных делах и сыграть решающую роль в борьбе с контрреволюцией. Эта мысль проходит красной нитью через все его письма.

Обращаясь непосредственно ко мне, он писал: «Вы должны делать ту же работу, что и мы, а начните, ну, хоть с агитационной! Будьте нашей первой агитаторшей-горянкой, только ясность, смелость и еще раз смелость» (док. № 3). Эти слова могут быть отнесены ко всей горской молодежи. Уллубий призывал нас дерзать, идти смело и уверенно к своей цели — завоеванию диктатуры пролетариата и созданию нового общественного строя. Он стремился разъяснить ряд сложных вопросов, которые в то время были не ясны не только мне, но и многим старшим товарищам. Его письма были благодарным агитационным материалом, которым я широко пользовалась в беседах, особенно с моими сверстниками — юношами и девушками.

Уллубий считал, что установление Советской власти в Дагестане зависит прежде всего от политической сознательности, широкого кругозора и правильного мировоззрения тех, кто с оружием в руках выступал на борьбу за новый строй, и он всемерно помогал молодежи повышать свой политический уровень, в первую очередь, книгами, личными беседами и, как уже говорилось, письмами, стараясь и через них оказать влияние на тех, с кем он был дружески связан.

Вспоминается такой случай: в 1916 г. Уллубий прислал мне толстую книгу «О самообразовании» известного в то время популяризатора научных знаний Н. А. Рубакина. На титульном листе была надпись: «Тату! Да поможет Вам эта книга выработать цельное и красивое миросозерцание. Уллубий». В то время мне было 14 лет, и я училась в гимназии в Темир-Хан-Шуре. Присланную мне книгу я читала с большим увлечением, находя в ней множество примеров, которым мне хотелось следовать, чтобы, как говорил Уллубий, «не зря прожить жизнь». Человек свет-

лого ума, твердых убеждений, решительных действий, он для всех нас, молодых революционеров-подпольщиков, являлся образцом и примером. Будучи профессиональным революционером-большевиком, Уллубий страстно стремился к знаниям, много читал и особенно увлекался социально-экономическими науками, изучением работ Маркса, Энгельса и Ленина. В результате этого, несмотря на свою молодость, он обладал основательной теоретической подготовкой и являлся убежденным марксистом.

Будучи председателем Порт-Петровского Военно-революционного комитета, Буйнакский своей энергией, решительностью, постоянным стремлением к активным действиям сумел сплотить вокруг себя крепкую боевую группу товарищей: И. А. Котрова, Н. Г. Ермошкина, Л. И. Фрибуса, Я. В. Коробова, И. Алиева, Г. Далгата, З. С. Захарочкина и многих других, беззаветно веривших ему как организатору и вожаку. Этому немало способствовало и его личное, внутреннее обаяние, умение расположить к себе людей, завоевать их доверие и дружбу, без чего, как мне кажется, нельзя стать настоящим организатором. Уллубий отличался кипучей энергией, целиком направленной на проведение в жизнь партийных решений, на осуществление боевых мер, какие требовалось принять в той сложной и ответственной обстановке, в какой ему пришлось работать.

Схваченный вместе с своими ближайшими товарищами белогвардейской контрразведкой и брошенный в темир-хан-шуринскую, а затем в порт-петровскую тюрьму, Уллубий, находясь в заточении, не только не терял бодрости и присутствия духа, но всемерно ободрял и поддерживал тех, кто был рядом с ним, и даже нас, находившихся на свободе.

В своем последнем слове в главном военно-шариатском суде Уллубий Буйнакский гордо и смело заявил своим палачам: «Вы расстреляете меня и еще тысячу, подобных мне, но ту идею, которая живет уже в нашем народе, ее вы не сумеете расстрелять... Я твердо убежден в победе Советской власти и Коммунистической партии и готов умереть за их торжество»[1]. Приговоренный к расстрелу, он решительно отказался подать прошение о помиловании.

В то время как за спиной Уллубия уже стояла смерть, когда бесчестные каратели занесли над ним свою мстительную руку, он думал о новой большой и полнокровной жизни, о коммунистическом обществе. «В этом обществе,— писал он,— человек отказывается, перестает бороться с собой, с себе подобными, а всю свою мощь, всю свою энергию ума и воли направляет на борьбу с природой; в этом обществе единственным предметом страсти человеческой являются науки и искусства; в этом обществе красота и любовь приобретают особую силу и делаются знаменательными. Смысл жизни здесь — это счастье человечества» (док. № 11).

В ответ на расстрел славного руководителя дагестанских большевиков Уллубия Буйнакского и его товарищей поднялся весь Дагестан. Горцы сплотились вокруг Коммунистической партии и ее вождя В. И. Ленина и 30 марта 1920 г., изгнав последние остатки белогвардейцев из Дагестана, окончательно установили здесь Советскую власть.

Публикуемые ниже письма Уллубия Буйнакского были написаны им в дни подполья в разных местах Дагестана (док. №№ 1—7), а также в порт-петровской тюрьме (док. №№ 8—14) и переданы мне в Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск), где я жила, через третьи лица. Последнее письмо, написанное Буйнакским в цейхгаузном вагоне белогвардейского бронепоезда «Кавказец» за несколько часов до расстрела (док. № 15), было привезено неизвестным лицом в Темир-Хан-Шуру в конце сен-

---

[1] Борьба за установление и упрочение Советской власти в Дагестане 1917—1921 гг. Сб. документов и материалов. М., 1958, стр. 248.

УЛЛУБИЙ БУЙНАКСКИЙ

(1917 г.)

тября 1919 г., через месяц после расстрела, и брошено в окно дома, в котором я жила.

Уллубий не раз предупреждал меня о необходимости немедленного уничтожения его писем, обнаружение которых могло иметь тяжелые последствия для всех, соприкасавшихся со мной и Буйнакским. Однако я со всеми возможными предосторожностями берегла их как во время разгула белогвардейщины, так и в последующие годы.

В настоящее время подлинники публикуемых писем Буйнакского утрачены. Сохранились лишь копии их, снятые в 1932 г. писателем Р. М. Фатуевым, и бережно сохранившим их, за что пользуюсь случаем выразить ему свою глубочайшую признательность. Р. М. Фатуев передал копии писем в 1948 г. Дагестанскому научно-исследовательскому институту языка и литературы, откуда они поступили в Центральный государственный архив Дагестанской ССР.

Письма публикуются впервые; некоторые из них цитировались в книге А. Тахо-Годи «Уллубий Буйнакский», изданной в 1928 г. в г. Махачкала.

Т. О. Булач

№ 1

Начало февраля 1919 г.

Преуважаемая тов. Тату!

Тайна есть вещь великая, но никогда тайна не остается тайной; в то время, когда для наших врагов тайна есть *дипломатия*, для нас она только вопрос *тактики*.

Ни для кого уже не секрет, что в нашей богоспасаемой «республике» [1)] не все обстоит благополучно; масса слухов, масса толков. Одной точкой этих слухов являюсь, кажется, и я. Было бы для меня чрезвычайно любознательно быть в курсе ваших мнений, взглядов на все происходящее вокруг. Я человек неисправимый — не могу ни о чем думать, ничего делать, когда что-нибудь меня захватывает. Борьба наша близится к концу; весь мир объят пламенем пожара, нет уголка, где бы не было зарева нашего огня. И вот в такую минуту не только интересно, но любознательно, именно любознательно слышать, в унисон ли бьется сердце человека, [которого], может быть, больше чем только уважаешь. Если не поскупитесь, черкните несколько строчек о Ваших думах, чаяниях, симпатиях и обо всем, Вас интересующем, захватывающем.

Да, кстати, из Москвы я писал в Одессу Хаджи-Омару [2)], но, к сожалению, ни звука оттуда. Стороной слышал, что Хаджи-Омар должен находиться в Крыму у товарищей своих крымчаков; насколько это соответствует истине, не мог узнать — тогда не было сообщений с Крымом.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 2.

№ 2

Февраль 1919 г.

О, несравненная Тату!

1. «Коммунизм от корки до корки или „особый коммунизм для нашего народа“».
2. «Я люблю свой народ, начиная от Магомы, кончая Хасбулатом».
3. «Я готова за всех страдать» [1].

1. «От корки до корки» — это понятие содержит в себе «начало и ко-

[1] Вопросы, поставленные Тату Булач в своем письме У. Буйнакскому. Далее следуют его ответы.

нец»; программа коммунизма имеет свое начало, следующие шаги, приближение к середине, середину, переход ко второй части, приближение к концу, последние шаги и конец. Так вот, тов. Тату, это обстоятельство может успокоить Вас насчет создания особого дагестанского коммунизма; этого не нужно. Жизнь и развитие ее так беспредельно широки, что в один день, в один час не установить коммунизма; сейчас Вы не думайте, что борьба идет за самое непосредственное установление, утверждение коммунизма,— нет! Борьба идет за возможность, за создание такой политической обстановки, при которой никто и ничто не было бы преградой на нашем пути; борьба идет за диктатуру пролетариата, т. е. за политическое господство, руководство рабочего и батрака-крестьянина, которым никто классово не мог перечить. Отныне он хозяин и проводник нового в жизнь, все старое должно или подчиниться, или должно быть уничтожено (если не захочет подчиниться).

После этого мы вступаем в преддверие коммунизма. Вы не забывайте, что мы сейчас боремся для политического верховенства трудящегося ради установления коммунистического способа производства, распределения и потребления. Это с различными условиями может протянуться на ряд лет, где с большей успешностью, где медленнее. Следовательно, нет оснований для боязни «от корки до корки».

2. Вы любите свой народ! Сколько угодно! Кто может Вам что-нибудь возразить? Ведь Ваша любовь не исключительная, ведь Вы этим не говорите: «Я люблю свой народ, а на остальных наплевать». Ведь так я должен Вас понять? А то пришлось бы, простите, привести некоторые параллели из области общественной жизни русских (половину последней фразы я дописал, когда вернулся от Вас). Вы должны любить от Магомы до Хасбулата свой народ, но что, если этот Хасбулат несколько походит на Асельдера[3], Нажмутдина[4] и прочую мерзопакость? Любовь никогда не бывает беспочвенной. «Любовь для любви» — это такая же нелепость, как искусство для искусства, — это многосложный абсурд. В любви всегда есть глубокое содержание — это отношение души к кому-либо, к чему-либо, безразлично к единому — [един]ой или к множеству, к группе.

3. Готовы за всех страдать — великолепно. Страдания всегда бывают глубоко содержательными только тогда, когда страдающий субъект ясно знает и чувствует, за что и за кого он страдает. В понимании общем «все» — это Вы, я, Ахмет-рабочий, Магома-крестьянин, Селим-буржуй и еще какой-нибудь генерал. Не могу сказать, чтобы для Вас все они были одинаковы. Я, например, не люблю всех буржуев, всех генералов и т. д., а люблю и готов страдать за бедноту, за рабочих и крестьян. Это мое страдание не похоже на страдание кающегося, религиозного или мистически настроенного человека. Для них сперва, раньше всего, важнее всего страдание; им нужно страдание, чтобы вымолить что-нибудь, страдание ради прощения.

Для меня, например, страдание совершенно не желательно, я его не хочу. Но если ради убеждения моего, ради достижения моих идеалов придется понести известное страдание, то это будет один из неизбежных эпизодов моей жизни. И больше ничего. Я не мистик и не религиозный человек, мне страдание вовсе не нужно, да и не хочу его, но готов безропотно его принять, если окажется это неизбежным. Я о страдании и не думаю, оно совершенно меня не занимает,— это просто возможность да и только.

Итак, тов. Тату, не думаю, чтобы [Вы] хотели страдать для страдания. Ну, словом, и т. д., Вы меня понимаете, не правда ли?

Пока всего наи-наи-наилучшего.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, лл. 7—8.

№ 3

Март 1919 г.

Преславная и несравненная Тату!

Когда я получил Ваше письмо, была уже готова весточка — ответ на первое Ваше письмо.

Я очень рад, что Вы так охотно, с душой рветесь на работу,— это очень приятно!

Вы желали бы, если будет возможно, что-либо предпринять для освобождения заключенных товарищей; мысль сама по себе великолепна, но есть некоторые обстоятельства, кои говорят следующее: во-первых, арестованные числятся за англичанами [5]; во-вторых, эти дни могут быть развеселыми для засевших в Петровске контрреволюционеров, и поездка Ваша туда нежелательна. Мы кое-что предпринимаем для поднесения им «пасхального яичка», не знаю, удастся ли, но что-то есть; видите, как я Вам доверяюсь! Вы только молчок! Буде Вы сумеете кое-что сделать, находясь в Шуре [6], делайте, но помните, что мы, большевики, не молим и не просим контрреволюционеров, мы заставляем их делать, что мы хотим.

Хитрость, красиво придуманная, очень даже желательна; попытаться что-нибудь узнать о них — очень даже хорошо.

Что же касается вообще работы, ничего нет лучше этого. В Вас действительно говорит жгучая ясная молодость, перед которой не могут устоять никакие преграды, она сносит все перед собой! Было бы поэтому очень жаль Ваше молчание, ибо это молчание половины всего горского народа; ведь наш женский элемент совсем не дает о себе знать. Вы говорите, что Вы без двадцати минут большевичка. Славная, хорошая, Вы или ошибаетесь, или Вы отстаете от движения. Я бы предпочел последнему первое, по-моему, Вы когда-то уже были без пяти — большевичка и, о, ужас, такой колоссальный скачок назад! Нет, Вы клевещете на себя. Итак, еще немного, и Вы вся наша.

Работа Ваша нужна, желательна и, если хотите, необходима: молодость, молчащая в данное время, не молодость, а ветхость. Таким образом Вы работайте. Если будут какие-либо сомнения, неясности, будем беседовать и сообща рассеем все тучи! Вы должны делать ту же работу, что и мы, а начните, ну, хоть с агитационной! Будьте нашей первой агитаторшей-горянкой, только ясность, смелость и еще раз смелость.

Знаете ли, что я Вам скажу? Если бы Вы несколько подтянулись и отбросили сомнение, у Вас взор и мышление значительно острее многих наших молодых, уже работающих, коммунистов. Подробнее о самой работе мы с Вами еще поговорим, а работницей я Вас уже считаю, раз Вы выразили желание.

Сейчас уезжаю, а потом до скорого свидания! Не знаю, как послать письмо,— все уже уехали.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, лл. 3—4.

№ 4

20 апреля 1919 г.

Тату!

Уже дописано и второе [письмо] и вдруг получаю сегодня (20 апреля) новость приятную — все четыре наши товарища (Полин, Хренов, Измайлов и Луцикович) освобождены англичанами, почему содержание второго письма делается несколько излишним, но я все-таки его Вам шлю.

Шлю также привет в такой христианско-мифологический день! Ведь что и говорить, идея воскрешения сама по себе удивительна, красива. Мятущийся дух человека не хочет уничтожения, не желает быть прахом, и вот, будучи слабо вооружен, он не нашел ничего другого, как красиво обмануть себя. Ум человеческий, толкаемый немолчным [1] духом, создает образы, дивно захватывающие. Пусть наука доказывает, что такого воскрешения нет и не может быть, но она, наука, всегда красоту достойно отмечает. Итак, долой все религиозные путы и заблуждения, да здравствует устремленность и беспокойство духа человеческого!

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535 Р, оп. 1, д. 12, л. 5.

№ 5

Апрель 1919 г.

...Тату, Вы должны не о том жалеть, что Вы не мужчина, в этом нет ничего, ни с какой стороны, предосудительного; ведь в наше время мужчина и женщина имеют одинаковый простор для борьбы, для работы. Правда, до сих пор женщина была или на втором месте или же, если выступала на авансцену, то делалась куколкой. Ныне времена не те — мир и простор всякой смелой и ищущей душе, а Вы, я уверен, и обладаете такой душой. Прикажите, Вы для меня дорогая сестрепка! Словом, воля Ваша! Я же заканчиваю свою работу — еще немного, и в Дагестане закончится работа, тогда я опять свободная птица. Мир необъятен. То, к чему я стремился, в одном сбывается — в политике мы победим, остальное еще, может быть, добуду также; к личному счастью я никогда не стремился, если фортуна сама тоже не находит нужным, пусть будет по сему.

Вы, Тату, часто говорите о любви Вашей к своему народу; в таких случаях я Вам постоянно, если помните, говорил: не думаю, чтобы Вы ненавидели или вообще питали неприязнь к другому какому-либо народу. Поверьте, славненькая Тату, я в течение некоторого периода не спал очень и очень много ночей только потому, что любил, да, любил свой народ. И смею Вас уверить, что моя любовь к своему народу, во-первых, выше всех прочих словес своей действительной и правдивой чистотой (скажите, бывает чистота не правдивая, да, бывает; сейчас, когда это пишу, я один) и, во-вторых, эта любовь исключительна, она не только не вредит соседу моего народа, но напротив, — в помощь ему. Полагаю, уверен, не могу иначе и думать — ведь и Вы не против своих соседей. Но скажу определенно — нынешнее лето может быть на долгий промежуток последним моим пребыванием в Дагестане. После завершения борьбы, после того, что Вы мне ответили, у меня не остается никаких связей, никаких нитей; нет у меня ни родства, ни друзей, нет ничего; один, как перст, гол, как сокол.

Великолепное дело иметь друга, которому, ну, ничего не скрывая, можешь поверить свои волнения, тайны, словом все, все. Нет у меня такого друга.

Знаете ли хорошая, да что хорошая, дорогая Тату, когда я сижу с кем-либо, смеюсь и как бы безмятежно беседую, у меня подчас на душе такая боль, такая тоска и потому не знаю я, умею ли я веселиться. Словом, дивная Тату, я есть я и больше ничего. Хотите — примите, хотите — оттолкните, что ж, одной болью будет больше, я и ее скрою.

---

[1] Так в тексте.

Судьба моя в Вашей руке. Зачем Вы хотите перестать уважать, мне верить?

Вы хотите знать время взятия нами Шуры и еще револьвер. Зачем такая связь? Что Вы хотите сделать? Я и то и другое сделаю, но умоляю Вас, хоть немного подымите завесу, пусть узнаю и я хоть что-нибудь! Это не простое любопытство!

Итак, итог трех Ваших просьб:

1. Любить Вас в душе своей всегда я буду, если прикажете, я постараюсь вырвать все с корнем, но сохраню к Вам самое солнечное отношение, уважать буду и любить, как сестру свою.

2. О дне нашего выступления и

3. Револьвер

я достану, и скажу второй пункт с условием, третий — без всякого условия, конечно.

Будьте откровенны, если Вы считаете меня, ну хоть своим другом.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 9—11.

№ 6

6 мая 1919 г.

...Тату!

Здравствуйте! Вы, кажется, имели, что-то сказать об офицерах, их намерениях, чаяниях и прочее. Жизнь — вещь не простая; одна волна налетает, другая не доходит, а то бывают просто и потуги. Одно ясно: Ваше убеждение так крепко, что инде море по колено.

Если что-либо имеется, может быть, сообщите? Где и как сообщите? Эти дни несколько неудобно мне испытывать своих товарищей; опасность по-разному влияет на людей — кого подзадоривает, кого ослабляет, кого бросает в лужу. Наш народ еще очень неопытен и слишком крепки у него земные узы, вопреки глаголанию о том свете и проч. Да, это так, но его за это винить, конечно, не приходится. Констатировать факт и объяснить положение нужно. Чем больше мы будем обращать внимания на наши недостатки, тем скорее мы обретем и больше положительных сторон.

Ваш Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 6.

№ 7

12 мая 1919 г.

Дорогая Тату!

Сегодня было устроено собрание представителей Шуринского гарнизона. Если бы Вы знали, какие это слабые люди! Никакой уверенности в своей силе, в своем умении. А ведь это лучшие, ищущие, недовольные. Что ни слово — дряблость, расхлябанность. Кто в этом виноват? Конечно, не они, бедняги! Проклятая, бездушная дисциплина, не дисциплина сознания, революционное исполнение! Нет! Эти люди могут говорить, быть носителями

кое-каких идей, но нет никакой энергии для того, чтобы проводить в жизнь желаемое. Так, если еще несколько продолжится, из них может вытравиться весь дух, тот дух, который обыкновенно предполагается в них, когда мы произносим слово «горец». Как много было в этом слове, как часто его повторяют, и все-таки!

Тот путь, на котором находится наша богоспасаемая столица — это путь расслабления, развращения психологии дагестанского народа. Для того, чтобы «наш народ» мог иметь в себе то, что вы хотите вселить в их души, во что бы то ни стало необходимо с корнем изменить всю нашу действительность, т. е. создать такие условия, при которых была бы возможна свободная воспитательная деятельность. Ведь школа — это хлеб насущный для самосознания и психологии народа.

А что в этой области делает правительство? Какие школы открывает, какова в них программа, кто учится? Нуль, нуль и нуль! Где забота о театре, искусстве? Где народные университеты? Всего того, милая, любящая свой народ, хорошая девушка, нет у нас в Дагестане и не будет при данных условиях.

Неужели Вы не чувствуете, что атмосфера государственности «наших правителей» не что иное, как гнилое старье? Вы это великолепно чувствуете и Ваши симпатии совсем не там, но Вы чего-то боитесь! Дорогая большевичка без пяти минут, если Вы чего-либо боитесь, это не что иное, как безобразные проявления народного гнева, бывшей народной забитости. Тут в Вас говорит, знаете кто?— интеллигентка!

Подумайте над этим, и прошу Вас, ответьте.

Весь Ваш Уллубий

P. S. Вечером перешлю револьвер.
12.V — 19.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 12.

№ 8

Вторая половина мая 1919 г.

Дорогая Тату!

Не ожидали? Ну что же, всяко может быть! Из своего чудного по ароматическим достоинствам «каменного мешка» пишу Вам это. Не успел я Вам отдать в своих письмах души своей чаяния, как влопался в такой казус...

Ужасно то, что весна, цветы кругом, должна кипеть работа, а я сижу в одиночке без солнца, почти без воздуха. Ну не беда, отсюда, в такой дали от Вас, я вижу Вас еще более милой и дорогой...

Все же ближе к делу! Подателю сего нужно указать кого-либо из наших. Где Ибрагим [7]? Необходимо записку, которая у него, возможно скорее послать в Торкале [8]. Простите меня, я Вас обеспокою, но более верного пути нет. От успешности этого дела зависит мое «быть или не быть».

Ну, как Вы поживаете? Милая, хорошая Тату, а ведь нет худа без добра: давно я не имел возможности почитать, а теперь один-одинешенек и читаю.

Любящий Вас Уллубий

P. S. Еще одно, Тату: этому товарищу нужно денег, и вот я в затруднении. Дело в том, что его никто не должен знать. Деньги есть, но нужно их взять осторожно, чтобы Вас не заметили. Если это будет возможно, то обратитесь к [1] ....и возьмите у него двадцать тысяч. Десять передайте подателю, а десять храните у себя до случая.

Итак, Татуша, я Вас заставляю рисковать! Ради ваших глаз, будьте осторожны (я в особенности люблю Ваши глаза).

Если придется умирать, буду кричать: «Да здравствует Советская власть и дивное солнце мое, Тату».

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 14.

№ 9

Май — июнь 1919 г.

Дивная, смелая, милая Тату!

Простите, не думал, что причиню Вам хоть какую-либо досаду; я говорю о том офицере, который оказался столь неблагородным.

Я сейчас Вам все объясню. На 4—5-й день водворения нас в Петровской тюрьме был дежурным тот офицер — ингуш Льянов; он как-то разговорился со мной; выяснилось, что его двоюродный брат учился в Москве со мной в университете. На следующее дежурство он принес весть от другого ингуша, который предложил ему и своему родственнику, тоже офицеру батальона, как-нибудь освободить меня. Через Льянова я передал тому ингушу записку, где говорил, что я один не желаю бежать, быть освобожденным, оставить товарищей как-то не по мне,— в крайнем случае, нужно, освободить 7—5—3 человека. Этим дело кончилось. По-видимому, они не сговорились, хотя нечего и говорить, что им была обещана большая сумма.

Прошло некоторое время, тот же Льянов сообщил мне, что из Назрани прибыл человек с письмом от Ингушского комитета и Саида Габиева [9)] с обращением к обоим офицерам-ингушам, где затрагивалась честь, национальное чувство и проч., впрочем, напоминалось, что они, если горцы, то должны во что бы то ни стало не выдавать меня в руки казаков и устроить побег. Оба ингуша решили утащить все пулеметы батальона, выручить нас или всех, или нескольких, или, в крайнем случае, если нет иного выхода,— меня одного. Я тогда сидел в одиночке, а остальные товарищи в двух разных камерах. Значит, нужно было подготовить кое-что: передать несколько денег Льянову, чтобы он мог «ублаготворить» (чудная Тату, как мерзко кругом, все держится на презренном металле, разве это не больно?) своих разводящего и часовых, затем нужны были лошади и подводы для пулеметов. Для конспирации нужно было, чтобы никто не знал и не был знаком с Льяновым.

Как быть? Кругом такая продажность и подлость, что сказанное ближайшему товарищу делается известным чуть ли не всему миру! И вот тогда остался единственный человек — это были Вы. Я решился написать Вам. Извините, тысячу-тысячу прощений! Это не потому я говорю, что в Вас самих мог вызвать какую-либо горечь, нет! Вам было неприятно, что я доверился этому типусу! Но что делать, кому довериться? Он, негодяй, снял, оказывается копию с моей к Вам записки, показал ее еще другому офицеру... Что может быть хуже, подлее этого?

Хорошая, смелая Тату, так много нечистого, грязного вокруг, что подчас делается жутко уже за себя — может быть, вся эта грязь, подлость и

[1] Слово неразборчиво.

прочнее не во мне ли самом? О, Тату, если бы Вы знали, как тяжело все это! Клянусь честью, всем, что мне дорого в жизни, я ни на минуту не колеблюсь умереть и готов пойти на худшее, но зачем я так несчастен? Что такое жизнь? Разве не умирали в тысячу раз лучше, смелее? Все это ерунда.

Ну, простите, Тату, милая. Вы для меня единственный человек, от которого я ничего не скрою и которому, как на духу, готов открыть свою душу. Мать передавала, что Вы слишком уж сильно атакуете халиловскую [10] кампанию. Смотрите, будьте осторожны, не нужно быть слишком опрометчивым, не надо брать примера с меня, ведь я так глупо влопался. А какой паршивый этот М. Махтулинский! [11]

Итак, дорогая Тату, к Вам просьба простить меня, быть осторожной и, если будете иметь хоть какую-либо возможность, черкнуть мне несколько строк — это так было бы хорошо. (Льянов больше не появлялся здесь, и Вашей записки я не получал.) Не правда ли, обещаете?

Дела сейчас таковы. Фактически мы (9 человек заключенных) находимся в распоряжении исключительно военных, сегодня пятый день, как нас окарауливают казаки. Это, говорят, по случаю байрама [12]. В сущности все время чувствовалась рука добровольцев. Относятся ничего, можно сказать, даже хорошо. Суд ожидается уже давно — «на днях». Будут судить 19 человек: 9 дагестанцев и 10 русских. Первое время я был с русскими, потом сделали меня дагестанцем, затем засадили в одиночку, справедливо полагая, что я только всего-навсего Уллубий Буйнакский, — ныне я опять дагестанец. Каково? Ну, прощайте. Тут сидит Исмайлов. Бедняга не успел выйти, опять попал.

Любящий Вас Уллубий

P. S. Я Вам писал всего одну записку, это вторая. Если будут Вам говорить, что послал и т. д.— не верьте.

Ваш Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, лл. 5—7.

№ 10

Начало июля 1919 г.

Дорогая Тату!

Здравствуйте! Получил обе записки Ваши — спасибо...

Знаете, Тату, никогда себя не испытывал я в таком мерзком подавленном состоянии, как в день, когда нас заковали; трудно передать всю душевную боль от их звуков... Ну, да черт с ними! Пусть делают все, что могут. А все-таки? Когда я знал, что могут меня расстрелять, я не испытывал чувства мести, не было боли, а ныне звон кандалов начинает пробуждать там, где-то в глубине, нехорошие чувства; стараюсь дать им объяснения, делаю вид, что в сущности говоря так и должно быть, ан — не тут-то было! Месть — нехорошее чувство, а все-таки...

Итак, Вы говорите, что новостей не сообщаете, чтобы не тревожить меня; милая Тату, ведь знаете же Вы, что я довольно крепок и на все стараюсь смотреть спокойно. Рок настолько сильно разорвал со мной связи, что кажется уже мало, что меня может удивить. Удивляться уже и потому не приходится, что тут рядом в камере узнаешь то, что никогда не хотел бы знать; подчас товарищи чуть не едят друг друга.

Ну, всего прекрасного.

Уважающий Вас Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 23.

№ 11

17 июля 1919 г.

Радость и солнце Татушенька!

Коль любить,
Так без рассудку!

А. К. Толстой

Правда ли это? Так ли это должно быть? Я думаю, что это в нынешние времена требует коррективa... Терять рассудок так, чтобы творить выходящее из круга моих убеждений, стремлений! Нет!

Я определенно тебе скажу, что любовь, как бы она ни была сильна, должна несколько соответствовать моему мировоззрению. В противном случае я должен буду или вырвать ее из груди своей, или погибнуть. Может быть, читая эти строки, ты улыбнешься и скажешь: «А, храбришься, значит с тобой, мальчик, что-то неладно!». Не знаю, ты права или нет, но запомни, что из двух любящих существ один должен несколько подпасть под влияние другого, затем это может быть и обратно, но полного равенства почти нельзя сохранить. А разве так уж плохо подпасть под влияние любимого человека? Как будто нет! Все же нет тогда, когда мировоззрение этого существа близко, понятно, дорого!

Ты любишь свой народ. Не раз об этом ты мне говорила. Как любишь, что ему ты хочешь и каким путем желаешь его удовлетворить? Вот главное. И не забывай, что народ в буржуазных обществах не имеет единства, в нем есть антагонистические группы; вся борьба, ныне существующая, основана на этих антагонистах — бедняке и богаче. И, конечно, ты любишь в своем народе всех Магама и Акаев, но ни одного Асельдера и Нухбека и Халилова [13)]. Правда? Отсюда ты делаешь вывод, должна сделать. Да ты же и так уже была «большевичка без двух минут»,— кажется так?

А ныне, если подойдешь ближе к коммунизму, то будешь иметь возможность любить весь народ, именно весь! Наше общество, общество коммунистов цельно, нет в нем ни сословий, ни классов, — там все равны в правах и обязанностях. В этом обществе человек отказывается, перестает бороться с собой, с себе подобными, а всю свою мощь, всю свою энергию ума и воли направляет на борьбу с природой; в этом обществе единственным предметом страсти человеческой являются науки и искусства; в этом обществе красота и любовь приобретают особую силу и делаются знаменательными. Смысл жизни здесь — это счастье человечества.

Тогда же начнется отрубание особо острых углов и высвобождение личности от слишком сильного гнета общества, буде там таковой. Со всем этим, я думаю, ты со мной согласна; значит, вопрос в тактике. Какова твоя тактика, что сперва и что потом, что тебе сейчас наиболее кажется необходимым сделать, каковы тебе желательные шаги? Это все общественное!

А личное? Личное дело мое, Тату, должно временами совсем поглощаться общим, но совсем отказаться от него нельзя, да и не нужно. Ведь лично не удовлетворив себя, я не могу и должным образом бороться за общее. Удовлетворение личного и завоевание общего блага должны разумно и гармонически сочетаться.

Всем этим не надоел ли я тебе? Не люблю я много писать, а тут с тобой хочется без конца говорить. Как быть? В эти дни я себя не узнаю! Если задумаюсь и замечтаюсь, то только о тебе, о смерти совсем не думаю, как

будто ее и не существует. Умереть, зная, что есть дорогой тебе человек, не так страшно, но без этого я бы испытывал пустоту в душе! Как будто немного начинаю путаться, дабы совсем не потеряться — перестаю.

Тысячу прощений и извинений за надоедливость.

17. VII.

Любящий и обожающий тебя Уллубий

P. S. Жду ответа на первое письмо, ты его должна была получить.

Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, лл. 21—22.

№ 12

18 июля 1919 г.

Дорогая Тату!

Вчера и сегодня мы получили массу сведений из газет и записками. Все это так радостно, что все начинаешь забывать!

Харьков пал, идет бой за овладение Екатеринославом. Ашхабад пал, идет наступление на Красноводск; Колчак, разбиваемый повсюду, отступает в беспорядке, есть даже слух, что он застрелился, дабы не попасть в плен; наши подошли к Златоусту.

Началось революционное движение в Италии и Франции; английские рабочие решительно высказались против вмешательства в наши российские дела. Ну, как при этом не радоваться?

О Тату милая, если бы ты знала, как хочется выйти на свободу и работать, работать и работать. В такой великий момент быть вдали от всего — как ужасно!...

Так дольше не может продолжаться: или пан или пропал; сделаю все, чтобы вырваться из мешка каменного. Кое-что уже готовим: оружие, пилы и т. д. Охрана для нашей камеры специальная — это сильно мешает. Да! ведь получил весточку и о дженгутаевском деле! [14] Отлично! Первый удар — первая удача! Это замечательно, это придаст неслыханную бодрость нашим и опустит в воду врагов.

Что делается у Вас в Шуре? Будет ли столкновение?

Я сейчас, несмотря на заключение свое, чувствую себя самым богатым человеком в мире! Я стремлюсь одновременно и питаюсь лучами трех солнц: общего всем, Советской власти и, наконец, твои лучи, ты мое солнце. Хочу жить, хочу быть около тебя, молиться на тебя! Без тебя жизнь не жизнь, а смерть — желанный друг.

Пишу к тебе каждый день, не всегда удается послать, а потому приходится несколько писем посылать сразу.

Дорогая! Постарайся написать.

Сраженный тобою, несчастный узник Уллубий

18.VII.

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 25.

№ 13

Июнь — август 1919 г.

Дорогая Тату!

Не знаю, во-первых, кто этот русский, во-вторых, что могу сказать про Джабраила, брата Махача? [15] Верить или не верить? Надо делать вид, что ему верим, но окончательно довериться трудно. Ничего серьезного не открывайте. Вот если бы Вы сообщили, как его, русского, звать, тогда можно было что-либо сказать. Во всяком случае, пусть сперва тот русский видится с Володей, потом уже с ведущим наше дело,— ведь Вы его знаете — Борис [16]?

Никаких денег сперва им нельзя давать, а вопрос с домом совсем отбросьте в сторону. Если бы вопрос был только в деньгах, мы давно были бы на свободе.

Ради всего, будьте осторожны и никому не доверяйтесь. Сегодня написал к Володе, чтобы он поехал в Шуру и увиделся там с русскими.

Пишу эту записку по возвращении со свидания с матерью; тут же передали мне и другое Ваше послание, многое хочется на него сказать. Пока же скажу — я вновь жив, и пусть все черные силы мира соединяются воедино, и то мне ныне ничто, ибо Вы со мной, и мы все равно должны победить!

Спасибо.

Любящий и обожающий Вас Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 24.

№ 14

Начало августа 1919 г.

Дорогая Тату!

Разреши напоследок назвать тебя на ты, ведь мы до сих пор были на вы. Я старался, как мог, пройти свой недлинный жизненный путь. Никто не скажет, не смеет сказать, что я был нечестен и т. д., не смеет меня поносить. Этого вполне для меня достаточно. Какова была моя жизнь? Поверь мне, не видел я радостей с самых малых лет; и вот теперь, оказывается, на закате я нашел себе солнце, улыбнулось мне ясное, чистое небо, и эта улыбка была твоя. Да, твои дивные глаза говорили, чтобы я шел радостно и смело, что отныне имею милое, дорогое существо. Ты очень хорошо на мое письмо ответила: «Ведь я люблю Вас». Этого мне достаточно, я счастлив с той минуты. Но разлука и вечная так скоро нас с тобой настигла! Зачем? Не судьба!

Будь ты смела и решительна, как всегда. Посуди, молодость, обновляющаяся жизнь, мировая борьба в разгаре, — запомни, что на мне свет клином не сошелся! Будь тверда и с гордо поднятой, чудной своей головой шагай к светлому будущему, ведь в ней бездна возможностей. Если ты меня любишь всей душой, не проливай ни единой слезы — пусть злые вороги не насмеются. Если ты меня любишь всеми своими помыслами, не опускай долу глаз своих, пусть никто из них не заметит твоей слабости, напротив — пусть каждый встретит молнию в твоих глазах и заерзает, как преступник.

Адвокат говорил, что я могу подать прошение. Милая Татуша, я подам прошение? Да никогда! Ты бы тогда не признала во мне Уллубия. Жаль остальных товарищей; их напрасно со мной связали...

Итак, милая, смотри вперед и живи на благо нашего народа, который ты так любишь. Не делай никаких глупостей. Ну, прощай, целую далеким и таким близким поцелуем. Слова одного старинного поэта:

«Идти своим путем свободно
Так жить, как просится душа —
Все это очень благородно,
Но в этом мало барыша...»

Люби, милая Тату, и мою дорогу.

Твой Уллубий

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 18.

№ 15

16 августа 1919 г.

Дорогая Тату!

Пишу в Петр[овске], на станции, в вагоне. Могу быть расстрелян, ничуть не боюсь. Я Вас люблю.

Уллубий [17)]

ЦГА ДАССР, ф. 535-Р, оп. 1, д. 12, л. 26.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Речь идет о так называемой Республике горцев Северного Кавказа, возглавлявшейся контрреволюционным «горским правительством».— 53.
2) Хаджи-Омар Булач — брат Тату Булач. После установления Советской власти в Дагестане — заведующий кафедрой глазных болезней Дагестанского медицинского института, профессор; умер в 1959 г.— 53.
3) Асельдер — известный в Дагестане помещик.— 54.
4) Нажмутдин Гоцинский — один из главарей дагестанской контрреволюции.— 54.
5) Речь идет об английских интервентах, оккупировавших Порт-Петровск (ныне Махачкала) в 1919 г.— 55.
6) Темир-Хан-Шура — ныне Буйнакск.— 55.
7) Ибрагим Махмудов — один из активных участников борьбы за установление Советской власти в Дагестане.— 58.
8) Торкале — селение Кумторкале (в 20 км от Петровска), где находился Дагестанский обком РКП(б).— 58.
9) Саид Габиев — активный участник борьбы за установление Советской власти на Северном Кавказе. Ныне персональный пенсионер.— 59.
10) Халилов — царский генерал, в 1918 г. военный министр «горского правительства», назначенный затем Деникиным «правителем Дагестана».— 60.
11) Мехтулинский — офицер, арестовавший руководителей большевистской организации.— 60.
12) Шамилевский батальон из дагестанцев, охранявший арестованных членов Дагестанского обкома большевиков, был сменен казаками, якобы на время уразы-байрама (мусульманский пост). В действительности, смена караула была произведена, чтобы предотвратить готовившийся побег арестованных.— 60.
13) Асельдер Каналипов, Нухбек Тарковский и Халилов — главари контрреволюции в Дагестане.— 61.
14) У селения Дженгутай в середине июля 1919 г. происходили бои между восставшими против Добровольческой армии жителями Даргинского и частично Темир-Хан-Шуринского округов. Восстание было быстро подавлено.— 62.
15) Махач (Магомед-Али Дахадаев; 1882—1918) — один из активных организаторов борьбы за Советскую власть в Дагестане. Убит контрреволюционными бандами в сентябре 1918 г. у селения Верхний Дженгутай. В память о нем город Петровск-Порт переименован в Махачкала.— 63.
16) Борис — Б. П. Шеболдаев (1895—1939) — член Коммунистической партии с 1914 г., один из организаторов и руководителей борьбы трудящихся Дагестана против Деникина. После ареста членов Дагестанского обкома был прислан из Астрахани для продолжения партийной работы.— 63.
17) Письмо написано перед отправкой на расстрел.— 64.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОМИТЕТЫ МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ И ОБОРОНА ПОДСТУПОВ К СТОЛИЦЕ В 1919 г.

В сентябре — октябре 1919 г. войска белогвардейского генерала Деникина, вооруженные иностранными империалистами, продвинувшись далеко на север, захватили Курск, Орел, Воронеж, вошли в пределы Тульской губернии. Создалась непосредственная угроза столице Советской республики — Москве. Если учесть, что почти одновременно войска генерала Юденича вплотную подошли к Петрограду, то станет очевидной вся серьезность опасности, нависшей над советской страной осенью 1919 г. Сложность и напряженность положения усугублялись активизацией контрреволюционной агентуры в советском тылу. В ряде важнейших центров страны, и прежде всего в Москве и Петрограде, враги организовали заговоры, готовили мятежи, осуществляли террористические акты. Крайне тяжелым было и экономическое положение советского тыла: острый недостаток сырья и топлива создавал огромные трудности для работы промышленности, голод изматывал силы трудящихся.

В этих неимоверно сложных условиях Коммунистическая партия сумела организовать отпор врагу, мобилизовать все резервы для обороны Республики. Наряду со всемерным укреплением фронтовых частей были осуществлены многочисленные мероприятия по созданию надежной обороны во всех районах, которым угрожал противник.

Специальным постановлением Совета Рабоче-Крестьянской обороны обширная группа районов, опоясывавших Москву с запада, юго-запада, юга и юго-востока (по линии Витебск, река Днепр, Чернигов, Воронеж, Тамбов, Шацк) объявлялась на военном положении и готовилась к упорной обороне.

По приказу Реввоенсовета Республики был создан Московский сектор обороны — в него входили: Московская, Тульская, Рязанская, Калужская губернии и несколько уездов Смоленской и Орловской губерний. В этих районах создавались оборонительные рубежи, укрепленные пункты, проводилась широкая работа по созданию коммунистических отрядов, рабочих дружин, мобилизации коммунистов, комсомольцев, членов профсоюзов, развертыванию военного обучения и т. д.

Можно полагать, что ни в одном из прифронтовых районов страны, ни в предшествующие, ни в последующие периоды гражданской войны, работа по укреплению обороны не проводилась с такой энергией, в таком масштабе и на такой большой территории. Эта работа имела большое значение для приостановки наступления деникинцев и организации их

последующего разгрома. Действия вражеской агентуры, на которую Деникин возлагал большие надежды, были парализованы. Проведенные в этот период партийные, комсомольские, профсоюзные мобилизации дали фронту дополнительные кадры командиров, комиссаров, бойцов.

Конкретные исторические факты, связанные с организацией в 1919 г. обороны Москвы и прилегающих к ней районов, ярко свидетельствуют о силе и энергии Коммунистической партии, о ее неразрывной связи с массами, о непоколебимой стойкости трудящихся Советской страны, их мужестве, преданности делу Советской власти, твердой решимости отстоять завоевания Великого Октября.

Вопрос об организации обороны Москвы осенью 1919 г. привлекал к себе внимание советских историков. Однако в имеющихся диссертациях и печатных работах главным образом исследуется деятельность партийных организаций и трудящихся самой столицы. Документальный сборник, посвященный защите Москвы в 1919 г. [1], содержит ряд ценных документов, отражающих деятельность ревкомов губернии. Однако этих документов явно недостаточно для более или менее широкого представления о размахе проводившейся работы.

Публикуемые документы в известной мере восполняют имеющийся пробел и значительно расширяют наше представление о деятельности ревкомов Московской губернии. Они рассказывают о создании военно-революционных комитетов в уездах, районах и волостях Московской губернии; рисуют картину напряженной и плодотворной работы ревкомов по мобилизации сил трудящихся для отпора Деникину. В документах приводятся конкретные данные о создании оборонительных рубежей, опорных пунктов, охране дорог, мостов, различных оборонных объектов. Ряд материалов рассказывает о мобилизации коммунистов, советских и профсоюзных работников, о развертывании военного обучения, создании партизанских отрядов. Немало документов рассказывает о борьбе за соблюдение строжайшей революционной дисциплины, о мерах по предупреждению и пресечению вылазок контрреволюционных элементов.

Публикуемые документы охватывают лишь небольшую часть истории борьбы трудящихся Московской губернии за организацию отпора Деникину, приоткрывают лишь одну страницу этой истории. Но это страница интересная, яркая и, главное, почти неизвестная читателю.

Документы, включенные в публикацию, хранятся в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОРСС МО), в материалах Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (фф. 66 и 66/40) и в фонде Московского губернского революционного комитета (ф. 4718) и подготовлены к печати В. А. Дубовицкой и М. Я. Ржезниковой.

Ю. А. Поляков

№ 1

Объявление Можайского Совета о создании уездного ревкома

29 сентября 1919 г.

На основании постановления губернского совдепа о введении военного положения в Московской губернии, постановлением Можайского испол-

[1] Московские большевики на защите Советской столицы в 1919 г. Сборник документов под ред. Г. Костомарова. «Московский рабочий», 1947.

кома от 29 сентября и губревкома, согласно телеграмме от 28 сентября, в Можайском уезде создается революционный комитет, которому и передается вся полнота власти в городе и уезде.

Председатель Совета Борисов
Секретарь Кузнецов

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 5, л. 24.— Типографский экз.

№ 2

Приказ московского уездного ревкома[1] исполкому Козловского волостного Совета об образовании ревкома

3 октября 1919 г.

Московский уездный революционный комитет 3 октября с. г. постановил образовать в вашей волости революционный комитет. В волостной революционный комитет назначаются: председателем Рубцев и членами ревкома т. Рудняк и т. Филеев.

Московский уездный революционный комитет
Председатель ревкома Миритеев
Член ревкома Икан

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 6, л. 31.— Заверенная копия.

№ 3

Воззвание Клинского уездного ревкома с призывом сплотиться в борьбе с контрреволюцией

6 октября 1919 г.

Товарищи! Красноармейцы, рабочие, крестьяне и все честные граждане, революционный комитет считает своим долгом довести до сведения всех, кто искренне и честно любит свою родину, что наша социалистическая родина сейчас находится в большой опасности.

Товарищи, с Южного фронта банда царского генерала Деникина с разбойниками и насильниками все сильнее напирает на центральную Советскую Россию — на Россию измученную, истерзанную, голодную и холодную.

А здесь, внутри России, рассыпались по всем уголкам агенты Деникина, сеют смуту, бросают бомбы в лучших наших товарищей, вождей Советской России и всех трудящихся, устраивают заговоры, взрывают мосты, разбирают железнодорожные линии, истребляют и сжигают имущество, съестные и другие припасы, поднимают восстания и т. д. и тем самым еще более ухудшают положение трудящихся.

Царские генералы и офицеры, помещики и фабриканты, банкиры и купцы, а с ними отъявленные головорезы, идут громить, резать и насиловать трудящихся.

---

[1] Одновременно ревкомы были созданы в Ленинской и Ухтомской волостях.

Несут они на фабрики и в деревни цепи и каторгу, расстрелы и виселицу.

Несут они вашим женам и дочерям позорное бесчестие и насилие.

Снова по нашим спинам будет гулять нагайка, а фабрики, заводы и земля перейдут к ним в руки.

Хлеба от них нельзя ждать.

Что несут эти господа, вам расскажут те, кто пожил под властью Колчака и Деникина.

Горе, товарищи, тем, кто соблазнится и поверит им, потому что они погубят себя, своих детей и свою родину.

Горе тем, кто пугается и трусит, потому что они отдадут свою родину на разграбление иностранным хищникам: Англии, Франции, Японии, Америке и т. д.— и обрекут себя и свое потомство на вечное рабство и мучение.

Советская Россия в опасности! Не раз мы переживали опасность, но выходили с честью и достоинством.

Поэтому все, кто жаждет избавления, кто хочет скорее вылечить измученную, истерзанную, нашу гордую и могучую красавицу — Советскую Россию, скорее спешите на помощь.

Все, кто честен и смел, кто не хочет быть изменником родины — спеши скорей в ряды.

Кто не хочет быть изменником — спеши на помощь всем, чем можешь.

Тесней сомкнитесь, пролетарии и крестьяне, гоните прочь с своей земли иностранных и царских разбойников.

За Советскую Русь, за освобождение человечества тебе честь и слава, великий пролетарский и крестьянский борец!

Позор, проклятие и смерть предателям и изменникам Советской Социалистической России!

Да здравствует наша Красная Армия!

Да здравствует Советская Россия!

Да здравствует мировая революция и мировая Советская власть!

В бой, пролетарий! В бой, крестьянин!

Скорее готовьтесь! Победа за нами!

Клинский уездный революционный комитет

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 3, л. 13.— Типографский экз.

№ 4

Из протокола заседания Рузского уездного ревкома о приведении коммунистического отряда в боевую готовность

6 октября 1919 г.

Слушали: Заявление товарища Жерехина о приведении коммунистического отряда в боевую готовность.

Постановили: 1) Всех коммунистов, проживающих на частных квартирах, перевести в общежитие Народного дома и дом бывшего Стрелкова, для чего из дома Стрелкова в срочном порядке выселить всех проживающих там не коммунистов; сделать предписание заведующему телефонной станцией о проведении телефона в общежитие при доме Стрелкова и передать его в ведение Народного дома.

Заведующему Народным домом оборудовать таковой.

2) Вооружить коммунистический отряд винтовками и по возможности револьверами.

3) Ежедневно производить занятие [по] военному искусству и политическому воспитанию. Инструкции занятий выработать товарищу Жерехину.

4) Поручить товарищу Жерехину сформировать кавалерийский отряд из числа коммунистов, для этой цели, с согласия заведующего райсовхозом, пользоваться лошадьми для обучения езде из советских имений, [о] снабжении седлами просить упродком, каковые у него имеются.

ГАОРСС МО, ф. 66/40, оп. 3, д. 84, л. 1.— Подлинник.

№ 5

Из протокола заседания Звенигородского уездного ревкома об организации в уезде ревкомов

8 октября 1919 г.

Порядок дня:

1. Об организации ревкомов в уезде и их местонахождении.
2. О конных и пеших отрядах и их местонахождении.
3. О постоянных дежурствах членов исполкомов и отрядов.
4. О ремонте мостов и починке дорог.
5. Текущие дела.

По первому вопросу постановили:

Уездный ревком — местонахождение в Воскресенске. В Звенигороде — состав ревкома из следующих товарищей: председателя Лонина и членов Горелова и Чернышева.

Перхушковской волости — местонахождение ст. Галицыно. Председатель Совотеев, члены Тюльков и Клубков. Пятницкой волости — местонахождение село Пятница. Председатель Шленкин, члены Жуков и Фураев. Вышеозначенным ревкомам немедленно приступить к работе, сообщив местонахождение и телефоны в уездный ревком.

По второму вопросу:

Иметь конные отряды в г. Воскресенске из пяти лиц; в Звенигороде — из пяти; при остальных ревкомах — по три лица. Лошади для Воскресенского ревкома будут использованы из уездного военкома. Для Звенигорода — мобилизовать у кулаков г. Звенигорода. Для Пятницкого и Перхушковского — из экономий райсовхоза. Во главе отрядов назначены: в г. Воскресенске — т. Мартынов, в Звенигороде — т. Лонин, в Перхушкове — т. Тюльков, в Пятнице — т. Шленкин.

Военные комиссары, руководители и красноармейцы в числе трех поступают в ведение ревкома.

а) О пеших коммунистических отрядах.

В г. Воскресенске организовать из 10 лиц, из коммунистов — начальником отряда назначается т. Абызов. В Звенигороде предложить Звенигородскому подрайону организовать из пяти лиц, а также в распоряжении Звенигородского ревкома пеший отряд не менее 25 человек — из войск внутреннего отряда, из концентрационного лагеря. По всем фабрикам дежурства должны нести партийные ячейки. На фабрику Петрово-Алексинской мануфактуры райком делегирует товарищей коммунистов.

Дежурство от ст. Ново-Иерусалимская по линии МВР железной дороги и наблюдение за железнодорожной милицией возложить на т. Шишкова. Перхушковскому ревкому предписывается назначить для той же цели одного товарища по линии Александровской ж. д.

По третьему вопросу.

Приказывается во всех волостных совдепах и фабрично-заводских комитетах ввести дежурство членов исполкома и комитетов.

По четвертому вопросу.

Предписать уездному совнархозу немедленно приступить к ремонту всех мостов и починке дорог; обратиться за необходимыми указаниями в губернский дорожный отдел.

Текущие дела:

а) о связи между ревкомами.

Приказывается всем ревкомам немедленно путем телефонной связи и летучей почты связаться с ревкомами других уездов.

Немедленно провести телефон в Пятницкий совдеп, сняв провод по линии имения Зенькино и Брусилова, а также использовать провод имения Сафонтьева.

Звенигородскому ревкому сделать срочное распоряжение о снятии проводов по линии имения Исманского до Можайского шоссе и провести в Шараповский совдеп.

Председатель В. Богачев
Члены В. Баулин, Мартынов

ГАОРСС МО, ф. 66/40, оп. 3, д. 79, лл. 1—3.— Подлинник.

№ 6

Из постановления Московского губревкома (п. 21) о мобилизации на партизанские курсы

11 октября 1919 г.

Приказывается ревкомам немедленно мобилизовать из отрядов особого назначения, союзов молодежи и надежных работников от 4-х до 7-ми товарищей на семидневные партизанские курсы, открывающиеся 16 октября.

Мобилизованные должны явиться 15 октября в губревком для направления в окружной военный комиссариат (Пречистенка, д. 7). Курсанты удовлетворяются всем необходимым при курсах.

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 11, л. 7.— Заверенная копия.

№ 7

План организации связи Наро-Фоминского ревкома с ревкомами соседних уездов

Не позднее 16 октября 1919 г. [1]

§ 1

Для поддерживания связи между Наро-Фоминским, Боровским, Подольским и Верейским уездами назначаются следующие линии летучей почты:

1. Г. Наро-Фоминск — г. Боровск, передаточный пункт корреспонденций — деревня Митяево Боровского уезда.
2. Г. Наро-Фоминск — г. Верея, передаточный пункт — деревня Никольское Верейского уезда.
3. Г. Наро-Фоминск — г. Подольск, передаточный пункт — деревня Вороново Подольского уезда.

Примечание: Летучая почта свои функции начнет по получении согласия от упомянутых уездов и по утверждению настоящего плана губревкомом.

---
[1] Датируется по дате регистрации.

Примечание: При более серьезном положении, в связи с наступлением неприятеля, посты летучей почты будут увеличены дополнительно.

§ 2

Место передачи корреспонденции: пожарные сараи указанных селений. Условный знак отличия посыльного: на левом рукаве белая повязка шириною в 4 вершка.

§ 3

В вышеуказанные пункты к назначенному времени высылаются с обеих сторон посыльные, которые по предъявлении и обмене мандатами для удостоверения и правильности данных полномочий посыльного, а также после росписи в сдаточно приемной тетради о получении обмениваются корреспонденцией.

§ 4

Начальникам команды связи завести тетради по форме № 1, выработанной особо для посыльных.

§ 5.

Начальникам команды связи руководствоваться по отношению передвижений полевым уставом — отдел 1-й, § 5.

§ 6

Наро-Фоминского ревкома с Верейским ревкомом — среда 12 час. дня. В указанное время пост Наро-Фоминский принимает от Верейского ревкома корреспонденцию Верейского и Можайского ревкомов, для передачи в Наро-Фоминский и Подольский ревкомы.

Наро-Фоминский ревком с Подольским ревкомом — четверг 12 час. дня.

Наро-Фоминский передает корреспонденцию Можайского и Верейского [ревкомов] Подольскому ревкому, а Подольский передает корреспонденцию, адресованную [в] Наро-Фоминск, Можайск и Верейск.

Наро-Фоминский с Боровским ревкомом — пятница 12 час. дня. Наро-Фоминский передает Боровскому для передачи корреспонденции Верейскому ревкому, полученную от Подольского, Можайского и Верейского ревкомов.

Примечание: Линия летучей почты будет обслуживаться конницей, повозками или самокатчиками.

Уездный военный комиссар [1]
Уездный председатель ревкома [1]

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 8, л. 16.— Подлинник.

№ 8

Из протокола заседания Подольского уездного ревкома (пп. 1, 2) об организации рабочего отряда

17 октября 1919 г.

Присутствовали: Лысов, Д. Осипов и Карпов. Секретарь Скворцов.

1) Избран постоянный председатель ревкома т. Лысов.

2) Доклад представителей бюро при профсоюзе тт. Полякова, Лобанова, Егорова.

---

[1] Подпись неразборчива.

Тов. Егоров указывает, что на собрании рабочих решено было организовать отряд для поддержки Советской власти, ввиду нашествия деникинских банд. Товарищ указывает на необходимость организации данного отряда, который будет называться революционной единицей подольских рабочих, на отряд можно возложить охрану дорог, мостов и т. д. Тов. Лысов говорит, что ревком может только приветствовать такое назначение. Комиссия, которая избрана самими рабочими и которая присутствует здесь на заседании, должна во всех своих действиях поддерживать связь с ревкомом, дальше товарищ говорит, что мы дадим комиссии широкое поле деятельности как в смысле формирования отряда, так и в смысле культурно-просветительной работы в среде этих отрядов, после чего говорят еще несколько товарищей, которые приводят факты необходимости [создания] указанного отряда.

Постановили: Возложить на комиссию вербовку отрядов, ревкому оказать комиссии всякое содействие и материальную помощь. Военкому выделить инструкторов для обучения отряда. Районному комитету вести политическую работу с правом отвода из отряда отдельных членов комиссии. Предлагается составить смету и подать в ревком, и также дать сведения о численности отряда.

Председатель ревкома Лысов
Члены Д. Осипов, И. Карпов

ГАОРСС МО, ф. 66/40, оп. 3, д. 81. л. 3—3 об.— Заверенная копия.

№ 9

Доклад начальника отряда особого назначения о плане обороны Можайского уезда

17 октября 1919 г.

1. Оборонительная линия г. Можайска на случай кавалерийских налетов состоит из 8 главных опорных пунктов на высотах, обнимающих кругом г. Можайск и склад огнестрельных припасов. Общее протяжение оборонительной линии около 12 верст.

2. Опорный пункт № 1— Лужецкий монастырь и высота по правому берегу реки Москвы до шоссе Клементьевского включительно. Стрелковый окоп на две роты с двумя пулеметными площадками.

3. Опорный пункт № 2— высота западнее Лужецкого монастыря, северный склон ее. Стрелковый окоп на одну роту и на западном склоне две пулеметных площадки.

4. Опорный пункт № 3— высота восточней деревни Новосурино и южней железной дороги. Окоп на одну роту и окоп на два взвода севернее стороны железной дороги на небольшой высоте западнее бараков с одной пулеметной площадкой.

5. Опорный пункт № 4 — высота северо-восточнее д. Колычево и западнее д. Ямской слободы, южной ее окраины. Стрелковый окоп с двумя пулеметными площадками.

6. Опорный пункт № 5 — юго-восточнее д. Ямской слободы и восточнее шоссе, ведущего из города к Борисову. Стрелковый окоп на две роты с двумя пулеметными площадками и западнее на высоте, через которую идет шоссе к Борисову. Стрелковый окоп на один взвод с пулеметной площадкой.

7. Опорный пункт № 6 — высота западнее д. Отяково и южнее железной дороги на восточной опушке леса. Стрелковый окоп на две роты с дву-

мя пулеметными площадками и промежуточный пункт на полотне железной дороги у небольшого моста. Стрелковый окоп на один взвод с пулеметной площадкой.

8. Опорный пункт № 7 — высота с мелким кустарником севернее железной дороги и южнее шоссе, идущего к Москве. Стрелковый окоп на две роты, из которого на два взвода на шоссе восточнее д. Чертаново по одной пулеметной площадке означенных пунктов.

9. Опорный пункт № 8 — высота севернее д. Чертаново, западнее ее окраины и кладбище восточнее г. Можайска. Стрелковый окоп на две роты с двумя пулеметными площадками и промежуточный пункт с высоты у реки Москвы севернее г. Можайска по правому берегу реки вверх по течению, соединяясь с опорным пунктом № 1. Стрелковый окоп на одну роту с двумя пулеметными площадками.

10. Во всех промежутках главных опорных пунктов; от пункта 1-го до 8-го, т. е. от реки Москвы у Лужецкого монастыря и до реки Москвы [у] железнодорожной водокачки, необходимо искусственное заграждение, так как промежутки простираются от одной версты до полутора верст.

11. Для производства вышеозначенных работ необходимо нижеследующее:

а) Выяснить, откуда и какое количество колючей проволоки можно получить.

Примечание: Для устройства проволочных заграждений на расстоянии восьми верст необходимо колючей проволоки 450 катушек и к ним 8 пудов скоб или гвоздей.

б) При возможности получения проволоки произвести заготовку кольев длиной два с половиной аршина и шириной от полутора до двух вершков в количестве 12 000 штук.

в) За неимением проволоки в кратчайший срок произвести заготовку засек в количестве 20 000 деревьев.

Примечание: Деревья для засеки употребляются наиболее суковатые, причем мелкие ветки обрубаются, а крупные сучья заостряются и оставляются длиною не более двух аршин.

г) В местах наиболее опасных, имеющих свободные доступы противника, рыть волчьи ямы в шахматном порядке. Глубина ямы 3 аршина, диаметр ямы вверх полтора аршина и до дна три четверти аршина. Означенная работа должна производиться под руководством сапера.

д) Для выполнения работ в пунктах г) и в) требуется рабочих в количестве 500 человек и саперов или знающих саперное дело, каковых могут заменить унтер-офицеры старой армии, не менее 25 человек.

е) Произвести заготовку саперного инструмента, каковой изъять во всех учреждениях, если имеется.

Примечание: Саперный инструмент имеется в военкоме, каковой можно употребить (лопат больших — 180, топоров больших — 54, лопат малых шанцовых — 200, топоров малых — 170, пил поперечных — 3, кирок-мотыг — 44, ломов — 5). Означенного инструмента достаточно, да кроме этого необходимо мобилизовать для рытья окопов специалистов земляных работ с имеющимися у них инструментами — граждан Кукаренской волости, каковые в настоящее время производят работу по устройству шоссейных дорог, их насчитывается около 80 человек.

ж) По производству работ необходимы денежные средства как для уплаты рабочим, так и на другие расходы. Приблизительная сумма [1]...

Начальник отряда особого назначения

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 8, лл. 25—25 об.— Копия.

[1] Сумма не указана.

№ 10

Телефонограмма комитета обороны Москвы всем районным Советам об организации бюро записи в рабочие дружины при заводах и фабриках

18 октября 1919 г.

Настоящим комитет обороны посылает вам для сведения и исполнения: Бюро записей в рабочие дружины открываются при каждой фабрике и заводе, при каждом районном Совете и районном отделении профсоюза, и списки записавшихся передаются в штаб отряда особого назначения данного района.

Управление делами комитета обороны г. Москвы [1]

ГАОРСС МО, ф. 66, оп. 18, д. 65, л. 117.— Подлинник.

№ 11

Приказ № 1 Богородского уездного ревкома об охране железных дорог

22 октября 1919 г.

§ 1

Предложить всем сельским и волостным Советам, а также гражданам Богородского уезда охранять все железнодорожные линии и сооружения, находящиеся на территории уезда, в целях пресечения злоумышленного разрушения.

§ 2

Всех пойманных на месте преступления лиц, уездный ревком будет расстреливать на месте преступления в порядке непосредственной расправы, а остальных, заподозренных в том же преступлении, но на месте не застигнутых, будет судить в 24-часовой срок по законам военного времени.

§ 3

Настоящий приказ вывесить на видных местах всех железнодорожных станций и в селах близ прилегающих к железнодорожным линиям и сооружениям.

Богородский уездный революционный комитет

ГАОРСС МО, ф. 40, оп. 3, д. 85, л. 18.— Типографский экз.

№ 12

Докладная записка Коломенского уездного ревкома в Московский губревком о плане обороны уезда

24 октября 1919 г.

Оборона Коломенского уезда при условии наступления противника с юга от района города Зарайска. Условия защиты и обороны следующие:

Весь Коломенский уезд расположен на равнинной местности, изредка прерываемой небольшими холмами, покрытыми растительностью. Из естественных препятствий имеются реки Москва и Ока, железнодорожные мосты на них охраняются караулом 3-й роты железнодорожной охраны. Принимая во внимание всю важность естественного препятствия реки Оки, которая является границей Коломенского уезда, оборона названной

[1] Подпись неразборчива.

реки должна быть вынесена в Зарайский уезд Рязанской губернии, тем более, что город Коломна расположен в котловине; на низменном берегу реки Оки никаких укреплений создать нельзя, приняв во внимание возвышенный противоположный берег с командующими высотами, обильно покрытыми густым лесом. При этом оборона названной реки должна быть вынесена вперед к городу Рязани верст примерно на 20 от города Коломны. Позицию для этого желательно бы выбрать на участке ст. Пурлево Рязано-Уральской ж. д., Зарайск, ст. Рыбное Московско-Казанской ж. д. Так как объектом военных действий противника является город Москва с захватом железных дорог Рязанско-Уральской и Московско-Казанской, то вероятнее всего и наступление его будет придерживаться как железных дорог, так и шоссе Москва — Рязань и Москва — Кашира — Венев — Епифань. По случаю того, что река Москва, являющаяся серьезной преградой, протекая по Коломенскому уезду, делит его на две части, то весь уезд тем самым разделяется на две части — северо-восточную и юго-западную. Наступление противника по юго-западной части является маловероятным по следующим причинам:

Противник будет стараться захватить линию ж. д., между тем по указанной части таковая не проходит, за исключением ветки Озеры — Голутвин, где в Озерах, как [в] фабричном районе, он встретит враждебный [для себя] элемент.

Помимо реки Оки противнику придется переправляться на своем пути через ряд мелких рек, хотя и не представляющих серьезных препятствий, но затрудняющих продвижение, в особенности для артиллерии и обоза, а в дальнейшем придется переправляться через реки Северку и Москву. Наступая по северо-восточной части, он будет иметь лишь одну переправу через реку Оку. Направление реки Москвы показывает, что если бы противник предпринимал наступление в северо-восточной части, то вероятнее всего не в Коломенском уезде, а в Егорьевском, так как тем самым избавляется от излишней переправы через реку Москву на участке Голутвин — Воскресенск и далее до Фаустова. Упомянутый участок Голутвин — Воскресенск расположен, как сказано выше, на низменной местности, и оборону придется вынести на правый берег реки Москвы, но наступление противника на этом участке в Коломенском уезде мало вероятно, так как несравненно удобнее путь наступления на этом участке именно по Егорьевскому уезду.

Мосты как через Оку, так и через Москву расположены на высокой насыпи, и поэтому создать какие-либо предмостные укрепления или опорные пункты не представляется возможным, тем более, что впереди обстрела не имеется. Только вынесением обороны в Зарайский уезд возможно сохранить железнодорожные мосты.

Наиболее удобным и вернейшим путем продвижения противника является Московско-Казанская ж. д., и, таким образом, самым главным вопросом является оборона переправы у ст. Голутвин через реку Оку. Что касается обороны переправы, то первую оборонительную пехотную линию приходится выдвигать впереди г. Коломны к реке, правда на местность не совсем для того подходящую, ввиду того, что, как уже было сказано, коломенский берег ниже рязанского. Для таковой обороны необходимо устроить пехотные окопы от деревни Пестриково-Выселки до Бачманова, примерно 3—4 версты, а для таковой работы потребуются мешки в количестве не менее 1000 шт.; проволоки колючей для устройства искусственных заграждений в количестве приблизительно 250 пудов, считая в три кола — 3000 кольев; 100 возимых лопат, лопат носимых — 400, кирок-мотыг — 300, топоров — 50.

Что касается артиллерии, то по условиям местности таковой в

г. Коломне расположить невозможно и ее приходится расположить юго-западнее Коломны и восточнее Коломны, что севернее деревни Пестриковой по опушке леса на берегу речки Желемы.

Вообще для охраны переправы и Коломны необходимо иметь действующими: пехотный полк, по меньшей мере, считая по дислокации, трехбатальонного состава каждый, батальон четырехротного состава, при трех командах пулеметных, командах пеших и конных разведчиков, санитаров, обозах, кухнях и всего прочего, что полагается, две легких батареи, придав пехоте и артиллерии технические части.

Наступления противника с юга и юго-запада ожидать не приходится ввиду следующих соображений: трудность устройства переправ через реку Оку (каковых не имеется) и, во-вторых, ввиду неудобств путей сообщения в этих окраинах Коломенского уезда. Независимо от этого, в случае обороны, таковая потребует больших сил ввиду неудобства путей сообщения. Обе батареи, как уже было сказано, должны быть легкими. Местность здесь холмистая и лесистая, представляет большее удобство обороны, нежели Коломна.

В случае наступления противника с востока (Егорьевский уезд, по Калыберевской волости) для защиты населенных пунктов (Коломна, Воскресенск) потребуются исключительно пехотные части в количестве полка со вьючными пулеметами [системы] «Кольта» и «Максима».

На всем своем протяжении Калыберевская волость покрыта густым смешанным лесом с небольшими площадками около населенных пунктов, изрезана плохими проселочными дорогами; в осеннее время дождей почти невозможная для проезда не только артиллерии, но и обозов, и всего лишь одна грунтовая дорога, ведущая из г. Егорьевска (Рязанская губерния) на г. Коломну через деревни Новая Шелухино и Рождествено. С запада по границе с Мячковской волостью протекает река Москва, принимая три небольших притока, протекающих по всей волости. Река Медведка на своем протяжении, захватывающая деревни: Жуковка, Елина, Плина, Шилково и Вострянское; река Семиславка, протекающая через деревни Калыберево;...[1] река Мезенка, протекающая через деревни Ерково, Чуркино, Губастово.

Все вышесказанные речки протекают по лесистой местности и заключены местами в глубокие овраги. В случае наступления противника с северо-востока, ему придется вести наступление вдоль рек Медведки, Семиславки и Мезенки по проселочным дорогам, что, конечно, страшно неудобно, так как дороги доступны лишь только для пехоты и то небольшими частями, да притом деревни Жуковская, Бердниково и Ерково являются опорными пунктами для подступов вдоль рек. В случае взятия противником этих опорных пунктов являются вторые опорные пункты Чуркино, Новоселки, Ильино. В случае захвата вторых опорных пунктов, он будет стараться захватить железную дорогу около станции Воскресенск, чтобы иметь возможность в дальнейшем захватить переправу (плавучий мост) через реку Москву и к тому же на $^3/_4$ версты южнее деревни Кривякино имеется хороший естественный опорный пункт для переправы [у] железнодорожной станции Пески с переправой через реку Москву у села Черкизово.

Ввести в бой артиллерию противнику не представляется возможным, кавалерию ввести в бой тоже невозможно, за исключением конных разведывательных отрядов по 7 и 10 всадников.

Вообще же местность страшно не благоприятствует для противника. Кроме того, правый берег р. Москвы на всем протяжении волости

[1] Далее пропуск.

преобладает командными высотами и хорошими опорными пунктами, как имения бывшего Хлудова в Черкизове, Балина в Ачкасове и село Ратмир.

Член ревкома Смирнов
Военрук Коломенского уезда[1]

Что же касается последней части доклада, таковая проверена рекогносцировкой.

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 8, л. 30—30 об.— Подлинник.

№ 13

Постановление Московского губревкома о сооружении уездными ревкомами укреплений собственными силами

1 ноября 1919 г.

Указать ревкомам, что, согласно распоряжения командующего сектором, Можайский, Серпуховский и Коломенский ревкомы должны собственными силами приступить к сооружению укреплений от налетов кавалерии по имеющимся у инженерных инструкторов схемам; колючая проволока отпущена не будет; заграждения нужно заменять засеками, баррикадами и пр. в зависимости от местных условий; о ходе работ дважды в неделю сообщать в губревком.

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 1, л. 21 об.— Подлинник.

№ 14

Постановление Московского губревкома о снятии военного положения с территории губернии и роспуске уездных, районных и волостных ревкомов

19 ноября 1919 г.

§ 1

Соединенное наступление антантовских империалистов и русских контрреволюционеров на Советскую Россию отбито. Красная Армия сломила сопротивление врага и перешла в решительное наступление на всех фронтах. Небывалый подъем революционного настроения рабочих и крестьян заставляет белогвардейцев все дальше и дальше откатываться от центральной советской области. Ввиду исчезновения непосредственной угрозы для Московской губернии, Московский губернский революционный комитет постановляет:

1) Все уездные, районные и волостные ревкомы распускаются.
2) Военное положение снимается на всей территории губернии.

Член губревкома Вл. Сорин
Секретарь Волк

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 1, л. 29.— Подлинник.

---

[1] Подпись неразборчива.

№ 15

Протокол заседания Подольского уездного ревкома совместно с членами волостных ревкомов о работе по обороне уезда

20 ноября 1919 г.

Присутствовали: от уездревкома тт. Лысов, Карпов; от Молодинского ревкома — т. Моисеев; от Шебанцевского — т. Горлов; от Сухановского — т. Л. Петров; от Вороновского — т. Круглов; от Кленовского — т. Ашмарин; от Домодедовского — т. Агеев.

Председательствует т. Лысов. Секретарь т. Скворцов.

Порядок дня:

1) Доклад с мест волревкомов.
2) Роспуск революционных комитетов.

По пункту 1-му.

а) Доклад Вороновского волревкома т. Круглова.

Тов. Круглов указывает, что вся работа ревкомов сводилась к обороне Советской республики; все распоряжения уездного ревкома исполнялись беззамедлительно. Во всей волости произведена починка дорог, восстановлены мосты, заготовлены колья для проволочных заграждений, жерди для телефонных столбов, изъята у населения вся колючая проволока, все подозрительные кулацко-буржуазные элементы взяты под строгий надзор. Партизанские отряды [находились] в периоде организации. Ячейка РКП(б) была приведена в боевой порядок.

б) Доклад т. Ашмарина от Кленовского волревкома.

Тов. Ашмарин указывает, что ими сделано все то же, что и сделано Вороновским ревкомом. Колья для проволочных заграждений заготовлены в количестве 4000 штук, снята вся колючая проволока в районе волости, которой 50 пудов. Помощь семьям Красной Армии организована.

в) Доклад т. Моисеева от Молодинского волревкома.

Тов. Моисеев указывает, деятельность ревкома была в следующем: все ненадежные элементы были взяты под строгий надзор; колья заготовлены путем трудовой повинности буржуазии; произведен ряд обысков, отобрано оружие, шинели, седла и другое казенное имущество. В настоящее время идет сильная работа по вывозке дров и очистке ж.-д. пути от снежного заноса.

г) Доклад т. Горлова Шебанцевского ревкома.

Тов. Горлов указывает, что произведена заготовка кольев, часть которых сконцентрирована в волревкоме; вся колючая проволока изъята у населения, которой и насчитывается около 40 пудов. Дороги и мосты восстановлены.

д) Доклад т. Агеева от районного Островского и Домодедовского ревкома.

Тов. Агеев указывает, что ими сделано то же самое, дороги и мосты восстановлены, колья заготовляются, проволока снята и находится в волревкоме, организован партизанский отряд из 7 человек, лиц, стоящих на платформе Советской власти.

е) Доклад т. Петрова Сухановского волревкома.

Тов. Петров указывает, что партизанский отряд у них уже существовал из 7 человек, колья заготовлены в количестве 5000 штук, колючая проволока снята в количестве 80 пудов.

После доклада всех товарищей, т. Лысов говорит, что из докладов вид-

но, что все распоряжения уездревкома исполнялись аккуратно, хотя есть некоторые упущения в смысле организации партизанских отрядов, но будем надеяться, что нам таковые в будущем не придется организовывать, так как наша доблестная Красная Армия перешла в наступление и каждый день приносит все новые и новые успехи, так что в скором времени мы во всей Советской республике перейдем к мирному и спокойному труду.

После этого т. Лысов оглашает телефонограмму губревкома о роспуске ревкомов и порядке сдачи дел президиумам исполкомов и военкомам. После некоторого обмена мнений заседание объявляется закрытым, а ревкомы распущенными.

Председатель Лысов
Члены Карпов
Секретарь Скворцов

ГАОРСС МО, ф. 66/40, оп. 3, д. 81, л.10—10 об.— Заверенная копия.

№ 16

Докладная записка Подольского уездного ревкома Московскому губревкому о мероприятиях по обороне уезда

22 ноября 1919 г.

За время существования уездревкома в Подольском уезде, деятельность его главным образом была направлена к организации обороны уезда и контроля над деятельностью учреждений, непосредственно связанных вообще с обороной страны. В области обороны Подольского уезда сделано следующее: заготовлено 50 000 кольев для проволочных заграждений; собрана проволока в количестве 300 пудов; заготовлены шесты для полевого телефона в количестве 2000 шт.,— все это свезено к волостным исполкомам.

Кроме того, намечена была оборонительная линия, которая служила продолжением оборонительной линии от Бронницкого уезда до Верейского. Привести эту линию в боевую готовность не пришлось, ибо последовало распоряжение губревкома, чтобы без санкции такового к работам не приступать. Далее была совершена и очень успешно прошла работа по исправлению мостов и проселочных дорог с помощью трудовой повинности, все вышеуказанные работы выполнялись без всяких рассуждений как средними крестьянами, так и кулаками. Работа по заготовке и свозке кольев для проволочных заграждений была возложена на 80% на кулаков и только 20% было возложено на среднее крестьянство на те деревни, которые считались как бы штрафными. Исправление дорог было бы закончено, если бы погода благоприятствовала еще две недели; исправление мостов продолжается и теперь, работа эта передается исполкому. Сбор шинелей и другого казенного имущества частью был произведен путем обысков у имущих классов и частью добровольной сдачей. Настоящая работа продолжается и сейчас, пока результаты — около 150 шинелей; оружия было собрано очень немного, револьверов по уезду около 15—20 шт. Контрольная работа была направлена, главным образом, на учреждения, которые оказывали помощь семьям красноармейцев, и за время существования ревкомов; работа в этих учреждениях была более интенсивной в смысле оказания помощи как продуктами, так и деньгами. Кроме того, было сделано непосредственно от ревкомов распоряжение о снабжении дровами семей красноармейцев, не имеющих лошадей.

Вообще нужно сказать, что всюду в уезде ревкомы дали толчок к быстрому выполнению работ, возложенных на учреждения, и отношения учреждений к ревкомам были самые доброжелательные; все приказы исполнялись без всяких оговорок. Население относилось к ревкомам как к учреждению, которое действительно поставлено для обороны уезда, и все приказы и распоряжения исполнялись вовремя и исполнялись как долг, от которого не может никто отказаться.

В настоящее время уездревком приступил к сдаче дел, — часть исполкому, часть военкому,— и сделал распоряжение по волостным ревкомам о сдаче дел волисполкомам, так, что к 25 ноября все ревкомы сдадут все дела.

Председатель ревкома Лысов
Секретарь Скворцов

ГАОРСС МО, ф. 66/40, оп. 3, д. 81, л. 14.— Подлинник.

№ 17

Отчет о деятельности Серпуховского уездного ревкома за октябрь—ноябрь 1919 г.

27 декабря 1919 г.

Серпуховской уездный революционный комитет образовался согласно постановлению местного исполкома 1 октября месяца с. г. Состоит он, согласно положению, из трех лиц: председателя исполкома т. Сорокина, военкома т. Царева и представителя от губернии т. Горюнова. Работа между членами ревкома распределяется следующим образом: военно-организационно-оперативной частью ведает т. Царев, политической частью — т. Горюнов и работой связи — т. Сорокин. Все принципиальные вопросы разрешаются на заседании ревкома, мелкая текущая работа выполняется каждым членом ревкома согласно указанного плана распределения работы.

За отчетное время состоялось 25 заседаний ревкома, в которых был разрешен 171 вопрос.

В области военно-организационно-оперативной части была произведена следующая работа:

Первое внимание ревкомом было обращено на организацию партизанских отрядов. С этой целью в основу была положена организация Коммунистических Союзов молодежи. Отряды решено было организовать численностью от 5 до 10 человек, вливая в них 1—2 коммунистов. Были разосланы по волостным Советам и ревкомам приказы и инструкции центра и составленные местным ревкомом об организации партизанских отрядов и поручена им организация таковых. С целью агитации за партизанские отряды в местной газете «Коммунист» было помещено несколько статей. Из отряда особого назначения было откомандировано на партизанские курсы 3 человека по назначению райкома, из Союза молодежи — 2 и 2 — от совета профсоюзов.

Организация отряда происходила вначале слабо; председателю уездкомдезертир и военкому предложено было пригласить в качестве инструкторов в эти отряды красноармейцев из частей гарнизона. Кроме того, начальнику партизанских отрядов было поручено обратить внимание на волости в отношении организации там партизанских отрядов, для чего послать инструкторов в волисполкомы для инструктирования последних,

а также и аккуратно представлять еженедельно сведения о партизанских отрядах согласно требованию губревкома. Затем работа наладилась, и партизанский отряд был организован в количестве 30 человек, кои вооружены 40 винтовками, патронами к ним — 3600 шт., 6 шашками. Волостные ревкомы организовали свои партизанские отряды, которые имеются в Жилевской волости и Пригородной — д. Дракино (Дракинский ревком).

В отношении обороны и укрепления Серпуховского уезда был выработан план, который разделен на три части: 1) на случай внутреннего восстания, 2) налета конницы, 3) приближения фронта.

С соседними уездными ревкомами был произведен обмен топографическими картами, а также предложено им ознакомиться с местностью своего и соседних уездов и инструкциями обороны; составить точный план фактической обороны своего уезда и для использования местных боевых сил составить точные материальные сметы и другие соображения. Некоторыми уездами требуемые сведения были присланы.

К работе по укреплению Серпуховского района приступлено под руководством инженера-производителя работ от ГВИУ и постановлено на места возведенных укреплений состав[ить] карту, которая была послана в Штасектор. Прибыли грузы и саперные части.

С целью производства военно-инженерных сооружений был запрошен отдел распределения рабочей силы, а также и фабрики о количестве безработных, отдел управления — о числе буржуазии, могущей быть использованной как рабочая сила; запрошен леском и фабрики о количестве поперечных пил и досок, а также какое количество может быть представлено накатников, бревен и кольев по списку.

Комиссариату государственных сооружений Совнархоза было поручено выяснить количество мостов, имеющих стратегическое значение; представить смету и план работ для направления в областное военно-инженерное управление для производства работ. В уезде было обследовано 90 мостов, смета составлена в 5 000 000 руб. и препровождена в центр для получения средств.

Составлен план организации боевых добровольческих дружин. Согласно этому плану военнообязанные разбиваются на роты, а обучение должно производиться один раз в неделю [по] два часа.

Разработан план об организации кавалерийского партизанского отряда, который послан на утверждение в Московский губревком.

В области охраны мостов, согласно распоряжению ревкома местным гарнизонам на Варгинском мосту через р. Нару, а также и на Окском мосту поставлен караул для дежурства круглые сутки.

Ревкомом было обращено внимание также на производство для нужд Красной Армии. Совнархозу было предложено милитаризировать свои производства. Военкому поручена сборка шинелей.

На случай необходимости обслуживания Коммунистического отряда особого назначения, в коем числится 90 человек, приступлено к формированию летучего санитарного отряда. Для этой цели были привлечены члены женской организации и Союза молодежи, а для обучения их решено воспользоваться местными медицинскими силами. Для безработных членов санитарного отряда установлено содержание в 50 руб. ежедневно.

Большую работу пришлось нести ревкому по расквартированию частей Южного фронта. Ввиду того, что квартирьерами штаба Южного фронта выселялись рабочие из занимаемых помещений, была организована комиссия из представителей квартирной части штаба Южного фронта и представителей от профсоюзов, которая функционировала недолго, ибо штаб не давал представителей.

На предмет расквартирования воинских частей жилищно-земельным

подотделом были осмотрены помещения при фабриках вместе с представителем от правления, а также и окрестные селения. Как учреждениям, так и сотрудникам штаба Южного фронта предоставлено 3006 квартир в октябре месяце и 212 в ноябре, а также Курскому губревкому и уездным военкомам той же губернии отведен целый ряд домов, квартир и комнат, количество которых приблизительно равняется около 200 саж. кв. арш. комн. [1]. Все указанные учреждения снабжены мебелью — в октябре месяце в количестве 1133 [предметов] разной обстановки.

Благодаря той громадной работе, которую пришлось нести жилищно-земельному подотделу в связи с расквартированием штаба Южного фронта и его учреждений и остальных воинских частей, а также и благодаря некоторым техническим недостаткам, жилищно-земельным подотделом не было точно учтено количество выданной мебели штабу Южного фронта, воинским частям и другим эвакуированным учреждениям, и при непредставлении сведений жилищно-земельным подотделом в недельный срок о количестве выданной мебели ревкомом был издан приказ по отношению ко всем учреждениям, организациям и всем гражданам Серпуховского уезда, у которых была взята мебель и другое имущество для штаба и взятых помимо жилищно-земельного подотдела, о предоставлении сведений.

Принимая во внимание, что местный гарнизон должен был иметь боевой порядок, ревкомом были запрошены сведения у уездного военкома о состоянии гарнизона. Причем оказалось тяжелое положение 1-го караульного батальона: у 41 человека нет ни шинелей, ни сапог и проч., поэтому из местного отдела утилизации было выдано Серпуховским управлением народного хозяйства починенное обмундирование по списку военкома.

Сделано было распоряжение об изменении командного состава роты тылового ополчения, назначении вместо штабных офицеров более надежных в политическом отношении командиров.

Серпуховской гарнизон состоит из следующих частей: 1-я Московская губернская отдельная рота тылового ополчения: красноармейцев по штату — 301 человек, по списку — 318. Налицо командного состава по штату — 2, по списку — 2, налицо — 2 человека.

2) 4-я рота 1-го батальона 3-й рабочей бригады тылового ополчения: красноармейцев по штату — 248 человек, по списку — 152 человека, налицо — 87 человек, командного состава по штату — 10, по списку — 10, налицо — 7 человек

3) 1-й Московский караульный батальон: красноармейцев налицо — 554, по списку — 769, по штату — 789. Командного состава — 61 человек, по списку — 65, по штату — 65.

4) 49-й отдельный стрелковый внутренней охраны батальон: красноармейцев по штату — 786 человек, по списку — 366, налицо — 188. Командного состава по штату — 59 человек, по списку — 54 человека, налицо — 32 человека.

5) Штрафная рота: красноармейцев по штату — 26 человек, по списку — 269, налицо — 268. Командного состава по штату — 17 человек, по списку — 16 человек, налицо — 16 человек.

6) Конвойная команда при уездном военкоме: красноармейцев по штату — 10 человек, по списку — 10 человек, налицо — 10 человек. Командного состава нет.

7) Уездная комиссия по борьбе с дезертирством: красноармейцев по штату — 6 человек, по списку — 6 человек, налицо — 6 человек, командного состава нет. При ней отряд из прикомандированных красноармейцев:

---

[1] Так в тексте.

красноармейцев по штату — 51 человек, по списку — 51 человек, налицо — 51 человек; командного состава нет.

Имеется конный отряд милиции в 21 человек.

Согласно положению о ревкомах были организованы в волостях ревкомы: Жилевский, Дракинский, Туровский и Лопасненский, в которые были посланы свои представители от уезда. Для волостных ревкомов было установлено обязательное представление устных докладов один раз в неделю, а также и письменных по анкете.

В области политическо-информационной работы было сделано следующее:

В первую очередь ревком обратил внимание на работу агитпросвета. Было откомандировано несколько партийных товарищей для ведения политической работы среди местных красноармейских частей.

Ревком наблюдал за всей политической жизнью гарнизона, при его участии устраивались митинги. С целью оповещения о своей деятельности ревком устраивал собрания, на которых члены ревкома давали исчерпывающие доклады о своей деятельности. С наступлением красноармейской партийной недели ревкому пришлось с большим напряжением работать в области организации этой недели вплоть до непосредственного участия членов ревкома на митингах, собраниях и лекциях. Были напечатаны воззвания к рабочим, крестьянам и красноармейцам.

В связи с большим передвижением воинских частей через ст. Серпухов I Московско-Казанской ж. д. был организован при ней агитпункт, куда откомандирован товарищ из райкома. Для усиления работы [1]... транспортно-чрезвычайной комиссии при ст. Серпухов I было откомандировано несколько партийных работников.

Настроение рабочих масс удовлетворительное. Крестьяне, несмотря на колоссальность возложенных на них работ, в связи с приездом военных учреждений, все же сознают серьезность переживаемого момента и всецело идут навстречу Советской власти.

Организована выездная сессия трибунала для борьбы с дезертирством, которая должна выехать в те районы, где была поверочная комиссия. Была произведена облава дезертиров.

За время работы ревкома, последнему удалось провести несколько мобилизаций коммунистов, которые были посланы на Петроградский фронт. Ввиду того, что местным коммунистическим союзом молодежи было мало сделано в отношении мобилизации членов означенного союза, было доведено до сведения губкома союза молодежи с просьбой прислать инструктора для налаживания работы в союзе. Ревкомом была организована комиссия в составе 3-х лиц для окончательной разработки плана проведения в жизнь мобилизации на фронт, в партизанские, в санитарные отряды и для других работ на Красную Армию всех до одного члена Коммунистического Союза Молодежи в Серпуховском уезде.

Для поднятия продуктивности работы отделов исполкома и учреждений ревкомом было введено представление устных докладов заведующими через 2 дня в неделю [2].

Ввиду плохой постановки дела на почте, телеграфе и телефоне ревкомом был послан представитель для политической работы и общеадминистративно-хозяйственного контроля.

В области работы связи предприняты следующие меры:

В отношении лодочной переправы по рекам Оке, Наре и Протве был издан приказ по всем волостным ревкомам об учете всех паромов, мотор-

---

[1] Одно слово неразборчиво.

[2] Так в тексте.

ных и весельных лодок и других средств водного передвижения с перечислением владельцев и их местожительства. Все средства передвижения взяты в исключительное ведение волостных ревкомов, которые представляют как владельцам, так и другим лицам по очевидной необходимости пропуска для передвижения по реке.

На межуездном совещании ревкомов было решено считать центром связи Серпухов, как наиболее удобный в географическом отношении и имеющий телефонную, телеграфную, железнодорожную и шоссейную связь с Тулой и Москвой. Был намечен план связи уездревкомов, по которому принято: впредь до особого опасного момента и для несекретных сообщений пользоваться почтой, телеграфом и телефоном. На случай секретной передачи и в случае порчи или перерыва телеграфа или телефона неприятелем устанавливается прямая связь курьерами. Конные курьеры должны посылаться в адрес ревкома. В случае же очевидной военной необходимости регулярной и срочной связи должно быть установлено железнодорожное сообщение между Серпуховом и Подольском — в Молодинском ревкоме (ст. Столбовая); между Серпуховом и Тарусой — лошадное и водное сообщение в д. Гурьево, сельскохозяйственная коммуна «Равенство»; между Серпуховом и Каширой — лошадное и водное сообщение в Туровском ревкоме.

Для установления связи с волостями местным ревкомом было возбуждено перед губревкомом ходатайство о срочном представлении телефонной проволоки и прочего необходимого имущества на 100 верст для соединения волостей с уездом телефонами, ибо связь совершенно отсутствовала, а также просили губревком снестись с Наркомпочтелем, чтобы последний предоставил право использовать для проводов телеграфные столбы, но на наше ходатайство получили полный отказ, так как в центре не имелось телефонных проводов, а также получено извещение через Мосгубревком о запрещении Наркомпочтелем подвесок телефонных проводов по столбам телеграфной линии, так как ввиду важности происходящей по телеграфным проводам с Серпуховом работы на скородействующих аппаратах эта работа вредно влияет на телефонную передачу.

Отдано распоряжение по всем волисполкомам, чтобы они еженедельно представляли письменные доклады в уездревком, пользуясь нарочными, почтой, телеграфом и телефоном, а также через 2 недели обязательно являлись для устных докладов.

В целях необходимой обороны были предприняты меры к установлению связи г. Серпухова с г. Алексиным, для чего возбуждено ходатайство перед командующим Московским сектором т. Гусевым о предоставлении телефонных проволок на 13 верст и изоляторов для соединения телефонов г. Серпухова с Алексиным.

С приездом штаба Южного фронта в г. Серпухов последним наскоро были проведены телефонные провода, тщательно не укрепленные на столбах; спустя несколько дней провода эти оттянулись и опустились, так что проезжающие лошади цепляли за них и тем самым рвали провода. Местным ревкомом было отдано распоряжение служебной связи штаба Южного фронта, чтобы последние приняли меры к поднятию проводов на должную высоту так, чтобы свободно можно было проезжать на лошадях.

Были приняты меры и к установлению телефонной связи с фабриками. Когда штабом были выключены телефоны на фабриках и сняты провода, местный ревком обратился с просьбой в Управление делами Реввоенсовета Южного фронта о возвращении взятых отделом связи телефонных проводов, но в просьбе было отказано на том основании, что ощущался большой недостаток в проводах.

На случай эвакуации особой комиссией, образованной ревкомом, был

разработан план эвакуации. Комиссией были запрошены все учреждения о доставке сведений по анкете: с указанием, какое у них имущество находится, какова его стоимость, где таковое хранится и какие нужны транспортные силы для перевозки.

Все эти сведения были доставлены, и по ним можно судить, что в первую очередь нужно эвакуировать и сколько для этого потребуется транспортных сил. Аналогичный план должны были составлять и другие уездные соседние ревкомы.

Так как Серпухов располагал автотранспортом, то для приведения его в порядок было испрошено через Мосгубревком 100 пудов горючей смеси для автомобилей, а также подано ходатайство о воздействии на губернский автотранспортный отдел о починке автомобилей, находящихся в Серпуховском уезде.

В целях единообразного проведения в жизнь заданий ревкомов и для обмена мнений о работе на местах было создано межуездное совещание ревкомов, а также волостных ревкомов и исполкомов.

Председатель ревкома Сорокин
Секретарь [1]

ГАОРСС МО, ф. 4718, оп. 1, д. 7, лл. 36—40.— Подлинник.

[1] Подпись неразборчива.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИРКУТСКОГО КОМИТЕТА РКП(б) В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ

Деятельность Иркутского комитета РКП(б) в период гражданской войны и иностранной военной интервенции имеет важное значение для изучения истории борьбы трудящихся Восточной Сибири за восстановление Советской власти.

К лету 1918 г., с началом открытой вооруженной интервенции США и стран Антанты, Сибирь оказалась отрезанной от центральных районов Советской России и не могла получить достаточной помощи. В этих условиях, по решению ЦК партии, сибирские партийные организации для продолжения открытой борьбы с врагом перешли на нелегальное положение, чтобы оттуда руководить подпольной работой во вражеском тылу.

Партийные организации Сибири в невероятно тяжелых условиях колчаковщины и хозяйничанья интервентов, в обстановке разгула террора, непрерывных провокаций и преследований развернули огромную работу по сплочению сил пролетариата и трудящегося крестьянства для борьбы за восстановление Советской власти.

При отходе советских войск на Восток в Иркутске для ведения подпольной работы была оставлена группа большевиков во главе с товарищами Мироновым, Касаткиным и другими [1].

В сентябре 1918 г. этой группой было проведено собрание членов партии и активных советских работников, на котором был избран Иркутский комитет РКП(б), в дальнейшем возглавивший руководство большевистскими организациями не только в городе, но и в губернии. Для этой цели в крупные города и населенные пункты: Черемхово, Илимск, Жигалово, Усолье, Зима, Балаганск, Киренск, Бодайбо, Братск и другие были посланы представители Иркутского комитета РКП(б). В самом Иркутске на базе вновь созданных партийных групп были образованы районные комитеты: Глазковский, Знаменский, Иннокентьевский, а боевые группы преобразованы в районные военно-революционные штабы, приступившие к формированию боевых дружин из рабочих заводов, фабрик и железнодорожных депо. Главное внимание было направлено на усиление и укрепление связей с партийными организациями уездных городов, рабочих поселков и железнодорожных станций. Иркутский комитет РКП(б) установил связь с Омским, Красноярским, Прибайкальским и Читинским подпольными комитетами РКП(б), а через Омский и Красноярский комитеты РКП(б) и с ЦК РКП(б). Иркутские большевики, трезво оценив обстановку и учтя уже накопленный опыт борьбы рабочих и крестьян в тылу белогвардейцев, в центре внимания поставили задачу вооруженной борьбы против колча-

[1] Коллекция истории гражданской войны Института марксизма-ленинизма (Коллекция ИГВ ИМЛ), ф. 6, оп. 2, д. 24, лл. 6, 53, 55.

ковской диктатуры и иностранной интервенции. В невероятно тяжелых условиях Иркутский комитет РКП(б) сумел развернуть огромную работу по сплочению сил пролетариата и беднейшего крестьянства для борьбы с контрреволюционным режимом.

В начале 1919 г., после ареста в г. Омске ряда членов Сибирского комитета РКП(б), а также провала партийных комитетов Красноярска и некоторых других городов Сибири, центр партийной работы переместился в Иркутск и руководство борьбой против колчаковщины и интервентов в тылу врага взял на себя Иркутский комитет РКП(б).

В начале мая 1919 г. в нелегальных условиях была проведена 1-я губернская партийная конференция, обсудившая задачи партийных организаций и избравшая губернский комитет РКП(б) во главе с К. И. Мироновым. При губкоме были созданы организационный, агитационный и финансовый отделы. Центральной задачей всей подпольной работы, которую наметила губернская конференция, была поддержка Красной Армии и подготовка всех сил и средств для борьбы за восстановление Советской власти. Есть основания предполагать, что на губернской конференции были обсуждены и приняты тезисы Иркутского комитета РКП(б) (см. док. № 1).

В январе 1919 г. Иркутский комитет РКП(б) совместно с Красноярским комитетом на участке линии железной дороги от ст. Иркутск до ст. Красноярск организовали особый летучий отряд, который должен был объединить железнодорожных рабочих-большевиков в отдельные боевые дружины на крупных узловых станциях, в мастерских и депо для подготовки всеобщего восстания. Эти дружины должны были составить «боевой авангард большевиков на железной дороге, подразделенные по специальности на три группы: станционная, рабочая и путевая» [1].

Успешную работу Иркутского комитета по борьбе с колчаковщиной и интервенцией среди рабочих и крестьян вынуждены были признать даже колчаковские власти. В сводке за период с 10 по 17 февраля 1919 г. колчаковское правительство сообщало: «Рабочие фабрик, мастерских и т. д. распропагандированы большевиками и смотрят на власть Колчака, как на гибель демократических принципов. Распропагандированная часть крестьянства, особенно безземельные, питают склонность к восстановлению Советской власти» [2].

Для агитационной работы Иркутский комитет оборудовал собственную типографию, в которой работали член комитета Флюков, его жена и другие лица. «Наши листовки,— вспоминал впоследствии т. Касаткин,— пользовались большой популярностью. Колчаковцы так боялись наших листовок, что, когда мы их разбрасывали в казармах, на другой день прохожих не пускали проходить по той стороне, на которой были расположены казармы, где были расклеены или разбросаны листовки» [3].

Под руководством Иркутского комитета РКП(б) с июля 1918 г. по 1 января 1919 г. только на шести предприятиях города было произведено 16 забастовок [4]. 25 января 1919 г. восстали приисковые рабочие в Бодайбо; 15 мая они же объявили забастовку [5].

В марте 1919 г. вспыхнуло восстание крестьян Нижнеудинского уезда, охватившее Икейскую, Катарбейскую, Мугунскую, Перфильевскую, Гадалейскую, Шебертинскую и Пашкинскую волости [6]; 8 мая забастовали ра-

---

[1] ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 25, л. 3.
[2] Там же, ф. 147, оп. 8, д. 34, л. 8.
[3] Коллекция ИГВ ИМЛ, ф. 6, оп. 2, д. 24, л. 56.
[4] «Партизанское движение в Сибири». Центрархив, 1925, стр. 209.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 8, д. 34, л. 101.
[6] Там же, ф. 253, оп. 1, д. 147-а, л. 21.

бочие Хайтинской фарфоровой фабрики [1]; 2 июня 1919 г. началась забастовка шахтеров Черемховского угольного бассейна, в которой приняли участие около 10 000 человек [2].

Иркутский комитет РКП(б) проводил большую работу не только среди рабочих и крестьян Сибири (см. док. № 2), но и среди солдат колчаковской армии (см. док. № 4) и иностранных войск. В иркутском подполье работало несколько чехов-коммунистов; они поддерживали связь с чешскими войсками и распространяли среди них листовки (см. док. № 3).

Департамент милиции МВД Колчака сообщал, что русские большевики ведут усиленную пропаганду в чехословацких воинских частях «с целью разложения их и привлечения на свою сторону» [3].

К концу 1919 г. деятельность партийной организации Иркутска вызвала серьезное беспокойство среди колчаковцев. Начальник Иркутского губернского управления государственной охраны 10 декабря 1919 г. в рапорте управляющему Иркутской губернии писал:

«В городе, по документальным данным, существует «Иркутская коммунистическая партия большевиков» и организации их Красного креста... Большевистская организация возглавляется пятеркой и является центром управления в городе большевистским движением. По окраинам города: Глазково, Вознесенское предместье, Знаменское, Ремесленная слобода и депо ст. Иркутск, Иннокентьевской и поселок того же наименования, имеются районные организации, назначение коих, поскольку можно судить, чисто боевое — дать в нужное время бойцов и оказать вооруженную поддержку...» [4].

Публикуемые документы Иркутского комитета РКП(б) свидетельствуют о большой работе, проведенной сибирскими большевиками в тылу врага за восстановление Советской власти.

А. М. Гак, В. Н. Дворянов

№ 1

Тезисы [1)] Иркутского комитета РКП(б)

1. Коммунистическая революция переросла национальные рамки и, захвативши в свое русло значительную часть Центральной Европы, стала явлением мирового значения, предрешающим собою успех коммунизма в международном масштабе. Страны Запада одна за другой приобщаются к коммунистической революции и недалек тот момент, когда оплоты капитализма — Англия и Франция — падут под ударами пролетарского меча.

2. Россия, ранее других вступившая на путь революции и закрепившая завоевание массы в формах Советской власти, твердо и неуклонно ликвидирует старый капиталистический уклад и вместе с ним господство класса буржуазии, заменяя его хозяйством, построенным на коммунистических началах. Активное сопротивление капитала в пределах Советской власти сломлено железной рукой рабоче-крестьянской диктатуры, и на развалинах капитализма вырисовывается облик коммунистического общества, вступившего в творческую фазу своего развития.

3. Пролетариат и трудовое крестьянство Сибири, ставшие год тому назад жертвой предательской политики правых социалистических элементов и отданные на растерзание международного капитализма, скоро разглядели контрреволюционную сущность сибирской диктатуры, тем более, что

[1] ЦГАОР СССР, ф. 147, оп. 8, д. 29, л. 24.
[2] Там же, ф. 253, оп. 1, д. 147-а, лл. 85—86.
[3] Там же, ф. 147, оп. 8, д. 34, лл. 107—108.
[4] Там же, ф. 296, оп. 2, д. 12, л. 17.

все признаки монархического режима с его порками, расстрелами, выколачиванием податей, безответственностью должностных лиц и палочной дисциплиной в деле военного и гражданского управления стали постоянным явлением сибирской действительности.

Масса обратила свой взор, надежды туда, где красные орлы несут на своих плечах знамя международной революции, и под давлением социально-экономического гнета выступила в открытую вооруженную борьбу с колчаковщиной и атаманщиной под лозунгом Советской власти.

4. Красная Армия — краса и гордость коммунистической революции — в течение одного года превратилась в грозную силу. Она разбивает своих врагов на всех фронтах гражданской войны. На Урале Советская власть перешла в решительное наступление и гонит дезорганизованные банды, в панике покидающие один город за другим и сдающиеся целыми дивизиями в советские руки. Армии белых окружены, и недалек тот час, когда пролетарская правда восторжествует по всей Сибири.

5. Правые эсеры и меньшевики, принимавшие активное участие в борьбе с Советской властью, начинают понимать свою историческую ошибку, но, воспитанные в духе компромиссов и соглашательств, неспособны и с получением урока сделать правильное заключение, несомненно, что эти партии умерли для массы навсегда.

6. Крупный революционный процесс в первые периоды своего развития непонятен массе и кажется для нее ненужной ломкой старого уклада. Видимый хаос, непланомерность проведения определенных начинаний, колебания и ошибки характеризуют собой всякую новую эпоху социально-экономических отношений. Многие идеи, возникшие в процессе революционной борьбы, кажутся здравому обывательскому уму сплошным безумием. Нужно известное время, чтобы новые идеи стали понятны и близки угнетенному классу. То же произошло и с Сибирью. Масса сначала не поняла глубины социальных преобразований, которые проходили в период Советской власти. Но теперь, когда ценой тяжелых испытаний пройдена первая школа классового самосознания, мучительные сомнения исчезли, и Советская власть для нее будет давно желанной спасительницей от капиталистической кабалы.

7. Главная задача, стоящая перед Иркутской организацией коммунистической партии, заключается в производстве вооруженного восстания с целью восстановления и укрепления Советской власти в пределах г. Иркутска. Все силы и средства организации должны быть направлены на дело вооруженного восстания, успех которого предрешит собою благоприятный исход борьбы с белогвардейцами по всей Сибири.

8. Все работы, связанные с организацией вооруженного восстания, должны быть приноровлены к определенному сроку.

9. Прежде чем отдать приказ о вооруженном выступлении, необходим ряд следующих подготовительных мер:

а) установление связей с воинскими частями и организация среди них партийных комитетов;

б) создание городских комитетов, районных и организаций рабочих города;

в) организация подрывных железнодорожных отрядов;

г) установление связи с другими городами и выяснение характера и размера военной поддержки от них.

10. Беспрерывно продолжающаяся гражданская война определяет собой практическую линию поведения партии. Все, что так или иначе вредит врагу, что способствует укреплению революционного фронта, то морально, необходимо, тактично.

Исходя из изложенного принципа, партия допускает и признает необходимым:

а) эксы и фальсификация денег как средств получения материальных ресурсов;

б) единоличный и массовый террор в форме ответа на репрессии, а также навести на врага панику;

в) взрыв железнодорожных поездов, порча пути, поджигание военных складов, казарм и пр.;

г) использование и поддержка всех революционных выступлений, движений, возникающих в массе стихийно;

д) соглашение по военным вопросам со всеми партийными группами и организациями, стоящими на платформе Советской власти;

е) использование профсоюзов и кооперативных организаций в целях вооруженного восстания путем распространения в них своего влияния;

ж) бойкот органам местного самоуправления;

з) заготовка оружия всеми имеющимися в организации средствами;

и) рекомендовать всем партийным товарищам не уклоняться от призыва к военной службе, но с условием неуклонного проведения в войсках принципов коммунистической партии и поддержки с нею постоянной организованной связи.

ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, л. 9.— Копия.

№ 2

Обращение Иркутского комитета РКП(б) к крестьянам Сибири с разоблачением клеветы, распространяемой колчаковцами против Советской России

Не позднее 27 июня 1919 г.

Против воззвания [2)]

К сибирским крестьянам!

Товарищи! Плюньте на это воззвание и не верьте гнусной клевете. В Советской России по отношению крестьян можно сказать только то, что теперь только крестьянин стал свободным от помещичьего гнета. Только теперь свободно вздохнул. Когда Советская власть отобрала всю землю у помещиков и у кулаков, которые себя тоже называют крестьянами и обращаются в своем воззвании к сибирским таким же кулакам, как и сами. В общем, каких бы они воззваний ни писали, как бы они, эти проклятые кулаки и буржуазия, ни объединялись — все равно беднота их раздавит. В воззвании говорится, что в Советской России крестьяне против Советской власти. Интересно, из кого же состоит та армия, перед которой оказались бессильными даже буржуазные союзники и предатели-чехословаки.

Советские войска уже перешли Уральский хребет и с каждым днем продвигаются вперед, и наших противников дни сочтены. Не хочется крови, но она неизбежна. Со дня переворота, наш Восток все время истекает кровью, и эта кровь не может быть забыта, она своим красным языком призывает нас к мести, беспощадной мести, но разумной, ни одной невинной жертвы не надо, но виновных уничтожать с корнем, больное от здорового должно быть отделено. После этого огня должно только остаться силь-

ное, честное, все за счет свой живущее. В Советской России больше нет места паразитам, также не должно быть им места у нас в Сибири. Скоро настанет час, и мы должны все приступить к дружной и честной работе.

Долой правительство буржуазии!

Да здравствует власть трудящихся!

ЦГАОР СССР, ф. 253, оп. 1, д. 147-а, л. 352.— Копия.

№ 3

Обращение Иркутского комитета РКП(б) к чешским солдатам с разоблачением политики буржуазии и с призывом прекратить борьбу против Советской России

Сентябрь 1919 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Товарищи чехо-словаки! [3)]

К вам, рабочие и крестьяне, и всему трудящемуся люду, обращаемся мы.

Уже год, как сибирские рабочие и крестьяне задыхаются в тисках буржуазной диктатуры, год непрекращающихся расстрелов крестьян и рабочих, режима порки и скорострельных судов, воскресивших наиболее жестокие моменты николаевского произвола,— этот год должен научить вас многому.

Вы ясно видите результаты соглашательства с буржуазией, вы видите, как беспощадно борется буржуазия за свою «свободу» бесконтрольного хищения всего собранного трудовым народом.

Буржуазия, всякую попытку против гнета её, беспощадно топит в крови своих противников. Перед вашими глазами прошли восстания в Славгородском, Бийском, Барнаульском, Усть-Каменогорском, Красноярском, Тасеевском, Ангарском и других районах,—эти чисто крестьянские восстания, где плохо вооруженные и организованные крестьяне все же решились бороться с буржуазной диктатурой. Эта начавшаяся со дня свержения рабоче-крестьянской власти и не прекращающаяся до сих пор борьба должна указать вам, где ваши противники.

Товарищи чехо-словаки! Международный пролетариат ведет напряженную борьбу с отжившим кровавым капиталистическим строем. Капиталистические правительства в версальской, грабительской конференции банкиров обнаружили свои затаенные алчные замыслы. Посулили во время войны империалистические правительства о свободе малых наций, о справедливости, о тех высших идеалах, во имя которых будто бы велась война, превратили в Версальском дворце после слащавых деклараций Вильсона в ничем не прикрытый грабеж целых народов.

Товарищи!

В данный момент перед вами встает вопрос о том, с кем будете вы единомышленниками и против кого должны направить дула ваших ружей, которые буржуазия в согласии с продавшимися ей вашими генералами и командным составом усиленно старается направить против трудового народа. Орудийный гул входящей в Сибирь победоносной пролетарской армии заставил потерять от страха рассудок реакционеров Сибири, и многие из них стараются найти спасение в бегстве. Этот факт должен пробудить вас от того угара, которым усиленно окружали вас продавшиеся буржуазии ваши генералы и большинство офицеров.

Вы надеетесь, что буржуазия исполнит обещание вывезти вас домой... Нет! Она вас повезет, если ей понадобится расстреливать английских, французских или иных революционных крестьян и рабочих. И забудет о своих обещаниях, как в вильсоновских декларациях, которым усердно вторили буржуазные газеты во время войны.

Непрерывная трескотня пулеметов, море крови крестьян и рабочих Сибири должны напомнить вам, что по возвращении домой вы должны будете ответить, когда буржуазия расстреливала крестьян и рабочих.

Вы были послушным орудием союзных палачей русской и иностранной буржуазии, вас окутывали ложью с первых дней и до настоящего, но правду за этот год вы должны были видеть сами.

Или мало расстрелянных чехов вашим командным составом, или мало прозревших чехов томится по тюрьмам и лагерям, под замком буржуазной диктатуры.

Товарищи!

Стоит только вам очнуться от угара, и вы увидите, что идете по ложму пути.

Мы призываем вас гневною рукою проснувшегося пролетарского самосознания порвать раз навсегда цепи лжи буржуазии и ее же штыками сломить ее, только путь восставшего пролетариата, путь революционной борьбы, путь рабоче-крестьянской власти, вот ваш путь.

Так не медлите же и идите к нам и с нами. Только общий союз с сибирским рабочим и крестьянином даст вам возможность получить гарантию для отправки на родину через Советскую Россию.

Долой колчаковско-буржуазную диктатуру!

Да здравствует чешский рабочий и крестьянин!

Да здравствует Советская власть!

Да здравствует социалистическая мировая революция!

Иркутский Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)

ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, л. 14.— Копия.

№ 4

Обращение Иркутского комитета РКП(б) к солдатам колчаковской армии с призывом переходить на сторону Советской власти

Сентябрь 1919 г.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Товарищи солдаты! [4)]

Белогвардейцы на уральском фронте разгромлены. Планомерного отступления им совершить не удалось. Бегут кадры офицерства и добровольческих отрядов. Солдаты же целыми дивизиями, полками, ротами, отрядами, командами и отдельными группами переходят на сторону красных со всем вооружением и обозами; многие части перешли с офицерским составом. Огромное количество оружия и припасов перешло в наши руки. Только под одной Уфой перешло к нам свыше 35 000 сибирских казаков и солдат со всем вооружением.

Последняя линия сопротивления была организована белыми на фронте Златоуст — Екатеринбург. Белые, владея здесь двуми железнодорожными линиями вдоль фронта и имея сильные естественные рубежи самой высокой группы Уральских гор, считали себя достаточно обеспеченными от нового поражения. Но порыв революционных красных войск сломил сопро-

тивление белогвардейско-офицерских добровольческих отрядов, а солдаты колчаковской армии примкнули к красным и приняли участие в разгроме остатков белых.

Златоуст, Екатеринбург, Челябинск, Троицк, Кустанай, Ирбит, Курган, Тюмень, Камышлов и ряд других городов, имеющих второстепенное значение, перешли в наши руки так быстро, что из некоторых городов белым не удалось вывести даже штабов. Сильно попорченные белыми пути сообщения мешают революционным войскам ускорить свое продвижение. Белые спешат отвести дальше от фронта отряды солдат колчаковской армии, чтобы помешать им перейти к красным.

Под угрозой военно-полевого суда заставляют население эвакуироваться из городов, оставляемых белыми. Теперь советская армия вступила уже на обширные равнины Западной Сибири и шлет сибирякам горячий товарищеский привет.

Белые усиленно закрепляют линию р. Иртыша и г. Омск. Они думают, что эти рубежи остановят красных орлов, которые по рассчетам белых должны достаточно утомиться. Ведь многим отрядам красных пришлось пройти походным порядком с боем от первоначальной позиции белых более тысячи верст.

Железнодорожное полотно, уже занятое красными, на протяжении более 900 верст разрушено белыми при отступлении. Целые города, села и деревни (Сарапул и др.) выжжены белыми дотла. Но белые знают, что если красные орлы перелетели через неприступный Урал, где белые располагали и организованными отрядами, прекрасным вооружением, то такие рубежи, как Иртыш, не могут служить препятствием, а испорченные дороги красными достаточно скоро восстанавливаются.

Недаром поэтому Колчак начал переговоры с Японией и об обещании ей уступить часть Сибири на Дальнем Востоке и закабалить японским капиталом сибирского крестьянина и рабочего; обещает же это за то, чтобы Япония послала свои войска остановить наступление красных. Недаром Колчак центром эвакуации намечает г. Иркутск. Но заманчивые обещания Колчака не особенно прельщают японских банкиров, они боятся, что вмешательство в дела России усилит революционное движение в Японии, которое и без того сильно беспокоит японскую власть.

Внутренние революционные силы Сибири с каждым днем множатся и крепнут. Растет и ширится партизанская война трудящихся против ненавистного, буржуазного колчаковско-японского гнета. Могуче ширятся, растут и крепнут ряды повстанцев.

Переход казачьих частей на сторону красных в Забайкалье и воинских частей в Тасеево-Тарском и Бийском районах сильно беспокоит белых и грозит катастрофой для Колчака.

Близок момент, когда крепко спаяется, тесно сомкнется настрадавшаяся рабоче-крестьянская Сибирь с долгожданными красными орлами.

Товарищи солдаты, на вас смотрят с надеждой и верой ваши отцы и братья. Вы, молодая рать сибирских трудящихся, не измените великому делу. От вас, товарищи солдаты, зависит ускорить освобождение. Организуйтесь в ячейки, комитеты; переходите к красным на фронте с оружием и снаряжением; присоединяйтесь к партизанским отрядам; в городах организуйте революционные штабы, гарнизоны для захвата городов; мешайте эвакуации городов, препятствуйте офицерским и добровольческим войскам портить пути при отступлениях. В тылу уничтожайте и приводите в негодность вооружение, склады и железнодорожные пути белых.

Только при напряженной революционной борьбе вы сможете скоро свергнуть Колчака и соединиться с идущими на ваше освобождение советскими войсками.

Так не медлите же и вперед. Пусть ваши штыки, посланные для убийства братьев — рабочих и крестьян России,— падут на голову правительства палачей, насильников, угнетателей.

Будьте на страже. Готовьтесь. Организуйтесь. Стройтесь в ряды плечом к плечу с красными партизанами.

Да здравствуют революционные солдаты!

Да здравствуют красные орлы!

Да здравствует рабоче-крестьянская Советская Россия!

Да здравствует мировая социалистическая революция!

Иркутский Комитет Российской Коммунистической партии (большевиков)

ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, лл. 11—12.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Тезисы Иркутского комитета РКП(б) обнаружены Барнаульской контрразведкой при обыске у Марии Алексеевой, возглавлявшей организацию Красного креста при Барнаульском комитете РКП(б), и пересланы начальнику Иркутского губернского управления государственной охраны 1 сентября 1919 г. (см. ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, лл. 8 и 15).— 88.

2) Листовка «Против воззвания» выпущена Иркутским комитетом РКП(б) в ночь с 27 на 28 июня 1919 г. в ответ на «Воззвание» колчаковских властей к крестьянам Сибири о борьбе против Советской Республики (см. ЦГАОР СССР, ф. 253, оп. 1, д. 147-а, л. 351).— 90.

3) Обращение «Товарищи чехословаки!» обнаружено в г. Иркутске сотрудниками информационного отдела управляющего Иркутской губернии и 12 сентября 1919 г. направлено начальнику Иркутского управления государственной охраны для усиления работы по розыску типографии и наблюдения за распространителями листовок (см. ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, л. 13).— 91.

4) Обращение «Товарищи солдаты!» обнаружено на улицах Иркутска в начале сентября 1919 г. (см. ЦГАОР СССР, ф. 296, оп. 2, д. 27, л. 10).— 92.

ПОДГОТОВКА БОЛЬШЕВИКАМИ ТРАНСПОРТА ОРУЖИЯ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ В ДЕКАБРЕ 1906 г.

Публикуемые документы освещают один из ярких эпизодов закупки и транспортировки из-за границы оружия в Россию в связи с подготовкой большевиками вооруженного восстания в 1906 г.

В отличие от меньшевиков, хоронивших революцию после поражения декабрьского вооруженного восстания, большевики призывали массы готовиться к новому вооруженному восстанию. В ряде работ за 1906 г. В. И. Ленин, анализируя сложившуюся обстановку, доказывал необходимость ведения широкой агитации в массах за вооруженное восстание и всесторонней, тщательной подготовки к нему. Так, в статье «Уроки Московского восстания» В. И. Ленин писал, что партия большевиков должна «воспользоваться усовершенствованием техники, научить рабочие отряды готовить массами бомбы, помочь им и нашим боевым дружинам запастись взрывчатыми веществами, запалами и автоматическими ружьями» [1].

Учитывая опыт декабрьского вооруженного восстания, большевики перестроили свою боевую работу, создали в течение 1906 г. крепкие боевые дружины, военные и боевые организации, инструкторские школы, лаборатории по изготовлению бомб, стали заготовлять оружие, закупать и доставлять его из-за границы.

В добывании оружия и снабжении им большевистских организаций огромная заслуга принадлежит «Боевой технической группе», возникшей еще в январе 1905 г. при Петербургском комитете партии и после III съезда РСДРП перешедшей в ведение ЦК. С этого времени ее работу непрерывно возглавлял Л. Б. Красин с помощью таких замечательных большевиков, как М. М. Литвинов, С. А. Тер-Петросян (Камо), А. М. Игнатьев и другие.

В январе 1906 г. из группы выделилось два отделения, ставших самостоятельными,— Военно-техническое бюро при Московском комитете РСДРП и отделение для доставки оружия на Кавказ [2]. Деятельности последнего отделения и принадлежит грандиозная по своему размаху попытка отправки в Россию оружия на корабле «Зора». Ценные материалы о его подготовке и отправке имеются в воспоминаниях организатора транспорта оружия М. М. Литвинова и в воспоминаниях о Л. Б. Красине — «ответственном финансисте партии», стоявшем во главе боевой работы в России,

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 11, стр. 151.

[2] См. О. А. Иванова. Петербургская боевая организация большевиков (1905—1907 гг.), «Вопросы истории», 1946, № 1.

которому принадлежал и сам замысел этого выдающегося предприятия[1].

Известно, что в начале января 1906 г. Литвинов получил задание от Красина поехать за границу для организации закупки и транспорта оружия закавказским организациям, приславшим через Камо в ЦК большую сумму денег для этой цели[2].

Было решено купить несколько тысяч винтовок системы Маузера и Манлихера, несколько пулеметов, мелкое оружие и соответствующее количество патронов. Оружие закупалось в Германии, Бельгии, Австрии. Однако главная трудность заключалась в его доставке. «Я объехал почти все порты Голландии, Бельгии, Франции, Италии и Австро-Венгрии,— вспоминал Литвинов,— советовался там с местными партийными товарищами... и все они в один голос уверяли в абсолютной неосуществимости нашей затеи»[3]. Для отправки оружия через Болгарию Литвинов и его помощники связались с македонскими революционерами, в частности, с членом Македонского комитета Н. Тюфекчиевым. Он сумел добиться от болгарского правительства разрешения на вывоз оружия контрабандным путем из Варны якобы в Турецкую Армению для оказания помощи армянам против Турции.

Была куплена небольшая яхта, команду для которой прислали из России. Транспорт оружия был готов к отправке еще в начале лета. Но меньшевистский ЦК не высылал необходимых средств. Литвинов вынужден был отправиться в Петербург, где ему не без труда удалось вырвать у меньшевистского ЦК остатки закавказских денег. В Болгарию он вернулся лишь поздней осенью, и благоприятное время было упущено. Попав в осеннюю бурю, корабль «Зора» потерпел крушение; оружие и нелегальная литература были с него сняты и захвачены румынскими властями.

Таким образом, огромная доля ответственности за гибель транспорта с оружием падает на меньшевистский ЦК.

Документы данной публикации не только дают материал, подтверждающий факты, известные из воспоминаний, но и позволяют уточнить многое из обстоятельств организации и гибели транспорта оружия. Они показывают, что неудача этого грандиозного предприятия в значительной степени была связана с предательством Житомирского, пробравшегося близко к руководящим организациям партии и являвшегося в то же время платным агентом царской охранки. Среди документов мы встречаем подлинные донесения заграничных агентов охранки, с помощью предателя Житомирского сумевших нащупать нити подготовки транспорта и установить слежку за его организаторами (см. док. №№ 2, 4, 10). Эта сторона дела осталась неизвестной участникам группы, возглавляемой М. М. Литвиновым, и не нашла отражения в их воспоминаниях. Между тем это было одной из главных причин гибели транспорта. Сообразуясь с донесениями агентов, Департамент полиции предписал командующему Черноморским флотом Скрыдлову выслать для поимки яхты «Зора» три миноносца (см. док. №№ 3, 5). Это и заставило капитана, заметившего военные корабли, свернуть к берегам Румынии, что привело к гибели корабля (см. док. №№ 8, 11). Интересно донесение начальника Одесского охранного отде-

---

[1] См. сборник «Первая боевая организация большевиков». М., 1934; Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья. Сборник воспоминаний, статей и документов. М.—Л., 1928.

[2] Деньги в количестве 201 тыс. руб. были конфискованы в Квирильском казначействе в декабре 1905 г. штабом Шорапанских боевых дружин (см. Л. Шаумян. Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна, М., 1959, стр. 51).

[3] «Первая боевая организация большевиков», стр. 107.

ления В. А. Левдикова директору Департамента полиции М. И. Трусевичу от 5 марта 1907 г. (см. док. № 11), рисующее обстоятельства организации и гибели транспорта оружия. Документ приводит цифры о количестве найденного на яхте и арестованного оружия. Записка русской императорской миссии в Бухаресте по делу «Зоры» от 7 февраля 1907 г. (док. № 9) и письмо министра иностранных дел А. П. Извольского министру внутренних дел П. А. Столыпину (док. № 8) показывают борьбу, которую вели болгарские революционеры, помогавшие большевикам в отправке транспорта в Россию, за возвращение оружия из Румынии в Болгарию. Департамент полиции вел расследование обстоятельств организации транспорта оружия, пытался выяснить лиц, принимавших в нем участие. Донесение А. М. Гартинга (см. док. № 10) заключает в себе конспиративные фамилии участников. В связи с расследованием дела Департаментом полиции была составлена справка о М. Валлахе (М. М. Литвинове), в которой кратко описана его революционная деятельность до 1906 г. и довольно подробно его работа по закупке оружия за границей (см. док. № 7). Этот документ подтверждает и факт его поездки за деньгами в Петербург, о которой он писал в своих воспоминаниях.

В мае 1907 г. полиции удалось арестовать капитана яхты «Зора» А. С. Каютенко, бывшего в то время членом Одесской боевой организации РСДРП. Департамент полиции пытался добиться от Каютенко необходимых показаний по организации транспорта оружия на корабле «Зора», узнать у него фамилии участников. Это было тем более важно, что в ноябре 1907 г. был арестован Камо, которого стремились обвинить не только в известной экспроприации денег в Тифлисе, но и в подготовке транспорта оружия. Полиция не могла оперировать данными, предоставленными в ее распоряжение провокатором Житомирским, поэтому показания Каютенко дали бы в ее руки необходимый для обвинения Камо материал. Однако протокол допроса Каютенко (см. док. № 12) показывает, что он не дал в руки полиции ни одного факта. Этот документ для нас важен и тем, что восстанавливает доброе имя революционера, которого незаслуженно обвиняли в выдаче обстоятельств организации транспорта оружия на корабле «Зора» [1].

Читая документы данного дела, мы все время сталкиваемся с тем, что Департамент полиции приписывал организацию транспорта оружия на корабле «Зора» эсерам. Среди публикуемых материалов большой интерес представляет письмо Н. Софронского «для максималистов», в котором излагается план закупки оружия в Италии и отправки его в Россию через Болгарию (см. док. № 1). При сопоставлении некоторых данных можно предположить, что под фамилией Софронского скрывался М. М. Литвинов.

В деле Департамента полиции по наблюдению за поручиком 10-го Туркестанского полка Н. К. Софронским, якобы членом московской фракции максималистов партии эсеров [2], говорится, что он выехал за границу для закупки оружия, причем был в Италии, Льеже, Берлине, Варне. Наконец, в донесении А. М. Гартинга от 14 сентября 1906 г. сообщается: «...по полученным сведениям, только что прибывший в Берлин из Канн Николай Софронский должен был выехать оттуда вчерашнего числа в Эйдкунен, где он остановится в Hotel de Russie под фамилией Литвинова, и оттуда он перейдет нелегально границу, направляясь в Вильковышки...» [3]. Начальник Московского охранного отделения Климович телеграфировал

[1] См. сборник «Первая боевая организация большевиков», стр. 107.
[2] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 47.
[3] Там же, л. 42.

7 сентября 1906 г. директору Департамента полиции, что Софронский находится в Петербурге [1].

Сопоставим данные о Литвинове с данными о Софронском: Меер Валлах (Литвинов) по заданию Красина выезжает за границу, объезжает ряд стран, в том числе и Италию, с целью закупки оружия и разрабатывает план отправки его через Болгарию, используя связи с македонскими революционерами. То же самое делает Н. Софронский, действовавший якобы по заданию московских эсеров. М. Валлах едет нелегально в Петербург. Хотя в справке Департамента полиции о Валлахе (см. док. № 7) и говорится, что он выехал в Россию с паспортом на имя Графа, чтобы получить от ЦК 30 тыс. руб, но следов его охранка не нашла. Софронский в это же время, останавливаясь в отеле под фамилией Литвинова, нелегально переходит границу, едет в Петербург, причем полиция тоже теряет его след. Валлах поздней осенью возвращается в Берлин. Софронский тоже начинает вновь наблюдаться в Берлине с конца октября 1906 г. Причем с 29 октября по 1 декабря он был прописан в одной гостинице под фамилией Минковского, а с 5 по 24 декабря прописывается в новом отеле под фамилией Б. Зильбермана. И именно 5 декабря М. Валлах уехал из Берлина в Софию через Вену. Когда после гибели транспорта оружия и неудачи с его возвращением из Румынии Валлах уезжает из Болгарии, Софронский опять появляется в Берлине, с 8 января 1907 г. прописываясь под фамилией Минковского.

Указанные совпадения дают основание предполагать, что Литвинов-Валлах и Софронский — одно и то же лицо.

Публикуемые документы извлечены из дела Департамента полиции под названием «О покушении на водворение в пределы империи оружия на пароходе «Зора» и о командировке подполковника Левдикова», хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Москве. Ввиду того что документы извлечены из одного дела, в легендах даются ссылки только на листы дела (ф. ДП, ОО, 1906 г., I отд., д. 885).

Д. А. Колесниченко

№ 1

Письмо «Николая Софронского» «для максималистов» [2] о закупке оружия за границей

Ранее 29 ноября 1906 г. [3]

Италия недавно сравнительно перевооружила свою армию, благодаря чему у нее оказался большой запас вполне годного к употреблению оружия, которое она распродает по очень дешевой цене. Благодаря завязанным сношениям можно иметь пятизарядную магазинку прекрасного боя и качества при заказе от 20 000 шт. по цене 20 франков за штуку. Там же можно иметь однозарядные ружья очень хорошей системы по цене 14 франков, а если дело с транспортом наладится, то тот же образец (1 заряд), но длинный, вроде нашего Бердана, по цене 3 франка штука. Для начала дела необходимо иметь 5000 руб. на предварительные расходы и 200 тыс. франков положить в банк для обеспечения агента, поставляющего

[1] ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1906 г., д. 47, л. 37.
[2] Заголовок документа.
[3] Датируется на основании препроводительного письма (то же дело, л. 2).

вещи. План транспортировки таков: товар грузится в одном из портов Италии и оттранспортируется в Варну, где можно, воспользовавшись разрывом дипломатических сношений Болгарии с Россией, который ослабил надзор, откуда на мелких судах идет в Черное море: Одессу, Днепровский лиман и т. д. Одесса хороша тем, что там уже есть готовый склад — катакомбы, лиман — камышами. Во всяком случае организовать это можно, так как кавказцы, как известно, возят Черным морем огромное количество оружия; для полной гарантии успеха нужно иметь связи с нашими эмигрантами в Болгарии и Румынии (можно иметь через Севастопольскую организацию) и официальные полномочия мне и еще кому-нибудь. Мише или вам завязать связи с иностранными организациями, в частности, с Македонским комитетом, главным образом с Борисом Сарафовым [1], а также явки в Лондоне, где надо будет фрахтовать суда, так как англичане всюду благодаря своему нахальству провозят свободно; их никто не трогает ввиду того, что они поднимают такой крик и требуют страшных вознаграждений. Часть груза, связавшись с болгарскими и румынскими эмигрантами, можно будет пустить через сухую границу, воспользовавшись сектантами, которые возят контрабанду этого рода.

Стоимость товара при малых заказах такова:

	5-заряд[ных] маг[азинок]	— 29 франков
	1 » »	— 25 »

При больших, как писал,

	5-зарядных маг[азинок]	— 20 франков
	1 » »	— 14 »
Неудобная	1 » »	— 3 »

Сотня патронов при крупном заказе:

5-заряд[ных]	— 100	—10 франков
1 »	— 100	—14 »

Если считать, что провоз и содержание транспортной конторы обойдется еще 20 франков на экземпляр, который будет значить стоимость 40 франков, а с 200 патронов, считая их транспортировку,— 80 франков, по курсу 37½—30 руб. 40 коп., когда теперешний «Адамсон» стоит с перевозкой и патронами 31 руб. 50 коп. Что выгоднее — ясно. Дело сделать можно, да и никогда они в эту цену не обойдутся, всегда будет дешевле, если будет, еще раз повторяю, необходимое официальное полномочие действовать от имени фракции.

Первые расходы будут таковы: 5000 руб. на поездку, оборудование конторы, розыски эмигрантов, приведение их в приличный вид, посажение в нужные места и мелкая агентура и т. д.

200 000 франков в банк, 50 000 франков на фрахт судов и т. д., на поддержку внутренних организаций, нужных для транспорта. Все деньги должны [быть] положены за границу, так как их потом не получишь и дело провалится так же, как оно провалилось весною [2].

Лл. 3—4.— Копия.

№ 2

Донесение русского военного дипломатического агента в Софии Пешкова в Департамент полиции о выезде из Берлина в Софию группы русских революционеров для отправки транспорта с оружием в Россию

5 декабря 1906 г.

Известный Меер Валлах, он же Литвинов, и Лельков [3] едут [с] десятью латышами и грузинами [в] Софию через Вену, куда высылают ему подложные паспорта на имена Александра Аароновича Самсоновича из Иркутска, Ивана Петровича Михайлова, Лазаря Ошерова Слонимчика, купца Гершуни и Масселя, американские паспорта... [1] и Александра Хауман и немецкий на имя Графа. Из его компании шесть отправились двумя группами [в] Софию. Войдите [в] связь [с] Бинтом [4], окажите полное содействие.

Peschkoff

Л. 7.— Отпуск.

№ 3

Телеграмма товарища министра внутренних дел А. А. Макарова командующему Черноморским флотом адмиралу П. И. Скрыдлову об отправке в Россию транспорта с оружием и необходимости выслать миноносцы для его поимки

6 декабря 1906 г.

Из Варны или Бургаса вскоре отойдет пароход, весь груженный оружием для революционеров России и Кавказа. Название и место назначения пока неизвестны, но выгружать будет в море на мелкие суда. Благоволите телеграфировать, возможно ли назначение нескольких быстрых судов, как минных крейсеров или крупных миноносцев, для поимки с тем, чтобы один отряд крейсировал между Керчью и Румынией, а второй от Новороссийска до Турции с получением справок в пунктах, которые будут указаны дополнительно. В этом деле требуется чрезвычайная тайна и возможны сношения только с директором Департамента полиции.

Товарищ министра Макаров

По уполномочию директора Трусевича

Л. 9.— Отпуск.

---

[1] Фамилия написана неразборчиво.

№ 4

Донесение агента «Бинта» русскому военному дипломатическому агенту в Софии Пешкову о наблюдении за группой русских революционеров, готовящих к отправке в Россию транспорт оружия на пароходе «Зора»

10 декабря 1906 г.

Господин Пешков!

Для пользы службы нахожу нужным послать Вам при сем по возможности подробное описание парохода «Зора» Варнского порта, который в настоящее время снаряжается для перевозки оружия. Группа эта выехала из Берлина в Вену, разделившись по несколько человек, на расстоянии одного и двух дней; та же комедия происходила в Вене: сначала выехал Розенберг [5)] с одним товарищем, два дня спустя двое других, на следующий день Енгалла [6)] с двумя другими и после всех Валлах еще с одним; все отправились в Софию, и все эти группы сопровождались из Вены и до Софии одна мной, вторая Нейхаузом, третья Вольцем [7)]. Наконец, мы все собрались в Софии. Лица эти поселились в разных гостиницах, наблюдение было очень затруднительно при незнании языка, притом там было очень холодно и шел снег. Тем не менее мы их не потеряли, и на другой день приезда последней группы в Софию Розенберг с одним товарищем уехал в Варну, другие последовали за ними — все через день, последняя группа приехала сегодня в 2 часа с Валлахом. Они теперь все собрались здесь и живут в разных гостиницах под фальшивыми именами; Розенберг здесь называется Шмит. Со вчерашнего дня идет усиленная работа на «Зоре», которая стоит здесь уже более двух месяцев. Пароход этот пришел сюда из Англии; сегодня утром мы заметили, что производится погрузка и из трубы шел дым. Может быть, он скоро уйдет из Варны. Следили мы за ними от Берлина до Варны так, что ни один из них не мог догадаться, что находится под наблюдением. Теперь мы наблюдаем за пароходом. Как только он выйдет из порта, я буду телеграфировать в Париж и Вам также. Очень затруднительно сноситься отсюда по телеграфу с Парижем; шифрованных телеграмм не принимают, а словами могу сказать очень мало. Одним словом, в настоящее время вся эта шайка собралась здесь: Валлах, Розенберг, Енгалла, Никитин [8)] и пр. Со вчерашнего дня на «Зоре» постоянно много народу и машина топится. Я думаю, что наша миссия здесь кончается, нам только остается наблюдение за пароходом, уведомить об его отходе, узнав, если будет возможно, взятое им направление. Описание «Зоры» составлял Вольц [1], так как он был 5 лет матросом. Надеюсь, что высшее начальство будет довольно нашей работой, которая была исполнена добросовестно, хотя ценою большого утомления. Здесь я нахожусь не под своим именем, а называюсь Фернбах; этой фамилией я всегда называюсь, когда нахожусь за границей, она известна его превосходительству господину директору, так как я под этим именем имел честь быть ему представленным в Женеве г. Ратаевым [9)]: буду Вам очень благодарен, если Вы напомните господину директору, что Бинт и Фернбах одно и то же лицо.

Имею честь быть вашим покорнейшим слугою Ж. Б и н т

Мой здешний адрес: Фернбах, Отель де Рюсси, Варна.

Лл. 48—49.— Перевод с французского языка современный подлиннику. Подлинник см. там же, лл. 46—47.

[1] Описание Вольцем «Зоры» см. то же дело, л. 53.

№ 5

Телеграмма директора Департамента полиции М. И. Трусевича П. И. Скрыдлову о срочной высылке миноносцев для поимки транспорта оружия

16 декабря 1906 г.

Благоволите отправить [в] Одессу под предлогом маневров три миноносца [с] соблюдением полнейшей конспирации о цели командировки. Старшему из командиров прикажите явиться для получения указаний лично [к] начальнику Одесского охранного отделения, Мархлевская, семь, квартира пять. Остальные офицеры и безусловно вся команда не должны знать о назначении миноносцев.

Директор Трусевич

Л. 41.— Отпуск.

№ 6

Телеграмма М. И. Трусевича начальнику Одесского охранного отделения В. А. Левдикову о наблюдении за появлением парохода с транспортом оружия и уничтожении его в случае сопротивления

16 декабря 1906 г.

По последним сведениям, «Зора» может взять оружие [в] море и будет выгружать между Очаковым и Кинбурнским маяком или около Аккермана. [В] ближайшем времени к вам явится командир отряда трех назначенных миноносцев, которому объясните, что необходимо немедленно выйти в море и, держась, по возможности, дальше от берега, учредить непрерывную охрану для наблюдения за появлением «Зоры», снимок которой, назначение и приметы передайте командиру. Миноносцы должны крейсировать между румынской границей и Кинбурном. Вопрос этот обсудите с командиром, которого просите о соблюдении конспирации. Установите с ним возможность сношений для передачи новых сведений. Если «Зора» будет настигнута, то задержать [и] доставить [в] Одессу. Предупредите [о] возможности сопротивления и самовзрывания. [В] случае сопротивления не стесняться с уничтожением.

Директор Трусевич

Л. 41.— Отпуск.

№ 7

Из справки Департамента полиции о революционной деятельности Валлаха (М. М. Литвинова) в период с 1901 по декабрь 1906 г.[1]

Январь, 1907 г.

...В 1901 г. Валлах был привлечен к делу о тайной типографии социал-демократической рабочей партии и содержался под стражей, но 18 августа 1902 г. бежал из Киевской тюрьмы и скрылся за границу. Последовавшим высочайшим повелением 2 июля 1903 г. Валлах за принадлежность к социал-демократической рабочей партии и за участие в устройстве тайной типографии присужден был к ссылке в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 5 лет, но за силою высочайшего указа 21 октября 1905 г. наказанию не подлежит.

[1] Из справки опущен текст со сведениями о семье М. М. Литвинова.

По сведениям парижской агентуры, Валлах в 1903 г. находился в Цюрихе, в организации «Искры», и работал у Аксельрода.

В 1904 г. Валлах проживал в Берлине, откуда через Вену нелегально отправился в Россию и находился в Вильне, но обнаружить его не удалось.

В 1906 г. от парижской агентуры получился ряд сообщений, указывавших, что Валлах в последнее время поставил целью своей деятельности водворение в Россию контрабандным путем оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ.

В марте 1906 г. Валлах был в Берлине проездом из С.-Петербурга. Ему поручено было произвести немедленную закупку в крупных размерах и регулярную доставку в Россию револьверов, патронов, ружей, пулеметов, запалов для бомб и проч. Из Берлина Валлах ездил в Карлсруэ для свидания со своим братом и посещения фабрики Бергмана, где выполнялся заказ карабинов и пулеметов, а затем отправился в Париж, где организуется центр для заведования заготовкой оружия.

Для доставки намечаются пути: через Финляндию — пароходами, через Америку и Японию — в Сибирь, через Германию и Одессу — морем. Изложенные сведения о деятельности Валлаха как главного агента Центрального комитета по закупке оружия подтвердились добытым негласно письмом его в С.-Петербургский Центральный комитет от 10 марта 1906 г. В июле Валлах из Брюсселя сообщал о приобретении 910 ящиков оружия весом в 2750 пудов (в том числе заказанные Людвигом Мартенсом пулеметы собственного изобретения) и просил выслать 50 000 франков. Вслед за тем парижская агентура извещала, что Центральному комитету было прислано ранее 90 000 руб. и затем из С.-Петербурга вновь прислано 10 000 руб. на закупку оружия, которой руководил Валлах. Затем указывала на обнаруженную ею заготовку в Германии 500 ружей, которые Валлах должен переправить в Россию в 50 ящиках. Сверх того, Валлах, при посредстве своего брата, проживающего в Карлсруэ, ведет сношения с оружейной фабрикой Бергмана. По сведениям, сообщенным агентурою, в августе упомянутым выше инженером Мартенсом заказано было на оружейных фабриках в Цюрихе пулеметов его изобретения на 7000 [руб.] и деньги на этот предмет были отпущены из книгоиздательства фирмы Горького в Берлине. Валлах же недавно приобрел за 30 000 марок пароход для перевозки транспортов оружия в Россию; пароход этот находился в Триесте. В ближайшем будущем Валлах намерен перевезти в Россию большой транспорт оружия весом в 3 тыс. пудов, заключающий в себе 1000 винтовок, миллион патронов и неизвестное количество револьверов. В октябре месяце Валлах снова приезжал в Петербург по паспорту германского подданного Густава Графа с целью получить от Центрального комитета 30 000 руб. Хотя за ним и было установлено наблюдение, но он успел скрыться. После этого агентура сообщила, что при содействии Валлаха из Варны или Бургаса отправляется пароход с оружием для русских и кавказских революционеров. Вследствие сего Департаментом установлено было наблюдение за выходом парохода и приняты были меры к задержанию его в Черном море командированными с этой целью миноносцами. Дальнейшие сведения подтвердили, что из Варны действительно вышла яхта «Зора», на которой находился и сам Валлах [10)] с сообщниками — грузинами и латышами, но, скрываясь от наблюдавшего миноносца, направилась к румынским берегам и близ деревни Бекаруты потерпела крушение; находившиеся же на ней лица успели скрыться. На судне конфисковано румынскими властями 2000 ружей, много патронов и кипы революционных прокламаций.

Лл. 144—145.— Подлинник.

№ 8

Письмо министра иностранных дел России А. П. Извольского министру внутренних дел П. А. Столыпину об обнаружении на пароходе «Зора» оружия и революционной литературы

23 января 1907 г.

Милостивый государь Петр Аркадьевич!

11 сего января посланник наш в Бухаресте телеграфировал мне, что на потерпевшем крушение у румынских берегов болгарском судне «Зора» оказалось значительное количество ружей, патронов и ящик с прокламациями революционного содержания, по-видимому, предназначавшихся для ввоза в Россию. Вместе с тем, гофмейстер Гирс уведомил, что болгарское правительство возбудило официальное требование о возвращении ему помянутого груза, принадлежащего некоему болгарскому подданному Тюфекчиеву [11)].

Не замедлив поставить в известность об изложенном подведомственный вашему превосходительству Департамент полиции для получения необходимых справок по настоящему делу, Министерство иностранных дел, по получении просимого отзыва, вполне подтвердившего факт нахождения на потерпевшем крушение пароходе груза, закупленного русскими революционерами для отправления его в Россию, снабдило необходимыми указаниями г. Гирса, передав при этом просьбу Департамента полиции о задержании в Румынии груза впредь до предъявления нашими судебными властями требования о выдаче оного в качестве вещественных доказательств по производимому делу. Ныне гофмейстер Гирс сообщил телеграммою, в копии у сего прилагаемой [1], что наша просьба будет исполнена румынским правительством и что часть груза, по мнению нашего посланника, будет, вероятно, выдана по ознакомлении с требованиями нашего судебного ведомства. Что же касается до сделанного болгарским правительством заявления о возвращении ему груза, то по сему поводу мною вместе с сим предписано нашему дипломатическому агентству в княжестве войти в зависящее сношение с болгарским правительством, дабы по возможности склонить его не настаивать на этом заявлении.

Об изложенном почитаю долгом поставить Вас в известность, присовокупляя к сему, что все дальнейшие сведения, кои поступят по настоящему делу, будут безотлагательно Вам сообщены.

Примите, милостивый государь, уверения в отличном моем почтении и совершенной преданности.

Извольский

На документе резолюция П. А. Столыпина: Срочно составить всеподданнейшую записку с изложением хода дела и дипломатических переговоров [2]. 26/I.

Лл. 88—89.— Подлинник.

---

[1] Телеграмма не публикуется.

[2] Записка Николаю II была составлена 26 января 1907 г. (см. то же дело, лл. 91—93).

№ 9

Записка русской миссии в Бухаресте о дипломатических переговорах между Болгарией и Румынией по поводу требования болгарского правительства возвратить груз с затонувшего парохода «Зора» болгарину Н. Тюфекчиеву

7 февраля 1907 г.

Из доверительно представленной болгарским дипломатическим агентством в Бухаресте подлинной его переписки по делу о пароходе «Зора» оказывается, что представление полковника Хесапчиева румынскому правительству было сделано по предписанию княжеского Министерства иностранных дел от 29 декабря 1906 г. за № 7759, куда обратился с прошением подставной владелец принадлежавшего русским революционерам груза затонувшей «Зоры» Тюфекчиев.

Г-н Тюфекчиев заявил, что потерпевший крушение у румынского берега (между Кюстендже и Сулина) в местности «Лимань Разань» близ старого маяка «Игрушка» пароход принадлежал варненскому товариществу «Сила» и вез груз ружей и патронов, предназначенный в Бургас, куда он не попал из-за бури, будучи ею занесен и разбит значительно севернее у румынского берега в описанной выше местности. В доказательство верности своих показаний, Тюфекчиев представил в подлиннике в княжеское Министерство иностранных дел открытые листы болгарского Военного министерства от 26 сентября 1906 г. за №№ 1917, 1919, 1920, выданные ему на провоз в Болгарию 1000 маузеровских карабинов, 405 000 маузеровских, 600 000 манлихеровских и 250 560 патронов других образцов.

На основании полученной им инструкции полковник Хесапчиев поспешил в ноте от 20 декабря 1906 г. за № 1523 обратиться в румынское Министерство иностранных дел с требованием об охране груза выброшенного на румынский берег болгарского парохода и о дозволении задержанному в Галаце местными властями капитану «Зоры» Каютенко[12)] отправиться на место крушения в видах переотправления груза в Болгарию; при этом был дан следующий перечень груза: 200 ящиков, №№ 201—300 и №№ 501—600 (литера F) с ружьями и 684 ящика, №№ 1—423 (литера Н. Р.) и №№ 11—261 (литера С) с патронами.

В ответ на эту ноту румынское Министерство иностранных дел уведомило болгарского дипломатического агента (4 января с. г. за № 285), что капитану болгарского затонувшего парохода дано разрешение отправиться на место крушения, где уже приступлено к спасению груза при содействии спасательного парохода «Гермес», имеющего право на законное вознаграждение за свои труды. Вместе с тем румынское Министерство иностранных дел обращало внимание полковника Хесапчиева на странное поведение команды затонувшего судна, «qui avait pris la fuite d'une fason inexplicable au lieu de faire aux autorités des déclaration d'usage»[1].

Что касается груза, то та же нота сообщала, что он временно конфискован в Морском комиссариате в Сулине на случай выдачи его владельцу (en vue de sa restitution éventuelle au proprietaire)[2].

Одновременно с этой нотой генеральным секретарем румынского Министерства иностранных дел г. Замфиреско было словесно передано г. Хесапчиеву о явившемся у румынских властей подозрении в револю-

---

[1] «которая убежала необъяснимым образом, вместо того, чтобы сделать властям обычные заявления».

[2] в целях его возможного возвращения владельцу.

ционном происхождении груза «Зоры», на что указывают найденные на нем брошюры, как «Коммуна 1871 г.», «Революция 1848 г.», «Красное знамя», «Рабочий вопрос и анархизм», «Социализм» и т. д. Помимо того сама личность капитана парохода «Зора» Каютенко оказалась известной румынским властям по его сношениям с русскими революционерами.

Болгарский дипломатический агент в свою очередь не преминул поставить обо всем вышеизложенном в известность свое правительство (донесение от 4 января № 23), на что 10 января за № 145 ему дано было из Софии [указание] прекратить дело.

Отношением от 16 января 1907 г. № 285 княжеское Министерство иностранных дел обращается к княжескому министру внутренних дел с просьбой распорядиться, чтобы подобные случаи тайного провоза чрез Болгарию оружия, предназначенного для русских революционеров, не могли повторяться, и произвести тщательное и доверительное расследование, при каких условиях состоялся провоз оружия, оказавшегося на пароходе «Зора».

За делопроизводителя К. Гранстрем

Лл. 128—129.— Копия.

№ 10

Донесение заведующего русской заграничной агентурой А. М. Гартинга чиновнику особых поручений при Департаменте полиции А. Т. Васильеву о составе группы русских революционеров, принимавших участие в транспорте оружия в Россию

13 февраля 1907 г.

Милостивый государь, Алексей Тихонович!

В дополнение к телеграмме от сего числа [1] имею честь довести до сведения вашего высокородия, что в видах охранения агентуры не представляется возможным сообщать судебному следователю по делу парохода «Зора» никаких других сведений, кроме изложенных в упомянутой моей телеграмме, к которой спешу присовокупить, что Меер Валлах и лица, сопровождавшие его, жили в Вене в гостиницах: Hôtel National, Hôtel Nordbahn, под нижеследующими именами: Hôtel National: Godelstein, Auguste Kuraschenko, Charles Kamowcky, Léonide Nikitine, Georges Engeld, Winarsky, ingénieur. Hôtel Nordbahn: Mendel Bronsmann, Alexandre Rakitine [13)].

По прибытии в Болгарию все эти лица жили под именами македонских выходцев.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и преданности.

А. Гартинг

Л. 133. — Подлинник.

---

[1] Телеграмма не публикуется.

№ 11

Донесение В. А. Левдикова М. И. Трусевичу об обстоятельствах организации транспорта оружия и гибели парохода «Зора» и попытках болгарских революционеров вернуть конфискованное румынскими властями оружие в Болгарию

5 марта 1907 г.

Яхта «Зора» была приобретена у графа Чарторыйского в Триесте за 36 тыс. франков представителем торгового общества в Варне «Сила» Найденовым и приписана к порту Варна. Эта яхта, как видно из патентов за №№ 1537 и 1538, имеет водоизмещения всего 47 тонн (а не 600, как донес Гартинг), максимальное количество груза может взять 97 тонн.

В последних числах ноября явился в Варну Меер Валлах и предложил сдать ему «Зору» с известной платой за пользование посуточно. Найденов согласился дать ему «Зору» в пользование, но при условии внесения в местный банк 36 тыс. франков, которые в случае гибели или ареста «Зоры» остаются в пользу владельца. Цель зафрахтования «Зоры» не составляла особого секрета, и в Варне ходили слухи, что она повезет оружие на Кавказ.

После зафрахтования «Зоры» на нее была посажена команда из 9 человек. Капитаном был назначен беглый матрос из Севастополя с паспортом на имя Афанасия Семенова Каютенко (а не Кентикова, как доносит г. Гартинг), машинистом состоял русский еврей эмигрант Розенберг, кочегаром был взят болгарин по имени Василий, а остальная команда состояла из 6 русских эмигрантов, по-видимому, бывших моряков с броненосца «Князь Потемкин». Кроме болгарина кочегара, вся команда — социалисты-революционеры [14]. Чтобы отвлечь внимание властей, «Зора» совершила два рейса в Константинополь (патенты №№ 1537 и 1538). Оба раза «Зора» ходила в Килим-Козлу — это каменноугольные копи в 100 милях от Константинополя, где и брала уголь. Первый раз «Зора» взяла в Константинополе семь мешков муки и возвратилась обратно в Варну, где простояла три дня, произвела ремонт и снова пошла в Константинополь и Килим-Козлу. Попытка застраховать «Зору» не удалась ни в Варне, ни в Константинополе. По сведениям агентуры, во второй раз «Зора» приняла боевые припасы и динамит в море с одного из пароходов австрийского Ллойда («Орион», «Урания» или «Ахил»). В ночь на 12 декабря на «Зору» нагрузили оружие в ящиках из сербского вагона (доставлено было для конспирации сухим путем из Триеста в Белград, а оттуда в Варну). Заняты были все свободные помещения яхты. В $10^1/_2$ часов утра 12 декабря «Зора» снялась с якоря и вышла из порта. Первоначально курс был взят на SO, а когда яхта скрылась с горизонта, курс переменили на NW и пошли к берегам Румынии. «Зора» шла всего со скоростью 6 узлов в час, да, вероятно, и того менее, ввиду большой перегрузки и большой зыби в море. По словам болгарина Василия (кочегар), они в море были 46—50 часов, следовательно, крушение «Зоры» произошло 14 декабря около полудня, что и подтверждается румынскими властями из местечка Партица, около которого и погибла «Зора» (в 15 милях к югу от Сулина). Так как, кроме болгарина, остальная команда была социал-революционная, то они решили его убить или выбросить за борт [15]. Спасся он только благодаря тому, что «Зора» села на мель и Василий первым выбросился за борт, и, будучи подобран рыбаками, окружившими «Зору», скрылся. Экипаж «Зоры» два дня находился в Партице, спаивая местную администрацию, и на третий день на подводах все 8 человек выехали через Караманкиой на ближайшую желез-

подорожную станцию, а оттуда Каютенко и Розенберг и еще два матроса поехали в Софию, где прожили около недели в доме г-жи Кулябко-Корецкой, в 12 км от Софии, в селении Княжево.

Из Сулина был выслан спасательный голландский пароход «Гермес», который и снял с «Зоры» 2000 ружей, 650 000 патронов и ящик с прокламациями на русском языке, призывающими народ к вооруженному восстанию. Динамит и порох извлечь не удалось. Несколько ящиков с оружием было расхищено рыбаками, но благодаря энергии бухарестской сыскной полиции все разыскано.

Когда о гибели «Зоры» стало известно в Варне и Софии, македонцем Тюфекчиевым (друг и правая рука македонца Сарафова. Он имеет в Софии большой оружейный магазин и неоднократно отправлял в Россию партии оружия и бомбы «македонские». Македонский комитет работает рука об руку с русскими революционными комитетами. Постоянная их резиденция София или м. Княжево в 12 км от Софии) было сделано заявление болгарскому правительству, что груз оружия, который снят с погибшей «Зоры», принадлежит ему, Тюфекчиеву, куплено оружие им для Македонии, что «Зора» должна была его доставить в Бургас, но SW согнал ее к Сулину, и она выбросилась на мель. Ввиду этого, он просил болгарское правительство вытребовать этот груз от румынских властей, арестовавших оружие.

Болгарское правительство первоначально дало согласие на это, но приказало произвести первоначальное следствие. После этого Тюфекчиев поехал в Бухарест и вместе с Меером Валлахом через Арбура-Рали и доктора князя Контакузена стали действовать на румынские власти, чтобы оружие было выдано Тюфекчиеву. При этом они старались уже доказать, что оружие это везлось для Бессарабии, чтобы там поднять восстание с целью присоединения ее к Румынии. Но и этот маневр не удался, и ходатайства их были в конце концов отклонены в Болгарии и Румынии.

Мною были представлены нашему министру [1] в Бухаресте Гирсу все данные, доказывающие совершенно ложные показания Тюфекчиева. Было доказано, что «Зора» погибла 14, а не 13 декабря, как указывал Тюфекчиев, что 14 дул NO, а не SO, а следовательно, пароход мог быть снесен в Бургас, а он очутился в 15 милях к югу от Сулина. Присутствие же русских прокламаций ясно указывало на цель и назначение груза.

Такие же доказательства мною были представлены градоначальнику г. Бухареста князю Мурузи и начальнику сыскного отделения при префекте полиции Вилли Георгеску.

Румынские власти приняли самое горячее участие в деле ареста груза «Зоры». Немедленно же были посланы агенты в Партицу, где произведено самое тщательное дознание. Местные власти, не давшие своевременно знать о том, что рыбаки расхищают оружие с затонувшего парохода, и пьянствовавшие совместно с экипажем «Зоры», удалены со службы. Была послана комиссия для составления рапорта о гибели «Зоры» и подробного ее описания, а также производства допроса местных рыбаков как первых свидетелей гибели «Зоры». Благодаря проявленной настойчивости и энергии командированных чинов полиции из Бухареста все расхищенное оружие было разыскано и полностью сдано в Сулинский арсенал... [2]

Подполковник Левдиков

Лл. 135—137.— Подлинник.

[1] Так в тексте.

[2] Далее опущен текст с фамилиями румынских полицейских чинов, отличившихся в розыске оружия и представляемых к награде русскими орденами.

№ 12

Протокол допроса капитана парохода «Зора» А. С. Каютенко, арестованного в мае 1907 г. в Одессе

7 июня 1907 г.

1907 г. июня 7 дня я, чиновник особых поручений при Одесском охранном отделении губернский секретарь Петровский, на основании 258 ст. Устава уголовного судопроизводства спрашивал содержащегося в Одесской тюрьме, назвавшегося мелитопольским мещанином Никитой Николаевым Морошкиным, который показал: зовут меня в действительности не Морошкин, а штурман I разряда Афанасий Степанов Каютенко-Каютин, отроду имею 27 лет, вероисповедания православного, происхожу из новомосковских мещан, Екатеринославской губернии, холост, родные мои умерли давно, братьев и сестер не имею. В том, что я действительно Каютенко-Каютин, а не другое лицо, могут удостоверить: капитан Богданов, Севастопольского военного порта, бывший председателем комиссии для испытания держащих экзамен в звание капитанов и штурманов в Одессе в 1904 г., при которой держал экзамен и я, кроме сего моя личность может быть удостоверена Севастопольским жандармским управлением, в делах которого должна быть моя фотографическая карточка, снятая с меня в 1904 г., когда я был привлечен к дознанию по 132 ст. Улож. о нак.[16]), до суда я был взят корпорацией присяжных поверенных, состоящей из присяжных поверенных Резникова, Дубосорова и других еще двух,— фамилии их не помню,— на поручительство, затем высочайшим манифестом дело было прекращено. На предложенные мне вопросы отвечаю: на пароход «Зора» о-ва дружества «Сила» в порту Варна я был нанят акционером этой компании болгарином Найденовым в конце ноября 1906 г. для плавания в различных морях, т. е. по указанию, нанят я был помесячно. На вопрос, знал ли я назначение «Зоры», отвечать не желаю. На вопрос, куда был взят патент при первом рейсе, отвечать не желаю. На вопрос, сколько рейсов было совершено в Константинополь, отвечать не желаю. И заявляю, что ни на какие вопросы русских властей ни ответов, ни своих личных показаний давать не буду.

Афанасий Степанов Каютин-Каютенко

Постановил об изложенном заключить протокол.

Губернский секретарь Петровский

Л. 161.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Борис Сарафов — болгарский и македонский политический деятель (1872—1907 гг.). В 1889 г. стал во главе македонского революционного национально-освободительного движения и организовал Македонский комитет, ставивший целью добиться освобождения Македонии из-под власти Турции. Был убит в 1907 г.— 99.

2) Видимо, имеется в виду задержка меньшевистским ЦК денег весной 1906 г. Литвинов в своих воспоминаниях пишет: «Я в самом начале не был достаточно предусмотрителен, чтобы перевести за границу всю предоставленную в мое распоряжение кавказскими товарищами сумму, выписывая деньги от ЦК по мере надобности... С переходом ЦК в руки меньшевиков в пересылке денег наступили серьезные перебои...» Из-за этого транспорт оружия, который был готов к отправке уже в июле 1906 г., отправлен не был (см. «Первая боевая организация большевиков». М., 1934, стр. 109).— 99.

3) Лельков — установить не удалось.— 100.

4) Бинт — Фернбах — заграничный агент охранки.— 100.

5) Теодор Розенберг (Шмит) был машинистом на «Зоре», личность установить не удалось.— 101.

6) Енгалла (Энгельд) — установить не удалось.— 101.

7) Нейхауз и Вольц — заграничные агенты охранки.— 101.

8) Никитин Леонид — установить не удалось.— 101.

9) Ратаев Л. А. — заведующий русской заграничной агентурой в 1902—1905 гг.— 101.

10) Сведение это ошибочно. Валлах на пароходе не поехал, а остался в Болгарии.— 103.

11) Наум Тюфекчиев — «техник» македонских революционных организаций, изобретатель и фабрикант македонских ручных бомб («македонок»). С ним были связаны члены «Боевой технической группы» Скосаревский (Омега), получивший от Тюфекчиева чертежи и образцы «македонок», и Н. Е. Буренин, которому Тюфекчиев помогал в закупке запалов и бикфордова шнура. Был убит во время первой мировой войны.— 104.

12) Каютенко А. С.— штурман, капитан яхты «Зора». В 1904 г. был членом Севастопольского комитета Крымского Союза РСДРП, арестован по делу этого Комитета 2 августа 1904 г. После гибели 14 декабря 1906 г. транспорта оружия на корабле «Зора» вернулся в Одессу, где встал во главе Одесского боевого стачечного комитета под кличкой «Владимир». Был арестован в мае 1907 г. и осужден Одесской судебной палатой 23 августа 1907 г. к заключению в крепости на четыре месяца. Во время содержания под стражей в Одессе был привлечен Петербургским жандармским управлением в качестве обвиняемого по делу о ввозе оружия на корабле «Зора», по которому обвинялся также Камо, и переведен в С.-Петербургскую крепость. Ввиду отсутствия достаточных улик 17 апреля 1910 г. Каютенко был освобожден с установлением за ним негласного надзора полиции. В июле 1912 г. Каютенко опять в рядах Одесской организации РСДРП. В этом же году он становится одним из организаторов Черноморского союза моряков. При провале этой организации в 1913 г. скрылся за границу. Дальнейшую его судьбу установить не удалось.— 105.

13) Фамилии расшифровать не удалось.— 106.

14) Это ошибочное утверждение охранки связано с тем, что она считала все дело организации транспорта оружия эсеровским предприятием. Достаточно сказать, что на корабле находились такие члены РСДРП, как Камо (Тер-Петросян) и Каютенко.— 107.

15) Это утверждение — явная выдумка охранки. Никто из команды парохода дать подобные сведения не мог; лишь в мае 1907 г. был арестован капитан «Зоры» А. С. Каютенко, отказавшийся давать показания об отправке оружия на пароходе «Зора». Только после его ареста к следствию удалось привлечь самого кочегара Василия, который тоже не дал никаких показаний (см. ЦГИАМ, ф. ДП, 7 д-во, 1909 г., д. 1473, лл. 20—21 об.).— 109.

16) Речь идет об аресте Каютенко 2 августа 1904 г. как члена Севастопольского комитета Крымского Союза РСДРП (см. ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1904, д. 5, ч. 32, литер А, лл. 59—62.).— 109.

ВОСПОМИНАНИЯ А. В. ВИТГЕФТА О СРАЖЕНИИ ПРИ ЦУСИМЕ

Морское сражение при Цусиме (14—15 мая 1905 г.) между русской эскадрой под командованием адмиралов Рожественского и Небогатова и японским флотом под командованием адмирала Того явилось заключительным моментом русско-японской войны, окончательно показавшим, что царизмом эта война была «проиграна бесповоротно» [1]. Уже через десять дней после первого выстрела с флагманского броненосца «Князь Суворов» по японскому флагманскому кораблю «Микада» особое совещание из верхушки русской бюрократии и царского двора под председательством Николая II решило заключить мир с Японией.

«Цусима» вызвала новый прилив сил революции, рост негодования народа против царизма. На Цусимское сражение В. И. Ленин отозвался специальной статьей «Разгром», в которой вскрыл причины разгрома эскадры и показал, что одновременно это был «полный военный крах самодержавия»[2]. Сражение около острова Цусима обнаружило всю гнилость царизма, его отсталость в военно-морском деле, его оторванность от народа. Самодержавие, отставшее от хода истории «на целое столетие» [3], было поставлено перед судом революционного народа, который должен был произнести свой грозный приговор над «правительством разбойников» [4]. Недаром первой реакцией на трагическую судьбу 2-й Тихоокеанской эскадры в армии было восстание на броненосце «Потемкин», явившееся яркой вехой на пути развития русской революции.

Разумеется, Цусимское сражение внимательно изучалось как в России, так и во всем мире. Однако историческая комиссия по описанию действий флота при Морском генеральном штабе России выпустила две части своего труда: «Поход 2-й Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток» (кн. 6-я) и «Тсусимская операция» [5] только в 1917 г., незадолго до Октябрьской революции. В этом отношении японский Морской генеральный штаб действовал более оперативно. Его 4-томное «Описание военных действий на море в 37 и 38 гг. Мейдзи» уже в 1909—1910 гг. было переведено и издано на русском языке. Существенное значение для понимания хода битвы и ее печальных результатов имеет «Отчет по делу о сдаче 15 мая 1905 г. неприятелю судов отряда бывшего адмирала Небогатова». СПб., 1907.

Многие авторы писали о Цусиме в целом и о положении отдельных кораблей. «Расплата» В. Семенова, т. II, дает удручающую картину положения на флагманском корабле «Князь Суворов». Однако как это произведение, так и ряд других, например, посвященное гибели броненосца «Адмирал Ушаков», писались, прежде всего, для читателя тех лет, с учетом настроений в обществе 1906—1907 гг. Документы, изданные

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 8, стр. 449.

[2] Там же.

[3] Там же, стр. 451.

[4] Там же.

[5] Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904—1905 гг. при Морском генеральном штабе, кн. 1—7, 1912—1917 гг. 7-я книга посвящена Цусимской битве. Кроме того, комиссия издала 9 томов документов, из которых три выпуска книги 4-й «Бой 14—15 мая 1905 г.» содержат донесения и описания участников боя.

исторической комиссией, прошли определенный фильтр и отбор, «редакцию» работников комиссии, мало заинтересованных в том, чтобы обнажить раны флота, вскрыть ограниченность его руководящей верхушки. Эти материалы не отражают действительного положения царского флота и не связывают его с финалом — трагедией в Корейском проливе. Поэтому, нам кажется, что публикуемый ниже документ представляет определенный интерес как источник по истории русско-японской войны в части, касающейся флота: формирования 2-й эскадры, ее пути, порядков на ней и, наконец, хода самого Цусимского сражения.

Автор документа — старший лейтенант А. В. Витгефт, сын вице-адмирала Витгефта, командовавшего эскадрой в Порт-Артуре и погибшего во время морского боя 28 июля 1904 г. при попытке прорыва русского флота во Владивосток. Принадлежа к привилегированной морской среде, Витгефт-сын разделял все ее настроения и предрассудки. В ходе революции 1905—1907 гг. он являлся «усмирителем», т. е. карателем революционных народов Прибалтики, подавляя восстания и во флоте (на «Азове» и на «Славе»). Он служил в чине лейтенанта младшим минным офицером на броненосце «Сисой Великий» с 28 июля 1904 г. до момента гибели броненосца 15 мая 1905 г.

Воспоминания написаны спустя 5 лет (в 1909 г.) после описываемых событий, без предварительных записей, рукой Витгефта, чернилами. Они не предназначались для печати, поэтому автор писал их, «ничего не утаивая»; в то же время он признает возможность неточностей. Витгефт не называет никаких дат, описывая то, что происходило на глазах и что лучше запоминалось «чисто глазной памятью», а не то, что передавалось товарищами до и во время боя.

«Сисой Великий» относился к устаревшим кораблям [1], но он был хорошо бронирован: 46% его площади было покрыто броней, из них 26% брони — толще 6 дюймов. Следовательно, в этом отношении он не уступал новым, только что достраивавшимся кораблям, но скорость его хода была меньше новых броненосцев, а артиллерия по отношению к его водоизмещению слабой [2]. Командовал кораблем капитан 1-го ранга Озеров, который обрисован Витгефтом как пьяница и бражник.

В воспоминаниях отсутствуют материалы о целесообразности посылки эскадры. Видимо, эти общие вопросы не привлекали внимания молодого лейтенанта. Поэтому мы считаем целесообразным сделать некоторые фактические дополнения к его воспоминаниям.

Окончательное решение о составе эскадры и ее посылке было принято 10 августа 1904 г.; время перехода эскадры определено в 150 дней; одного угля на время пути требовалось около четверти миллиона тонн. Главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке генерал-адъютант Алексеев находил, что одна балтийская эскадра не может обеспечить успеха, и настаивал на усилении эскадры кораблями Черного и Балтийского морей [3]. Так как из Черного моря послать военные корабли из-за режима Проливов было нельзя, то много позднее, 14 декабря 1904 г., когда эскадра под командованием Рожественского была в пути, было решено сформировать третью эскадру, собрав в нее «все старые корабли-тихоходы». Во главе этой эскадры был поставлен адмирал Небогатов.

Посылка эскадры являлась последней попыткой правительства изменить ход войны в свою пользу. Но пока эскадра была в пути, на военном театре произошли два важнейших события: капитуляция Порт-Артура и поражение при Мукдене (февраль 1905 г.). После этого даже адмирал Рожественский перестал верить в успех своего предприятия и не прочь был вернуться обратно, а такой видный представитель цар-

---

[1] Русско-японская война, кн. 6. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры, стр. 7; кн. 7, стр. 43.

[2] Броненосец был вооружен только четырьмя двенадцатидюймовыми орудиями и тремя шестидюймовыми. См. Русско-японская война 1904—1905 гг., кн. 7. Тсусимская битва, стр. 84—86.

[3] «Присылка на Восток из Балтики 2-й эскадры в ее настоящем составе,— писал Алексеев,— едва ли изменит положение вещей на морском театре и может послужить только источником громадных и непроизводительных материальных потерь и нравственного унижения». Русско-японская война 1904—1905 гг. Пг., 1917, кн. 6. Поход 2-й Тихоокеанской эскадры, стр. 14.

ской бюрократии, как С. Ю. Витте, в письме царю советовал поскорее заключить мир.

«Продолжение войны,— писал он 28 февраля 1905 г.,— более нежели опасно: дальнейшие жертвы страна при существующем состоянии духа не перенесет без страшных катастроф. Чтобы продолжать войну нужны огромные деньги и обширный набор людей». Витте не советовал идти на дальнейший риск войны, так как не верил в успех сухопутной армии и флота. «Куропаткин не удержится в Телине... Рожественский *не может иметь успеха*». Поэтому умный Витте торопил Николая II поскорее заключить мир, надеясь, что его условия «не будут ужасающими» [1]. Однако Николай II не прислушался к предостережениям и советам и потребовал, чтобы эскадра померялась силами с японским флотом. Это была последняя ставка зарвавшегося игрока. Необходимо добавить, что кое-какие сведения о начавшейся в России революции доходили до эскадры и оказывали известное влияние на личный состав. Однако автор воспоминаний не рассматривает общеполитических вопросов. Его внимание привлекают вопросы технического снаряжения, учебы, трудности перехода.

29 августа эскадра отправилась из Кронштадта в Ревель, пробыла там месяц и 28 сентября пошла в Либаву.

Говоря о результатах учебы эскадры в Ревеле, Витгефт пишет, что она уже «не представляла хаотической армады, сносно маневрировала». Эта оценка достижений эскадры в учебе является преувеличенной, ибо поведение эскадры у Доггер-банки 9 октября 1904 г., когда в хаотическом беспорядке были расстреляны английские рыболовные суда, когда за 10 минут только с броненосца «Орел» было сделано 517 выстрелов, когда имелись попадания в свои собственные корабли (крейсер «Аврора»), показывает, что в эскадре далеко не был изжит «хаотический беспорядок».

Во время этого эпизода Витгефт был вахтенным начальником на корабле, и его рассказ содержит много интересных деталей. Он считает, что «японские миноносцы были», хотя сам их не видел. Правда, среди офицеров корабля были и «скептики», которые считали, что расстреляли или свои миноносцы, или же «рыбаков».

Броненосец «Сисой Великий» вместе со всем вторым отрядом броненосцев и другими судами шел через Средиземное море, а корабли 1-го отряда броненосцев с рядом судов — вокруг Африки.

Витгефт описывает слабую дисциплину среди матросов, но офицерская «честь» и дворянская гордость не позволили ему сказать всю правду об офицерах. Очернив матросов, он очень мягкими красками рисует поведение офицеров, которые, якобы, не пьянствовали, «пили, но мало и прилично». Зато в области своей специальности офицеры также не проявляли большого труда и усердия. Артиллерийские офицеры, включая и старшего офицера корабля, не знали оптических прицелов на орудиях и не умели ими пользоваться. Разумеется, они и комендоров не могли научить пользоваться этими приборами. Витгефт очень положительно отзывается об адмирале Фелькерзаме, который одно время находился со своим штабом на «Сисое», но значительно сдержаннее о его штабе, в особенности о флагманском штурмане полковнике Осипове, который был «не на должной высоте». Другие члены штаба — князь Ливен и барон Косинский — были «милыми» людьми, сошедшимися с кают-компанией, то есть с офицерами корабля.

Как же вела себя команда, в каких условиях она находилась во время пути?

Витгефт должен был, хотя и скупо, но упомянуть о «бунте» на «Наварине» в Суде, где отряд кораблей простоял две недели. Он признается, что причиной его были «строгость командира и недовольство пищей». До применения оружия дело не дошло, но подоплекой «бунта» была «появившаяся еще тогда агитация левых партий». Это очень важное признание; по-видимому, эта агитация была занесена на корабли наиболее сознательными матросами, призванными из запаса.

---

[1] ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 265/295.— Курсив наш — *А. С.*

На Мадагаскаре второй отряд кораблей встретился с основным ядром эскадры. 23 декабря Рожественский получил известие о падении Порт-Артура и истреблении всех кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры. Эта весть «громом поразила всех». Настроение офицеров резко изменилось: пропала уверенность, начались разговоры, что «теперь идти не следует, что это будет безумием». Даже те офицеры, которые настаивали на продолжении похода, рассчитывали только «на счастье». Далее мы добавим, что вследствие растерянности правительства стоянка затянулась до 2 марта 1905 г. В январе (18, 19 и 25-го) были проведены стрельбы эскадры, во время которых было израсходовано 20% боевого запаса снарядов; с этим опытом стрельб эскадра вступила в Цусимский бой.

Длительная стоянка на Мадагаскаре окончательно разложила и до того слабую дисциплину плохо сколоченного коллектива эскадры. Автор пишет о пьянстве и кутежах офицеров, картежных играх, грубости и бешенстве Рожественского, о глубоком «душевном развале» среди офицеров. На «Сисое Великом» командир вновь стал пьянствовать «и наплевал на все. Среди офицеров «Сисоя» пьянство не пошло, но все-таки почти все распустились». Это очень ценное свидетельство о морально-политическом состоянии команд кораблей прошло мимо внимания историков, но отражено А. С. Новиковым-Прибоем в его монументальном полотне о «Цусиме».

Среди матросов усилилось недовольство, переросшее в возмущение «целых групп команды, как это было на «Нахимове», заработала пропаганда в команде». К сожалению, автор не раскрывает содержания пропаганды, не называет политических партий, которые возглавляли или направляли это движение матросов.

Переход через Индийский океан был тяжелым, но он несколько оздоровил обстановку и сплотил команды — отдельно офицеров и матросов. Офицеры были убеждены, что «во время боя погибнут слабейшие суда, именно «Сисой» и «Нахимов», а остальные, быть может, и выйдут благополучно из боя». Мысли о полной гибели эскадры не было, но и уверенности в полной победе — также.

В конце апреля встретились эскадры Рожественского и Небогатова. Все были уверены, что силы эскадры увеличились. Надеялись главным образом на то, что с этой эскадрой «пришел состав артиллерийского отряда и цвет наших комендоров флота», которые обеспечат меткий огонь, что повысит шансы на успех. Однако эти расчеты не оправдались, так как «лучшие комендоры — инструкторы артотряда и офицеры» не были взяты; суда были укомплектованы командой, «собранной с бору и с сосенки». Это очень важное признание, которое говорит о низком уровне артиллерийского огня русской эскадры в время боя. Преимущество японцев было не только в техническом оснащении флота, но и в его организованности, обученности, в духе личного состава и в боевом опыте годичной успешной кампании. На эти преимущества правильно указано в официальной истории Цусимского сражения (стр. 84), но их не принимали во внимание при объяснении его исхода.

Почти половина всего текста воспоминаний посвящена описанию положения в эскадре накануне сражения, после последней погрузки угля перед боем, и ходу боя. Витгефт решительно отрицает перегрузку кораблей углем, между тем этой перегрузкой в литературе часто объясняли быструю гибель лучших, новейших кораблей эскадры. Он решительно восстает против этой точки зрения, считая ее намеренной и сознательной ложью, пущенной инженерами — виновниками постройки кораблей с большими конструктивными недостатками.

Все это не подлежит сомнению, но нагрузка кораблей топливом также должна быть полной — из расчета пути до Владивостока. Кроме того, командиры кораблей не знали еще, каков путь им предстоит — кратчайший — через Цусиму или вокруг Японии.

Интересно описание событий и настроений офицеров накануне сражения. Автор не критикует Рожественского за выбор пути через Цусиму, он даже считает, что этот путь давал моральные преимущества русской эскадре и «невыгоду неприятелю». Среди офицеров «не тухла надежда на успех». Эти слова более или менее правильно передают настроения среди офицеров эскадры. Автор подробно и правдоподобно опи-

сывает перестроение нашей эскадры непосредственно перед боем, когда 1-й отряд кораблей за 1 час 20 минут выстроился в одну линию впереди 2-го отряда броненосцев.

Далее Витгефт подробно описывает Цусимское сражение, характеризует поведение команды и офицеров.

Автор воспоминаний не делает никаких обобщений о битве в целом; он старался добросовестно описать события, активным участником которых он являлся. Картина, нарисованная им, в отдельных деталях, может быть, и не точна, особенно в характеристике событий, которые происходили вне корабля. Нелегко под ураганным огнем, сеявшим массовую смерть среди экипажа корабля, правильно увидеть и оценить картину боя. Автор дал несколько зарисовок отдельных эпизодов, когда команда бурно кричала «ура», считая, что удачные выстрелы приносят ущерб японской эскадре. Но это было ошибочное восприятие действительности, когда желаемое воспринималось за действительное. Хотя Витгефт и принадлежал к враждебному команде классу, он засвидетельствовал факты героического поведения команды в ходе боя. Как известно, в начале боя флагман русской эскадры «Суворов» понес особенно тяжелые потери. Корабль представлял груду «железа без труб, без мачт, весь объятый дымом и пламенем,— все что осталось от броненосца». Однако кормовая башня еще стреляла в неприятеля. Это заставило Витгефта, «преклониться перед храбрецами, явно обреченными на гибель, на развалинах горящего корабля». Такие примеры героического поведения «команды были на всех кораблях». Именно команда являлась родником огромной силы, смелости, сообразительности и готовности к самопожертвованию.

Записки Витгефта показывают лицо войны, безжалостной и бессмысленной, жертвами которой стал народ, противником и врагом которого являлись не японские солдаты, а царское правительство,— огромная машина подавления, представленная на корабле офицерской кастой. Один из представителей этой касты, объективно не заинтересованный в разоблачении царизма, вместе с тем дал такое описание пути корабля и эскадры, такую картину боя, которые показывали, что катастрофический разгром 2-й эскадры не случайность, не результат отдельных ошибок командира, а следствие всей порочной разлагающейся политической системы России. Разгром при Цусиме заставил думать не только офицерскую среду, но еще больше массу матросов. Потеряв 6 тысяч своих собратьев в пучине Тихого океана, она прозрела и пусть не так быстро и решительно, как это случилось с петербургским пролетариатом после 9 января 1905 г., но она стала яснее осознавать тот факт, что корень, основная причина военных неудач и разгрома на море кроется в царизме. Вот почему большинство матросов, побывавших в Цусимском бою и попавших в плен [1], вернулись на Родину более сознательными, с революционными настроениями и убеждениями.

Воспоминания А. В. Витгефта подготовлены к печати Б. В. Тетериным и хранятся в его личном архиве.

А. Л. Сидоров

[1] В плен попало более 6100 матросов и офицеров. 7 кораблей, в том числе два броненосца, сдались японцам. Из 38 судов эскадры было потоплено 19 кораблей, в том числе 7 броненосцев. Во Владивосток прорвались только крейсер «Алмаз» и два миноносца. Часть кораблей ушла в нейтральные порты, где была разоружена. Материально-технические потери всего царского флота в ходе войны оценивались суммой в 228,3 млн. руб. Кроме того, японцы захватили в Порт-Артуре большие запасы артиллерии для флота, оцениваемые суммой в 27,6 млн. руб. (см. ЦГАВМФ, ф. 403, оп. 1, д. 1721, лл. 2—4). Таким образом, только чисто финансовые расходы царского правительства на флот достигали огромной суммы в 255,9 млн. руб.

Воспоминания А. В. Витгефта

БРОНЕНОСЕЦ 2-Й ЭСКАДРЫ ФЛОТА ТИХОГО ОКЕАНА «СИСОЙ ВЕЛИКИЙ»

Состав во время похода и боя 14 мая

Командир капитан 1-го ранга Озеров
Старший офицер капитан 2-го ранга Георгий Ивков
Старший артиллерийский офицер лейтенант Малечкин
Младшие артиллерийские офицеры: лейтенант С. Овод
лейтенант Вл. Залесский
Старший минный офицер лейтенант Эд. Овандер I
Младший минный офицер лейтенант А. Витгефт I
Старший штурманский офицер лейтенант А. Бурачек I
Младший штурманский офицер мичман Кротков
Ревизор мичман Мартьянов
Вахтенные начальники: мичман Буш
мичман А. Блинов I
мичман Щелгачев
Вахтенные офицеры: мичман Тарасенко-Отрешков
мичман Могульский
мичман Шанявский
мичман Всеволожский
прапорщик Костяков
прапорщик Ямченко
Флагманский механик полковник Обнорский
Старший судовой механик подполковник С. Боровский
Трюмный механик поручик Кошевой
Минный механик поручик Щетинин
Гидравлический механик поручик Еременко
Вахтенные механики: подпоручик Бруятский
прапорщик Беликов
прапорщик Тостоганов
Старший судовой врач Подобедов
Младший судовой врач Кальевич

Я находился на «Сисое Великом» в должности младшего минного офицера со дня назначения на броненосец — 28 июля 1904 г.— до момента его гибели.

Явился я на броненосец 28 июля, когда он стоял в Средней Кронштадтской гавани и находился в хаотическом состоянии; ничего не было готово к плаванию и на нем работала день и ночь масса мастеровых различных заводов; комплект команды еще не был полон, а находящиеся налицо или ежедневно съезжали в порт за различными приемками, или работали наравне с мастеровыми на корабле.

Относительно времени ухода никто толково ответить не мог; одно было известно — быть готовым как можно скорее. Через несколько дней по приказанию высшего начальства «Сисой Великий» был вытащен из гавани на Большой рейд в том же хаотическом состоянии, т. е. с мастеровыми и с полной работой на нем.

Так как на другой день после моего приезда на броненосец я получил печальное известие о смерти моего отца, то я, находясь в горе, не мог жить той жизнью, которую в то время вели другие офицеры, и поневоле как бы чуждался первые дни их, стараясь забыть свое состояние в работе, которой кстати оказалось много.

Старший минный офицер, благодаря несчастливым семейным обстоятельствам (у него в это время тяжело заболело двое ребят), поневоле все время думал об этом и старался как можно чаще попадать домой в Ораниенбаум, и тем много облегчил

мою задачу, сделав меня почти полным хозяином работ по минной части, а работы были серьезные: устанавливалась впервые принятая станция радиографа, устанавливалась вся сигнализация, на рейде приступили к установке пяти электрических водоотливных 600-тонных турбин и 640 амперной динамо-машины с двигателями для них. Все это доставлялось ежедневно к борту на баржах и выгружалось на корабль. Так что в результате время стоянки в Кронштадте пролетело для меня незаметно и не дало возможности пока ближе познакомиться с командиром и офицерами. Однако с первых же встреч особенной симпатии я к командиру не питал, благодаря тому, что он не только сам пьянствовал ежедневно и вечером уезжал продолжать опять это домой, но и приучал к этому и офицеров, в особенности молодых и слабохарактерных.

Конечно, я не могу и не обвиняю офицеров, что в то время они старались хоть последние дни пребывания в России провести веселее и почаще бывать на берегу, но не могу понять этого по отношению к командиру, старому женатому человеку, много плававшему. Если бы он стремился только к себе домой, бывать почаще у себя в семье, оставляя на корабле старшего офицера бессменным стражем, это было бы более или менее понятно и с человеческой точки зрения заслуживало бы снисхождения, но постоянное бражничество и пребывание на корабле, который он должен готовить в поход и бой, в пьяном виде — недопустимо.

Бедный старший офицер день и ночь находился на ногах; его разрывали на части и в результате — вместо благодарности или хотя бы доброго отношения к себе командира, пропадающего ежедневно с вечера до утра на берегу,— окрики и пьяные выходки не успевшего еще протрезвиться командира.

Во время стоянки в Кронштадте, насколько помню, были выходы на пробные боевые стрельбы для испытания башен.

Когда пришли в Ревель, все начало мало-помалу приходить в порядок: работы и приемки были окончены, корабль укомплектован офицерами и командой, появились расписания. Мало-помалу начали в Ревель собираться остальные суда, начались выходы эскадры на маневрирование, ежедневно производились различные учения, стрельбы стволами, даже минная стрельба, ночные упражнения у прожекторов, ночные стрельбы, охрана рейда.

Вскоре по приходе в Ревель адмирал Рожественский запретил съезд на берег почти совсем, благодаря скандалу, который произвела эскадра на Горке. Было разрешено съезжать на берег только по окончании времени занятий и до захода солнца, а так как занятия (не считая вечерних) оканчивались в $5^1/_2$ часов, а солнце заходило около 6—7 часов, то, таким образом, съезда на берег в будние дни фактически не существовало.

С захода солнца прекращалось всякое сообщение с берегом и между судами: в море выходил дежурный крейсер и охранные миноносцы; на судах дежурили охранные катера с вооруженной командой, и всякая шлюпка, приближающаяся к судам, если не делала опознавательных сигналов и не отвечала при окрике часового пароля, должна была быть подвергнута выстрелам часовых, поймана охранным катером, осмотрена и отведена к адмиралу для разбора дела. Это была не фикция, а действительность, так как были случаи обстрела частных шлюпок, и в результате частные шлюпки по ночам к судам эскадры не приближались, а между судами свои шлюпки не ходили.

Может быть все это была и излишняя предосторожность, но во всяком случае это заставило скоро всех узнать, что адмирал шутить не любит и скоро приведет суда эскадры из хаотического состояния в более или менее приличный вид, что вскоре и оказалось. Через две недели эскадра уже не представляла хаотической армады, сносно маневрировала, на судах устанавливался порядок и каждое вновь прибывающее судно из Кронштадта первое время резко выделялось от других.

Только Рожественский силою своего железного характера, своею работою день и ночь и применением крутых и подчас доходивших до самодурства мер и мог сделать это. Если он и делал в этом время промахи и бывал зверем, то все это можно

простить за то, что он сделал с кучей судов, вышедших только из постройки, с новыми неплававшими командами, с новыми офицерами и командирами.

Выйдя из Ревеля, эскадра зашла в Либаву на два дня для погрузки угля и последних приемок материалов.

Наконец, в одно туманное утро суда вытянулись из аванпорта, построились по отрядам и пошли в свой исторический поход. Шел дождик, было сыро, погода не могла благоприятствовать особенному воодушевлению, но все-таки у нас как команда, так и офицеры были очень рады и легко вздохнули, что кончилась неизвестность и теперь мы идем к определенной цели.

«Сисой Великий» шел во 2-м отряде броненосцев, в кильватере «Ослябя», несшего флаг контр-адмирала фон Фелькерзама.

Около южной оконечности о-ва Лапгеланда нас встретили немецкие угольщики, и суда грузили с них сутки уголь, а затем пошли отдельно по отрядам, на большом расстоянии отряд от отряда, к сборному пункту — м-ку Скачен.

В проливах нас конвоировала датская канонерка, вероятно, чтобы содрать, якобы за охрану, побольше денег.

У Скачена эскадра собралась и опять подгружалась углем с немецких пароходов. Во время стоянки пришло известие от консула в Норвегии, что в норвежских шхерах замечены миноносцы неизвестной нации. Это произвело сенсацию среди офицеров,— ведь были уверены, что это японские миноносцы, купленные на частных заводах в Англии.

Из Скачена раньше всего вышли миноносцы и только через несколько часов после них — отряд крейсеров, затем 2-й отряд броненосцев, а за ним — 1-й. При нашем отряде шло 2 транспорта — «Корея» и «Китай» (может быть и не «Китай», наверно не помню).

Первые сутки и первую ночь мы прошли спокойно, временами находил туман, и других судов нашей эскадры мы не видели. На следующую ночь мы должны были проходить около Доггер-банки и потому по пути все чаще и чаще встречали рыболовные суда. Кажется около 11 часов на радиостанции «Сисоя» получились радиограммы с транспорта «Камчатка», точное содержание которых я не помню, но приблизительно трактующие о миноносцах,— сначала об одном, потом о двух,— которые показались около нее, затем о том, что «Камчатка» приводит их за корму, затем была телеграмма «Суворову» с просьбой показать свое место, на что с «Суворова» благоразумного ответа не последовало, наконец, телеграмма о том, что ее атакуют миноносцы и она открыла огонь; вскоре телеграммы с «Камчатки» временно замолкли, и мы, офицеры, собравшиеся у рубки, решили, что «Камчатка» взорвана.

В 12 часов ночи я вступил на вахту вахтенным начальником. Так как с выхода из Кронштадта до ночи с 13 на 14 мая на эскадре ежедневно с наступлением темноты играли предварение атаки миноносцев и всю ночь у орудий посменно дежурила прислуга, а по батарее — офицеры, то я отдал приказание прислуге орудий особенно внимательно следить за рыбачьими судами,— не покажутся ли среди них миноносцы. Ночь была темная, но тихая. Командир сидел в ходовой рубке. Точно не помню времени, но думаю, что это было около часу ночи,— вдруг с левого борта немного позади траверса раздались звуки выстрелов и заиграли лучи прожекторов. Немедленно по моему приказанию горнист сыграл атаку; из рубки выскочил командир и приказал мне перейти на правое крыло мостика и наблюдать и искать миноносцы с правой стороны, сказав, что он, со своей стороны, будет то же делать с левой.

Пока прибежал старший штурман, которому при атаке вахтенные начальники сдавали вахту, произошло следующее событие, которое я считаю крайне важным привести до тех подробностей, которые я помню.

Во-первых, вслед за открытием прожекторов и канонады на первом отряде броненосцев, которые и находились слева несколько сзади траверса от нас и выстрелы и лучи прожекторов которого мы и услышали и увидели, вдруг с левого же борта, немного впереди траверса, были пущены 2 ракеты из группы рыболовных судов, которые в большом числе и на различных расстояниях окружали нас. Почти одно-

временно с ракетами сигнальный кондуктор Повещенко и прислуга 47-мм орудия левого крыла мостика закричали в один голос: «в лучах прожекторов I-го отряда броненосцев виден четырехтрубный миноносец», а затем несколько голосов закричало вдобавок: «правее его еще один миноносец». К сожалению, я, находясь на правом крыле мостика и напрягая зрение в темноту, чтобы различить, нет ли среди рыбачьих судов миноносцев, не имел возможности посмотреть на левую сторону, для чего пришлось бы перебежать на другое крыло. Однако я уверен, что миноносцы были, так как не могли одновременно ошибиться Повещенко и прислуга орудия. Принять рыбачие суда за миноносцы они не могли, так как четырехтрубных «рыбаков» не было, а кроме того все рыбачие суда, даже паровые, держали поставленными бизань, и своим видом настолько не походили на миноносцы даже в темноте, когда открывались их силуэты, что до этого момента, несмотря на то, что мы шли, поминутно пропуская их то по одному, то по другому борту, ни разу ни у сигнальщиков, ни у прислуги орудий не было сомнения в них. Так как по моей смене в вахте, на которую вступил по тревоге старший штурман, мое место все-таки оставалось на мостике для управления прожекторами, то я до конца видел все то, что происходило кругом. Минут через пять стрельба смолкла, после того как один из лучей на первом отряде был поднят вверх.

Так как мы близ себя миноносцев не видели, то второй отряд броненосцев огня не открывал, а также и прожекторов, следуя примеру флагманского корабля «Ослябя», шедшего головным. Артиллерийский огонь, согласно инструкции, должен был открываться по приказанию вахтенного начальника, а тот должен был отдать это приказание, только если он хорошо разглядит миноносец, чтобы ошибочно не расстрелять мирного купца, идя по пути коммерческих кораблей.

Через несколько времени все опять было тихо, но пока лишние смены прислуги орудий не отпускали, ожидая и в дальнейшем появления миноносцев, так как все были уверены, что I-й отряд действительно подвергся атаке неприятеля, и если среди офицеров «Сисоя» и нашлись скептики, говорившие, что расстреляли свои миноносцы, по дурости подошедшие к эскадре, то таковые были в очень ограниченном числе, как и те, которые предполагали, что расстреляли рыбаков.

Вскоре по радиографу была принята депеша приблизительно следующего содержания: «Суворов», адмиралу Рожественскому. Имею раненых. Серьезно ранен судовой священник». Затем шли по этому поводу и другие радиограммы, но содержание их я теперь не помню за давностью времени.

Остаток ночи прошел спокойно, без всяких инцидентов. Проходя затем Английским каналом, мы раз становились на якорь догружаться с наших транспортов углем с помощью баркасов и ботов «Кореи».

Проходя около испанских берегов, мы встретили отряд английских четырехтрубных броненосных крейсеров, с которыми обменялись салютами.

Наконец, наш 2-й отряд прибыл в Танжер. Через несколько часов начали подгребать другие отряды. Пришли немецкие угольщики, и опять началась погрузка угля, стоя борт о борт с транспортами на большой зыби. Погрузка окончилась с маленьким инцидентом для «Сисоя», а именно: одной из 75-мм пушек ему проломило фальшборт, а пушку сильно испортило, так что ее пришлось заменить потом новой из числа небольшого запаса, который был на наших транспортах.

Здесь в Танжере мы узнали, что ночью в Немецком море I-й отряд броненосцев, отражая атаки якобы миноносцев, расстрелял 3 рыбацких судна и вкатил кроме того один или два снаряда в «Аврору», причем был ранен нижний чин, и у судового священника оторвана рука. Священника свезли на берег в госпиталь, но он скоро умер.

Опять в кают-кампании «Сисоя» поднялись споры: были ли миноносцы или нет ночью в Немецком море, и на этот раз число скептиков увеличилось благодаря потоплению рыбаков, но все же большая часть осталась в уверенности, что миноносцы были и что если при этом и были расстреляны и рыбаки, то случайно, благодаря адскому огню и нервозности комендоров. Относительно того, как попал снаряд в «Аврору», дело выяснилось просто — крейсерский адмирал Энквист со своим флаг-

манским штурманом оплошали и шли не по диспозиции, благодаря которой они находились бы вне выстрелов I-го броненосного отряда, а отстали и приблизились таким образом к нему. Рожественский пришел с I-м отрядом только через несколько дней, так как задержался в Виго из-за Гульского инцидента.

Здесь в Танжере мы узнали, что далее эскадра разделяется и идет двумя путями — одна часть бо́льшая — вокруг мыса Доброй Надежды, а другая меньшая со всеми миноносцами и транспортами, которые должны были придти из Черного моря в Суду,— пойдет Суэцким каналом.

«Сисой» попал во вторую часть. На него пересел со своим штабом адмирал фон-Фелькерзам, которому и поручено было вести часть эскадры через Суэцкий канал.

В его отряды вошли: броненосцы «Сисой», «Наварин», крейсера «Светлана», «Жемчуг», «Изумруд», все миноносцы, транспорты: «Китай», «Горчаков» и черноморские.

Переход Средиземным морем до Суды был сделан при идеальной погоде; миноносцы пошли впереди двумя эшелонами с транспортами «Китай», «Горчаков», а «Сисой», «Наварин» и крейсера шли вместе. В это время по вечерам и ночью к минным атакам не готовились и плавание было как бы в мирное время.

Придя в Суду, адмирал приказал отпускать команду на берег — тут началось такое пьянство команды на берегу, скандалы, драки и прочее, что представить себе было нельзя. Из 100 человек пьяными возвращались, по крайней мере, 90. Число нижних чинов достигало колоссальных цифр — при 150 человеках, гуляющих на «Сисое» доходило до 80, а на «Наварине» до 120. По вечерам, после возвращения команды, посылались по несколько обходов с офицерами на берег и в темноте разыскивали пьяных нижних чинов, валяющихся по дорогам, по канавам, между Судой и Канеей и по улицам и кабакам Канеи.

Между офицерами «Сисоя» пьянства не было; пили, но мало и прилично. То же относится и к другим кораблям. Наш командир с прибытием на «Сисой» Фелькерзама тоже перестал пить и проявлял даже некоторую заботливость о корабле и обучении личного состава.

Большой толчок этому дал Фелькерзам, который входил решительно во все мелочи судовой жизни и обучения, причем проявлял всегда редкий здравый смысл и прямо-таки энциклопедические знания. Он касался даже технической части и, призывая к себе специалистов, расспрашивая о какой-нибудь неисправности механизмов, быстро вникал в суть дела и «очков» себе «втереть» не дозволял. Все сильно подтянулись, зная, что ежеминутно каждого может призвать к себе адмирал для расспросов и разнести.

Разносы он делал часто и всегда по делам. Так, зайдя во время учения в батарейную палубу, он обратился к артиллерийскому квартирмейстеру с просьбой рассказать ему оптический прицел на пушке, а когда тот сделать этого не мог, то был призван старший артиллерист, разнесен за то, что не обучил комендоров прицелу, а затем и ему было предложено самому рассказать про прицел, и о ужас, артиллерийский офицер, очевидно, и сам не знал устройства оптического прицела и начал нести вздор. К несчастью, он не знал, что Фелькерзам был в комиссии, которая испытывала эти прицелы, и сел в лужу, будучи сильно изруган адмиралом. Вообще, влетало часто всем, мне в особенности, за беспроволочный телеграф, но все же к чести офицерского состава «Сисоя», если и влетало за промахи, то во всяком случае не за такие, как это выше приведено со старшим артиллеристом, действительно мало смыслящим в артиллерии и вообще, по-видимому, к ней особенной любви не питавшим.

Несмотря на свои «разносы», Фелькерзам на «Сисое Великом» среди офицерского состава быстро приобрел не только веру в себя, но и уважение и любовь, и когда в Носси-Бе он переходил на «Ослябя», мы сильно горевали об этом; да и ему, судя по его словам, как-то не хотелось покидать «Сисой».

Насколько Фелькерзам был дееспособен,— настолько же и его штаб, немногочисленный по составу, но хорошо подобранный, за исключением флагманского штур-

мана полковника Осипова, который всегда был велик на словах и мал на деле и, будучи от природы довольно ограниченным человеком, воображал о себе и о своих способностях бог знает что такое. Что бы ни случилось, даже не относящееся вовсе до его специальности, постоянно, по его словам, оказывалось, что он это предвидел и будто даже предупреждал, но его умным советам не следовали.

Как штурман, по моему мнению, он тоже был не на должной высоте, несмотря на его многолетние плавания. Иногда, когда не было никаких причин к этому, он был не в меру осторожен, выписывая курсами отряда какие-то ломаные линии среди чистого моря, и в то же время, по выходе из Суэца, едва не усадил отряд на банку, на которую мы шли, и если бы не сигнал конвоирующего нас египетского парохода и крейсера «Жемчуг», то мы бы устопорились на банку, почти единственную среди всего Красного моря.

Кроме Осипова в штабе адмирала состояли: старший флаг-офицер лейтенант барон Косинский и младшие — мичманы Трувеллер и светлейший князь Ливен. Барон Косинский, убитый на «Ослябя» 14 мая, если и был, судя по отзывам раньше, человеком с пороками, за что был однажды даже списан, кажется, с «Разбойника» едва ли не по настоянию кают-компании, однако на «Сисое» он оказался очень милым, доступным для всех человеком, быстро сошедшимся с кают-компанией и в то же время разумным и талантливым помощником адмирала, ведущим штабные дела просто, ясно и без излишней переписки. Оба младшие флаг-офицеры были премилые люди, быстро сошедшиеся с офицерством и, несмотря на свою молодость, очень трудоспособными и деятельными. В особенности мичман Трувеллер — отличный морской офицер, будучи англичанином по рождению, имел все хорошие качества этого народа, а именно: положительность, спокойствие и хладнокровие. Вообще это был человек, обещающий быть далеко незаурядным офицером, но судьба решила иначе — он погиб на «Ослябе» едва ли не по своему желанию, так как в то время, когда «Ослябя» будучи разбит снарядами, погружался уже носом, и по приказанию командира команда уже одевала пояса и круги, он, сказав, что хочет посмотреть причину погружения носа, спокойно ушел в пустые от людей палубы и вместе с «Ослябя» пошел ко дну. Однако, отвлекшись несколько в сторону, продолжаю повествование о походе дальше.

В Суде мы простояли около двух недель (с конца ноября по первые числа декабря). За это время, кроме безобразной гулянки команды на берегу, стоянка отряда ознаменовалась бунтом на «Наварине». В точности я не помню причины бунта, да она, кажется, была, как и всегда, фиктивная,— на счет строгости командира и недовольства пищей,— но вообще бунт выразился в том, что команда, собравшись толпой, подошла рыча к мостику и начались выкрики ругательств и проклятий по адресу командира. К активным действиям толпа не приступала. Фелькерзам ездил на «Наварин», заставил команду просить прощения и выдать виновников, которые, кажется были списаны,— наверно не помню. Теперь ясна подкладка бунта — появившаяся еще тогда агитация левых партий.

Наконец, все черноморские транспорты собрались, и мы с ними вышли в начале декабря в Порт-Саид.

В Порт-Саиде простояли сутки, разменяли аккредитив на всю эскадру, кажется на 2 или 3 миллиона рублей, а затем с раннего утра по очереди пошли по каналу.

Тут вышла маленькая заминка: дело в том, что управление канала накануне прислало подробное расписание, когда какие суда должны сниматься и входить в канал. По расписанию выходило, что миноносцы первые входят в канал в 5 ч. утра; однако, когда пришло это время, то отчего-то миноносцы не шли. Флагманский штурман сейчас же счел долгом заявить, что это европейские державы решили с нами сыграть штуку — не пускать в канал,— и торжествующе заявлял всем на мостике, что он все это предвидел и говорил об этом.

В результате оказалось, что не европейские державы, а просто не успели к сроку убрать какую-то землечерпалку в канале, отчего и задержали нас на полчаса. Но нахал Осипов не смутился и тогда стал уверять, что он один только знает, что было

крайне важно для кого-то задержать нас на полчаса, чтобы подготовить атаки в Красном море. Канал весь отряд прошел благополучно в сутки и, переночевав в Суэце еще одну ночь, пошел в Джибути по Красному морю.

Тут я должен привести в известность следующий крайне возмутительный факт. Дело в том, что, плавая на флагманском корабле, всегда находишься в курсе слухов и различных сведений. Так и тогда, мы знали, судя по инструкциям из Петербурга, что для охраны отряда по его пути по Красному морю наняты яхты — конвоиры и разведчики для отряда, крейсировавшие в море за несколько дней до вступления в него отряда, и, которые затем, осмотрев все бухты, должны были, начиная с Суэца, конвоировать нас и охранять. Кроме того, по всем берегам Красного моря были будто бы разосланы специальные тайные агенты, чтобы следить, нет ли где японских миноносцев. Организатором всего был прислан какой-то г-н Стюарт, бывший консул Иокогамы.

На самом же деле из конвоиров мы видели только один египетский пароходик, который и шел с нами, но не все Красное море, а только малую часть его, а затем ушел домой. Так что, по-видимому, вся эта якобы охрана, стоившая правительству огромных денег, была мифическая, и, наверно, деньги ушли кому-нибудь в карман. Г-на Стюарта мы встретили, подходя к Джибути. Он шел на великолепной паровой яхточке и, встретя нас, поднял сигнал, что имеет важные вести. Отряд остановился, и г-н Стюарт прибыл к адмиралу с вестями, что в бухтах, которые мы уже давно прошли, ютятся японские миноносцы. Адмирал, конечно, не поверил ему и принял его так, что тот бомбой вылетел от него, говоря, что адмирал сумасшедший, не веря его якобы несомненным сведениям о неприятеле.

Конечно, адмирал знал много больше нас, какая должна была быть охрана и прочее, и тут, увидя сплошное надувательство, встравился. После он назвал г-на Стюарта титулом: «Главный начальник кражи русских денег в Красном море».

В Джибути мы простояли благополучно четыре дня, а затем двинулись дальше. Выйдя из пролива в океан, мы обогнули Гвордафуй и зашли на сутки в пустынную бухту Рас-Гафун для погрузки угля, после чего пошли на Мадагаскар, в Носси-Бе.

Идя на Мадагаскар, пересекая экватор, справили праздник перехода очень весело; адмирал сам принимал участие и много хохотал. Вообще за время плавания с адмиралом мы сжились с ним и между собою, и у меня остались лучшие воспоминания об этом времени. Тогда Артур еще держался, мы верили, что он додержится до нашего прихода и, таким образом, мы, войдя в состав І-й Тихоокеанской эскадры, в виде сильного подкрепления, настолько усилим ее, что перейдем в наступление и загоним японский флот в свои порты, если он только не пожелает вступить в бой и быть разбитым. Скептиков в это время на счет нашей миссии пока не было еще, и настроение было уверенное и спокойное.

Пришли мы в Носси-Бе в начале декабря; Рожественского еще с остальными судами не было, и не было об нем ни слуху, ни духу. Наконец, пришло известие, что он пришел и стоит в бухте Санта-Мария, на восточной стороне Мадагаскара. Сначала он потребовал, чтобы мы шли к нему, на что, вероятно, Фелькерзам представил свои резоны, и через несколько дней, около 20-х чисел декабря, пришел Рожественский и адмирал перешел с «Сисоя» на «Ослябя». Грустно было расставаться с ним, чуялось, что с его уходом на «Сисое» начнет все понемногу разваливаться, а командир опять запьет, будет втягивать в это офицеров для компании, и начнутся опять дикие выходки пьяного человека. Так и вышло впоследствии. Сначала с приходом Рожественского началась лихорадочная погрузка угля и запасов, и уход в китайские воды был назначен, кажется, 2 или 3 января. Дни и ночи шла непрерывная работа, команда и офицеры, хотя и изнемогали от усталости, работая днем под летним тропическим солнцем, а ночью — под находившими ливнями, но все-таки у всех настроение было бодрое и подстегивать публику не приходилось. И вдруг, как громом поразила всех весть о сдаче Артура и об истреблении наших судов. Сразу вся энергия, вся уверенность пропала. Начались разговоры, что теперь идти не следует, что это будет безумием и т. д., и, хотя большая часть офицеров эскадры и настаивала, что идти

все-таки нужно, иначе это будет трусостью и совестно будет после этого показаться в России, но все же и у нас уверенность в полный успех над неприятелем была небольшая, а больше рассчитывали на счастье и желали боя, чтобы хоть самим лечь костьми, но поддержать престиж русского военного флага.

Уход с Мадагаскара был отложен на неопределенное время, но работы не убавилось — ежедневно, если не грузили угля на своих судах, то перегружали его с приходящих непрестанно немецких транспортов на наши, а на своих судах шли непрерывные учения: по боевому расписанию, постановке мин заграждения с плотов, постановке контр-мин, тралению паровыми катерами, тралению миноносцами, постановке мин заграждения с миноносцев, стрельбе минами с них, примерным минным атакам на эскадру и отражению их.

Кроме того, несколько раз поотрядно, а то и все сразу, эскадра ходила на эволюции, маневрирование и даже на стрельбы артиллерийские, но было очень печально, так как, за неимением лишних снарядов, каждая стрельба ограничивалась выпуском нескольких 75-мм выстрелов, а из прочих пушек стрельбы были почти исключительно стволовые, да и то в ограниченном числе. Это-то накануне боя с опытным и более сильным противником? ...Но что же делать, лучше хоть что-нибудь, чем ничего!

Вообще стоянка на Мадагаскаре еще раз показала железную энергию и огромный организаторский талант адмирала Рожественского. Только он один мог даже негодных людей заставлять работать при очень тяжелых условиях и извлекать из их работ пользу. Он по-прежнему был «богом» для команды, которая ему сильно верила, и для большинства офицеров.

Стоянка объяснялась обычной российской проволочкой — в Петербурге все растерялись, не знали, что делать с нашей эскадрой,— посылать ли ее далее или ворочать назад,— а пока застопорили ее в Мадагаскаре. Никто не хотел принять на себя решения: идти ли эскадре или возвращаться,— каждый старался спрятаться за спину; посылали Рожественскому телеграммы туманного содержания и этой проволочкой достигли того, что в это время японский флот не спеша починил свои дефекты, сменил артиллерию и даже практиковался в боевых стрельбах. Говорили тогда, что Рожественскому, в конце концов, поручили самому решить вопрос, но я этому не верю. Наконец, в Питере перекрестились и послали нас дальше.

Вся эта проволочка, неопределенность положения, не могли не отразиться на настроении личного состава эскадры, который если и продолжал работать, как и прежде, но не с тем воодушевлением, как раньше; офицерство в свободное время бросилось в кутежи, насколько это было возможно при той температуре; началась крупная азартная игра на берегу, начались некрасивые истории во время игры; среди команды участились случаи неповиновения, сначала одиночные, а затем и неповиновение целых групп команды, как это было на «Нахимове»; заработала пропаганда в командах и тому подобные прелести; командиры кораблей по большей части тоже или впали в апатию, или же, подобно нашему, стали пьянствовать, и один только Рожественский, несмотря на больное состояние, все еще держался, заставлял работать, подчас принимая крутые меры, ругаясь и временами прямо впадая в бешенство, но иначе он не мог, еще раз повторяю, что только он один мог все же удержать идущий душевный развал; при другом адмирале было бы много хуже.

У нас, на «Сисое», публика, конечно, тоже была тронута общей болезнью, но в особенности командир, который начал пьянствовать и наплевал на все. Среди офицеров «Сисоя» пьянство не пошло, но все-таки почти все распустились.

Наконец, стало известно, что мы пойдем дальше и назначен день ухода. Все облегченно вздохнули и сразу подтянулись — все-таки, по крайней мере, хоть стало известным, что мы идем в бой, а каков будет результат,— что бог даст. Немного смущали некоторые скептики, говоря, что мы только делаем вид, что пойдем на Восток, а на самом деле, отойдя немного от Мадагаскара, повернем вспять, в Россию, и только тогда, когда, отойдя от Мадагаскара, мы взяли курс, которым было предположено заранее идти, окончательно успокоились.

Вышли мы с Мадагаскара, насколько я помню, в начале марта. Весь переход прошел блестяще,— при почти полном штиле; временами, хотя и шла довольно крупная зыбь, но все-таки, несмотря на размахи броненосца «Сисоя» до 15 градусов, она не мешала во время остановок погрузке угля с транспортов баркасами.

Сначала казалось, что нет возможности грузить на такой зыби; прямо-таки страшно становилось в ожидании погрузки, но потом оказалось все возможным и не таким уж страшным, как показалось; уголь грузили почти без несчастных случаев на судах. Во время одной погрузки был случай на «Сисое», что паровой катер, стоял у борта, во время размаха броненосца, был захвачен пяткой стрелы за борт и моментально затонул, но люди все спаслись. По этому поводу был отдан соответствующий, очень хлесткий приказ по эскадре.

Скорость погрузки угля была разная, но в среднем можно было считать, что даже на зыби баркасами можно грузить по тонн 30 в час.

Благодаря остановкам для погрузок угля, переход затянулся до одного месяца, так что в Камран мы пришли в начале апреля.

Войдя в Малакский пролив, мы встретили пароходик под русским консульским флагом, который передал какие-то бумаги через миноносец адмиралу, так как эскадра не останавливалась. Спросив на миноносце по семафору, нет ли от консула каких-нибудь известий, нам оттуда передали, что есть сведения, что японский флот стоит в Лабуане, в Зондском архипелаге, а в Зондском проливе нас ждали миноносцы и подводные лодки.

Выходя из пролива, было приказано сигналом приготовить корабли к бою, а ночью ежедневно ждали минных атак.

Почти все верили этому известию, но оказалось оно ложным, и мы без всяких инцидентов дошли до Камрана. На этом переходе командир стал вести себя все хуже и хуже, а когда ждали боя и атаки, он ежедневно напивался почти «до положения риз», что, по моему мнению, рекомендовало его не совсем лестно для его храбрости. Наконец, даже наш спокойный старший офицер не выдержал и заявил ему, что он немедленно доложит адмиралу о его безобразном поведении и потребует его смены. Командир просил прощения, стих и перестал пить, так что мы вздохнули спокойней. Во всяком случае же, если ночью случилась бы атака и в это время командир был бы не трезв, было решено, что его арестуем и в командование вступит старший офицер.

Подходя к Камрану, произошел факт крайне важного значения, характеризующий, до чего могут дойти люди, любящие только показную службу, а именно случай с «Александром III». Адмирал, как потом говорили, не найдя транспортов и эскадры Небогатова, решил идти прямо во Владивосток, рассчитывая дойти с запасами угля на наших транспортах и на судах. К тому же не пришли зафрахтованные с углем пароходы Гинсбурга и не было об них никаких известий.

Для всего этого адмирал сигналом потребовал показать точное количество угля на судах и, о ужас: «Александр III» показал на 600 слишком тонн меньше, чем по утреннему рапорту. После этого ходили слухи, что именно из-за «Александра» и отчасти «Суворова», у которого тоже неожиданно оказалась нехватка в угле,— меньше чем на «Александре», но все же нехватка,— идти прямо во Владивосток не представилось возможности, и Рожественскому поневоле пришлось отказаться от этого. Кто знает, чем бы тогда окончилось дело — неизвестно, но, во всяком случае, не хуже «Цусимы», так как это вышло наихудшее, что даже нельзя было и предполагать.

Весь переход Индийским океаном суда прошли будучи страшно перегружены углем, так например, «Александр III», вместо положенного наибольшего запаса 1500 тонн, уходя с Мадагаскара имел 3000 тонн; «Суворов», «Бородино» и «Орел» — по 2500; «Сисой» вместо 1000, имел 2000 и т. д. Уголь был насыпан везде, где было возможно: на юте в мешках, во всех палубах, в отделениях подводных аппаратов, в офицерских отделениях и даже в кают-компаниях и командирских салонах,— одним словом почти не было свободного от угля места,— но действию артиллерией, минами, подаче — он не мешал.

Жить было безумно тяжело: днем солнце накаливало железные части кают так, что нельзя было тронуть рукой, а ночью борта и железо кораблей отдавали свое тепло, но так как с захода солнца велось приготовление к минным атакам, то иллюминаторы, двери, горловины задраивались наглухо броневыми крышками, вентиляции в жилых помещениях по этому случаю не было никакой и в каютах и в палубах было жарко, как на полке в бане — спать, даже голым, было немыслимо, происходила как бы варка в собственном соку; пот лил градом, и в особенности большие страдания испытывали те, кто болел тропической сыпью, которая от попадавшего пота зудела нестерпимо. Единственным лечением от сыпи должно было бы быть частое обливание холодной пресной водой, но, так как для сохранения угля, воду не опресняли, то запас воды пополняли, пользуясь ночными дождями, и выдавали воду в ограниченном количестве, недостаточном для частых обливаний. Приходилось как-нибудь ловчиться, а именно самому собирать воду во время дождя для лечения.

Спать ночью наверху тоже было не особенно приятно,— всюду лежал уголь, да и народу размещалось так много, что не было места даже яблоку упасть,— почти вся команда спала наверху. Офицеры спали — часть в верхнем офицерском отделении, где было, благодаря входным с палубы трапам, несколько холоднее, чем в каютах, в шлюпках, на мостиках, на компасных площадках. Все это сопровождалось неожиданными сюрпризами вроде дождя. Но несмотря на это, публика крепилась и хоть обливалась потом, но уныния заметно не было.

Во время этого перехода все офицеры как-то ближе сошлись друг с другом, ссор не было. Собирались каждый вечер на юте, где велись мирные дебаты о нашем будущем, делались предположения, и хотя на «Сисое» почти у всех офицеров было убеждение, что во время боя погибнут слабейшие суда, а именно «Сисой» и «Нахимов», а остальные, быть может, и выйдут благополучно из боя, однако никто не хандрил и не унывал, считая это необходимостью. Часто во время этих вечерних бесед старший доктор Подобедов выносил свою цитру, на которой он чудно играл, и звуки мелодичной музыки родных и известных нам напевов как-то хорошо ложились на сердце среди тишины тропической ночи и заставляли спокойно и с покорностью смотреть на грядущую судьбу, а еще вероятнее на смерть, которая нас ожидала. Среди команды уныния не замечалось также, и как-то странно было, стоя на вахте вечером, слышать ежедневно хоровое пение на баке, видеть танцы под звуки гармоник, и прочее; казалось, что судно идет не на войну, а просто совершает мирное плавание, что все эти поющие и танцующие люди точно забыли, что быть может через несколько дней они найдут могилу и идут на смерть, а не на веселую стоянку в порту.

Все это объяснялось одним словом — полной определенностью: мы идем в бой, в решительный бой, и никто не в состоянии этого предотвратить, кроме судьбы, а значит нечего волноваться и прочее.

Один только командир, вероятно, не имел полного спокойствия или фатализма, а потому ежедневно пил, доходя иногда до полной невменяемости, возбуждая малопомалу к себе недоверие, и только после случая со старшим офицером, который, как я писал выше, не выдержав, заявил ему, что доложит об нем адмиралу и будет просить о смене командира, случая, после которого командир опомнился и сразу бросил пить, опять доверие офицеров вернулось к нему, доверие в его храбрость, хладнокровие и опытность управления судном.

В Камране эскадра стояла несколько дней, ожидая Небогатова и угля. Наконец, уголь пришел, сначала на двух пароходах, а потом через сравнительно большой промежуток времени, пришла целая партия угольщиков.

Во время этого промежутка был очень острый момент: явилось предположение, что угольщики захвачены японцами, и хотя суда и подгрузились углем с двух пароходов, но стоянка все время требовала угля, запасы таяли медленно, но верно, и через несколько дней ожидалось, что если больше угольщиков не придет, то угля едва хватит до Владивостока. Поэтому Рожественский решил не ждать этого момента, а через два дня уйти во Владивосток, не ожидая больше пароходов.

Наконец, вовремя подошли пароходы с углем, и мы остались дожидаться Небогатова. Эта стоянка и ожидание опять отразились неблагоприятно на настроении личного состава; начались опять усиленные проступки против дисциплины у нижних чинов. Вместе с угольщиками пришел из Сейгона зафрактованный князем Ливеном пароход с провизией. Там была всякая провизия, масса вина и прочее. На пароход были посланы ревизоры и офицеры — содержатели кают-компаний (рестораторы сбежали еще на Мадагаскаре) для раздела провизии. Посланная с ними команда, разбираясь в трюмах, разбила ящики с вином, перепилась, стала дебоширить, не слушала никаких приказаний или увещеваний офицеров, и когда покойный капитан 2-го ранга Генхе начал энергично водворять порядок, то был ударом кулака сбит с ног одним из матросов, кажется, с «Орла» и, падая, вывихнул себе ногу.

Все суда здесь достаточно отличились, но в особенности «Орел» и «Терек».

Через некоторое время в Камран пришел французский адмирал, командующий эскадрой, и передал приказание своего правительства покинуть бухту, так как японцы заявили протест.

На другой день мы вышли и ушли в другую бухту Ванфонг, где и стали на якорь ожидать прихода Небогатова и то время, когда нас опять попросят убраться из бухты. Ежедневно посылались крейсера к Сайгону и Камрану войти в связь с эскадрой Небогатова, но толку не было,— эскадра не приходила. Опять приходил французский адмирал и сообщил, что правительство его требует нашего ухода из бухты. На другой день мы вышли, но, как только француз ушел, мы опять вошли. Опять прошло несколько дней стоянки, встретили пасху, особенно усиленно ожидая атаки в эту ночь; опять вышли в море и двое суток держались вблизи Ванфонга, ожидая, когда придет французский адмирал, осмотрит бухту и уйдет, донеся, что бухта пуста и наша эскадра держится в море.

Наконец, получили радиограмму от Небогатова,— в это время мы, играя комедию перед Европой, вышли в море и держались почти без хода около Ванфонга. Все, по получении радиограммы, нетерпеливо ждали появления Небогатова и, наконец, появились на горизонте столь ожидаемые силуэты судов. Ближе и ближе подходят они к эскадре, весь личный состав эскадры высыпал наверх. Наконец, они проходят по линии наших судов, и громовые крики «ура», идущие от чистого сердца, огласили воздух. У всех на лицах радость, неподдельная радость, что наши силы прибавились, а главное, не будет больше томительного ожидания, и мы пойдем во Владивосток.

В это время мы считали эскадру Небогатова сильным подспорьем, если не по качеству судов, так по качеству состава, наивно ожидая, что на «Николае», «Сенявине», «Ушакове» и «Апраксине» пришел состав артиллерийского отряда и цвет наших комендоров флота. Мы считали это крайне важным, так как меткий огонь этих судов, производимый ветеранами комендорского искусства и руководимый артиллерийскими офицерами отряда, даст в первый момент хороший шанс. Так как эскадра Рожественского осталась в море, а Небогатов ушел со своим отрядом в бухту на погрузку угля, то наше заблуждение относительно личного состава небогатовского отряда оставалось до конца нашей эскадры в Цусиме, и только в плену в Японии мы узнали, что лучшие комендоры-инструктора артиллерийского отряда и офицеры, несмотря на просьбы, не были взяты на суда, а вместо того суда были укомплектованы командой, собранной с бору и с сосенки. На другой день после прихода Небогатова у него было совещание с Рожественским. В это время в бухте Ванфонг шла лихорадочная погрузка угля и разгрузка небогатовских транспортов, которые дальше с нами не пошли. Наконец, кажется 3 мая, отряд Небогатова вышел из бухты, присоединился к эскадре и эскадра пошла в неприятельские воды. Кроме военных судов в нее вошли транспорты: «Анадырь», «Иртыш», «Камчатка», «Корея»; буксиры «Свирь» и «Роланд»; добровольцы «Воронеж», «Владимир», «Казань», «Киев» и другие. Но добровольцы шли только часть пути: у Шанхая они были отпущены в Шанхай. Путь лежал таким образом: сначала к Парасель Севаш, чтобы пройти между ними и Хайнань: затем на север, оставив Формозу к западу, войти в Японское море, довести, не спеша, транспорты до Шанхая, а затем идти через Цусиму.

Расчет был тот, что, конечно, с Формозы японцы нас заметят и дадут знать своим судам о том, что эскадра идет через Цусимский или Корейский пролив. Затем, так как по времени нужному, чтобы пройти расстояние от Формозы к Цусиме, наша эскадра не подойдет, сделав крюк к Шанхаю, то японцы забеспокоятся и вообразят, что эскадра сделала только ложную демонстрацию, что будто желает идти проливами, а на самом деле сразу повернула и идет кругом Японии.

Будучи в плену в Японии, мы слышали от японских морских офицеров вспомогательного крейсера «Sinano-Maru», что, действительно, узнав с Формозы и от разведчиков, что эскадра входит в Восточно-Китайское море, японский флот ожидал около Цусимы нас, но, прождав некоторое время, нужное для прохода нашей эскадры от Формозы к Цусимскому проливу, причем разведочные крейсера вдруг потеряли эскадру и не могли найти ее,— решили, что это была демонстрация и что Рожественский пошел кругом Японии океаном. Вследствие этого адмирал Того приказал вечером 12 мая утром 13-го быть готовыми идти к Лаперузовому проливу, и так не было поступлено только потому, что ночью один вспомогательный крейсер неожиданно наткнулся в море на судно, идущее с огнями красного креста. Из этого он решил, что поблизости, вероятно, находится наша эскадра, и вскоре и нашел ее. Судно с госпитальными огнями был наш госпиталь — пароход «Орел», который шел вблизи нашей эскадры, идущей без огней, а сам, согласно идиотскому положению о судах Красного Креста, нес установленные огни. Говорят, что Рожественский было приказал и ему идти без огней, но медицинский состав «Орла» воспротивился этому, говоря, что он не военное судно и не желает идти ко дну от мины с миноносца неприятеля, в случае атаки. Если это было так, то надо винить Рожественского, что он не настоял на закрытии огней на «Орле» в такую важную минуту. Он мог бы это сделать под угрозой, что, в случае неисполнения его приказания, он сам потопит «Орел».

Если все переданное нам на транспорте «Sinano-Maru» есть действительно правда, то результат похода был бы другой, так как, если бы японский флот и поймал бы нас все-таки около Владивостока, то, во всяком случае, если даже при нашей неудаче в бою и разбил бы его подобно Цусиме, то все же не имел бы места небогатовский инцидент и большая часть судов дошла бы до Владивостока, а японцы не так бы легко спасли бы свои подбитые крейсера отряда адмирала Дэва.

Возвращаюсь опять к прерванному изложению дальнейшего пути эскадры: итак, мы шли сначала океаном, а затем вступили в военные воды Восточно-Китайского моря. По дороге посланные вперед крейсера «Жемчуг» и «Изумруд» осматривали все встречные и попутные пароходы, которых встречалось немного. Осмотры большей частью были без результата, и только 6 мая, в день тезоименитства его имп. величества, был задержан английский пароход с военной контрабандой. Он шел в Японию и был завален керосином. Эскадра остановилась, послали туда команду добраться до дна трюмов, так как были предположения, что там найдем более существенное. Так как до вечера добраться до дна трюмов не удалось, то пришлось ссадить на госпиталь «Орел» английскую команду, посадить туда нашу и под командой прапорщика отправить этот пароход кругом Японии во Владивосток, в качестве приза, а эскадре идти дальше. Дальнейшей судьбы нашего единственного приза я не знаю наверное, но, кажется, он до Владивостока не дошел, а выскочил на берег в Японии.

Идя в Восточно-Китайском море к Шанхаю, мы встретили два английских парохода, один из Японии, а другой из Шанхая,— оба пустых, отчего их после осмотра и отпустили. Это я считаю глубочайшей ошибкой; нужно было их не отпускать и если не топить, то заставить идти вместе до самой встречи неприятеля и этим пресечь им возможность передать куда-нибудь вести о нахождении нашей эскадры. Быть может, эти отпущенные пароходы, встретив затем неприятельского разведчика, дали ему о нас сведения; очень может быть,— даже тому самому «Sinano-Maru», на котором мы узнали от японцев, что они нашли нас якобы по огням Красного Креста госпитального судна «Орел». Приблизившись к Шанхаю, кажется, на 250—300 миль, Рожественский отпустил транспорты Добровольного флота в Шанхай, рассчитывая, что когда они будут в Шанхае, мы будем у Цусимы.

Вспомогательные крейсеры: «Кубань», «Терек», «Днепр» и «Рион» были отпущены еще раньше для демонстрации на восточном берегу Японии, чтобы ввести в заблуждение, что и эскадра идет там. Насколько я помню (теперь прошло уже 5 лет), они были отпущены перед входом эскадры в Восточно-Китайское море. 11-го или 12 мая[1] эскадра остановилась в море и грузила уголь, а на другой день произвела последние эволюции.

Уголь было приказано догрузить только до полного запаса в ямах, что и было сделано, так что все рассказы о том, что наши суда переворачивались якобы от неизмеримой перегрузки углем — ложь и ложь самая скверная и намеренная, пущенная в ход теми людьми, которые были виновны в постройке таких броненосцев, чтобы в глазах широкой публики свалить всю свою вину на Рожественского и обелить себя. Я после войны встречал брошюры, изданные для широкой публики нашими некоторыми корабельными инженерами, в которых они путем диаграмм и элементарного изложения объясняли переворачивание судов перегрузкой угля и запасов,— это намеренная ложь, так как кто-кто, как не корабельные инженеры, знают истинную причину гибели судов,— саму конструкцию этих броненосцев типа «Александр III» и их перегрузку, но не углем, а при постройке.

Относительно же влияния запасов провизии и материалов, которые действительно были на судах в изобилии, то вес их по самому простому подсчету был настолько невелик, что мало влиял на углубление судов. Запасы боевые были только в количестве обыденного снабжения судов + 20%.

Вернемся теперь к последним эволюциям эскадры (12-го или 13 мая). Эти эволюции заключались в том, что адмирал подымал сигналы — «неприятель идет с носа», «с правой, левой стороны», «с кормы» и прочее и, не ожидая разбора сигнала всеми судами, начинал соответствующую эволюцию, согласно тактике, а именно: строил строй фронта, пеленга и пр. Этими эволюциями он хотел окончательно утвердить в памяти командиров, что он будет делать в бою, в случае встречи с неприятелем. Среди сигналов был и сигнал о появлении неприятеля, так как было при Цусиме и, согласно сигналу, суда производили эволюцию, строя строй фронта на неприятеля.

13-го числа на станции радиографа начали получаться какие-то знаки. Затем ясно было, что это японские телеграммы и, хотя на «Сисое» тексты телеграмм разобрать было нельзя, но некоторые подписи и вызовы заключали в себе названия японских судов, так, например, я ясно помню подпись «Sinano-Maru»,— крейсера из пассажирских пароходов, на котором нас везли после гибели «Сисоя» в Сасебо. Почему адмирал не мешал до самого боя, сказать не могу; если раньше, 13 мая, он не хотел обнаруживать своего присутствия, мешая переговорам своими станциями, то утром 14 мая он мог бы это делать, так как тогда все равно нас увидели японские крейсера, которых и мы видели, и все равно мы были обнаружены. Потом мне говорили, что будто бы не мешали оттого, что на «Суворове» читали эти телеграммы, что считалось важнее, чем мешать телеграфировать неприятелю, но, по-моему, это вздор.

Во-первых, на «Сисое» имелся словарь японского языка, имелась японская азбука Морзе и между тем ни одного слова понять было нельзя — получалась тарабарщина; по-видимому, телеграммы были шифрованные, и вряд ли на «Суворове» имелся ключ к шифру. Во-вторых, в плену в Японии я узнал, что во время войны японские суда переговаривались исключительно по шифру между собою, если не хотели, чтобы и неприятель читал телеграмму, а это делалось только когда давались заведомо ложные телеграммы, чтобы сбить с толку. Единственно, что не было шифрованным, это подписи и названия судов.

Наконец, наступила последняя ночь перед боем, так как подходили к Цусимскому проливу, и все были уверены на «Сисое» и на других судах, что японцы нас встретят, если не случится тумана. Эту ночь все не спали и лихорадочно ожидали минных атак. Стояли на две вахты все офицеры и команда. Свободные от вахты офицеры

[1] Последняя погрузка угля была 10 мая.

после обеда провели время в дружеской тихой беседе — вспоминали прежнюю службу и жизнь, своих близких, оставленных в России, делали предположения о завтрашнем дне, но настроение было у всех бодрое и хорошее. Верилось, что мы сделаем все, что можем, и не тухла надежда на успех. Ожидали, что именно неожиданность появления и решимость Рожественского идти не кружным путем, а через Цусиму, сыграют немалую роль, дав японцам понять, что эскадра не боится их и сама жаждет боя; одним словом, моральное действие похода через Цусимский пролив дает выгоду нам и невыгоду неприятелю.

Как всегда и здесь высказалась смешная сторона человечества, хотя и в исключительном случае. Я говорю о курьезе, который был со мною накануне боя вечером.

Ко мне пришел прапорщик Т. и просил меня сегодня же заплатить ему 9 рублей за саблю, которую я хотел у него когда-то купить; так он решил, что может случиться, что покупателя убьют в дневном бою и он останется с ненужной ему саблей.

В эту ночь офицеры и команда стали на две вахты, и я оказался на вахте с 4-х до 8-ми часов утра старшим вахтенным офицером.

Ночь прошла спокойно, но близость неприятеля ясно чувствовалась по сильной работе беспроволочного телеграфа. Наступил рассвет. И вот, среди утренней мглы, с правой стороны открылся силуэт легкого крейсера, кабельтовых в 30—40 от нас. Пробили боевую тревогу, и все ожидали, что адмирал откроет огонь по крейсеру, но к удивлению всех он молчал. Тогда «Ослябя» поднял сигнал: «вижу неприятельский крейсер, прошу позволения вступить в бой». С «Суворова» был ответ «А».

Крейсер вскоре скрылся, и некоторое время никого не было видно, а затем с правой стороны показался на параллельном курсе отряд из четырех судов,— старых броненосцев: «Матсушима», «Итсукушима» и др. Не помню наверное, кто первый, но кажется отряд Небогатова, шедший в хвосте нашей эскадры и бывший на траверсе японцев, открыл огонь и дал несколько выстрелов из 10 орудий. Одним из первых снарядов он залепил в головного японца, был виден столб дыма и огонь, после чего японский отряд повернулся и ушел.

Публика на «Сисое» ликовала, говоря: «молодцы инструктора артиллерийского отряда, сразу дали японцам гостинец» (все были тогда еще в приятном заблуждении, что небогатовский отряд идет с кадром артиллерийского отряда).

Вскоре началось построение эскадры в боевой порядок, который уже много раз описан. Некоторое время шли в боевом порядке: левая линия броненосцев; впереди броненосцев сторожевые суда; слева транспорты и миноносцы и сзади опять сторожевые суда. Неприятеля не было видно, почему был поднят сигнал: «команда имеет время обедать». Часть людей и офицеров остались у пушек, а остальные побежали обедать.

В кают-компании «Сисоя» завтрак был чисто походный: без скатерти; каждый брал тарелку, вилку, ножик и забирал себе завтрак, усаживаясь, где попало. Настроение было приподнятое, но веселое. Слышался смех (может быть немного и нервный, так как каждый старался замаскировать свое волнение).

Вдруг завтрак в своем конце был прерван: сыграли боевую тревогу: публика побросала тарелки и побежала к пушкам, а кто был по расписанию внизу, подрали на верхнюю палубу, посмотреть неприятеля.

Выбежав дальше наверх, я увидел, что первый отряд броненосцев идет несколько справа от линии броненосцев 2-го и 3-го отрядов (оказалось, что во время завтрака 1-й отряд описал координат вправо, по-видимому, по причине открывшихся на курсе эскадры каких-то джонок, которые могли бросать мины на пути отряда). Наконец, я увидел японский флот справа по носу от нас. Он пересек, оказывается, наш курс, будучи сначала слева по носу.

Вдруг глазам представилась следующая картина: 1-й отряд броненосцев начал склоняться влево, чтобы снова придти на линию 2-го и 3-го отрядов, а японцы начали слева под носом ворочать последовательно, чтобы ложиться на параллельный с нами курс. В группе стоявших на палубе офицеров «Сисоя» раздались радостные крики: «японцы опять повторяют свою прежнюю глупость, ворочая после-

довательно; значит мы сейчас будем строить пеленг или фронт, чтобы огнем всех наших судов бить по ближайшему кораблю во время его поворота». Раздался первый выстрел с «Ослябя», и мы все пошли вниз на свои места.

Уходя вниз и остановившись на минуту, я заметил, что мы уменьшили ход, так как стали налегать на «Ослябя», который уменьшил ход по необходимости, чтобы не налезть на входящий в линию броненосцев 1-й отряд. В это время «Суворов», «Александр» уже были в линии, а «Бородино» и «Орел» еще находились слева. Я спустился в батарейную палубу, так как по боевому расписанию был при исправлении канализации тока и старшим в палубах по тушению пожаров и заделке пробоин.

Заревели и наши пушки. Первое время особенно старалась совершенно бессмысленно наша 75-мм батарея, так как все равно снаряды ее не долетали до неприятеля (расстояние было 60—50 кабельтовых). Однако это не мешало командиру ее, лейтенанту Щ. вопить во всю глотку: «подавай патроны скорее» и держать безумно беглый огонь. Рассудив, что таким образом 75-мм батарея бессмысленно выпустит весь запас снарядов без всякого вреда неприятелю, а между тем, ночью именно она и понадобится, я взял на себя и приказал подаче не подавать больше снарядов при общем одобрении команды, которая говорила: «так ведь нам ночью нечем будет отбиваться от миноносцев».

Первые полчаса боя никаких повреждений «Сисой» не получил, и было особенно тягостно стоять без дела и ждать чего-то. Я тогда завидовал офицерам, которые были при орудиях,— те не имели времени для жуткого чувства стоянки без дела. Чтобы занять себя и подбодрить людей трюмно-пожарного дивизиона, я пошел обходить палубы, помещения динамо-машин, заходил в подбашенные отделения посмотреть подачу и, наконец, зашел в 6″ батарею. В ней царило оживление; офицеры и прислуга орудий спокойно снаружи, но, по-видимому, в несколько приподнятом нервном состоянии, вели частый огонь. Звонили указатели, выкрикивались плутонговым командиром лейтенантом Бушем установки прицелов.

Я подошел к Бушу, спросил, хорошо ли работает электрическое горизонтальное наведение и, получив утвердительный ответ, вместе с ним стал смотреть в бинокль на неприятельский флот, который оказался лежащим на параллельном курсе. Среди мглистой погоды серые силуэты двенадцати японских броненосцев были как-то туманно видны и точно расплывались в атмосфере. На них то и дело вспыхивали огоньки выстрелов и был слышен свист снарядов, ложащихся впереди «Сисоя». Заглянув через амбразуру вперед, я увидел у борта «Ослябя» целый ряд столбов воды от падающих снарядов, который приближался к броненосцу, и вдруг левый борт «Ослябя» начал окутываться черным дымом с желтоватым оттенком, и в этом дыму вспыхивало пламя. Очевидно, сноп падающих снарядов, ложившийся раньше недолетами, дошел до «Ослябя» и обрушился на него. В этот момент минный квартирмейстер прибежал и доложил, что из борта левого переднего бортового минного аппарата хлещет вода в броненосец, так как, по-видимому, крышка разбита снарядом.

Я побежал туда и увидел, что действительно из-за шарнира носового аппарата бьет струя воды, иногда прерываясь, струя дюймов шести диаметром. Около десяти минут мы возились, забивая койку в шарнир аппарата, пока течь почти не перестала. В это время слышно было два-три глухих удара в борт от попавших в броню снарядов.

Дальше я совершенно потерял счет времени, так как все время пришлось бегать и распоряжаться. Прибежал сверху минный механик Щетинин и взволнованным голосом сообщил мне, что «Ослябя» тонет. Это известие дошло очевидно и до находящейся внизу команды, так как лица сразу стали серьезными. Вдруг из кочегарки доложили, что потухло освещение: через пять минут была протащена летучая питательная проводка, и освещение возобновилось.

Вскоре у нас в 6″ левом бомбовом погребе, очевидно, от упавших через трубу осколков, загорелись маты. Я прибежал к нему и застал уже там трюмного меха-

ника Кошевого и минного механика Щетинина, открывавших затопление погреба. Но совсем затопить погреб не пришлось, так как не растерявшиеся его хозяева, не выходя из погреба, затушили пожар водою, отчего трюмный механик снова закрыл кран затопления. Погреб был затоплен только фута на три.

Через некоторое время мне доложили, что в батарейной палубе, попавшим через амбразуру снарядом, разбита помещенная там динамо-машина, работавшая на горизонтальную наводку 6″ пушек. Приказав немедленно переключить магистраль горизонтального наведения на нижнюю носовую динамо-машину, я побежал в батарею и увидел, что у динамо-машины разбит коллектор и исковеркана одна из стенок выгородки, в которой динамо стояла. Минер и минные машинисты оказались целыми. В батарее по-прежнему шла работа, громыхали пушки. Раненых и убитых еще не было. Только что я спустился вниз, как появился первый раненый — унтер-офицер, стоявший под флагом, которому расшибло осколком ключицу и ранило в ногу. Его вели вниз под руки двое матросов, причем он громко стонал. Вид первого раненого на меня сильно подействовал; на команду же он в первый момент подействовал, по-видимому, еще больше: видны были устремленные на него со страхом многие глаза.

Так как мне доложили, что в кормовое отделение,— в кают-компанию,— попал снаряд и сделал громадную пробоину надводную, то я быстро встрепенулся от впечатления раненого, которого уже в это время доктора приняли и клали на операционный стол, и подрал в кают-компанию. Здесь я увидел ревизора, мичмана Мартьянова, веселым голосом распоряжавшегося заделкой надводной пробоины громандых размеров, высотою от палубы до палубы и шириною сажени $1^1/_2$. Хотя пробоина была и надводная, но от свежей волны через нее плескала вода, почему ревизор и старался заделать ее при помощи командных тюфяков, брезента, мешков с углем, каютных дверей и бревен,— подпоры, которые у нас заранее были изготовлены и перед боем разложены вместе с деревянными клиньями по помещениям для подпирания водонепроницаемых дверей и переборок, на случай затопления отделений, так как мы не особенно доверяли крепости дверей и переборок.

Не желая понапрасну только мешать своими распоряжениями Мартьянову, я ушел в середину корабля. В это время оказался вывод из строя нашей носовой 12″ башни, у которой от удара попавшего в ее броню снаряда вырвало вилку передачи горизонтального управления башней. Вилку, погнутую, отправили исправлять в мастерскую. Вдруг ко мне прибегает молодой минер и радостным голосом докладывает, что он только что выбегал наверх посмотреть, что делается, и увидел два разбитых японских корабля. Известие это, услышанное окружившей меня командой, сразу привело ее в радостное настроение. К несчастью, подошедший почти сейчас же ко мне минный механик Щетинин тихо передал, что дела наши скверны, что «Суворов» разбит и представляет из себя одну груду и вышел из строя, что Рожественский, по-видимому, убит и передает команду Небогатову, что «Александр III» сильно разбит и тоже выведен из строя.

Услыхав это, конечно, я ничего не сказал команде, оставив их в убеждении, что разбит не «Суворов», а японцы, и пошел наверх сам посмотреть, что делается.

Выйдя на ют, я увидел впереди и справа вышедший из строя «Александр III» с громадным креном. Борт его был испещрен дырками от снарядов, но сам он продолжал стрельбу. Почти сейчас же увидел я и «Суворова», который тихо шел прямо на нас, так что нам, чтобы не получить удара, пришлось положить руля и выйти из строя в сторону неприятеля, прикрыв как бы на время «Суворова» от огня и получив за то все снаряды, предназначенные ему, в продолжение $^1/_4$ часа в свой борт. Увидев «Суворова», я ужаснулся: неужто эта груда железа без труб, без мачт, вся объятая дымом и пламенем,— все, что осталось от броненосца! Средняя 6″ башня почти лежала на боку, но кормовая 6″ — единственная время от времени давала выстрелы по направлению неприятеля. Это заставило сразу меня преклониться перед таким исполнением долга, перед храбрецами, явно обреченными на гибель;

на развалинах горящего корабля продолжавших под градом неприятельских снарядов стараться нанести посильный вред неприятелю!

Кругом «Сисоя», а в особенности несколько впереди его, то и дело подымались столбы воды, столбы черного дыма; слышался шум летящих снарядов и разрывы их с каким-то особенно высоким звуком, напоминающим сильно звон разбиваемого хорошего хрусталя. Временами все эти звуки покрывались грохотом выстрелов наших 12″ кормовых орудий, около башни которых я стоял. Вообще же, в воздухе стоял смешанный гул, обнимающий всевозможные звуки, от самых низких, грохочущих, как отдаленный гром, до резких высоких звуков. Очень скоро я почти оглох, началась резь в ушах, и из правого уха потекла кровь.

Постояв 2—3 минуты, я спустился в 6″ батарею поделиться впечатлением с лейтенантом Бушем, как вдруг судно сильно вздрогнуло в носовой части, сначала раз, затем другой, и я, не ожидая больше, побежал в носовой отсек. Туда бежали уже люди трюмно-пожарного дивизиона. Прибежав в отсек, я узнал, что один снаряд ударил около ватер-линии и сделал полуподводную пробоину, через которую начала хлестать вода; другой снаряд ударил вблизи 1-й пробоины, убил двух человек, отбросил мичмана Шанявского и людей, которые были с ним и принимались за заделку пробоины. Сейчас же ясна стала необходимость задраить отделение, что и было немедленно исполнено под руководством трюмного механика, который одновременно с этим приказал трюмным открыть спускной клапан носового отделения, чтобы соединить его с турбинной магистралью.

Из носового отделения мне пришлось идти в средний отсек, к левому переднему минному аппарату, из шарнира которого выбило нашу забивку, сделанную в начале боя, и оттуда хлестала вода, струей дюймов 10—12 диаметра. Это случилось оттого, что теперь пробоина в крышке аппарата из надводной обратилась в подводную, из-за дифферента корабля на нос, причиненного затопленным носовым отделением.

Около аппарата пришлось долго возиться, так как напор воды был силен и все вышибало, чем мы хотели заткнуть шарнир. Воды было почти по колено, так как одновременно появился у броненосца крен на этот борт от затопленного коридора, который, вероятно, затопило через болты и швы броневой плиты от удара большого снаряда. Теперь все время были слышны гулкие удары снарядов по броне, а сверху слышались треск и звон разрывавшихся снарядов. К месту нашей работы пришел из боевой рубки старший офицер, совершенно спокойный. Я ему возбужденным голосом доложил, что трудно заделывать эту пробоину, на что он, смотря на нашу работу, сказал: «что же поделать, все же нужно попытаться». Вскоре удалось забить сделанным здесь же на месте обмотанным обрубком бревна шарнир, и течь сразу уменьшилась.

Оставив минного механика Щетинина и гидравлического Еременко укреплять упором нашу забивку, я побежал выключать носовую часть магистрали освещения, так как освещение начало по всему броненосцу тускнеть и грозило совсем потухнуть из-за сообщения в носовом отсеке, в котором переборка носового отделения не выдержала и вода начала заполнять весь отсек до главной носовой переборки.

Выключив носовую часть магистрали, отчего освещение снова загорелось полным блеском, я только что хотел идти на носовую станцию динамо-машин, как услышал через трап сильный взрыв в батарее и через минуту увидел спускавшихся по трапу лейтенанта Буша с черным от ожога лицом, ведшего под руку стонавшего мичмана Всеволожского, у которого лицо, шея были черного цвета, тужурка обгоревшая. За ними вели еще двух раненых. Не успели встретившие раненых доктора с санитарами взять их, как в жилую палубу повалил густой удушливый желтый дым пикриновой кислоты, который не давал возможности дышать — открываешь рот, хочешь вздохнуть и чувствуешь, что нет воздуха, а только какая-то горечь лезет в горло. Дым в момент заволок всю палубу, так что ничего не стало видно; полная почти тьма. Все находящиеся на палубе бросились спасаться. Люди бежали, толкая и спотыкаясь друг на друга в паническом страхе; слышались крики и вопли. Кто-то отбросил меня в сторону так, что я чуть-чуть не упал. Задыхаясь от дыма пикриновой кислоты, я су-

нул себе в рот свой мокрый носовой платок и ощупью начал пробираться к трапу носового подбашенного отделения, около которого я находился. Найдя трап, я скатился по нему вниз и тут только имел возможность вздохнуть, так как желтого дыма не было.

Отдышавшись, я, намочив сильно платок в воде и успокоив находящихся здесь у динамомашины людей, взяв платок в рот, опять поднялся по трапу и бегом побежал по палубе, в которой дым как будто немного рассеялся, так как выбежавшая наверх команда догадалась открыть броневые люки на верхней палубе. Поднявшись в верхнее отделение, я крикнул собравшейся здесь кучке команды идти вниз, в жилую палубу и выносить немедленно оставшихся там раненых и задохшихся от газов людей.

Не ожидая исполнения приказания от всей кучки, с первыми бросившимися на зов людьми я и кто-то из механиков спустились в палубу, в которой уже было возможно дышать, хотя дым не вышел еще весь, и начали вытаскивать в кормовое отделение лежащих без чувств людей. Около задраенной двери в носовой отсек мы нашли целую кучу: оба доктора, оба фельдшера, мичман Всеволожский и человек двенадцать команды лежали грудой, выскочившие, по-видимому, из операционного пункта и из-за дыма и тьмы взявшие неправильное направление. Вместо того, чтобы бежать в корму, к кормовым трапам на палубу,— они бросились к задраенной двери главной носовой переборки и задохлись от газов.

Кроме этой груды людей по разным местам палубы лежали одиночные задохшиеся люди и среди них лейтенант Овандер, который только что спустился в палубу из боевой рубки, будучи послан зачем-то вниз командиром. Наблюдение за выносом задохшихся людей окончить мне не удалось, так как была пробита пожарная тревога и я побежал на свое место по ней,— на ют, приказав баталеру и нескольким человекам команды окончить вынос раненых.

Пробегая по жилой палубе, я был остановлен выглянувшим из шахты кочегарным механиком Груятским, который просил меня прислать хоть несколько человек в носовую кочегарку подсменить на короткое время кочегаров, которые тоже сильно наглотались газов пикриновой кислоты, проникших в кочегарку по шахтам экстренных выходов.

Пришлось остановиться и, хватая за шиворот первых встречных нижних чинов трюмно-пожарного дивизиона, посылать их в кочегарку. Поднявшись по трапу в верхнее офицерское отделение, я увидел столб пламени, с силой вырывавшийся через дверь в заднем траверсе из 6″ батареи.

Так как трап на верхнюю палубу находился около двери, то выход по этому трапу наверх был отрезан. Однако это не помешало нескольким обезумевшим нижним чинам, выбегая из жилой палубы, устремляться наверх именно по этому трапу, сильно обжигаясь при этом. То же проделал и флагманский механик полковник Обнорский, который потерял при этом бороду и усы.

Я выскочил на палубу по другому трапу, выходящему сзади 12″ башни, которая в это время стреляла на левый борт. Очутившись на палубе, я увидел целую кучку людей на юте, которые прижимались к правой стороне башни, стараясь укрыться от свистящих в воздухе осколков снарядов, падавших в воду у левого борта. Шланги уже тащили к двери траверса и направили струю в бьющее из двери пламя. В этом месте, сразу перед дверью в 6″ батарею находился рундук с брезентами, и, по-видимому, струя и попала на него, так как огонь из двери скоро перестал бить, а вместо того повалил оттуда густой едкий дым, не позволявший людям со шлангом пройти через дверь в батарею, в боковые коридорчики около машинного кожуха, через которые можно было дальше пройти и в самую батарею. Прибежал старший офицер и пытался сам со шлангом проникнуть в батарею, но едва выбрался оттуда, задохшись от дыма.

Пришлось некоторое время стоять в бездействии и ждать пока пожар уменьшится сам по себе, и я вышел опять на ют и стал около башни. Хотя картина была и величественна, но в тот момент на меня не произвела никакого чувства, кроме чувства отчего-то обиды. Середина «Сисоя» горела, подымался над нею густой дым, а из

амбразур 6″ орудий били языки пламени. На юте тоже что-то горело. С левого борта подымались столбы воды от падающих снарядов, слышался высокий звон их разрыва и над ютом, с звонким свистом летели осколки, временами оканчивая свой свист ударами в наши надстройки со звуком, что бьют во что-то пустое.

2-й броненосный отряд, как мне показалось, описывал крутую циркуляцию, но вскоре «Адмирал Нахимов» перегнал нас по правому борту, в расстоянии $1/2$ кабельтова, причем на верхней палубе его стояло много народу; видны были офицеры, и вдруг все они замахали фуражками и закричали громкое «ура». Такое же «ура» полетело и с нашего искалеченного броненосца, на юте которого собралось около 150 человек. Я, поддавшись общему чувству, не разбирая, сам кричал «ура», не зная причины общих криков неожиданного торжества. Собственно, как потом оказалось, особенной разумной причины и не было; просто на «Нахимове», увидя «Сисой» в клубах дыма и пламени, стреляющий, несмотря на это, кормовой башней, несколько офицеров, стоящих вместе, замахали приветственно шапками, заметя на 12″ башне лейтенанта Залесского, спокойно сидящего наполовину вне башни. Команда «Нахимова», увидя это, вероятно, поняла это по-своему, и кто-то крикнул «ура», которое мигом было подхвачено обоими кораблями. В общем это «ура» пришлось весьма нам кстати, так как сильно подбодрило команду, среди которой еще царила кое-какая паника, и на моих глазах три человека, выбежав из палубы с перекошенными от ужаса лицами, бросились за борт.

На юте я пробыл, вероятно, минут 20 и сначала было стоять ничего себе, так как все мы старались держаться за башней; но когда неожиданно бой перешел и на другой борт (зашел отряд японских старых броненосцев) и снаряды стали рваться с обеих сторон, то появилось чувство жуткости, нервности и т. д. и, хотя я не ушел с юта, чтобы не дать этим права команде бросить шланги и бежать за прикрытие, — однако чувствовал себя сильно не по себе; нервно тянул папиросу за папиросой, переминался с ноги на ногу и, стараясь ободрить себя звуком своего голоса, намеренно громко разговаривал с лейтенантом Залесским, сидящим наполовину открыто в 12″ башне и управлявшим ею. Его вид действовал на меня очень успокоительно: такой же розовый, с распушенными усами, в чистом воротничке, он спокойно сидел, так как будто был не в бою, а в морском собрании за ужином среди дам. Временами слышался стон и кто-нибудь падал; его тащили вниз. По трапу со спардека сполз второй часовой у флага строевой квартирмейстер, к несчастью, не помню его фамилию, с оторванными обеими ногами: одна выше колена, а другая ниже; торчали куски костей, клочья мяса, с которого обильно стекала кровь. Ему тут же на юте, по моему приказанию, подложили под голову мат, но больше сделать было ничего нельзя, так как весь медицинский персонал еще не пришел в сознание после удушения газами. На всякий случай я, при помощи кого-то из матросов, перетянул ему тонкими кончиками ноги повыше отрыва, желая уменьшить излияние крови, но это мало помогло и он скоро умер, не произнеся ни единого звука, смотря на всех к нему подходивших детскими удивленными глазами. Да, вспомнил его фамилию — Бабкин.

Было еще несколько раненых, один с оторванной рукой, у другого вырвана икра, но тех сводили вниз. Вдруг я точно оступился: я в это время стоял на обломках гребного катера, причем правая нога была поставлена на ящик из-под машинного масла. Я упал, но сейчас же вскочил: оказалось, что в этот ящик на излете ударил громадный осколок и вышиб из-под ноги; осколок еще горячий лежал поблизости, врезавшись в доски обломков катера.

Наконец пожар стал быстро утихать, и я подрал вниз, так как получил приказание начать работу турбин, откачивать носовой отсек. В это же время на баке старались под руководством старшего офицера завести пластырь на появившиеся от сильного дифферента пробоины в носовом отделении. Пластырь мало помог, так как ему мешали шест и самое сетевое заграждение. Сначала я пустил две турбины, но вскоре трюмный механик просил пустить третью и четвертую. Пришлось это сделать, несмотря на то, что динамо-машины оказались сильно перегруженными. Надеясь больше всего на кормовую динамо-машину, поставленную перед уходом в плавание Бал-

тийским заводом, на котором она раньше работала на электрической станции, я наиболее перегрузил ее — вместо 640 ампер на 1100, а остальные 3 вместо 320 — на 400. С этого момента почти до самого окончания боя, я находился при турбинах и динамо-машинах, переходя от одной к другой и наблюдая их работу. Работали они отлично, без всякого нагревания до утра следующего дня.

Ходя по палубам, я забежал на минуту в свою каюту за папиросами, которых, увы, не нашел, так как от моей каюты и соседней с нею остались одни ошметки и громадная дыра в борту.

Чувствуя все-таки желание курить, я забежал в каюту командира, где бесцеремонно и набил свой портсигар. Его каюта была цела, но адмиральский салон был исковеркан: стол разбит, в левом борту дыра такая, что тройка влезет; 47-мм орудие этого борта лежало у стенки правого, вместе с двумя бесформенными трупами, из которых один представлял из себя почти скелет, а другой был разрезан пополам. Временами сверху приходили все более и более неутешительные известия: перевернулся «Александр III», потонула «Камчатка», потонул «Урал».

Внизу тоже было неважно: носовой отсек до батарейной палубы был залит до главной носовой переборки, которая пучилась и пропускала в швах; носовые погреба залились водой, вода текла и по жилой палубе, просачиваясь через переборку.

Трюмный, гидравлический и минный механики и старший офицер старались укреплять главную переборку упорами бревен; плотники здесь же делали клинья и шла спешная и лихорадочная работа. Пожар батареи через 1—1½ часа после начала прекратился совершенно, вероятно сам по себе, так как больше было нечему уже гореть; на палубе валялись выгоревшие патроны и пустые гильзы, стенки и борта были черны; на них и с подволока свисали в виде каких-то обрывков проволок обгоревшие провода; 6″ пушки совершенно черные угрюмо молчали, и около них хлопотали обгоревший плутонговый командир лейтенант Буш и Блинов с несколькими комендорами, стараясь силой расходить ручные подъемные и поворотные механизмы, что почти не удавалось, так как медные погоны от жары покоробились и местами оплавились. Одно время было как бы затишье боя, перестала рявкать наша 12″ кормовая башня, но вскоре опять начала. По-видимому, бой был уже не так интенсивен или же я просто оглох и от сильного напряжения в течение нескольких часов приобвык и стал мало чувствителен к окружающей обстановке, так как несколько обгоревших до костей трупов в батарее не производили почти никакого впечатления, и я спокойно спотыкался и наступал на них.

Так как дело, по-видимому, подходило к вечеру, то я вызвал всех минеров и начал с ними поднимать на место кормовые прожектора, убранные перед боем в палубу за прикрытие. По-видимому, и люди привыкли к обстановке и работали спокойно, без излишней горячки, подымая прожектора и ведя к ним летучую проводку, несмотря на то, что снаряды еще шлепались временами около броненосца и время от времени летевшие осколки били в надстройки.

Работая наверху у прожектора, я, наконец, увидел картину нашей эскадры: оказалось, что мы идем уже в хвосте, а впереди шли в линии кильватера: «Бородино», затем «Орел», «Николай», «Сенявин», «Апраксин», «Ушаков», «Сисой», «Наварин» и «Нахимов». С правого борта шла колонна крейсеров: «Олег», «Аврора», «Донской», две колонны миноносцев и крейсера «Изумруд» и «Жемчуг». Отдельно шла «Светлана», сильно погруженная носом.

Японцы были слева и несколько впереди, и их силуэты были плохо видимы в туманном воздухе, но все же я насчитал их девять штук. Наша эскадра тоже держала еще артиллерийский огонь, но не особенно интенсивный.

Вся эта картина на меня подействовала несколько успокаивающим образом; думалось, что хотя мы и потеряли наши лучшие суда, все же, несмотря на беды, подравнялись, беспорядка нет, а главное идем на Владивосток, так как кто-то сообщил, что был сигнал Небогатова «курс № 023°».

Подняв и опробовав прожектора, я опять вернулся вниз к турбинам и динамо-машинам.

В офицерских отделениях лежали раненые, человек около 40, стонали, и около них хлопотали добровольцы из команды, под руководством подшкипера, который самостоятельно принял как-бы роль выбывших из строя докторов.

Оба доктора лежали рядом и хотя и пришли в сознание, но были так слабы, что не могли двигаться. В почти таком же положении находился лейтенант Овандер, около которого хлопотал какой-то сердобольный радиотелеграфист.

Поговорив несколько слов с докторами и Овандером и с некоторыми ранеными из команды, чтобы их ободрить чем-нибудь, я сообщил, что бой кончается, все в порядке и мы идем во Владивосток хорошим ходом — небольшая ложь, но мне хотелось сделать что-нибудь приятное им, так как жалко было смотреть на сморщенные, покрытые желтой пылью пикриновой кислоты лица.

Затем я ушел к турбинам и не выходил из жилой палубы почти до самых минных атак, до которых время пролетело незаметно за обходом динамо-машин, турбин и за выпуском воздуха из мин. Заходил я также и в кормовое подбашенное отделение 12″ орудий, где я застал прислугу подачи в столь же спокойном настроении, как и их командир башни — лейтенант Залесский. Они деловито производили подачу, причем старый запасной квартирмейстер хриплым монотонным голосом обещал кому-то побить рожу, если он будет еще трусить. Мне так было приятно присесть на несколько минут около этих спокойных людей и переброситься с ними несколькими словами.

Не знаю, через сколько времени была сыграна минная атака, и я выбежал наверх. Картина открылась перед глазами следующая: штук 12 японских миноносцев, несмотря на то, что было еще светло (только что зашло солнце), в строе фронта шли с правой стороны на нашу эскадру, которая встретила их частым огнем. Без всякого сигнала линия наших броненосцев повернула вдруг от них, подставляя им кормы. Крейсера тоже поворачивали, и миноносцы, не дойдя до нас кабельтовых 20—30, повернули вдруг вправо, оказались в линии кильватера и быстро стали удаляться.

С переднего мостика, как электрический ток, прибежало известие, что на повороте перевернулся «Бородино». Дальше картина неожиданно изменилась: крейсера наши в одной кильватерной колонне оказались идущими на юг, а броненосцы опять шли на север, причем, мало-помалу, стали уходить от «Сисоя», «Наварина» и «Нахимова», державшихся вместе и не могущих держать хода более 8 узлов, в особенности «Сисой», у которого дифферент на нос стал таким, что вода доходила почти до верха форштевня.

Небогатов со своими судами мало-помалу стал уходить вперед; темнота наступала более и более, и, наконец, Небогатов перестал быть видным. По-моему, все это происходило в продолжение не более получаса, и хотя я временами и уходил вниз к своим динамо и турбинам,— однако все-же хорошо запомнил картину.

С наступлением темноты мы оказались одни с «Навариным» и «Нахимовым». Все огни были скрыты, закрыто все освещение до жилой палубы.

Так как атаки пока не было, то я большей частью был уже внизу, то у дела, то в верхнем офицерском отделении, где собрались почти все офицеры около наших пострадавших докторов.Сидели, тихо разговаривали о минувшем дне, о нашем положении, курили и ели корибиф прямо руками из коробок. Команда тоже сидела группами, кроме людей у оставшихся исправных пушек, а именно: 12″ кормовой башни, 2-х 47″ пушек на спардеке, 2-х 75-мм в верхней батарее,— по одной с борта, одной 6″ пушки правого борта, которую ворочали вручную 4 человека с большим трудом, и у кормового пулемета. Команде тоже выдали ящики с корибифом, и она ела их, запивая водой с красным вином.

Несколько лиц из команды, забравшись в офицерский буфет, разбили ящик с вином и перепились. Скандалящие быстро были угомонены тем, что их разбили в пух и прах офицеры и квартирмейстеры, а допившиеся «до риз» валялись «мертвецами». К чести команды должен сказать, что таких было немного, человек 8—10, не больше, то же самое, как и неожиданно явившихся любителей чужой собственности, которые заглядывали в офицерские каюты. Но было не до них, и только случайно

нарывавшиеся получали свою порцию по морде, а двух наиболее нахальных я грозил застрелить, и, вероятно, привел бы угрозу в исполнение, так как в это время, как говорится, очерствела душа и изменился взгляд на человеческую жизнь. Но они так перетрусили и униженно просили прощения, что я ограничился хорошей оплеухой и послал их наверх смотреть за горизонтом.

На всякий случай я приказал двум моим любимым квартирмейстерам втащить в погреб мин заграждения два зарядных отделения мин Чайтоеда, в которые вставил фитильные запалы. Затем погреб заперли. Это я сделал на случай, если понадобится ночью выбрасываться на берег и уничтожать корабль.

Вскоре на нас была произведена первая минная атака таким образом: вдруг с правой стороны, в порядочном расстоянии, открылся луч прожектора. Луч заходил по горизонту, поймал нас и, поднявшись несколько раз вверх, опять опустился. Через некоторое время вблизи показались огоньки и, наконец, силуэты двух миноносцев. Не успели мы открыть огня, как загрохотали «Наварин» и «Нахимов» и открыли свои прожектора. Мы последовали их примеру и в свои лучи прожекторов поймали два миноносца на расстоянии двух-четырех кабельтовых, лежавших на параллельном с нами курсе. Одним из выстрелов 12″ орудия на одном из миноносцев, четырехтрубном, произошел взрыв около второй трубы; он запарил, стал валиться на бок и, как мне кажется, среди своего пара перевернулся. Удачный выстрел башни вызвал крик удовольствия среди выбежавшей на полуют команды. Другой миноносец быстро скрылся. Канонада прекратилась у нас, а затем и на «Наварине» и «Нахимове». Я забыл еще сказать, что мы приняли атаку и положили право руля, так что привели миноносцы за корму. По окончанию атаки «Сисой», «Наварин» и «Нахимов» уже не находились больше в строе кильватера и мало-помалу стали отделяться друг от друга.

Мне пришлось нести две обязанности: во время перерывов между атаками — внизу у турбин, во время атак — выбегать для управления прожекторами. Насколько я помню, всего за ночь на «Сисой» было произведено пять атак, из которых я хорошо помню три, не считая описанной:

Одну — когда с левого борта у нас оказался двутрубный большой контр-миноносец с тремя другими, как будто меньшими. Эти миноносцы оказались около нашей кормы с левого борта, в расстоянии 2—3 кабельтовых, на параллельном с нами курсе, как бы находясь в двух кильватерных колоннах, отчего друг другу, по-видимому, мешали. Я видел две выпущенные мины в нас тогда, когда они вылетали из аппаратов, но следа их в воде затем не заметил, быть может оттого, что мы ворочали к ним кормой. Эти миноносцы при атаке стреляли из своих пулеметов и какой-то пушченки. Наши выстрелы, по-видимому, несли им большой вред, так как снаряды рвались на них и летели во все стороны ошметки.

Картина была грозная, но безумно красивая — среди освещенных прожекторами беляков волн качающиеся четыре миноносца, над которыми и на которых вспыхивали вспышки наших рвущихся снарядов. Воздух сотрясался и гудел от наших выстрелов. В одно мгновение миноносцы ушли быстро в сторону, а мы закрыли прожектора. Но долго еще трещал в темноте наш пулемет в руках вошедшего в раж комендора.

Затем наступил промежуток между атаками. Мы шли в полной тьме. Временами сзади и несколько слева от нас, в порядочном уже расстоянии, вспыхивали лучи прожекторов и минуты на три начиналась канонада орудий; это отстреливались на «Наварине» и «Нахимове» наши товарищи.

Временами около броненосца появлялись какие-то мигающие слабые огоньки — это неприятельские миноносцы, не видя нас, сигналили между собою ручными ракетами. Я опять спустился вниз и обходил турбины, как вдруг услышал выстрел и крики «атака»; моментально я бросился наверх, но по ошибке выбежал на ют по заднему трапу; едва я выскочил на палубу, как раздался грохот, меня обдало чем-то здорово горячим, и какая-то сила бросила в сторону на палубу так, что я перекувырнулся.

Оглушенный и ошалелый от неожиданности, я вскочил на ноги и первое время ничего не соображал, чувствуя только боль в ушах и какую-то неясность в голове. Затем я машинально побежал к прожекторам на спардек и только тогда сообразил причину происшедшего: оказалось, что когда я выскакивал из люка, около меня грохнула по миноносцу 12″ пушка, недалеко от дула которой я находился.

Распоряжаясь у прожекторов, я заметил, что ничего не слышу, что из ушей идет кровь. Но мне было тогда не до этого: в свете прожектора я увидел четырехтрубный миноносец, почти копию наших минонсцев, держащий на мачте какой-то сигнал. Сходство было такое поразительное, что часть команды начала уже кричать: «не стреляйте — это наш». К счастью, хорошо были видны на его борту четыре громадных японских знака, по которым комендоры и поняли, что это японец. Флага у него не было.

Палили наши 47-мм пушки, трещал пулемет, временами давало выстрелы 75-мм орудие, и миноносец поворотом «Сисоя» приводился за корму. Вдруг грохнула наша 12″ кормовая пушка, на миноносце раздался посредине его взрыв; середина его осела, нос и корма поднялись, миноносец как бы развалился пополам, и все пошло ко дну. Картина была очень приятна, так что я забыл и про боль в ушах и про неясность в голове и закричал от радости.

Опять некоторый промежуток времени, временами неожиданно открывавшаяся канонада немного сзади нас. Вдруг справа и несколько впереди, на большом расстоянии, вспыхнул луч прожектора, повелся по горизонту и остановился на нас — это сопровождающий миноносец легкий крейсер искал нас и указывал наше место.

Опять атака: два миноносца справа на параллельном курсе, а один пролетел контр-галсом по левому борту в расстоянии одного-двух кабельтовых. Опять стреляли по ним и на этот раз опять счастливо, как мне показалось: один из миноносцев, шилауского типа с одной трубой, быстро зарылся носом в воду от попавшего туда, кажется, 6″ снаряда, а затем среди пара и среди взрывов снарядов ушел под воду.

Опять тихо. Настроение отличное. Чувствуется уверенность в себе. Пошел на мостик и узнал там от старшего штурмана лейтенанта Бурачека, что идем на север, и так как компасы не действуют в боевой рубке (ходовая вместе с мостиком была исковеркана), то правим по Полярной звезде.

На спардеке собралась большая часть офицеров; все говорили, чтобы хоть луна-то поскорей взошла, по крайней мере, миноносцы не осмелятся атаковать, будучи видными издали; я оспаривал это мнение и желал продолжения темноты. Плохо слыша своими поврежденными ушами, я злился, что говорят слишком тихо и что меня не понимают с первого слова, так как почти все оглохли еще в дневном бою.

Вдруг по борту пробежал миноносец очень близко и за кормой повернул и бросился нас догонять. Когда ясно было видно, что он догоняет нас,— открыли освещение и начала стрелять. Миноносец привели к себе совсем за корму и вот, когда он был виден за кормой, в расстоянии трех-четырех кабельтовых, видно было, что он пустил вдогонку нам мину. Прошла минута ожесточенной стрельбы по нему; он стал уже уходить в сторону, как вдруг раздался глухой удар в корме, на самом юте полетели наверх какие-то щепки и невысокий столб воды,— мы получили мину прямо в румпельное отделение. Броненосец продолжал бешено катиться влево, так как оказалось, что попавшая мина сбила левый винт и почти заклинила руль на правом борту.

Я побежал вниз в кормовое отделение, чтобы пробраться к люку в рулевое отделение, и там встретил старшего офицера, спускавшегося вниз. Из рулевого отделения кто-то крикнул, что «румпельное отделение затоплено, но в рулевом еще воды нет; правим на ручном штурвале с большим трудом».

Так как в рулевое отделение, кроме старшего офицера, полезли трюмный механик с трюмными и минный механик, то я остался в кормовом отделении и начал готовить нашу последнюю кормовую турбину.

Некоторое время мы шли под ручным управлением, а затем пришлось это бросить, так как рулевое отделение мало-помалу затоплялось водой, и вскоре люди на

штурвале оказались стоящими по живот в воде. Тогда старший офицер приказал всем выходить, и затем задраили люк рулевого отделения.

С этого момента броненосец лишился способности управляться, так как хотя обе машины и работали, но одна пустым почти валом с какими-то ошметками винта.

Выйдя наверх, я увидел, что мы идем все время по дуге и временами делаем какие-то зигзаги. Я тогда пошел к командиру на мостик и спросил его, не надо ли готовить броненосец к взрыву, на что он отвечал: «не надо, голубчик; если не потонем и, быть может, доберемся до ближайшего берега, то высадим команду, затопимся кингстонами».

Уходя от командира, я наткнулся на лейтенанта Овод, который прощался с мичманом Мартьяновым. Мичман Мартьянов произнес какую-ту фразу вроде: «Ну, довольно, побалаганили в своей жизни; теперь кажется дело идет к концу, поцелуемся, Сеня».

С этого момента мы больше не были атакованы ни разу, хотя кругом заметна бывала временами какая-то деятельность, судя по показывающимся на мгновение огонькам, но мы шли, как подбитая курица, кружа дугу, смиренно ожидая мины.

Наконец взошла луна и стало довольно светло. Миноносцев не было. Повозившись опять около турбин, посмотрев на то, как понемногу через носовую переборку хлещет из швов вода, я опять вышел наверх, присел на какой-то ящик и от усталости заснул.

Проснулся я уже, когда всходило солнце, вероятно от холода, так как все ноги мои были мокрые и я дрожал. Я спустился вниз к своей разрушенной каюте, где в куче всяких предметов разыскал носки и сапоги и переобул свои окоченевшие ноги.

От минного механика я узнал, что мы стараемся идти к берегу выкидываться, что вода мало-помалу прибывает и что, вероятно, часа через три пойдем ко дну, если не доберемся до берега. Обойдя опять все свои помещения и приободрив, насколько мог, стоявших у динамо-машин и турбин минеров и минных машинистов и сообщив, что может быть скоро вылезем на берег, я вышел наверх, в верхнее офицерское отделение, где лежали раненые. Оказалось, что Овандер уже очнулся и находится около командира; фельдшера тоже очнулись и делают первые перевязки раненым. Оба доктора лежали еще в лежку.

Выйдя наверх, я увидел команду и часть офицеров, занятых починкой баркаса и готовящих его к спуску. Другие в это время строили нечто вроде плота на юте.

Вдруг, среди туманного горизонта показался «Владимир Мономах», идущий к нам под креном. По приказанию командира начали ему сигналить прожектором: «Прошу подойти и снять людей с броненосца». На это с «Мономаха», уже приблизившегося к нам, последовал ответ: «Через полчаса сам иду ко дну».

Затем «Мономах» прошел у нас под кормой и тихо поплелся к японскому берегу, а к нам подошел шедший с «Мономахом» миноносец «Громкий». Командир «Громкого» — капитан 2-ранга Керн,— крикнул в рупор: «Имею вполне исправные машины и уголь до Владивостока, могу принять часть ваших людей». Наш командир крикнул: «благодарю, не надо». Тогда Керн спросил не нужно ли будет чего-нибудь передать, на что командир ответил: «передайте во Владивостоке, что встретили меня разбитым в бою, с минной пробоиной, с дифферентом на нос, лишенного возможности управляться и понемногу идущего ко дну». На миноносце офицеры помахали нам фуражками, затем миноносец дал ход и побежал к «Мономаху».

Завидно было смотреть на это,— тяжело вздохнулось тогда многим из нас!

Через некоторое время на горизонте показались два корабля: у нас пробили тревогу. Оставшись на некоторе время наверху, я услышал сверху, со спардека, голоса, что это японцы, и ушел вниз. Через некоторое время кто-то принес известие, что это не военные суда, а транспорты и что командир приказал поднять сигнал о бедствии.

Тем временем пришло приказание уничтожать, на всякий случай, все секретные книги, оружие, приборы и т. д. Я побежал на станцию беспроволочного теле-

графа, выбросил шифры, затем приказал уничтожить станцию, а сам пошел выбрасывать ружья и револьверы. Кругом офицеры и команда выбрасывали из иллюминаторов ружья и прочее. Ревизор вытащил денежный сундук и выносил с несколькими офицерами и выбрасывал за борт содержимое сундука. Часть команды слонялась без дела, одевала другое платье, некоторые шныряли в офицерские каюты и вообще началась так называемая дезорганизация,— люди перестали большей частью быть военными людьми и обращались в человеков со всеми ихними слабостями.

Вдруг ко мне подбежал в сильном возбуждении минный механик Щетинин и взволнованным голосом сообщил, что командир сейчас спустил кормовой флаг, и японцы с транспортов, подошедших к нам кабельтовых на 10, спускают шлюпки. Он ужасно ругался и сказал, что сию минуту идет открывать кингстоны, чтобы затопить машины и кочегарки. От такого известия я бомбой вылетел наверх и, увы!— действительно, кормового флага у нас уже не было; у борта стоял наш спущенный баркас и в него кончали грузить раненых. Японские транспорты: «Sinano-Maru», «Toyo-Maru» и еще какой-то стояли кабельтовых в 10, и от одного из них шла к нам шлюпка.

В это время командир прислал приказание всем офицерам собраться на спардеке. Придя на спардек, я нашел там почти всех офицеров. Пришел командир с измученным лицом и сказал нам, что «он, не видя больше исхода и не имея возможности что-нибудь предпринять, спустил флаг для спасения оставшихся на корабле живых; что он сам лично даст ответ в этом перед родиной и царем».

Все стояли, как пораженные громом, почти никто не сказал ни слова, только старший офицер воскликнул: «Но ведь это позор, нужно что-нибудь делать!»,— молчание было ему ответом.

Минный механик Щетинин, а за ним трюмный Кошевой бросились вниз. Предполагая, что они идут открывать кингстоны, я последовал за ними, и вот в жилой палубе разыгралась такая сцена: Щетинин кричал и ругался резким голосом и открывал кингстон затопления паровой машины; Кошевой с трюмными возились около другого кингстонного ключа и видны были у всех слезы и безнадежное выражение лица.

Я, не сказав ни слова, едва не разрыдавшись, пошел, остановил турбины, снял людей из всех помещений динамо-машин и спалил обмотки двух машин. Затем мы все вышли наверх. В это время на палубу выскочил японский офицер с несколькими нижними чинами и машинистами с ключами и сказал по-французски, что он считает нас своим призом и просит сказать и повести его по нашим поврежденным отсекам.

На это командир ему ответил: «Раз он считает нас призом, пусть сам и разбирается в повреждениях». Тот рассердился, начал что-то кричать, затем схватил какого-то нашего матроса и с собою потащил вниз. Проходя мимо гафеля, он остановился, подозвал своего сигнальщика и поднял японский флаг. Это резануло нас по сердцу, но наше внимание в это время сразу отвлеклось другим обстоятельством: на фок-мачте у нас висел стеньговой флаг, у которого перебило фалы, и он заел в клотблоке. Какой-то японец полез на мачту его достать, но попытки его не привели ни к чему, флаг остался висеть и развеваться, а японец, усталый и озлобленный, опустился вниз.

Как ни глупо, но это обстоятельство очень обрадовало меня, а затем и других офицеров. Говорили со злорадством: «врешь, пойдет ко дну броненосец под нашим флагом, поднятым выше японского».

В это время подошли шлюпки с транспортов и началась погрузка в них нашей команды. Командир, во избежание беспорядка, распределил нас рассаживать людей.

На баке другой японский лейтенант начал разматывать наши манильские перлиня и подавать на одну из шлюпок, желая, вероятно, подать их на один из транспортов и взять нас на буксир, причем ругался и хотел безуспешно заставить работать нашу команду. Через несколько времени вылетел снизу наш первый японец со своими машинистами, очень недовольный, крикнул на баке лейтенанту, подаю-

щему перлиня, тот бросил это занятие и начал распоряжаться посадкой нашей команды. Хотя командир наш и распределил быстро всех офицеров; кто на какой шлюпке и с какой ротой должен ехать, однако два-три офицера слишком поспешили со своим отъездом,— среди них два прапорщика. Часть шлюпок принимала и приставала на юте, где распоряжался этим старший офицер и где садились 1 и 3 отделения, а часть к баку, причем большая часть.

Так как бак у нас сидел уже в воде по носовую башню, а корма была здорово вздраена (дифферент на нос около 20 фут.), то посадка на баке шла много скорее и вскоре вся моя рота уже съехала и на баке команды не оставалось. Я пошел на ют и стал оттуда посылать людей на бак, но люди неохотно исполняли это и сравнительно немного пошло со мною на бак,— большая часть осталась на юте.

Посадив этих людей, я увидел, что японцы поспешно спустили свой флаг с гафеля, и поджидали на переднем конце спардека идущих одиночных людей с юга. Я задумался над всем прошедшим только что перед моими глазами. Я чувствовал полную неудовлетворенность и недовольство собою,— неужели после столь славного боя «Сисоя», после всего главного, всего тяжелого, что было в бою и ночью,— все так нелепо и обидно кончается! Вся проявленная личным составом во время боя энергия и мужество,— все это затемнилось грязным фактом спуска флага, и висением, хоть некоторого незначительного времени, на гафеле нашего корабля японского военного флага! Это чувство раздумья, самого тяжелого, еще долгое время после этого у меня являлось в часы, когда остаешься один, в вечерние часы, отчего у меня и явилась причина бессонницы.

В настоящее время,— время лучший целитель всего,— все потеряло свою прежнюю остроту и теперь гораздо спокойнее и, может быть, немного пошлее смотришь на былые факты. Из этого раздумья я был выведен голосом командира, звавшим меня; я взглянул и увидел, что у борта стоит шлюпка, почти полная команды, в нее садятся последние офицеры и собирается сесть командир, зовущий меня. Я не сразу очнулся и командир крикнул: «садитесь скорее, сейчас мы отваливаем, броненосец уже переворачивается». Тут только я заметил, что крен на правый борт все более и более увеличивается, и побежал на шлюпку. Пришлось мне уже прыгнуть в воду, так как шлюпка отходила и была саженях в двух от борта. Меня сейчас же подхватили на нее. Почти сейчас же выскочили из-под спардека два матроса и бросились в воду к шлюпке. Хотя японцы и начали было отталкивать их веслами, все же мы их приняли и вытащили, несмотря на то, что шлюпка была перегружена страшно и все сидели друг на друге.

Не успели мы отойти $1^1/_2$ кабельтовых от корабля, причем я на юте увидел целую группу команды со старшим офицером, бросавшуюся в воду и плывшую к идущим навстречу шлюпкам,— как броненосец лег на борт. Видно было, как хлынула вода через отверстие 6″ порта; оставшиеся на юте одиночные люди катились в воду, около броненосца видно было много голов в воде. Момент, и показалась подводная часть броненосца (на броненосце развевался все время наш стеньговой флаг на фок-мачте), сильно поднятая в корме, виден был лежащий на борте руль и исковерканный винт (другой был цел, но я его не видел: мы были с другой стороны броненосца). Опрокинутый броненосец проплавал несколько секунд, затем вдруг носом вперед пошел в воду, корма подымалась выше и выше. Наконец, быстро скрылась и корма. Раздался по воде глухой шум, вырвался столб воды с паром, затем появились какие-то водовороты, как будто кипел кипяток, выскочила и высоко подпрыгнула в воздухе какая-то рея, вылетело несколько досок, и затем все прекратилось. Остались на воде только около сотни плавающих и кричащих голов, которые подбирались подходящими к ним шлюпками.

Все было кончено. Наш «Сисой» лежал на 60 саженной глубине, а мы — на японской военной шлюпке шли к военному транспорту уже в качестве военнопленных! Когда мы вышли на транспорт «Sinano-Maru» и бросились к бортам смотреть со слезами на глазах на место «Сисоя» — шлюпки кончали подбирать плавающих людей, а на воде оставались только деревянные обломки.

О ХОЗЯЙСТВЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ОКРАИН РОССИИ (1855 г.)

Публикуемый документ о хозяйственном положении государственных крестьян окраин России и о мерах к его улучшению относится к концу 1855 г.— периоду, когда в основных чертах была завершена реформа управления государственной деревней, предпринятая П. Д. Киселевым. В этом документе в сжатой форме говорится о причинах низкого уровня развития сельского хозяйства у крестьян (отсталая трехпольная система полеводства, рутинная техника, малоземелье и чересполосица, безграмотность крестьян и отсутствие элементарного агрономического образования, заменяемого стародедовскими навыками, основанными на приметах и суевериях), на которые единодушно указывали управляющие губернскими палатами государственных имуществ. Однако как представители господствующего класса они не хотели признать, что отставание в развитии производительных сил государственной деревни в конечном счете является следствием существующей феодальной системы эксплуатации, на которую реформа Киселева не могла посягнуть.

Крестьянское малоземелье, обратившее перед реформой внимание Киселева, не было ликвидировано в результате предпринятого им распределения земель, имевшего целью установить уравнительное землепользование. Но, не решив основного вопроса, реформа Киселева в период ее реализации предвосхитила «великую» крестьянскую реформу 1861 г. по своим методам решения земельного вопроса.

Земельная политика 40—50-х годов потерпела неудачу потому, что Киселеву не удалось создать нужного фонда для наделения безземельных и малоземельных крестьян. Хотя законами этого времени было приостановлено расхищение казенных земель господствующим классом в виде прямых захватов и «всемилостивейших пожалований», но значительная доля казенных земель продолжала оставаться в руках православных и католических монастырей и духовенства, а также посторонних лиц, издавна проживающих на казенных участках. В результате такой политики правительства искусственно сокращался казенный земельный фонд, тем более, что в фискальных интересах оно не шло на полную ликвидацию оброчных статей и оброчных ферм, сдаваемых за дополнительную плату в арендное содержание нуждающимся в земле крестьянам.

Многие управляющие палат предлагали в своих обзорах состояния сельского хозяйства государственных крестьян разделить оброчные статьи между остро нуждающимися в земле крестьянами (управляющие псковской, тульской, подольской, таврической губернскими палатами государственных имуществ). Несмотря на то, что в результате реформы было выделено для дополнительного наделения малоземельных крестьян 2,5 млн. десятин земли, малоземелье не было ликвидировано, потому что рост сословия государственных крестьян обгонял рост земельного фонда, выделенного для надела нуждающимся. Если за период с 1843 по 1856 г. численный рост сословия составил 9,4%, то рост земельной площади, ассигнуемой под

крестьянские наделы, дал всего 5,5% [1]. В дальнейшем правительство стало прибегать к массовым переселениям крестьянских семей из малоземельных в изобилующие свободными землями губернии. Политика массовых переселений зачастую приводила к обратным результатам — к полному разорению хозяйств, болезням самих крестьян и вымиранию.

Так феодальное государство оказалось бессильным перед необходимостью наделения производителей землей, чем подрывался сам феодальный способ производства.

Публикуемый документ составлен на основе донесений 41 управляющего палатой государственных имуществ, из которых 28 открыто заявили о неудовлетворительном состоянии сельского хозяйства крестьян.

История возникновения этого документа такова. Сам Киселев хорошо понимал всю неудачу предпринятых им шагов к улучшению сельского хозяйства государственных крестьян. В 1846 г., пытаясь оправдать свою деятельность и найти объективные причины неудач, он составил «Записку о причинах, препятствующих распространению улучшенного сельского хозяйства, и о мерах к отвращению сего неудобства» [2], в которой проводил ту мысль, что сельское хозяйство государственной деревни не может развиваться из-за отсутствия железных дорог и связи между рынками губерний, производящих сельскохозяйственную продукцию, и губерний, потребляющих ее. Происходящее от этого колебание хлебных цен и являлось, по его мнению, главным препятствием к развитию сельского хозяйства. Таким образом, подлинные причины упадка сельского хозяйства Киселев не затронул.

12 марта 1851 г. он составил вторую записку — «О мерах к улучшению сельского хозяйства вообще и хозяйственного устройства государственных крестьян в особенности» [3]. В ней проводилась мысль, что хотя главной целью создания Министерства государственных имуществ было улучшение сельского хозяйства, однако сразу к этому приступить не было возможности «по нравственному состоянию людей сельскохозяйственного класса». Для преодоления этого недостатка реформатор должен был затратить 13 лет (а в западных губерниях 10) для административного устройства деревни, а сейчас, после того как оно было завершено, настало время подумать о главной цели учреждения Министерства государственных имуществ — об улучшении сельского хозяйства.

По мнению Киселева, улучшение сельского хозяйства должно было идти двумя путями: 1) через улучшение сельского хозяйства вообще всех крестьян и 2) через улучшение сельского хозяйства государственных крестьян. Такая широкая постановка вопроса являлась заслугой П. Д. Киселева, так как он понимал, что любые прогрессивные меры в области улучшения быта производителей государственной деревни, а также улучшения их хозяйства неизбежно должны привести к необходимости подобных же мер и в помещичьей деревне, т. е. ко всеобщей крестьянской реформе. Улучшение же сельского хозяйства у государственных крестьян должно было идти по линии устройства дорог, пристаней, рынков, осушения болот, внедрения новых технических культур, более широкого распространения садоводства и огородничества, образования показательных ферм, устройства выставок с присуждением премий, распространения передового опыта через экономические общества и сельскохозяйственные журналы.

П. Д. Киселев считал, что с 1851 г. настала пора переходить ко второму и главному этапу реформы — к решительным мерам по улучшению сельского хозяйства государственной деревни. Поскольку вся реформа проводилась канцелярско-бюрократическим методом, Киселев и теперь, для решения второй задачи, предлагал начать с создания нового аппарата в лице пяти инспекций, на которые разбивалось управление государственных имуществ империи.

План расширения штатов встретил резкую критику Ученого комитета Министер-

---

[1] Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. II, М., 1958, стр. 186.
[2] См. ЦГИАЛ, ф. Киселева (№ 958), оп. 1, д. 716, лл. 1—15 об.
[3] См. ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 15, 1851 г., д. 4814, ч. 1, лл. 1—17.

ства, а также Совета министра, так как требовал дополнительных расходов (80 225 руб.) [1]. В этом же направлении шла критика с мест задуманной Киселевым новой администрации, которая должна была бы стать над губернскими палатами государственных имуществ. По предписанию Киселева от 10 июля того же года все управляющие палатами обязаны были составить свои «соображения о настоящем состоянии крестьянского хозяйства и средствах лучшего направления, указав, с одной стороны, на недостатки, более или менее уже известные, а с другой, на способы и мероприятия, возможные к исполнению» [2]. В подтверждение этого требования министра 3 сентября последовало циркулярное предписание всем палатам от Департамента сельского хозяйства «О мерах к улучшению сельского хозяйства» [3], где подробно излагалась вышеприведенная программа Киселева по этому вопросу, а все губернии и уезды для удобства разбивались на четыре категории: 1) промысловые, 2) промыслово-земледельческие, 3) земледельческие многоземельные, 4) земледельческие малоземельные. Для каждой категории определялся круг необходимых мероприятий по улучшению крестьянского хозяйства.

На циркулярное предписание от 3 сентября управляющие палатами откликнулись обзорами о положении сельского хозяйства во вверенных им губерниях с предложением мер его улучшения. На основании этих обзоров с мест и был составлен публикуемый погубернский обзор состояния сельского хозяйства.

Значение этого документа состоит в том, что он свидетельствует о неудовлетворительном состоянии всех отраслей сельского хозяйства государственной деревни, раскрывает причины такого положения для каждой губернии конкретно, дает характеристику степени развития промыслов и торговли и является уничтожающим итогом предпринятой Киселевым реформы.

Составленные Киселевым записки и циркуляры, упоминаемые в документе, показывают большую тревогу правительства за низкий уровень развития крестьянского хозяйства, несмотря на предпринятую реформу в 40—50-е годы XIX в., т. е. накануне крестьянской реформы 1861 г.

Документ извлечен из фонда Департамента земледелия (ф. 398), хранящегося в Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде (ЦГИАЛ).

Учитывая обширность документа и степень изученности материалов о государственных крестьянах отдельных районов, публикуются лишь разделы документа, отражающие состояние государственной деревни национальных окраин России. В тексте документа опускаемые места оговариваются.

Т. А. Конюхова

Из записки Департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ (МГИ) в Ученый комитет министерства «О мерах к улучшению крестьянского хозяйства»

8 октября 1855 г.

Господин министр государственных имуществ в предложении Департаменту сельского хозяйства от 12 марта 1851 г. за № 217 «О мерах к улучшению сельской промышленности вообще и хозяйственного устройства государственных крестьян в особенности», указав на необходимость приступить к улучшению хозяйства в более обширных размерах, чем действовало министерство до сих пор, и на главные основания, которыми департамент должен руководствоваться в своих действиях, поручил ему определить в подробности, что нужно предпринять для достижения означенных целей с пособиями, которые сообразно денежным средствам министерства могут быть отпускаемы на сей предмет.

---

[1] См. ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 15, 1851 г., д. 4814, ч. 1, лл. 27 об.
[2] Там же, л. 87 об.
[3] Там же, лл. 84—87 об.

Дело это по приказанию г-на министра было вносимо на рассмотрение Ученого комитета МГИ, который, приняв во внимание, что для содействия палатам государственных имуществ в улучшении хозяйства государственных крестьян его сиятельство считает полезным образовать особые инспекции сельского хозяйства, признал необходимым[1] прежде всего обсудить, где и в каком составе должны быть учреждены инспекции, и сообразно климатическим и хозяйственным отношениям губерний, их пространству и числу государственных крестьян в каждой полагал, что для предположенных г-ном министром пяти инспекций губернии могут быть распределены следующим образом: для Северной инспекции губернии: С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская и Нижегородская; для Западной: Псковская, Витебская, Смоленская, Виленская, Гродненская, Могилевская, Минская, Ковенская, Волынская; для Центральной: Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Курская; для Юго-восточной: Казанская, Оренбургская, Пензенская, Симбирская, Самарская, Саратовская и Астраханская; и для Южной: Полтавская, Харьковская, Черниговская, Киевская, Подольская, Екатеринославская, Херсонская, Таврическая и Бессарабская область, и что, сверх того, нужно образовать особую инспекцию для губерний: Олонецкой, Вологодской, Архангельской, Вятской и Пермской.

Составив для сих инспекций нормальный штат и определив порядок постепенного их учреждения, Ученый комитет выразил мнение, что при учреждении инспекций необходимо должно последовать столкновение их с палатами государственных имуществ, которое не обещает полезных последствий, ибо управляющие палатами дело инспекций будут всегда считать для себя посторонним, как не влекущим для них непосредственной ближайшей ответственности, инспектор же, не распоряжаясь материальными средствами и не имея прямого влияния на крестьян, по необходимости должен будет всю свою деятельность обратить на письменные сношения с местным управлением, и что полезнее было бы вследствие сего взамен инспекций определить в каждую губернию по одному или по два агронома, подчинив их как в составлении предположений, так и в приведении их в исполнение непосредственному распоряжению управляющих палатами, всех же других предположенных для инспекций техников, как то: инженеров, механиков, технологов и ветеринаров, оставить в ведении Департамента сельского хозяйства, который будет назначать их, смотря по надобности, в ту или другую губернию; а так как все суждения о мерах к улучшению хозяйства должны сосредоточиваться в Ученом комитете, то увеличить состав его несколькими членами, которые, заменив инспекторов, могли бы быть ежегодно командируемы в губернии для содействия управляющим в составлении предположений и приведении их в исполнение.

Таковое заключение Ученого комитета было рассмотрено в Совете министра государственных имуществ, который нашел, что по недостатку сведений о свойствах и потребностях разных местностей нельзя в настоящее время определить круга действий ни для инспекций, ни для агрономов, что потому учреждение их, тех и других, было бы мерою преждевременною и что пока следует ограничиться мерами приготовительными, именно — собранием данных для начертания полного плана будущих действий по улучшению сельского хозяйства, командировав для сего в каждый из округов предположенных инспекций по одному старшему и по два младших чиновника, имеющих необходимые для исполнения поручений познания. В сих видах Совет полагал поручить Департаменту сельского хозяйства представить г-ну министру предположение о числе чиновников, которых необходимо командировать в губернии, равно о сумме, какая потребуется на их содержание и разъезды в качестве чиновников особых поручений при департаменте, и приступить к составлению для сих чиновников подробного наставления.

Г-н министр государственных имуществ по рассмотрении мнения Совета нашел, что по недостатку данных, действительно, оказывается затруднительным решить,

[1] Журнал Ученого комитета от 20 апреля 1851 г. за № 375.— *Примечание документа.*

какой системе дать преимущество, и потому, в видах соблюдения строгой экономии в сем деле, предложил Департаменту сельского хозяйства: во-первых, пригласить всех управляющих палатами государственных имуществ представить их соображения о настоящем состоянии крестьянского хозяйства и о средствах лучшего направления оного, указав, с одной стороны, на недостатки, более или менее уже известные, а с другой — на способы и мероприятия, возможные к исполнению; во-вторых, в губерниях, в коих произведена и производится люстрация [1)] или переложение податей с душ на землю [2)], воспользоваться собранными уже там данными, а также сведениями специальных людей и сельскохозяйственных обществ и, в-третьих, дело это пристальнее начать в южных и западных губерниях, а в прочих ожидать представлений управляющих палатами о назначении техников.

В исполнение первого пункта предложения г-на министра дано было управляющим палатами государственных имуществ прилагаемое при сем в копии циркулярное предписание от 3 сентября 1851 г. Что же касается до двух остальных пунктов, то исполнение по оным найдено нужным, согласно заключению Ученого комитета, изъясненному в журнале от 16 ноября 1851 г. за № 917, отложить до получения от управляющих палатами требуемых донесений.

Вследствие означенного циркулярного предписания Департамента от 3 сентября 1851 г. донесения получены от всех управляющих палатами государственных имуществ, исключая харьковского и гродненского. По докладе о сем г-ну министру его сиятельство приказал, не ожидая донесений сих последних управляющих, приступить к рассмогрению доставленных другими сведений соображений.

Полученные от управляющих палатами донесения заключаются в следующем... [1]

В. Губерний ведомства предположенной Западной инспекции

Соображения управляющих палатами государственных имуществ.

Псковского. Управляющий Псковскою палатою государственных имуществ доносит, что неудовлетворительное состояние крестьянского хозяйства происходит от неправильного владения землею, дурного качества почвы, требующей сильного удобрения и лучшей обработки, недостатка сенокосных лугов и скота, плохого качества семян и неправильных посевов, в особенности льна, недостатка лесов, лишающего крестьян необходимых материалов для отопления и сушки хлеба, неимения судоходных рек и вообще хороших путей сообщения. Для устранения этих недостатков управляющий палатою полагает: во-первых, вслед за введением поземельной подати заняться округлением дач каждого селения, обратив, в случае надобности, в надел земельные оброчные статьи; во-вторых, при снабжении крестьян на счет хозяйственного капитала лучшим семенным хлебом указывать улучшенную обработку полей с севооборотами, а также стараться усиливать посевы картофеля, свекловицы и других корнеплодных растений; в-третьих, для доставления крестьянам средств содержать более скота, осушить болота и осушенные участки превращать в пастбища и сенокосы; в-четвертых, для улучшения пород рогатого скота и лошадей завести на счет хозяйственного капитала общественных племенных быков и жеребцов; в-пятых, по недостатку лесов вводить глинобитные строения, для приобретения же горючего материала придать большие размеры добыванию торфа; в-шестых, споспешествовать усовершенствованию обделки льна, усилить ломку алебастра и поддерживать развитие рыбного промысла; в-седьмых, для показания примера улучшенного хозяйства устраивать образцовые усадьбы, хотя по одной в каждой волости, с поселением в оных воспитанников Горыгорецкого училища; в-восьмых, устроить

---

[1] Опущен раздел «А. По губерниям, которые предположено Ученым комитетом отнести к ведомству Северной инспекции сельского хозяйства» (С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Московская, Владимирская, Ярославская, Костромская, Нижегородская губернии).

образцовые фабрики для обделки льна и также улучшить способы выделки кож и щетины; в-девятых, учредить в некоторых местах ярмарки и привести в удобное состояние проселочные пути сообщения; в-десятых, для большего успеха всех вышеизложенных мер командировать в распоряжение управляющего палатою двух агрономов и учредить при палате технический стол и, в-одиннадцатых, назначить в Псковскую губернию опытного садовника, знающего и огородничество, для наблюдения за садами и огородами, учреждаемыми при сельских училищах, и для преподания крестьянам указаний.

Независимо от сего, управляющий Псковскою палатою представил в I департамент государственных имуществ предположение об уменьшении в Псковской губернии числа сельских обществ, волостей и окружных управлений, с назначением взамен сего в палату двух агрономов, одного старшего и другого младшего, причем издержки по управлению сократились бы на 15 000 руб. в год. Какое дано движение этому предположению, I департамент сведения в Департамент сельского хозяйства еще не доставил.

Витебского. О настоящем состоянии крестьянского хозяйства и мерах к его улучшению были произведены исследования особой комиссией под председательством действительного статского советника Войно-Куринского. Предположения сей комиссии одобрены Министерством и приводятся в исполнение. В губернию назначены уже по числу округов четыре агронома. В настоящее время только необходимо дать агрономам инструкцию для их действий [1].

Смоленского. Определяя в нескольких словах дурное положение хозяйства крестьян и бедность их, управляющий палатою говорит, что при вызове их на переселение в Сибирь и при представлении им всех трудностей пути, они отвечали: «что бы ни было с нами, пойдем, потому что и здесь больше ничего не остается, как умирать». Причины такого состояния управляющий палатою находит, кроме бедности почвы и неразвития промышленной деятельности, в малой заботливости крестьян об улучшениях хозяйства и быта своего, полагая, однако же, что как крестьяне способны к развитию, то указания со стороны правительства и некоторые денежные пожертвования могут привести к значительным усовершенствованиям быта их. По скудости земли нужно дать средства к удобрению, развить луговодство осушкою болот, указать на полезные промыслы, отдавая крестьян в обучение разным мастерствам и сделав им доступными пути сбыта изделий и т. п. Для приведения сих мер в исполнение следует назначить в непосредственное распоряжение палаты государственных имуществ специально знающих и опытных в сельском хозяйстве лиц.

Виленского. Все сельские общества Виленской губернии имеют ограниченное количество и притом чересполосных земель, отчего крестьянское хозяйство испытывает большие неудобства. Почва земли — вообще песчаная и мало плодородная. Однако же крестьяне занимаются преимущественно хлебопашеством. Огородничество удовлетворяет только домашним потребностям. Садоводство вовсе не развито. Порода туземного скота малорослая, неусовершенствованная. Пчеловодство в прежние времена процветало и составляло значительную отрасль крестьянского хозяйства, но впоследствии, при временном владении имениями, упало и ныне доставляет мало пользы крестьянам, в особенности по дурному их уходу за пчелами.

Из промыслов более развит наем в разные работы, большею частию тяжелые: на суда, железные и шоссейные дороги, запашки и т. д. Занимаются, кроме того, крестьяне обделкою льна и пеньки, сушкою грибов, ломкою железной руды, работами на минеральных водах в Стоклишском обществе, гончарным, кожевенным и бондарным ремеслами. Торговля оптовая и мелочная находится исключительно в руках евреев, и соперничество с ними в этом случае почти невозможно.

Для улучшения сельского хозяйства и быта государственных крестьян, по мнению управляющего палатою, необходимо:

---

[1] Проект инструкции находится на рассмотрении Ученого комитета МГИ.— *Примечание документа.*

1. Уничтожить чересполосность земель.

2. Окончить перевод на оброчное положение крестьян.

3. Превратить, где возможно, неудобные земли в удобные.

4. Распространить между крестьянами грамотность и образование.

5. Уменьшить в селениях количество казенных питейных домов и корчем.

6. В г. Вильно как в центральном пункте учредить западную учебную ферму для преподавания крестьянам практических наставлений в хозяйстве.

7. В каждом сельском обществе учредить образцовую усадьбу.

8. Назначать ежегодно в г. Вильно выставки сельских произведений.

9. Выпущенным из Горыгорецкого земледельческого училища крестьянам дать нужные пособия для поселения образцовыми хозяйствами.

10. Устроить при ферме депо лучших хлебных семян.

11. Ввести искусственное травосеяние.

12. Завести при сельских училищах и управлениях плодовые питомники, обратив в них первоначально сады, оставшиеся после упраздненных фольварковых запашек.

13. Несостоятельным, но благонадежным крестьянам делать ссуду рабочим скотом.

14. Завести на ферме случных быков.

15. Поощрять крестьян к случке лошадей в земской конюшне.

16. Распространить улучшенное бортовое пчеловодство и завести пасечное.

17. Для доставления крестьянам способов к заработкам поддержать бывшие фольварковые запашки до тех пор, пока они не будут обращены под водворение крестьян.

18. Устроить при ферме особые отделения для обделки прядильных растений и сушки грибов.

19. Для пособия крестьянам в промысловых занятиях учредить вспомогательные и сберегательные кассы.

20. Принять меры, чтобы разработка руды в Бахшлакском обществе была более выгодною для крестьян.

21. Улучшить состояние Стоклишских минеральных вод.

22. Устранить монополию евреев в продаже сельских произведений.

23. Принять меры к обучению кретьянских мальчиков ремеслам.

24. Для улучшения домостроительства иметь общественных плотников и кирпичных мастеров, а также кирпичный и известковый заводы.

25. Озаботиться об учреждении в г. Вильно общества сельского хозяйства для губерний Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской.

Обращаясь к предположению об учреждении инспекции или определений агрономов, управляющий объясняет, что он не может отдать преимущества ни той, ни другой мерам, ибо при учреждении инспекций будет столкновение их с палатами, а при определении агрономов и подчинении их управляющим сии последние, по множеству других занятий, не будут иметь возможности руководить агрономами. По сим причинам управляющий палатою полагает попечительство о сельском хозяйстве оставить на палате, сосредоточив все действия по сей части в люстрационном отделении, которое имеет достаточное число технических чиновников, знакомых с местностью, литовским языком, бытом крестьян, и вообще всеми условиями, необходимыми для соображений при исполнении разных по сельскому хозяйству мер.

М о г и л е в с к о г о. По худому качеству земли, недостатку оной, привычке крестьян к трехпольной системе земледелие находится в неудовлетворительном состоянии. Сенокосов нет. Земли для огородов достаточно, но по недостатку удобрения крестьяне не засевают их. Промышленность не развита, ибо они недавно еще освободились от арендной системы. Впрочем, в некоторых селениях промышляют извозом и работами по шоссейным дорогам. Ремеслами не занимаются и самые необходимые вещи покупают.

Для улучшения хозяйства и быта крестьян необходимо:

1. Из селений малоземельных перечислить несколько хозяев в многоземельные, отдав им в надел все запасные и вакантные земли [3]).

2. Незначительные селения, состоящие из 10 или менее домов, перевести также в селения, изобилующие угодьями.

3. В имениях, где мало лугов и пастбищ, указать места, годные для расчистки под сенокошение и травосеяние, а также преподать средства к осушке болот.

4. Для уничтожения трехпольной системы устроить в каждом сельском обществе образцовые хозяйства, поселив в них крестьян, окончивших курс на учебной ферме и остающихся до сего времени у родителей без дела.

5. Для улучшения пород скота приобрести для сельских обществ по одному случному быку, и на казенной конюшне в Могилеве иметь несколько небольших, но сильных жеребцов.

6. Учредить мирские кассы там, где их еще не заведено.

7. Для распространения ремесленности между крестьянами учредить в многоземельных селениях ремесленные школы.

8. Определить в палату государственных имуществ одного инженера, который бы исключительно занимался осушкою болот, двух технологов для обучения крестьян в ремесленных школах и одного или двух агрономов.

9. Предоставить в распоряжение управляющего палатою хотя небольшую сумму для раздачи подарков и наград крестьянам, отличающимся в улучшении своего хозяйства.

Ковенского. Ковенская губерния принадлежит к числу земледельческих малоземельных. Хорошее качество земли и постоянные урожаи обратили крестьян к хлебопашеству, в котором они ищут обеспечения своих потребностей, не обращая внимания на другие отрасли хозяйства, на промышленность и торговлю, которые при счастливом географическом положении губернии могли бы находиться в цветущем состоянии. Обработка земли производится тщательно, но нельзя сказать, чтобы положение крестьян было вообще зажиточное и чтобы в самом хлебопашестве они опередили крестьян других губерний. Причины тому в каждом почти уезде различны. К главным из них должно отнести закоснелость крестьян в старых обычаях, недостаток предприимчивости, разделение семейств на хозяев и на кутников [1], неудобство в некоторых округах путей сообщения, заставляющее крестьян сбывать произведения земли евреям-барышникам по установляемым ими ценам, частью тягостная натуральная повинность, которую крестьяне несут по случаю большого прохода войск, и некоторые другие. Кроме хлебопашества, крестьяне занимаются в некоторых уездах возделыванием льна, который хорошо ценится как в портовых городах, так и на заграничных рынках, но об усовершенствовании этой части они мало заботятся. Луговодство совершенно оставлено крестьянами без внимания, хотя есть много болот, которые бы по осушении могли принести большую пользу. Садоводство некогда было в больших размерах, но с принятием имений в казну упало, потому что арендаторы не заботились о поддержании садов. Огородничеству весьма благоприятствует климат, но крестьяне занимаются разведением только самых обыкновенных овощей для домашнего быта. Пчеловодство в прежнее время, когда леса не были истощены, процветало. Мед здешний, так называемый липец, высоко ценится, и пчеловодство составляло значительный промысел жителей бывшей Самогитии [4]). Теперь же с вырубкою лесов и этот предмет сельского хозяйства мало-помалу приходит в упадок.

[1] До времени принятия частных имений Ковенской губернии в казну бывшие владельцы до того ослабили состав семейств, что теперь редкий хозяин может удержать хозяйство без работника и прибегают к содействию так называемых кутников, которые, потеряв свое хозяйство, проживают работами у других, помогая им в полевых занятиях и получая за это часть земли и строений, а нередко сверх того и деньги. При таком порядке вещей, естественно, хозяин ослабевает, а кутник, не будучи в состоянии держать достаточное количество скота, не может удобрить землю и исполнить все требуемые от него повинности.— *Примечание документа.*

Меры, предлагаемые управляющим палатою для улучшения хозяйства и быта крестьян:

1. Первым шагом к улучшению должно быть устройство в уездах Поневежском, Вилькомирском, Россиенском и Ковенском дорог, как больших почтовых, так и проселочных, а также улучшение путей сообщения по рекам, прилегающим к частным владениям, для чего нужно обязать помещиков снести устроенные ими по рекам мельницы, препятствующие сплаву, или очистить фарватер так, чтобы судоходство могло быть свободно.

2. Исследовать положительно, в какой степени выгодна льняная промышленность в Ковенской губернии, и указать крестьянам, какое количество земли они могут употреблять под посев льна.

3. Устроить в уездах Ново-Александровском и Россиенском ткацкие фабрики на счет казны или пригласить к тому фабрикантов. Это имело бы двоякую выгоду: открыло бы заработки крестьянам и распространило бы между ними ткацкое искусство.

5. Распространить повсеместно, в особенности в Вилькомирском и Поневежском уездах, луговодство осушением болот, расчисткою зарослей и введением искусственного орошения.

6. Для улучшения пород скота завести при сельском правлении на счет хозяйственного капитала [5] по нескольку племенных быков и по паре жеребцов вятской породы.

7. Переменить трехпольную систему хозяйства на четырехпольную, сделав это посредством примера, для чего крестьянским мальчикам, выпускаемым из Горыгорецкой учебной фермы, отдавать особые усадьбы, обязав их вести хозяйство по правилам науки.

8. При сельских училищах завести образцовые сады и огороды, пожертвовав на это из хозяйственного капитала по 50 руб. на училище, и назначить сельским наставникам, а равно крестьянам за отличия в садоводстве премии.

9. Учреждать, хотя один раз в год, в губернском городе выставки всех сельских произведений.

10. Ввести в католических семинариях, по примеру православных, обучение воспитанников сельскому хозяйству.

11. Все оброчные земли отдавать в арендное содержание на продолжительные сроки, например на 24 года, с обязательством вести рациональное хозяйство, возложив наблюдение за сим на специально знающих сельское хозяйство лиц.

12. Развести плантации табаку, который по климатическим условиям с выгодою может быть возделываем в Ковенской губернии и посевом которого в некоторых уездах уже занимаются крестьяне.

13. Для улучшения пчеловодства назначить в губернию нескольких хороших пчеловодов.

14. Чтобы предоставить крестьянам больше средств для введения разных улучшений, завести при каждом обществе мирские капиталы из следующих источников: а) общественные запашки раздать в надел крестьянам, или, отдавая вроде оброчных статей одному за известную плату, обращая деньги в мирской капитал; б) небольшие фольварковые запашки и мельницы также предоставить в распоряжение общества за ту же самую плату, какая получается и ныне.

15. Для более успешного исполнения всех предначертаний назначить в распоряжение управляющего палатою трех агрономов, из коих один исключительно будет занят Ново-Александровским уездом, как требующим более внимания, и сверх того определить при управляющем особого письмоводителя, так как письменная часть с определением агрономов должна у него значительно увеличиться.

Минского. Минская губерния принадлежит к разряду земледельческих, но качество почвы худое и крестьяне наделены землею в недостаточном количестве. До 1844 г. хозяйство государственных крестьян по причине отяготительных работ на экономии [6] находилась в самом бедном положении, с 1844 же г., т. е. со времени перехода на оброчное положение, оно начинает постепенно улучшаться, однако же

улучшения эти не достигли еще и той степени, чтобы сделать крестьян исправными плательщиками лежащих на них повинностей и отвратить пагубные последствия неурожаев и падежей скота, разоряющих на долгое время целые деревни. Промышленность между крестьянами совершенно не развита, сельские ремесленники — плотники, каменщики, шляпники и др.— приходят в Минскую губернию из губерний великороссийских.

Для улучшения земледелия необходимо ввести усовершенствованную обработку земли, своевременное обсеменение полей и притом семенами лучших пород. В деле этом можно действовать указаниями и примерами. Для указаний необходимо назначить в распоряжение палаты государственных имуществ трех агрономов, для примера же устроить образцовые усадьбы при каждом сельском управлении, поручив заведывание ими выпускаемым из Горыгорецкого земледельческого училища и учебных ферм воспитанникам. Составление плана хозяйства на сих усадьбах должно быть возлагаемо на агрономов, к обязанностям которых, кроме того, должно быть отнесено изыскание об улучшении неудобных земель, о назначении запасных земель, о выгодности устройства в той или другой местности заводов и т. п. Кроме агрономов, полезно бы было для осушки болот, устройства мельниц и проведения удобнейших дорог командировать в распоряжение палаты опытного инженера.

Для развития в крестьянах наклонности к ремеслам пригласить опытнейших ремесленников из великороссийских губерний и составить из них артель для производства работ, в каждую подбирать и молодых местных крестьян, для руководства же в производстве ремесленных работ и наблюдения за сим делом необходимо назначить в распоряжение палаты технолога. Как за сим в ведении палаты будут состоять несколько специальных лиц, то для технической поверки составляемых ими предложений и наблюдения за исполнением оных полезно будет назначить особых инспекторов.

Волынского. Сельское хозяйство в Волынской губернии до введения оброчной системы находилось на весьма низкой степени развития. Причинами сему были: небрежная обработка земли, неудовлетворительное распределение угодий и уплаты податей, вредное влияние евреев, недостаток рабочего скота, а также леса на необходимые постройки, но более всего обычай при женитьбе каждого члена семейства отделять ему часть имущества. Действием управления государственных имуществ разделы хозяйств прекращены, раскладка податей уравнена, учреждены мирские запашки для усиления мирских капиталов, которые должны служить важным вспомогательным средством в улучшении крестьянского хозяйства, положено начало развитию скотоводства, заведены небольшие образцовые сады и огороды для снабжения желающих семенами и отводками. Меры сии привели к тому, что благосостояние государственных крестьян постоянно более и более усиливается.

Для дальнейшего усовершенствования крестьянского хозяйства полезно было бы:

1. Рассмотреть мероприятия к увеличению мирских капиталов.

2. Распространить способ постройки крестьянских зданий из глины.

3. Застрахованием обеспечить состояние крестьянского скота.

4. Для более справедливой оценки и уравнительного распределения крестьянских земель предоставить дело это совокупным соображениям люстратора, окружного начальника и поверенных, избранных крестьянами.

5. Близкими примерами указать крестьянам все доступные им улучшения земледелия, для чего устроить в каждом сельском обществе из свободных земель мирские образцовые запашки, с присоединением к ним и общественных запашек, назначенных для пополнения хлебных магазинов. На таких запашках можно будет указать крестьянам лучшую обработку земли, употребление усовершенствованных орудий, полевые севообороты, травосеяние, содержать хороших жеребцов, быков, овец, свиней и т. п.

6. Увеличением сенокосов и пастбищ дать крестьянам средства содержать более скота, для чего вменить в обязанность люстраторам в лесных имениях обратить

в сенокосы те участки леса и кустарников, которые обещают более выгод от лугов, в имениях же, где к этой мере приступать нельзя, назначать такие участки, которые по положению своему дозволили бы ввести севообороты с травосеянием.

7. Для лучшего устройства образцовых запашек определить в палату государственных имуществ одного агронома.

8. Предоставить управляющему палатой по соглашению с агрономом в тех селениях, где крестьяне могли убедиться на образцовых запашках в выгодах многопольного хозяйства, предлагать им подвергать поля свои, разделенные на три смены, новому распределению...[1].

Е. Губернии ведомства Инспекции южной

Полтавского. Черноземная плодородная почва Полтавской губернии и благоприятный климат много способствуют хлебопашеству, которое составляет главнейшее занятие государственных крестьян. Большему успеху его препятствует чресполосность крестьянских дач. Кроме хлебов, крестьяне сеют лен, в небольшом количестве конопли и в особенности табак, обработка которого обеспечивает уплату податей, годовое содержание семейств и доставляет сверх того крестьянам некоторое довольство. Садоводству благоприятствуют и климат и почва и потому оно находится в достаточном развитии между крестьянами: каждый домохозяин имеет у себя хотя небольшой садик, огородничество развито повсеместно, хотя большею частью овощи разводятся для домашнего употребления. Скотоводство весьма ограничено между крестьянами, как по причине чресполосности, так и по недостатку пастбищных и сенокосных мест. Пчеловодство, почитающееся прибыльною статьею хозяйства, достаточно распространено между крестьянами. Кроме разных отраслей сельского хозяйства, крестьяне занимаются промыслами, как то: выделкою полотен невысоких сортов, вязанием сетей, дублением овчин, сушением и солением фруктов, собиранием и продажею дикорастущих аптекарских трав, гончарным делом, сапожничеством. рыболовством и в особенности чумачеством, т. е. поездкою на Дон и в Крым за рыбою и солью и продажею затем этих произведений в городах и селениях, а также наймом в работы в землю Войска Донского, в Черноморию и в Новороссийский край.

Мер к развитию сельского хозяйства и улучшению крестьянского быта управляющий палатою никаких не предлагает.

Черниговского. Черниговскую губернию управляющий палатою относит к разряду земледельческих малоземельных, с почвою посредственной доброты.

Владение крестьян землями почти повсеместно чресполосное. Хозяйство их заключается в хлебопашестве, скотоводстве, огородничестве, в некоторых округах в пчеловодстве, садоводстве, извозничестве, промышленности, ремеслах и в личном найме в заработки. По хлебопашеству, хотя между поселянами не было вводимо усовершенствований, но однако же его можно считать удовлетворительным, по крайней мере, урожаи всегда почти соответствуют качеству почвы. Лучшему состоянию хлебопашества вообще препятствуют недостаток земли, чресполосность владений, неимение способов удобрения и низкие цены на произведения. Скотоводство процветает только у колонистов в Борзенском уезде, прочие же поселяне содержат мелкой породы скот, собственно для полевых работ. Развитию и улучшению скотоводства препятствует недостаток корма, частые повальные болезни и неимение случных быков и жеребцов. Огородничеством занимаются все поселяне как для обеспечения собственного продовольствия, так и для продажи овощей, обращая особенное внимание на посевы свекловицы и табаку. Успеху в этой отрасли много препятствует ограни-

[1] Опущены разделы «С. Губернии ведомства Центральной инспекции» (Калужская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская, Курская) и «D. Губернии ведомства Инспекции юго-восточной» (Казанская, Оренбургская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Астраханская).

ченное число свеклосахарных заводов и недостаток сведений в уходе за табаком. Пчеловодство, благодаря школе Прокоповича, начинает получать более правильное развитие. Садоводство находится в младенческом состоянии по недостатку свободных для разведения садов земель и отдаленности казенных образцовых заведений. Главный род промышленности, не составляющий, впрочем, основы благосостояния поселян, есть у казаков — продажа в своих домах хлебного вина на основании дарованного им права, а у прочих крестьян — извозничество, соединенное с некоторыми торговыми оборотами, но и тут дурное состояние скотоводства составляет большое затруднение для успешного хода промысла.

Ремесленная промышленность, хотя и существует, но незначительна. Личный наем в заработки, проистекающий от недостатка земли, мог бы доставлять некоторые выгоды, но служит источником разных споров между нанимающими и нанимаемыми.

Для развития хозяйства и улучшения быта крестьян управляющий палатою предлагает следующие меры:

1. Переселить часть крестьян в многоземельные соседственные губернии, дав им некоторое пособие и предоставив льготы.

2. Размежевать крестьянские земли и уничтожить чересполосность.

3. В видах преграждения перехода казачьих потомственных земель во владение лиц других сословий[1] распространить на эти земли действие закона о населенных имениях, достающихся по наследству лицам, не имеющим прав потомственного дворянства, т. е. земли эти оставлять во владении казачьих обществ с вознаграждением наследников деньгами, если же общество не изъявляет на это согласия, то брать на том же условии в казну.

4. Открыть в губернии две или три образцовые фермы на казенных оброчных статьях под главным наблюдением агронома, который будет состоять в зависимости от палаты и ближайшей инспекции сельского хозяйства, водворив при фермах крестьянских детей, получивших образование на Харьковской учебной ферме.

5. В видах доставления крестьянам способов сбывать свои произведения по ценам, сколь возможно выгоднейшим, определить при фермах доверенных комиссионеров для принятия на известных условиях от поселян таких продуктов, хороший сбыт которых зависит как от времени года или от других причин.

6. Открыть небольшие ремесленные заведения преимущественно для таких ремесел, которые усвоены поселянами и выгоды которых при улучшенном производстве не были бы подвержены сомнению.

7. Увеличить число мальчиков, отдаваемых в обучение пчеловодству в школу Прокоповича.

8. Открыть, кроме ныне существующих, новые ярмарки и базары.

9. Для доставления беднейшим поселянам средств к приисканию работ внутри губернии учредить в названных селениях сахарные заводы и фабрики сигарные и полотняные.

К и е в с к о г о. Киевскую губернию управляющий палатою относит к числу земледельческих, ибо обработка земли составляет почти исключительное занятие поселян, которые щедро вознаграждаются хорошим качеством почвы за свои труды и обеспечиваются в платеже повинности и содержании семейств.

Кроме хлебопашества, крестьяне отчасти занимаются садоводством, огородничеством, скотоводством, пчеловодством и шелководством, но все эти отрасли сельской промышленности не сделали еще больших успехов, а находятся скорее в первобытном состоянии. Промыслы, торговля и ремесленность мало известны крестьянам.

Для улучшений в крестьянском хозяйстве полезно было бы, по мнению управляющего:

---

[1] Лица сии, хотя по закону обязаны исправлять казачьи повинности, но редко это исполняют без побуждения полиции; сверх того, подобные земли, раздробляясь, иногда совершенно исключаются из счета потомственных казачьих имений.— *Примечание документа.*

1. Поручить улучшения специально образованным в разных отраслях сельского хозяйства лицам, предоставив им полную свободу действовать в пределах данной инструкции и при участии местного управления государственным имуществом.

2. Учредить в округах образцовые фермы, введя на них посевы лучших сортов хлебов и усовершенствованные земледельческие орудия, а также снабдив их на счет мирских капиталов и ссуд из хозяйственного капитала племенным скотом.

3. Для распространения и улучшения садоводства учредить древесные питомники, хотя с небольшими училищами.

4. В распространении шелководства действовать первоначально посредством содержания казенных шелковичных плантаций надворного советника Чижова.

5. В видах развития ремесел между крестьянами завести, по возможности, несколько мастерских в селениях, поручив их опытным и добросовестным лицам.

6. Для облегчения сбыта земледельческих произведений на первый раз учредить в казенных местечках ярмарки и базары, а также пристани по Днепру.

Подольского. Подольская губерния по-преимуществу земледельческая. Крестьяне сеют пшеницу для сбыта в Одессу, рожь для собственного продовольствия, для выделки хлебного вина и для продовольствия войск. Кроме хлебов, разводят в незначительном количестве картофель, свекловицу и другие огородные растения. Хозяйство крестьян, несмотря на благоприятный климат и хорошую почву, находится в весьма неудовлетворительном состоянии. Главные причины сему заключаются в стремлении к разделу семейств, в недостаточном во многих селениях наделе землею, в беспечности и лени крестьян и отвращении их от всех нововведений. Скотоводство по недостатку пастбищ не развито. Промыслами никакими крестьяне не занимаются.

Для улучшения крестьянского хозяйства полезно:

1. В тех многолюдных селениях, которые получили после люстрации поземельный надел, образовать из общественных запашек образцовые, обрабатывая их нарядами крестьян и введя на них посевы лучших сортов хлебов и улучшенные земледельческие орудия. Излишек произведений запашки за пополнением хлебных магазинов будет достаточен, чтобы возвратить все издержки, которые будут затрачены на улучшенное хозяйство.

2. Определить в палату государственных имуществ агронома и дать ему помощников по одному на каждый округ из крестьянских мальчиков, кончивших курс на ферме, поручив сим помощникам управление хозяйством по запашкам.

3. Из селений, которые имеют недостаток в земле, переселить несколько домохозяев в те казенные имения, где по люстрации оказались излишки в земле, поступившие в число оброчных статей [7]).

Екатеринославского. Управляющий Екатеринославскою палатою, описывая состояние крестьянского хозяйства, объясняет, что главнейшим препятствием к желаемому развитию его служит недостаток надлежащих указаний по разным отраслям сельской промышленности и примеров, и что он полагал бы оставить Южную инспекцию сельского хозяйства, предоставив инспектору: а) улучшение существующих в Екатеринославской губ. хозяйственных учреждений и устройство, по мере надобности, новых; б) составление ежегодно обще с управляющим палатою предположений о мерах устройства разных частей хозяйства; с) осмотр казенных селений по всем принадлежащим к хозяйству частям, на правах вице-инспекторов южной части; палату же обязать: а) выполнять все предположения инспектора сельского хозяйства обще с управляющим, составленные и утвержденные Министерством, и в) доставлять инспектору все нужные ему сведения.

Херсонского. Херсонская губерния принадлежит к разряду земледельческих и многоземельных, но труд крестьянина по малоценности хлеба не обеспечен даже при обильных урожаях. Хозяйство крестьян заключается в хлебопашестве, скотоводстве, садоводстве, огородничестве, виноделии, табаководстве, шелководстве, пчеловодстве, разведении льна и подсолнечника, домашней фабрикации ковров, выделке холста и сукон, и разработке каменоломен. Более распространены первые две отрасли, т. е. хлебопашество и скотоводство, но так далеки до совершенства по

причине малого надела землею, частых падежей скота и незнания крестьянами лучших приемов как в обработке земли, так и в уходе за скотом.

В настоящее время, по мнению управляющего, трудно решать, какие меры должны быть приняты к улучшению крестьянского хозяйства. Положительные улучшения не прежде могут быть сделаны, как когда распространено будет орошение, устроены запруды и разведен лес, дабы можно было надеяться, что губительные ветры, нередко в один день уничтожающие все надежды поселянина, не будут так разрушительно действовать.

В частности, для улучшения хозяйства полезно было бы:

1. В каждой волости для общественных запашек завести плуг Бехтольда, чтобы убедить крестьян в его превосходстве.

2. С тою же целью и также в каждой волости завести молотильную машину и веялку.

3. Снабдить государственных крестьян в достаточном количестве семенами лучших сортов колосовых хлебов.

4. Из селений, которых земли тянутся на большое пространство в одну сторону, сделать выселки с пособием из казны.

5. Завести в селениях общественных жеребцов и бугаев.

6. Учредить в каждом селении питомники фруктовых, шелковичных и лесных дерев с отнесением издержек на счет мирских капиталов.

7. Снабдить приднестровских поселян шелкомотальною машиною Янцена, командировав вместе с тем опытного шелкомотальщика из менонистов для указания крестьянам употребления мотков.

8. Определить в палату государственных имуществ агронома и образовать в оной особый стол из столоначальника и двух писцов, поручив наблюдение за оным асессору.

Таврического. Таврическая губ. принадлежит к разряду земледельческих промыслов. Государственные крестьяне занимаются хлебопашеством, скотоводством, овцеводством, садоводством, виноделием, огородничеством, табаководством, лесным промыслом, выволочкою соли, извозничеством, тканием полотен и сукон, выделкою войлоков, дублением овчин и промыслами: кирпичным, черепичным, горшечным и колесничным.

Одна часть населения, именно крымские татары, не имеющие прочной оседлости по отношению их к владельцам, лишены возможности заняться хозяйством и улучшить свое состояние: все мероприятия со стороны управления оказывались неуспешными; напротив того, крестьяне северных округов, поселенные на казенной земле, постепенно совершенствуются в быте, и все начинания приносят здесь пользу.

Меры к улучшению хозяйства управляющий разделяет на два разряда: на меры, которые полезны в Крыму, и на меры, которым должны следовать в северных округах.

Для улучшения крымского хозяйства полезно:

1. Назначить на каждое селение по одному плугу хорошего устройства, приспособленному к почве, указав на метод действия его.

2. Для правильной распашки и сохранения полей обрабатывать их по той системе, которая по климату и качеству почвы будет признана наиболее выгодною.

3. Снабжать поселян семенами лучших сортов хлеба, выдавая им премии за обсеменение десяти десятин таким хлебом, в особенности же поощряя разведение кукурузы.

4. Купить на каждое общество по одному быку и жеребцу лучших пород.

5. Для поощрения крестьян по виноделию и вознаграждения трудов их по сей части возложить на директора императорского Никитского сада как инспектора сельского хозяйства, а также палату государственных имуществ скупать у крестьян вино по ценам, определяемым качеством его, на счет общественного капитала и по выдержании оного в погребах или складочных местах продавать, возвращая с процентами сделанные на покупку расходы.

6. Для развития садоводства отпускать крестьянам безденежно из казенных плантаций деревья, обязывая их посадить известное число.

7. Завести в одном из горных селений на счет общественного капитала пасеку, поручив управление оною кому-либо из обучавшихся в школе пчеловодства.

8. Убедить заведывающего школою Прокоповича принимать в обучение мальчиков из татар [1].

9. Снабжать крестьян лучшими семенами огородных растений, учитывая уход за оными.

10. Снабжать также крестьян семенами лучших сортов табака и пригласить в каждом городе хотя одного торговца выделывать из местного табака сигары, с освобождением его от всякого акциза и повинностей.

В северных округах необходимо:

1. Наделить селения, имеющие земли менее 4 десятин на душу, участками из казенных оброчных статей.

2. Для улучшения овцеводства: а) купить за счет хозяйственного капитала несколько баранов саксонской породы; b) приобрести также овец карачаевской породы, отличающихся длинною и тонкою шерстью, и с) устроить для овец тонкошерстной породы общественные теплые сараи по образцу немецких, выдавая обществам на сей предмет ссуды.

3. Иметь достаточные запасы семян хлебов, льна, табаку, мака, горчицы и подсолнечника для снабжения оными крестьян.

4. Заводить маслобойки, выдавая крестьянам для сего ссуды из хозяйственного капитала.

5. Устраивать в больших селениях выставки земледельческих промышленных произведений.

Кроме этих частных мер, управляющий палатою считает полезным, во-первых, в каждом селении избрать примерных хозяев и поручить им входить в хозяйство каждого поселянина, давать необходимые указания, наставления, ходатайствовать пред начальством о пособиях, поощрениях и, во-вторых, определить в распоряжение управляющего палатою двух агрономов, ибо чинам инспекции недостает времени показать крестьянам всех губерний на деле то, что недоступно.

Бессарабского. Крестьяне Бессарабской области хозяйство свое ведут по прежним способам и преданиям, которые в тамошнем крае не могут пока быть порицаемы, но нет сомнения, что меры, принимаемые начальством, рассылка семян улучшенных сортов и открытие заведений по садоводству много должны содействовать успеху в хозяйстве крестьян [2].

Для подлежащего направления хозяйства управляющий палатою находит полезным командировать в его распоряжение агрономов, которые бы исследовали во всех отношениях быт поселян и составили проекты улучшений, которые возможны в исполнении... [3].

Губернии, которые не причислены ни к одной из предположенных к образованию инспекций

Мнение управляющего Эстляндским окружным управлением. Эстляндская губерния принадлежит к разряду земледельческих малоземельных со скудною почвою.

Для улучшения хозяйства крестьян полезно было бы:

1. Назначить в Эстляндскую губернию агронома и при посредстве его: а) принять меры к усовершенствованию земледелия, b) снабжать крестьян семенами са-

[1] По донесению управляющего Таврическою палатою, заведывающий школою не принимает в обучение мальчиков из татар.— *Примечание документа.*

[2] Управляющий Бессарабской палатой в донесении своем ограничивался только этими краткими указаниями, не развивая свои мысли.— *Примечание документа.*

[3] Опущен раздел «Губернии, которые Ученый комитет признал нужным отнести к району особой инспекции» (Олонецкая, Вологодская, Архангельская, Вятская, Пермская).

довых и огородных растений и назначать премии за отличие в садоводстве и огородничестве, c) начать разведение лучших сортов табака и d) учреждать в селениях, населенных русскими, маслобойки.

2. Для составления проектов по осушке болот командировать в губернию топографа.

3. Земли крестьян, лежащих в чересполосных полях, разделить на равные, отдельные для каждого крестьянина участки.

4. Для улучшения пород рогатого скота и лошадей снабдить крестьян случными быками и жеребцами.

5. Установить в г. Ревеле ежегодную выставку сельскохозяйственных произведений.

6. В некоторых имениях устроить на счет казны мельницы и отдавать их крестьянам в оброк.

7. В имении Лопат, где находится хорошего качества глина, устроить горшечный и кирпичный заводы.

Мнения управляющих палатами.

Курляндского. Управляющий Курляндскою палатою государственных имуществ, причисляя Курляндскую губернию к разряду исключительно земледельческих, предлагает одну только меру к улучшению земледелия, именно: учреждение земледельческого училища.

Лифляндского. Для улучшения хозяйства государственных крестьян Лифляндской губернии, по мнению управляющего палатой, полезно бы было:

1. Пашни, луга и пастбища, находящиеся на низменных местах, осушить, а места возвышенные, сухие, скудно поросшие травами, оросить, возложив производство работ на самих крестьян под руководством луговода, которого определить в палату, или состоящего при оной торфмейстера.

2. Прекратить употребление бушландов [1], обратив часть их под постоянные пашни, что, однако же может быть приведено в исполнение по осушении лугов, когда умножатся средства корма, а остальные употребив для новых поселений или под разведение леса.

3. Для поощрения крестьян к улучшению земледелия постановить, чтобы земли их не подвергались новой оценке иначе как чрез 12 лет.

4. В обитаемой латышами части губернии улучшить породу рогатого скота и лошадей и ввести на экономических землях для примера крестьянам улучшенное хозяйство. Достигнуть сего можно с небольшими со стороны казны расходами, отдавая и мызные угодия в некоторых имениях Рижского и Больмарского уездов опытным агрономам в содержание по крайней мере на 12 лет, с платою умеренной аренды и с условием, чтобы они держали хороших быков и жеребцов и ввели улучшенное хозяйство под руководством управления государственных имуществ.

5. Для удобнейшего сбыта сельских произведений осуществить давнишнее предположение о соединении Чудского озера с Балтийским морем.

Сверх донесений управляющих палатами государственных имуществ о мерах к улучшению хозяйства государственных крестьян, в Департамент сельского хозяйства передана по сему предмету управлявшим канцелярией министра государственных имуществ выписка из доставленной г-ну министру неизвестным лицом записки, причем действительный статский советник Кряшец присовокупил, что его сиятельство нашел в записке сей много дельного и заслуживающего внимания.

В означенной выписке, которую г-н директор Департамента приказал принять к соображению при рассмотрении донесений управляющих палатами, высказаны следующие мысли и предположения:

---

[1] Бушландами, или кустовыми землями, называются отведенные крестьянам земли, с которых по выжигании снимается две или три жатвы и которые, по существующему порядку, должны оставаться 24 года под паром.— *Примечание документа.*

1. Для преуспеяния хозяйства и земледелия в России правительство должно неотложно употребить всевозможные усилия соединить железною дорогою внутренние плодородные губернии с губерниями неурожайными и в особенности с балтийскими портами, для чего на первый раз устроить железные дороги из Харькова и Тамбова в Орел, а оттуда в Витебск, который соединяется с Ригою и Балтийским морем.

2. Улучшения хозяйства поселян можно ожидать только от распространения между ними полезных примеров, которыми могут служить хозяйства молодых приходских священников, обучавшихся теоретически и практически сельскому хозяйству в семинариях, образцовые крестьянские усадьбы и хозяйства молодых крестьян, обучавшихся на фермах. Для предоставления крестьянам возможности иметь больше таких примеров необходимо:

a. Дать священникам участки не менее как из двух уволок [8] земли и достаточного количества лугов, чтобы они могли содержать хорошее хозяйство. У священников могут изучать хозяйство и ученики приходских училищ.

b. При каждом сельском управлении устроить образцовые усадьбы, под которые обратить общественные запашки и при которых иметь образцовые сады, пчельники, случных быков и жеребцов и т. п. При усадьбах, заведывание которыми будет лежать на обученных сельскому хозяйству крестьянах, могут обучаться ученики сельских приходских училищ; независимо от сего, они [усадьбы] будут приносить ту пользу, что крестьяне, обрабатывая их по наряду, узнают правильное хозяйство, а сборами хлеба можно будет пополнить общественные магазины.

c. Безотлагательно поспешить водворением обученных на фермах крестьянских мальчиков, которые ныне находятся в слишком жалком положении, предаваясь праздности и, часто, разврату. Водворить их следует непременно в тех же деревнях, откуда они родом, и тремя способами, именно: сделав их хозяевами тех семейств, из коих они происходят, или тех семейств, с которыми вступят чрез женитьбу в родство, или, наконец, дав им особые участки, по два или по три рабочих из бобылей и необходимое пособие.

3. Мнение Ученого комитета, что предположенное г. министром государственных имуществ учреждение инспекции сельского хозяйства не поведет к желаемой цели, ибо управления палатами не будут надлежащим образом содействовать инспекциям, и предположение его, что было бы полезнее взамен инспекций определить в каждую губернию по одному или по два агронома, подчинив их в составлении проектов и в исполнении их непосредственному распоряжению управляющим палатами, основаны не на существе дела. Противодействие управляющих палатами, если оно будет, всегда можно устранить силою власти, а подчинение агрономов даже в составлении проектов сельскохозяйственных улучшений управляющим, не имеющим специальных познаний в сельском хозяйстве, повлекло бы к гораздо большим затруднениям, чем какие могут произойти при учреждении инспекций от столкновения властей.

4. Но как и при учреждении инспекций нужно иметь во всякой губернии хотя одного местного агронома, то в настоящее же время полезно бы было агрономами заменить губернских, окружных и уездных люстраторов, поручив им окончание люстрации, улучшение хозяйства и составление сельскохозяйственных предположений. При этом люстрационные отделения палат могли бы быть преобразованы в хозяйственные, а нынешние хозяйственные в распорядительные, с упразднением в палатах должности асессора и стряпчего.

Справка

А. Большая часть из указываемых управляющими палатами государственных имуществ предположений, кои требуют, по мнению их, развития, были на обсуждении Ученого комитета и Департамента сельского хозяйства и некоторые из них уже приводятся в исполнение, а именно:

1. По осушению болот.

Для осушения болот при Курляндской, Лифляндской и Смоленской палатах имеются особые инженеры, с целью же приготовления таких инженеров для прочих палат в нынешнем году открыто в Псковской губернии учебное осушение болот.

2. По развитию травосеяния.

Дело о развитии травосеяния между государственными крестьянами внесено на обсуждение Ученого комитета при отношении г. директора на имя члена Комитета действительного статского советника Задницкого от 27 июня 1852 г., за № 2418.

3. По развитию льняной промышленности.

Дело это было предметом не одних изысканий, подробно рассмотренных Ученым комитетом еще в 1845 г. Предположенные Комитетом меры к развитию льняной промышленности приводятся постепенно в исполнение.

4. По развитию ремесленности в казенных селениях.

По сему предмету были собраны сведения особо; Ученый комитет изложил о нем свое мнение в журнале от 28 мая сего года за № 460.

5. По разведению общественных случных быков.

По этому делу вытребованы также особые соображения от управляющих палатами, которые представлены Ученому комитету в записке первого отделения от 9 июля сего года за № 85496.

6. По развитию садоводства и огородничества.

С этой целью, сверх отдачи крестьянских мальчиков в садовые заведения ведомства Департамента сельского хозяйства, предпринято с 1849 г. учреждение садов и огородов при сельских училищах, волостных правлениях и других общественных зданиях. Сельскими садами и огородами заведывают наставники сельских приходских училищ. Крестьяне и наставники за отличия в садоводстве и огородничестве награждаются премиями, подарками, похвальными листами и другими наградами.

7. По развитию пчеловодства.

С этой целью обучаются постоянно на счет Министерства по 20 крестьянских мальчиков в школе пчеловодства Прокоповича. Как курс сей школы продолжается два года, то в оную каждый год делается новый набор по 10 мальчиков, а окончившие курс мальчики возвращаются на родину. Для отдачи мальчиков в школу пчеловодства соблюдается очередь между губерниями.

8. По введению семейных участков.

Для наделения государственных крестьян семейными участками высочайше утверждены новые правила и дана палатам государственных имуществ подробная инструкция, на основании которой управляющие палатами, когда находят полезным введение семейных участков, должны всякий раз представить подробные соображения в Департамент сельского хозяйства с планами избираемой под участки земли.

9. По улучшению образцовых усадьб.

Доныне такие усадьбы учреждены: в Псковской, Вятской, Смоленской и Нижегородской — всего пять усадеб. Все они состоят под непосредственным надзором управляющих палатами.

10. По водворению крестьян, обучавшихся на фермах.

Дело это внесено на рассмотрение Ученого комитета вторым отделением Департамента при выписке от 2 минувшего сентября за № 7252.

11. По улучшению путей сообщения.

Хотя предмет сей от Министерства государственных имуществ не зависит, однако он неоднократно был на рассмотрении Ученого комитета, согласно журналам которого от 7 марта 1852 г. и 31 декабря 1853 г. за №№ 221 и 983: а) предположено проектировать семь сельскохозяйственных и торговых путей, о чем производится переписка с Главным управлением путей сообщения, и b) предписано от Министерства внутренних дел начальникам Воронежской и Костромской губерний пригласить помещиков войти в соображение совокупно с местными управлениями государственных имуществ и средств их к улучшению проселочных дорог.

12. По развитию шелководства.

Для приохочивания крестьян к этой новой для них отрасли промышленности составлены Ученым комитетом особые правила о наградах за успехи в шелководстве, которые в апреле сего года разосланы управляющим палатами государственных имуществ тех губерний, где шелководство может идти успешно.

13. По устройству свеклосахарных заводов на казенных землях.

Об этом деле были затребованы особые соображения от управляющих палатами государственных имуществ, которые рассмотрены по журналу Ученого комитета от 4 апреля 1855 г. за № 254.

14. По развитию табачной промышленности.

С этой целью Департаментом сельского хозяйства ежегодно выписываются из-за границы и рассылаются управляющим палатами государственных имуществ тех губерний, где табаководство наиболее развито, табачные семена лучших сортов.

15. По введению глиняных построек.

Департаментом сельского хозяйства издано несколько руководств к возведению глинобитных и глиномятных строений, которые и рассылал управляющим палатами государственных имуществ.

16. По усилению ломки алебастра в Псковской губернии.

В 1846 г. в Псковскую губернию был командирован особый чиновник для указания крестьянам способов разработки алебастра. По изысканиям его оказалось, что усиление разработки алебастра было бы ныне по причине упадка цены на сей материал несвоевременно и не могло бы вознаградить потребных для этого издержек.

17. По составлению инструкции для агрономов Витебской губернии.

Дело о составлении сей инструкции внесено на рассмотрение Ученого комитета при записке первого отделения от 21 декабря 1854 г. за № 12078.

18. О назначении выставок сельских произведений в Вильно и Ковно.

На основании составленной для губернских выставок очереди, они не учреждаются ни в Виленской, ни в Ковенской губерниях, но произведения первой из сих губерний принимаются на выставки в Остзейских губерниях.

19. По страхованию крестьянского скота.

Для страхования крестьянского скота составлены существующим страховым обществом по соглашению с I и II департаментами особые правила.

20. Об устройстве общественной мериносовой овчарни в Таврической губернии.

Распоряжения по этому предположению отложены по военным обстоятельствам в Таврической губернии.

В. 4 октября 1854 г. последовало высочайшее повеление, которым предоставлено Министерству государственных имуществ окончивших курс в Горыгорецком земледельческом институте своекоштных студентов, по желанию их, определять в ведомство сего Министерства с выдачей им прогонных денег до места назначения и пособия и с производством жалования до помещения на штатные вакансии, за что они обязаны прослужить по Министерству не менее трех лет.

Заключение

Докладывая обо всем вышеизложенном Ученому комитету, первое отделение Департамента сельского хозяйства имеет честь предоставить при сем самое дело с донесениями управляющих палатами о мерах к улучшению крестьянского хозяйства (I ст., 1851 г., № 127, в трех частях) на случай могущей встретиться в оном надобности при обсуждении изложенных в настоящей записке предположений.

ЦГИАЛ, ф. 398, оп. 15, д. 4814, ч. III, лл. 106—215.— Отпуск.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Люстрация — хозяйственное описание казенных имений в западных губерниях с целью установить путем точного обмера количество казенных земель, размежевать их с частными владельцами и ликвидировать спорные земли, образовавшиеся в результате незаконного захвата помещиками казенных земель.— 146.

2) Переложение податей с души на землю и промыслы было проведено Киселевым в целях радикальной реформы раскладки и взимания денежных сборов (оброчных, земских и мирских). Для этого были образованы кадастровые комиссии, которые должны были составить таблицы о качестве и урожайности почв, средних ценах на земледельческие продукты, оценки валового дохода с каждой десятины пахотных и сенокосных земель. Работа этих комиссий совпала с люстрацией в западных губерниях и охватила С.-Петербургскую, Воронежскую, Тамбовскую, Пензенскую, Рязанскую, Тульскую, Московскую, Новгородскую, Тверскую, Владимирскую, Ярославскую, Екатеринославскую и Псковскую губернии.— 146.

3) Запасные и вакантные земли представляли собой особый земельный фонд, образованный для наделения крестьян, переходящих из низших разрядов малоземельных (огородники и полутяглые) и безземельных (кутники) в высший разряд тяглых или полутяглых хозяев. Поскольку эти четыре имущественных разряда крестьян различались между собою по количеству владеемого ими скота, то для получения в надел участка из запасных или вакантных земель им следовало сперва завести нужное количество скота. Пока же вакантные земли использовались как земельные оброчные статьи. Кроме того, запасные и вакантные земли предназначались для водворения на них переселенцев из других малоземельных губерний, западных однодворцев, вольных людей и евреев-земледельцев.— 149.

4) Самогития включала в себя Тельшевский, Россиенский, Шавельский и Поневежский уезды Ковенской губернии.— 149.

5) Хозяйственный капитал был создан на основании положения о нем от 20 марта 1840 г. с целью улучшения сельского хозяйства государственных крестьян и потому предназначался на устройство проселочных дорог, осушение болот, расчистку леса и учреждение сельских банков. Он составлялся из общественного шестикопеечного сбора с крестьян, из половины оброка, получаемого от отдачи общественных земель частным лицам под хозяйственные заведения, из половины дохода с сельских оброчных статей, из штрафных денег, взыскиваемых с государственных крестьян по Судебному уставу, от продажи выморочного имущества крестьян, из рогового сбора со скота, содержащегося крестьянами для коммерческих целей.— 150.

6) Экономия — казенное имение в западных губерниях с запашкой и усадьбой, управлявшееся арендатором или доверенным лицом, часто от себя увеличивающими дневные уроки барщинных крестьян.— 150.

7) Земельные оброчные статьи образовывались Министерством государственных имуществ из казенных имений (фольварков в западных губерниях) и свободных земель, сдаваемых в аренду с торгов всем желающим, в том числе и малоземельным государственным крестьянам. Эти земли приносили казне доход больше того, какой бы они могли дать, будучи разделенными в надел между малоземельными крестьянами. Поэтому Министерство считало выгодным сохранить земельные оброчные статьи. Однако во многих губерниях они были единственным резервом казенных земель для ликвидации земельного голода среди крестьян. В проектах управляющих палатами государственных имуществ неоднократно встречалось предложение использовать оброчные статьи для наделения малоземельных.— 154.

8) Уволока или волока — землемерная единица, употреблявшаяся в западных губерниях и равная в казенных имениях 20 десятинам.— 158.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ О ДЬЯКЕ ИВАНЕ ТИМОФЕЕВЕ — АВТОРЕ «ВРЕМЕННИКА»

Иван Тимофеев — один из наиболее ярких писателей начала XVII в. В своем «Временнике» он дал интересное и красочное изображение событий классовой борьбы в России и польско-шведской интервенции в Русское государство.

Биография Тимофеева наиболее полно освещена в книге С. Ф. Платонова [1]. Ряд сведений о Тимофееве сообщает Н. П. Лихачев [2].

В последующих исследованиях о Тимофееве П. Г. Васенко, И. И. Полосина, О. А. Державиной [3] новых фактов, касающихся биографии Тимофеева, не приводится.

Известно, что в 1598 г. Тимофеев в качестве дьяка одного из московских приказов подписал грамоту об избрании на царство Бориса Годунова [4]. В 1604—1605 гг. он состоял дьяком Приказа Большого прихода [5]. В 1605 г. Тимофеев участвовал в походе против Лжедмитрия I [6], а после его воцарения производился в Туле верстанье епифанских новиков [7].

В царствование Василия Шуйского, во время подступа Болотникова к Москве, Тимофеев находился там в осаде [8]. Затем он участвовал в походе против Болотникова к Калуге и Туле [9].

В 1607 г. Тимофеев получил назначение в качестве дьяка в Новгород [10]. В конце 1608 г. там произошло восстание, в результате которого был убит воевода М. И. Татищев [11]. По поручению М. В. Скопина-Шуйского (находившегося в Новгороде для

---

[1] С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. Изд. 2-е, СПб., 1913, стр. 163—166, 448—449.

[2] Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888, стр. 197—199.

[3] П. Г. Васенко. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника». «Журнал Министерства народного просвещения», 1908, № 3, стр. 88—121; И. И. Полосин. Иван Тимофеев — русский мыслитель, и дьяк XVII в. «Ученые записки Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина», т. LX, Кафедра истории СССР. М., 1949, стр. 135—192; Временник Ивана Тимофеева. Подг. к печати, перевод и комментарий О. А. Державиной. М.-Л., 1951.

[4] ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 7, стр. 45, 53.

[5] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. II. СПб., 1852, стр. 814, 837, 877; Смутное время Московского государства (1604—1613 гг.), вып. I. Акты времени Лжедмитрия I (1603—1606). Под ред. Н. В. Рождественского. ЧОИДР, 1918, кн. I, стр. 18, 47, 169, 193, 258, 260; С. К. Богоявленский. Приказные судьи XVII века. М.— Л., 1946, стр. 30—31.

[6] С. А. Белокуров. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121). М., 1907, стр. 69, 133, 193.

[7] Акты Московского государства, т. I. Под ред. Н. А. Попова, № 11, стр. 78; ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210. Дела десятен, Епифань, кн. № 223.

[8] Временник Ивана Тимофеева..., стр. 113—114, 286—287.

[9] С. А. Белокуров. Ук. соч., стр. 86—88, 143.

[10] Временник Ивана Тимофеева..., стр. 114, 287.

[11] С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1899, стр. 386—389; С. В. Бахрушин. Классовая борьба в русских городах XVI — начала XVII в. «Научные труды», вып. I. М., 1952, стр. 233—234; И. С. Шепелев. Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957, стр. 239.

переговоров о военной помощи со Швецией и для сбора ратных людей) Тимофеев участвовал в описи и оценке имущества М. И. Татищева [1].

К началу 1610 г. Тимофеев отбыл срок своей службы в Новгороде, но не смог сразу выехать в Москву [2], а в июле 1611 г. Новгород был захвачен шведскими войсками. В Новгороде Тимофеев оставался до конца шведской интервенции. В 1618—1620 гг. он был дьяком в Астрахани [3], в 1622—1626 гг.— в Ярославле [4], в 1626—1628 гг.— в Нижнем Новгороде [5].

Год смерти Тимофеева неизвестен; в 1628 г. он был еще жив (так как его имя фигурирует в боярской книге 7137 г., т. е. 1628—1629 гг.). В боярской книге 7144 г. (1635—36 гг.) Тимофеев уже не значится. По предположению С. Ф. Платонова, Тимофеев умер около 1629 г. [6].

В биографии Тимофеева наименее освещен новгородский период его жизни. Публикуемые три дела [7], извлеченные из Стокгольмского государственного архива, должны восполнить этот пробел.

Первое дело относится к апрелю 1611 г., т. е. ко времени накануне захвата Новгорода шведами, и, по-видимому, возбуждено сторонниками убитого воеводы М. И. Татищева, враждебно относившимися к Тимофееву. Последний обвинялся в том, что вместе с протопопом Амосом утаил два образа из опальной «рухляди» Татищева, в составлении описи которой он участвовал. Из дела выясняется близость Тимофеева к М. В. Скопину-Шуйскому.

Дело против Тимофеева было возбуждено, по-видимому, в целях его компрометации. В 1611 г. в Новгороде был получен приговор Первого ополчения об избрании в русские цари шведского королевича, сына короля Карла IX. Тимофеев не был сторонником идеи водворения на русский престол в качестве правителя представителя другой страны и чуждой династии. За это политические противники Тимофеева решили его опорочить.

Второе публикуемое дело о Тимофееве относится к июлю 1614 г. Дьяк просил его «пожаловать рожью», оставшейся в дер. Родивонове в поместье уехавшего из Новгорода Г. П. Загоскина. Видимо, материальное положение Тимофеева при шведском владычестве было тяжелым.

Третье дело датируется 1615 г.; оно возбуждено дьяком Пятым Григорьевым, обвинявшим Тимофеева в ряде служебных злоупотреблений. Тимофеев подал встречную челобитную, обвинив Пятого Григорьева в клевете.

В этот период в Новгороде усиливается недовольство действиями шведов, а Иван Тимофеев принадлежал к числу людей, не мирившихся со шведским господством, хотя и действовавших в условиях интервенции весьма осторожно. Пятой Григорьев, напротив, был одним из близких к шведским властям лиц, выполнявших ряд их ответственных поручений по сбору налогов с населения и т. д. Его имя постоянно встречается в документах новгородского архива, относящегося ко времени

---

[1] Опись и продажа с публичного торга оставшегося имения по убиении народом обвиненного в измене Михайлы Татищева во 116 году. «Временник Московского общества истории и древностей российских». М., 1850, смесь, стр. 16—21, 23, 32, 33.

[2] Временник Ивана Тимофеева..., стр. 104, 277.

[3] Дворцовые разряды, т. I, СПб., 1850, стр. 349, 426, 459; Книги разрядные по официальным оных спискам, т. I. СПб., 1853, стр. 544, 663, 720.

[4] Книги разрядные..., т. I, стр. 868, 923, 1033, 1139, 1245; Дворцовые разряды, т. I, стр. 739.

[5] Книги разрядные..., т. I, стр. 1218; т. II. СПб., 1855, стр. 62; РИБ, т. II. СПб., 1875, № 223, стр. 990; т. IX. СПб., 1884, стр. 455; Нижегородский летописец. Работа А. С. Гацисского. Нижний Новгород, 1886, стр. 54.

[6] Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства юстиции. М., 1853, стр. 410; С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания..., стр. 166.

[7] На один столбец с материалами о Тимофееве, хранящийся в Стокгольмском государственном архиве, обратил внимание побывавший в Швеции в 1956 г. О. Л. Вайнштейн. Однако он не раскрывает содержание этого столбца (О. Л. Вайнштейн. Ценные документы по истории СССР в архивах Швеции. «Вестник Академии наук», 1957, № 1, стр. 84).

шведской оккупации Новгорода. Можно думать, что дело, начатое Пятым Григорьевым против Тимофеева, имело не только узко личные мотивы, а ставило целью его общественно-политическую компрометацию. Дело Тимофеева вел шведский генерал Э. К. Горн, весьма раздраженный тем, что его попытки добиться присяги от населения на имя шведского короля не удаются, и искавший виновных массового неповиновения. В отношении Тимофеева были собраны все обвинения, какие только можно было выкопать. Вспомнили и дело 1611 г. и все распространявшиеся в связи с ним слухи.

Предаваясь в своем «Временнике» воспоминаниям о годах, проведенных в «плену» в Новгороде, Тимофеев писал, что он боялся не только интервентов, «иже град враждебно, яко змиеве, своими зубы держащих», но и их единомышленников из числа русских людей («своеверных»), «иже приседят о нас тайно в ловителех ко еллином», которые действовали вместе со шведскими захватчиками против русских патриотов [1].

Говоря о подобных двурушниках и изменниках своему народу, Тимофеев, возможно, имел в виду и Пятого Григорьева. Таким образом, публикуемое дело помогает пониманию текста «Временника» Тимофеева.

Л. В. Черепнин

№ 1

Дело по обвинению дьяка Ивана Тимофеева и протопопа Амоса в утайке образов из «опального» имущества М. Татищева

Апрель 1611 г.

Лета 7119-го апреля в... [2] день боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому да дьяком Корнилову Иевлеву да Семейке Самсонову сказывал гость Степан Иголкин: был де он у опалных животов у Михайловых Татищева з дьяком с Ываном Тимофеевым у переписки и у оценки. И в тех де опальных животех было божие милосердье, образы, образ Спасов да образ Николы чюдотворца, обложены золотом. Да у тех же де образов было много прикладу, золотых, и украшены жемчюги и каменьем дорогим, а у Николы де чюдотворца киот серебрян, а на затворкех у киота резаны чюдеса святого Николы. А ныне де велено им считати дьяка Петра Третьякова в приходе и в росходе, и написана де в книгах божье милосердье, образы окладные и неокладные Михайла Татищева. И в тех де книгах те образы, образ Спасов и Николы чюдотворца, не написаны не ведомо для чево: где ныне те образы. И про то б велети допросити дияка Ивана Тимофеева, где ныне те образы, А как де они Михайлову рухлядь переписывали, и дияк де Иван Тимофеев им тех образов смотреть не давал не ведомо для чево.

И боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской да дьяки Корнило Иевлев да Семейко Самсонов велели дьяка Ивана Тимофеева для допросу поставити перед собою.

И перед боярином и воеводою и перед дьяки дьяк Иван Тимофеев ставлен и про те образы допрашиван: где ныне те образы, Спасов и Николы чюдотворца, и для чево те образы в книгах не написаны?

И дияк Иван Тимофеев в роспросе сказал: приказал де ему переписывать боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской опалную рухлядь Михайла Татищева, а с ним деи у тои переписи были гость Степан Иголкин и иные торговые люди, и в той де рухляди было божья милосердья образ Спасов обложон золотом, да образ Николы чюдотворца обложен золотом же, киот серебрян. А что де тем образом промен, и то де писано в росписех, как он росписывался з дияки с Чюлком

[1] Временник Ивана Тимофеева..., стр. 119, 293.
[2] Пропуск в тексте.

Бартеневым да с Корнилом Иевлевым и какову роспись дал опалным животом Ивану Салтыкову. А для чего оне в книгах не описаны, тово он не ведает. А как де поехал из Великого Новагорода боярин князь Михайло Васильевич Шуйской и приказал де те образы дати софейскому протопопу Амосу по его челобитью потому: сказал де протопоп князю Михайлу Васильевичю, что Михайло Татищев был ему сын духовной, и те де образы приказал ему при себе по своей душе и по своих родителех, и те де образы по боярскому приказу отданы протопопу Амосу.

И боярин и воевода князь Иван Никитичь Болшой Одоевской да дьяки Корнило Иевлев да Семейка Самсонов посылали к протопопу Амосу подьячево Федора Ларионова дважды про те образы допрашивати, у нево ли те образы Михайловские Татищева, и будет есть, и он бы те образы прислал к ним, боярину и воеводе, и к дияком.

И подьячей Федор Ларионов боярину и воеводе, и дьяком сказал, что де он к протопопу Амосу для допросу образов ходил и про образы ево роспрашивал, и протопоп де Амос ему сказал, что поедучи из Великого Новагорода боярин князь Михайло Васильевич Шуйской дал Михайловы рухляди Татищева два образа, образ Спасов да образ Николы чюдотворца, и писал к нему з дороги боярин князь Михайло Васильевич, а велел ему те образы прислати к себе, и он де те образы послал к боярину ко князю Михайлу Васильевичю Шуйскому, да и письмо де у нево в тех образех есть.

И боярин и воевода и дьяки велели протопопа Амоса для допросу поставити перед собою.

И перед боярином и воеводою перед князем Иваном Никитичем Болшим Одоевским да перед дияки перед Корнилом Иевлевым да перед Семейкою Самсоновым протопоп Амос ставлен и про образы роспрашиван.

И в роспросе сказал, что дал ему, поедучи из Новагорода, боярин князь Михайло Васильевич Шуйской Михайла Татищева рухляди два образа, образ Спасов да образ Николы чюдотворца, оба окладные, потому что он Михайлу Татищеву был отец духовной, и писал де к нему з дороги из Олександровы слободы боярин князь Михайло Васильевич, а велел те образы прислати к себе, и он де те образы послал к нему с человеком своим с Феткою. И тот де человек его Фетка и ныне на Москве.

Да подал от боярина от князя Михайла Васильевича Шуйского грамоту, какова к нему писана.

А в грамоте пишет:

Господину протопопу Амосу Ивановичю Михаило Шуйской челом бьет. Пожалуй, господине, вели ко мне писати о своем здоровье, как тебя бог милует. А похочешь ведати про меня — и я в Олександровской слободе ноября по 21 день жив. Да что ты, господине, прислал ко мне моей рухляди с Онтоном с Выповским, и ту мою рухлядь Онтон ко мне привез всю сполна. А я тебе, господину своему, челом бью.

На обороте: Господину протопопу Амосу Ивановичю.

И боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской да дияки Корнило Иевлев да Семейка Самсонов, выслушав протопоповы Амосовы скаски и грамоты, какова к нему от боярина от князя Михайла Васильевича Шуйсково писана, говорили протопопу Амосу: сказывал он про образы, что он послал образы Михайла Татищева к боярину ко князю Михайлу Васильевичю Шуйскому и письмо у нево в том есть, и какову он грамоту подал, и в той грамоте про те образы не объявилось ничево, а написано в грамоте о рухляди, и только б те образы были посланы к боярину ко князю Михайлу Васильевичю, и о тех бы образех отписано было имянно, потому что то вещи царственные, а не простое дело и не рухлядь. И он бы про те образы сказал прямо: где у нево образы, а будет не скажет, и они пошлют, а велят в его дворе тех образов искати, и хоромы все перепечатати.

И протопоп Амос сказал, что он образы по боярской грамоте послал к боярину ко князю Михайлу Васильевичю Шуйскому, а у него тех образов нет. И просил сроку на две недели, а он де с Москвы те образы с Москвы велит привесть.

И боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской да дияки Корнило Иевлев да Семейка Самсонов велели Олексею Давыдову, да подьячему Ждану Молеванову, да торговым людем Томилу Присталитову, да Якову Красилу, да Ивану Рукавичнику и улитцким старостам итти на двор к протопопу Амосу и велели им во всех хоромех, тех образов переискати, и где те образы сыщут, и те образы велели принести к себе.

И того ж дни к боярину и воеводе ко князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому да к дияком Корнилу Иевлеву да к Семейке Самсонову Олексей Давыдов, да подьячей Ждан Малеванов, да торговые люди принесли два образа, образ Спасов обложен серебром чеканным да Николы чюдотворца образ обложен золотом, а сказали, что они те образы взяли у протопопа Амоса во дворе в горнице, а протопоп Амос туто ж стал.

И в роспросе протопоп Амос сказал: в том он виноват, что он в тех образех запирался сперва, про те образы не сказал правды, а не сказал деи потому, что хотел те образы вести к Москве ко государю, ково нам государя бог даст.

И боярин и воевода и дияки велели и списка опалной рухляди, каков дал Ивану Салтыкову дияк Иван Тимофеев за своею рукою, выписати: те образы в рухляди Михайла Татищева написаны ли, или они написаны кому в отдачю, и чем те образы обложены, и что у них прикладу, какова каменья, жемчюгу и золотых. И велети те образы гостю Степану Иголкину, взяв серебряного ряду радович, осмотрив, описати чем те образы обложены, и что у них прикладу какова, каменья и жемчюгу, и сколко золотых.

И по приказу боярина и воеводы и дьяков из росписи, какову дал Ивану Салтыкову дьяк Тимофеев опалной рухляди за своею рукою, выписано и образы, которые взяты у протопопа Амоса, описаны, чем которой образ обложен и что у которого образа прикладу, какова каменья, и жемчугу и золотых...[1]

И 119-го апреля в...[2] день боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской да дьяки Корнило Иевлев да Семейка Самсонов сее записки слушали и приговорили: на дьяке на Иване Тимофееве да на протопопе Амосе доправити пени против тех образов цены по сту по семидесят по три рубли и по дватцати по пяти алтын. На дьяке на Иване Тимофееве за то: сказал он про те образы, про Спасов и Николы чюдотворца, что они по приказу боярина князя Михайла Васильевича Шуйсково отданы протопопу Амосу, а подлинно тех образов в росписи не описал, чем те образы обложены, и что у них прикладу, кокова каменья, и золотых, и жемчюгу, а написал в росписи, что те образы подлинно описаны в подлинных книгах и в списке, которые книги и списки взял с собою Михайлове рухляди Татищеве поедучи из Новагорода боярин князь Михайло Васильевичь, а тех книг и подлинных росписей в Новегороде нет и сыскати про то нечим, а пометы боярина князя Михайла Васильевича о тех образех об оддаче не сыскано, а боярин князь Михайло Васильевич и не в таких великих делех на челобитных подмечал своею рукою. А как переписывали Михайлову рухлядь Татищева, и он, Иван, гостю Степану Иголкину и торговым людем тех образов не показывал, а сказал, что тех образов смотрити не надобно, те де образы царственные вещи, и показать де их не уметь. И то знатно, что дияк Иван Тимофеев то зделал по зговору с протопопом Амосом и совету, хотел с ним теми образы завладети за одно. А на протопопе Амосе доправити за то: сказывал он им боярину и воеводе и дияком, что ему те образы даны были по приказу боярина князя Михайла Васильевича Шуйского потому, что Михайло Татищев был ему отец духовной, и приказал ему по своей души и по родителех, и писал де к нему з дороги боярин князь Михайло Васильевич, а велел ему те образы прислати к себе, и он де те образы к боярину и послал, и писмо де у него от боярина о том есть, что те образы к нему довезены, а в писме про те образы не написано, а написано, что Онтон Выповской привез к боярину ко князю Михайлу Васильевичю рухлядь, а не образы, и образы от рухляди мочно было описать имянно, и тех протопоп образов у

[1] Далее следует «роспись» Ивана Тимофеева и опись.
[2] Пропуск в тексте.

себя не сказывал, а те образы выняты у нево во дворе, да и сам в тех образех повинился. А доправя те пенные денги, велели принести в Розряд и велели протопопа Амоса и дияка Ивана Тимофеева подавати на крепкие поруки з записми, что им в тех пенных денгах ставитца на правеже, а образы, Спасов и Николы чюдотворца, велели поставити в церкве в Софеи премудрости божии до указу.

Стокгольмский государственный архив, фонд новгородских документов, ст. № 202.

№ 2

Дело об описи имущества «отъехавших» из Новгорода помещиков Г. П. и И. А. Загоскиных и о передаче ржи из поместья Г. П. Загоскина дьяку И. Тимофееву, а бобыльской ржи — А. Мякининой

3 октября 1613 г. — 29 июля 1614 г.

122-го октября в 3 день королевского величества и Ноугородцкого государства боярину и болшому ратному воеводе Якову Пунтосовичю Делегарде, волному господину в Ехолме, в Колке и Рунске да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому ведомо учинилось, что изменили государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю Бежецкие пятины Григорей Павлов сын Загоскин да Иван Ондреев сын Загоскин, из Новагорода збежали и с матерми своими. И бояре и воеводы Яков Пунтосовичь да князь Иван Никитичь велели послати на Григорьева да на Иваново подворья Загоскиных и в деревню Родионово, где жила Григорьева мать и животы их переписати...[1]

Да ведомо учинилось бояром и воеводам Якову Пунтосовичю да князю Ивану Никитичю, что в Ыванове дворе Володимерова есть перехоронена Иванова живота Загоскина у горницы, и у комнаты под приступами, и в повалуше, и в ыных хоромех. И бояре и воеводы Яков Пунтосовичь да князь Иван Никитичь велели послати на Иванов двор Володимерова, и того Иванова живота Загоскина у горницы, и у комнаты под приступами, и в повалуше, и в ыных хоромех приискати[1]...

И бояре и воеводы Яков Пунтосовичь Делегард[2].., выслушав переписных списков, приговорили Григорьев да Иванов живот Загоскиных оценя продати охочим всяким людем, а денги взяти приговорили в государеву казну потому: Григорей да Иван Загоскины государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю изменили, из Новагорода збежали и с матерми своими[3]...

И июля в 24 день бояром и воеводам Якову Пунтусовичю Делегарду да князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому диак Иван Тимофеев подал челобитную, а в челобитной пишет:

Пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твой Иванко Тимофеев.

Милосердый государь королевич, пресветлейший и высокороженный и великий князь Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня, холопа своего беспоместново, непожалованого, в деревне в Родионове Григорьевою рожью Загоскина, што сеял Григорей з бобылки, а Григорей Загоскин тебе, государю, изменил.

Государь, смилуйся!

И королевского величества и Ноугородцкого государства боярин и ратной болшой воевода Яков Пунтусович Делегард да князь Иван Никитичь Болшой Одоевской, выслушав диака Ивана Тимофеева челобитья, приговорили ему, Ивану, Григорьеву рожь, что сеяна к нынешнему ко 122-му году четыре чети, и з бобылскою, что сеяли николские бобыли Островского монастыря Степанко Иванов с товарыщи ис четвертого снопа, для того, что он Иван не пожалован, а у государева дела сидит.

К сему приговору бояре и воеводы Яков Пунтусовичь Делегард печать свою да

[1] Далее следует опись имущества Загоскиных.

[2] Так в тексте.

[3] Далее следует оценочная роспись имущества Загоскиных.

князь Иван Никитич Болшой Одоевской Великого Новагорода печать приложили лета 7122-го июля в 25 день.

Приложены две печати.

На обороте: приклеити к делу. Диак Семен [*на лицевой стороне*] Лутохин.

И по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского диаку Ивану Тимофееву о Григорьеве хлебе и о бобылском к старосте и к волостным людем, которым тот хлеб приказан, память дана.

Июля ж в 29 д[ень] бояром и воеводам Якову Пунтусовичю да князю Ивану Никитичю Михайлова дочь Мякинина Оксеньица подала челобитную, а в челобитной пишет:

Пресветлеишему и высскороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филипу Карлусовичю бьет челом бедная сирота, девка Аксиньица Михайлова дочеришко Мякинина. Дано, государь, мне поместьица под Новым городом четыре обжи на прожиток за отца моего смерть. И преезжял, государь, ко мне из Новагорода ко мне дядя мой Григорей Загоскин и што, государь, было моего хлебенка, и он то у меня имал, и пил ел мое, а иное, государь, к понешнему году ржишка всеял моими семяны четыре четверти на меня, да у меня ж, государь, сеяли пахотники из Николского Островского манастыря ис снопа Степанко с товарыщи, и нонечя, государь, тебе, государю, бил челом Иван Тимофеев ложно и назвал всее тое рожь изменитц[к]ою Григорья З[аг]оскина. И ноне, государь, тое мою рожь всее отдали Ивану Тимофееву.

Умилосердися, государь, пресветлеиший и высокороженный государь королевич и великий князь Карлус Филип Карлусович, пожалуй меня, горкую спроту, вели про ту рожь сыскати теми, которые у нас на суседстве живут.

Государь, смилуися, пожалуй!

И бояре и воеводы Яков Пунтусович Делегард волной господин вь Екхолме, в Колке и Рунсие да князь Иван Никитич Болшой Одоевской, выслушав Михайловы дочери Аксеньицы челобитья, приговорили диаку Ивану Тимофееву по прежнему своему приговору дати в деревне в Родиванове, что сеял Григорей Загоскин рожь на четырех четвертях, а о бобылской ржи приговорили ему, Ивану, отказати и велели ту рожь отдати бобылком, хто сеял, а снопа четвертой и с той бобылской пашни приговорили взяти Михайлове дочере Мякинина Аксеньице, потому что те бобылки николские сеяли рожь ис снопа на Аксеньицыне земли, а не на Григорьеве, та деревня Родионово дана Аксеньицы на прожиток, и Аксеньица и бобылки из Новагорода не збежали.

К сему приговору бояре и воеводы Яков Пунтусович Делегард да князь Иван Никитич Болшой Одоевской Великого Новагорода государеву печать приложили.

На обороте: Диак Семен [*на лицевой стороне*] Лутохин.

Приложена печать.

И по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича да князя Ивана Никитича Михайлове дочере Аксенье з бобылские пашни четвертой сноп взяти велено, а бобылком своею рожью владети освобожено.

Стокгольмский государственный архив, фонд новгородских документов, ст. № 139

№ 3

Дело по челобитью дьяка Пятого Григорьева на дьяка Ивана Тимофеева о пропаже казенных денег

Март 1615 г.

Лета 7123-го марта в...[1] день боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому дияк Пятой Григорьев подал челобитную. А в челобитной пишет:

Пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твой Пятунка Григорьев.

[1] Пропуск в тексте.

Отрывок из док. № 2 (фотокопия)

Пресветлеишему и высокорожденному г(осу)д(а)рю королевичю великому
кн(я)зю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твои Иванко Т-
имофеев. Жалоба г(осу)д(а)рь мне на новгородцкого дьяка дворцо-
вого на [illegible] Гритчева. По приказу г(осу)д(а)рь твоего г(осу)д(а)рева бо-
ярина и воеводы боярина и болшово ратново воеводы Якова Пунтусовича
Делегарды да боярина и воеводы кн(я)зя Ивана Никитича Болшово
Одоевского велено мне холопу твоему в Великом Новегороде счита-
ти дьячьи и их подьячих приказы [illegible] г(осу)д(а)рева
[illegible] и дворцового приказу подьячих [illegible] столы и денежные
и приходы и росходы [illegible]
и я холоп твои обьи приказы [illegible]
по [illegible] только [illegible]. И недочетное г(осу)д(а)рево
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] г(осу)д(а)рь [illegible] тому моему счоту дворцово-
[illegible] Гритчев [illegible]
[illegible] г(осу)д(а)рь [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] г(осу)д(а)рь [illegible]
холопа [illegible] почему [illegible]
а я холоп твои [illegible] великих г(осу)д(а)рей [illegible]
приказе [illegible]
[illegible]
г(осу)д(а)рь королевич великии кн(я)зь Карлус Филипп Карлусовичь
пожалуи холопа своего [illegible] Гритчева
[illegible] что я холоп твои [illegible]
[illegible] г(осу)д(а)рь королевич
великии кн(я)зь Карлус Филипп Карлусович смилуися.

Концовка док. № 3 (фотокопия)

В прошлом, государь, во 121-м году, по боярскому по Яковлеву Пунтосовичя Делегарда приказу, велено дияку Ивану Тимофееву в Дворцо[во]м приказе коробьи, и ящики, и ларцы, и сундуки с книгами и со всякими делы и з денгами запечятать и тово Дворцо[во]го приказу подьячих во всякой государеве казне счести. И августа с 17-го числа пришед, дияк Иван Тимофеев в коробьи, и в ларцы, и ящики, и сундуки переписал и запечятал, и коробьи со всеми делы взял в Ро[з]рядную избу к щету, а у щету велел у себя быть подьячему Никифору Коптеву, и коробью ево со всеми делами и з денгами взял с ним к себе ж, и седел у него у щету до сентября 123-го году. А во Дворце Никифор никаких дел не делал, толко во 122-м году взял в приход за четыре бочки рыбы восмь рублев.

И как, государь, Иван Тимофеев того подьячего Микифора Коптева отпустил в деревню в сентябре ж, и в той ево деревне Микифора Коптева взяли псковские шиши и свели во Псков. И я, Петунка, приказал подьячему Ивану Кононову подьячего Микифора по его руке во 122-м году в приходе и в росходе счесть. И подьячей Иван Кононов сказал мне, что у Микифора по его руке в приходе во 122-м году толко восмь рублев за бочешную рыбу, а болши того в приходе у него денег нет, а тех восми рублев в росходных книгах нигде не написано.

И я, холоп твой, велел подьячему Ивану Кононову в тех денгах справитца гораздо, чтоб неложно про то бояром сказати. Да я ж, холоп твой, взяв с подьячим с Иваном с Кононовым Микифорову ходячюю коробку, за Микифоровою печатью, носил вверх к дияку Ивану Тимофееву сентября в 30 день. И Иван, посмотря печяти у тои коробки, да сказал мне, что ему до тое коробки дела нет, потому что в ней дела новыи. И я с подьячим, срезав печать, в тои коробки тех денег осми рублев смотрил перед ним Иваном, и в тои коробке денег николко нет, толко в ней книги 114 году. И Иван со мною говорил, а велел мне тому собе записку учинить. И яз то и записал.

Да в нынешнем, государь, во 123-м году в великой пост сказывал мне подьячей Иван Кононов, что он видел у диака Ивана Тимофеева в Микифорове коробье Коптева роспись Микифорову руку приходу и росходу 120-го и 121-го году, а в той розписи написано: осталось за росходом у тех годов по 122-й год 27 рублев тритцать алтын полтрети деньги. А тех он денег у Микифора не ведает где. И как Микифор поехал в деревню, и он ему про денги ни про какие у собя не сказал да и с ним, Иваном, ни в чем не расписался.

И нынешнево ж, государь, 123-го марта в 19 день приходил ко мне во Дворец подьячей Григорей Сабакин говорить от Монши Мартыновичя и спрашивал, сколко у меня в Дворцовом приказе всяких денег в приходе. А сколко в приходе денег в Дворце, и то ему я сказал. Да ему ж сказал про те восмь рублев, что написано у Микифора в приходе, а в росходе нет. И он бы про то сказал дияку Монше. Да я ж ему сказал, что сказывал мне подьячей Иван Кононов, что он видел у счету у диака у Ивана Тимофеева в Микифорове коробье Коптева в росписи Микифоровы руки напи[са]но в остатке у 120 и у 121-го году 27 рублев и тринатцать алтын полтрети денги. И нам бы тое росписи взять и досмотрить, нет ли где и тех восми рублев написано. И подьячей Григорей Сабакин сказал: поидем мы к Ивану Тимофееву и в той росписи досмотримся.

Да тот же подьячей Иван Кононов сказал, что стоит в Дворцовой избе казенной ларець окованой, а в него складывал Микифор денги, а тот ларець за Ивановою печатью Тимофеева. И Григорей Сабакин, взяв тот ларець, с по[д]ьячим с Ыване м с Кононовым да со мною к Ивану ходили и ларец к нему принесли. И Иван, смотря печяти и пробоев, печять свою сорвал и ларець велел отомкнуть. А как ларец отомкнули, и в том ларце нет ничево, порозжей, а то Иван говорил, что в том ларце бывали денги, да выняты и отданы Микифору Коптеву.

И Григорей Сабакин говорил Ивану, чтоб он велел сыскать в Микифорове коробье Микифорову счетную роспись, которую у него видел подьячей Иван Кононов. И Иван Тимофеев тое роспись сыскав, казал мне и Григорью Сабакину, и в той росписи в остатке написано 27 рублев и тритцать алтын полтрети денги. И я и Григо-

рей Ивана спрашивали: где те денги ныне? Он про то ведает ли? И Иван сказал: что было денег, и он те все денги отдал Микифору Коптеву, да и помета у него тем денгам Микифоровы руки есть. Да и показал роспись помета Микифоровы руки, написано в коробье за Микифоровою печатью в трех мешках денег 33 рубля и два алтына без денги, да не одному он Микифору денги отдавал, отдал он Василью Частому, Поснику Ракову и ему Ивану Ко[но]нову, да и ро[с]писка у нево их рука есть, а Микифоровым денгам росписки Микифоровы руки, сколко у нево Микифор денег взял, Григорью Сабакину не сказал.

А ныне, государь, те Микифоровы недочетные денги велено без сыску доправить на мне, а Микифор у меня не сидел, и я ево не считал, а сидел он у Ивана, и считал ево Иван Тимофеев, и в деревню ево отпустил он же Иван, а не я, а денги, государь, приимают в приход подьячие и держат у себя по коробьям за своими печатми, и в росход отдают они ж и отчет дают по своим рукам.

Милостивый государь королевичь и великий князь Карлус Филип Карлусовичь, покажи милость, не вели на мне тех денег без сыску править и вели, государь, роспросить про те денги и про росписку дияка Ивана Тимофеева и Микифорова товарыща подьячево Ивана Кононова и избных сторожей, в которую коробью Микифор денги клал, а они то знают и ведают.

Государь королевичь и великий князь Карлус Филип Карлусовичь, смилуйся, пожалуй, чтоб я на правеже без вины до смерти замучен не был.

Государь, смилуйся!

И боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин же и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской, выслушав диака Пятого Григорьева челобитные, велели поставити перед собою диака Ивана Тимофеева. И по Ивана послан...[1] марта в...[1] день.

И того ж дни перед бояриноми ратным воеводою перед Эверт Карлусовичем Горном да перед бояриномже и воеводою перед князем Иваном Никитичем Болшим Одоевским диака Ивана Тимофеева поставил.

А по вспросу против Пятого челобитья диак Иван Тимофеев сказал: как де ему, Ивану, велено считать в обеих дьячих избах диаков и подьячих в государеве казне, и коробьи и ларцы он по боярскому приказу запечатал, и у которых де подьячих были в коробьях и в ларцах денги в то время, как он печатал, и после де того вскоре пришед к нему к Ивану подьячие, тех денег из-за печати для росходов просили, и он де Иван Тимофеев те денги из-за печати отдал подьячим: в Розряд Василью Частому, в Ямской приказ Поснику Ракову, во Дворец Ивану Конанову. А в котором месяце и числе отдал, того не упомнит, а записал де ту отдачю он, Иван, у себя в приказе сам своею рукою, а у них у Василья да у Посника писма их руками не взял. А с Ываном Конановым в денгах его збору росписался ли или нет, того де он не упомнит. А приниму де денгам он, Иван, как запечатал коробьи, не писал, потому что денег ни у которого подьячего не отчитал.

А Микифор де Коптев ему, Ивану, говорил после той подьяческой отдачи вскоре о денгах своего збору, которые запечатал он, Иван, чтоб те денги и ему, Микифору, отдати. И он де Иван Микифору те денги его Микифорова збору отдал в Розрядной избе ис коробье, а в те поры у той отдачи никого не было, а отдавал один на один. А отдал он Микифору те денги потому, что остались толко его збору денги и для береженья, чтоб того не беречь, а берег бы он Микифоровой збор сам. А в котором месяце и числе отдал, того не упомнит. А в тех де он денгах, что отдал из-за печати Микифору, взял у него Микифора писмо его Микифоровою рукою.

Да положил перед бояриноми ратным воеводою перед Эверт Карлусовичем Горном да перед бояриномже и воеводою перед князем Иваном Никитичем Болшим Одоевским диак Иван Тимофеев писмо на дву лоскутках, а сказал, что то писмо Микифорова рука Коптева, а дал де ему то писмо Микифор противо тех денег. А в писме пишет:

---

[1] Пропуск в тексте.

За Микифоровою печатью Коптева в коробье в меху 12 рублей 19 алтын 4 денги, в меху 7 рублей 32 алтына з денгою.

В меху ж 12 руб. с полтиною.

Всего 33 рубли 2 алтына без денги.

И туто ж стоя, бил челом боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну да боярину ж и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому диак Пятой Григорьев, а сказал: называет де Иван Тимофеев то писмо, что ныне положил перед бояр на дву лоскутках, отписью, буттось де ему отдал Микифор проти[в] тех денег. А то де писмо писано не отписью, и году и месяца и числа, и того, что взял те денги Микифор у Ивана, ничего не написано. А толко б де он Иван у Микифора то писмо взял в денег место, и то б писмо писано не тем обычаем и не на дву лоскутках. А у подьячего у Ивана Конанова диак Иван Тимофеев в денгах его збору, что отдал из-за печати, писмо взял его Ивана Конанова рукою,а писать дал на дестном листу, а не на лоскутках, и тот де лист взял Иван Тимофеев у Ивана Конанова к себе, а у Микифора б де он Иван Тимофеев в денгах такова писма на лоскутках по тому же бы не взял. И его б пожаловать, велеть подьячего Ивана Конанова допросити, на чем он в денгах писмо Ивану Тимофееву давал, на таких ли лоскутках, или на листу, а Ивана Тимофеева велети б допросити, вдруг ли он Микифору денги отдал, и ис которой коробье отдавал, и с чем он Иван ларец Микифоров печатал, а ныне де в нем по осмотру толко поллиста бумаги.

И диак Иван Тимофеев по вспросу про то сказал: Микифору де он Коптеву денги из-за печати одал вдруг, а скоплял де Микифор денги из ларца и ис коробьи, а ис которой коробье отдал, и как де он ту коробью увидит, и он, Иван, ее узнает, а где ныне ту коробью Микифор дел, того де он не ведает, потому, как он Иван отдавал денги Микифору, и в те де поры Микифор от него от Ивана остался у приказу, а он Иван вышел ис приказу наперед его. А принес де ту коробью в те поры к нему Микифор из Дворца. А хто за ним принес, того он не упомнит. А ларец де он, Иван, запечатал с тем, с чем запечатал Анц Бракилев, как печатал в приказе коробьи и ларцы по боярскому приказу наперед его, Ивана. А в те де поры, как Анца печатал, в ларце денег не было, и запечатал тот ларец он, Иван, для числа, потому что у него ярлык, и в печатанье он у Анцы был, а Анцыну де печать снял он, Иван, а денги де в тот ларец клал Микифор после Анцыны печати, а было денег в ларце в трех мешечках.

А что де в том Микифорове писме, которое ему дал Микифор в денгах, месяца и числа не написано, и то де он Иван взял спроста. А про то, что писмо написано на дву бумагах, Иван сказал: на чем де он, Микифор, написал писмо, на том де он и взял, а денгами де он, Иван Тимофеев, Микифорова збору не корыстовался, отдал их Микифору, нешто теми денгами, которые он Иван отдал Микифору, также своровал, как и ныне у них в Дворцовом приказе делаетца. И после де той отдачи у диака у Пятого у Григорьева в приказе по Микифорове ж записке Коптева нет государевых денег сто дватцать втораго году восми рублев, и его б Пятого Григорьева допросить про то, где у них те денги восмь рублев сто дватцать втораго году.

И диак Пятой Григорьев по вспросу сказал: как де подьячего Микифорка Коптева взяли в деревне в поместной шиши, и он де Пятой после Микифора в сентябре или в октябре, того не упомнит, велел подьячему Ивану Конопову Микифоровых дел осмотрети и счесть по приходу и по росходу. И Иван де Конанов ему Пятому сказал, что он по приходным книгам и по росходным сто дватцать втораго году Микифора смечал, и в приходных книгах во всем году толко у него в приходе восмь рублев, а в расходе тех денег восми рублев нет. И он де Пятой велел Ивану ж Конанову прислати Микифорову коробью для досмотру. И Иван де Конанов Микифорову коробью сыскал за Микифоровою печатью Коптева, и ту де он коробью посылал к Ивану Тимофееву с Ываном с Конановым про нее сказывати. И диак де Иван Тимофеев подьячему Ивану Конанову сказал, что ему до той коробье дела нет. И как де ему подьячей Иван Конанов про то, пришед от Ивана Тимофеева, сказал, и он де Пятой после

того взяв с собою подьячего Ивана Конанова да сторожа, ходил с тою коробьею к Ивану Тимофееву сам и роспечатал при нем при Иване Тимофееве. И в той де коробье толко книги сто четвертаго на десять году, а денег в той коробье не было.

И диак Иван Тимофеев против того по вспросу сказал: присылал де к нему, к Ивану, Пятой Григорьев подьячего Ивана Конанова, а сказал де ему Иван, что та коробья Микифора Коптева сто дватцать втораго году, а надобно де им в ту коробью ходити для дел, и он де Иван Тимофеев Ивану Конанову отказал, что ему до той коробье дела нет, потому что тот сто дватцать второй год ему, Ивану, не приказан. И после де того пришел к нему Пятой Григорьев с тем же подьячим с Ываном Конановым и принесли коробью роспечатану, а сказали, что де он Пятой в ту коробью ходил сыскивати денег Микифорова збору Коптева сто дватцать втораго году восми рублев, и в той де коробье денег нет, и он де, Иван, посмотря на ту коробью, говорил Пятому, что та коробья сто дватцать перваго году. А подьячей де Иван Конанов сказывал ему диаку Ивану Тимофееву, что буттося та коробья сто дватцать втораго году. А печать де у той коробье была его, Иванова, и ту де печать сняли в Дворце, и о том де он, Иван, диаку Пятому Григорьеву велел учинити записку, что в ту коробью ходил он Пятой. И тому де у него у Пятого и записка есть. И толко де будет он Иван в ту коробью с Пятым ходил и роспечатывал будет Пятой при нем, при Иване, и он бы его Пятой и в список в досматривалной написал с собою ж. А про то де он, Иван, что ходил в коробью сто дватцать перваго году за его печатью без него, без Ивана, бояром Эверт Карлусовичю да князю Ивану Никитичю не сказывал.

И диак Пятой Григорьев против того по вспросу сказал: Микифоровой де коробье Коптева, в которую ходил он Иван перед Иваном Тимофеевым, осмотру своего записку учинил по слову с Ываном Тимофеевым, да ту записку положил перед бояры перед Эверт Карлусовичем да перед князем Иваном Никитичем. А в записке пишет:

Лета 7123-го г[оду] сентября в...[1] день Дворцового приказу диак Пятой Григорьев смотрел того же приказу денежного стола подьячего в Никифорове коробье Коптева государевых денежных доходов, и дел, и писма всякого в той коробье, которая у него у Никифора коробья взята для всяких государевых дел после тех мест, как по боярскому приказу диаку Ивану Тимофееву велено в прошлом во 121-м году августа в 17 день подьячих во всяких государевых делах считати. И по досмотру диака Пятого Григорьева в той его Никифорове коробье книги приходные и росходные государевым денежным всяким доходом прошлого 114-го году, а денег и иных дел в той его коробье ничего нет. А досматривал диак Пятой Григорьев в той его Никифорове коробье денег и всяких государевых дел для того, что того Никифора в нынешнем во 123-м году сентября в...[1] день взяли в государеве в Бережском погосте воровские казаки.

Диак П я т о й Г р и г о р ь е в.

На обороте: Справил подъячей И в а ш к о К о н а н о в

И того ж часу боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин же и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской велели для допросу поставити перед собою подьячего Ивана Конанова да сторожа Дворцового приказу, которой коробью носил, допрося про имя его у Ивана у Конанова.

И перед бояры перед Эверт Карлусовичем да перед князем Иваном Никитичем подьячего Ивана Конанова да сторожа Онтонком зовут поставил.

А по вспросу подьячей Иван Конанов з диаком с Ываном Тимофеевым с очи на очи сказал: у дияка де у Ивана Тимофеева своего збору из-за печати шестнатцать рублев взял, а дал в том диаку Ивану Тимофееву писмо своею рукою, а писал на десном листу, а лист был не розодран. А на том листу только его Ивана Конанова писмо. А написав тот лист, отдал диаку Ивану Тимофееву, он, Иван деи Тимофеев, посмотря того его писма и сказав ему, приписал своею рукою в его писме ко взятью из-за печати, а у него де то слово, что из-за печати было не написано, а приписав де то слово, взял тот лист к себе Иван Тимофеев, а ныне ис коробьи он, Иван, тот лист взял.

---

[1] Пропуск в тексте.

А диак Иван Тимофеев, туто ж стоя с Ыіваном Конановым с очи на очи, сказал: лист росписной подьячего Ивана Конанова его, Ивановою Конанова, рукою у него, у диака у Ивана, не бывал, а отдал де ему, Ивану Конанову, денги и записал сам он Иван Тимофеев, а ныне б его подьячего Ивана Конанова велети допросити про те денги, что у него взял из-за печати, где он, Иван Конанов, те денги дел и в приходной книге те денги, как взял из-за печати, описал ли?

И подьячей Иван Конанов по вспросу сказал: те денги, которые он взял из-за печати у диака у Ивана Тимофева, отдал он боярина и болшого ратного воеводы Якова Пунтосовича Делегарда дворецкому Антонью, а в приходные де книги тех денег он в те поры, как взял, не писал, потому что те денги писаны в приходе до запечатыванья, и только де было ему те денги после отдачи из-за печати в приход писати, и те б денги стали вдвое.

Да подьячей же Иван Конанов по вспросе сказал: диак де Пятой Григорьев посылал его Ивана Конанова к диаку к Ивану Тимофееву с Микифоровою Коптева коробьею 122-го году для того, что было в ту коробью ходити для дел, а нес де за ним ту коробью сторож. И диак де Иван ему, подьячему Ивану Конанову, отказал, что де ему, Ивану Тимофееву, до той коробьи дела нет. И он де Иван Конанов про то, пришед, Пятому сказывал, и Пятой после того, взяв его, подьячего Ивана, да сторожа, с тою коробьею ходил сам к диаку к Ивану Тимофееву вверх и ту коробью роспечатав, и смотрел при дьяке при Иване, и в той де коробье толко книги сто четвертаго на десять году. А после де осмотру диак Иван Тимофеев о том, что Пятой ходил в коробью, велел ему ж, Пятому, учинити записку. А была де та коробья сто дватцать втораго году, а не сто дватцать перваго году, а печать у ней была Микифорова. А к Ивану вверх носили коробью одну. А про Микифоров список, в котором написаны денги за росходом в остатке, сказывал диаку Пятому он, подьячей Иван Конанов, а видел его он в коробье приискиваючи у диака у Ивана дел. А про отдачю денежную у Микифора о том, что он, Иван, отдает ли денги ему, Микифору, или не отдает из-за печати, про то де он у Микифора в розговоре не слыхал. И остались ли у Микифора денги в государеве казне его збору или не остались, того де он, Иван Конанов, не ведает. А как поехал Микифор в деревню свою, и он де у Микифора про денги не слыхал же и с ним на поезде не видался. А как де его, Микифора, взяли к счету, и он в Дворце государевых дел не делал и денги во сто дватцать втором году опроче восми рублев не принимал, а приходил де к ним в Дворец от счету.

Да по вспросу ж диак Иван Тимофеев сказал: подьячей де Микифор Коптев у счету с ним был по боярскому веленью, а в деревню свою сьехал не по его Иванову отпуску, а он де Иван его Микифора в деревню не отпущал, а хто отпущал, того де он не ведает. А бояром де он, диак Иван, про то, что Микифор в деревню сьехал без его отпуску, не сказывал потому, что поезду его Микифорова не ведал, а сведал про него после, что взяли его Микифора в деревни шиши.

А Дворцового приказу сторож Онтонко Рукавичкин по вспросу сказал: Микифора де Коптева коробью он сторож за подьячим за Иваном Конановым из Дворца вверх к диаку к Ивану Тимофееву носил, а печять де у той коробки была Микифорова, и ту де коробью оставил вверху. А что диак Иван подьячему Ивану Конанову говорил, того де он не слышел, а после де так коробья объявилась в Дворце, а принесена без него Онтонка. А делалось де то недель с пять. А про денги, где Микифор своего збору денги клал, того де он Онтонко не ведает, человек он в приказе новой.

Да боярину ж и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну да боярину ж и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому диак Пятой Григорьев подал на дьяка на Ивана на Тимофеева писмо. А в писме его пишет:

Да тот же ведомой вор Иван Тимофеев украл с отцом своим духовным с протопопом с Омосом из опалной из Михайловой рухляди божья милосердья Спасов образ да образ другой великого чюдотворца Николы, обложены золотом с прикладыми золотыми, и те у них образы сысканы, и тому записка из дела в Розряде. А велено

на нем за то воровство двесте рублев доправить да те денги на него и по ся места не доправлены. Да и [м]ногое его Иванова воровство в государеве собалиной казне, и в опалных рухлядях, и в государевых в казенных денгах с подьячим со Жданом Медведевым вместе корыстовались и государевы денги меж собя делили, а денег у них меж ими изгибло государевых тысечи с полтрети, то он на собя не объявил, и те денги закрыл. Таку память сам подал диак Пятой Григорьев.

И боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин же и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской, выслушав того Пятого писма Григорьева, вспросили у него: написал он в своем писме диака Ивана Тимофеева ведомым вором, да он же написал, что он, Иван, с отцом своим духовным с протопопом с Амосом украл два образа Михайловы рухляди Татищева, и в соболиной казне и в рухлядях написал многое воровство Иваново, и что де у нево же, у Ивана, с подьячим со Жданом Медведевым изгибло государевых денег с полтрети тысечи, а имянно в том своем писме он Пятой не написал, как и которыми обычаи диак Иван Тимофеев с протопопом те образы украли, и в соболиной казне и в опалных рухлядях какое его воровство, и которым обычаем у диака у Ивана Тимофеева с подьячим со Жданом Медведевым с полтрети тысечи рублев денег изгибло. И ныне б он про то сказал им бояром подлинно.

И диак Пятой Григорьев против своего писма з диаком с Ываном Тимофеевым с очи на очи про все статьи в роспросе порознь сказал: диака де Ивана Тимофеева он в писме своем вором написал потому, что его Иван вором называл не по делу, а и потому, был де он, Пятой, у гостя у Степана у Иголкина на подворье, как он, Степан, поехал в Свею, и слышел он, Пятой, у гостя, у Степана у Иголкина, в розговоре, что был он, Степан, в Новегороде приказан у опалные рухляди Михайла Татищева з диаком с Ываном Тимофеевым, и после де его диак Иван Тимофеев с отцем своим духовным с софейским протопопом с Амосом укрыли ис тое из Михайловы Татищева рухлядей божья милосердья два образа, образ Спасов да образ Николы чюдотворца, обложены золотом, и за то де на них по сыску велено доправить пенные денги. Да и про записку де ему, Пятому, Степан сказал, что тому делу и записка есть в Розряде, и про те де образы ведает по той Степанове скаске. Да слался в том по Степанове скаске на записку в том деле.

А диак Иван Тимофеев против того сказал: образов де он с протопопом из Михайловы рухляди не крадывал, а наперед де сего ему, Ивану, о тех образех роспрос был при диакех при Корниле Иевлеве да при Семейке Самсонове, а оне ему были недрузи, а записано ли то дело в те поры или не записано, того де он не ведает. А сыскивали де те образы по челобитью боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского, а дал де он Иван Тимофеев протопопу Амосу из Михайловы рухляди Татищева те два образа по приказу боярина и воеводы князя Михайла Васильевича Шуйсково до государева указу, и отпись де у него у протопопа в тех образех он, Иван, взял. А в списке де, каков список взял с собою, поидучи из Новагорода к Москве боярин и воевода князь Михайло Васильевич Шуйской, про те образы, что отданы по приказу его боярина и воеводы и воеводы[1] князя Михайла Васильевича Шуйсково протопопу Амосу до государева указу, он, Иван, описал, а с того списка у него, Ивана, есть противень. А даны де те образы протопопу Амосу до государева указу, потому что бил челом протопоп Амос боярину и воеводе князю Михайлу Васильевичю о тех образех многижда с великою докукою, а сказывал, что де Михайло Татищев ему, протопопу Амосу, был сын духовной, и приказывал при своем животе те образы ему, протопопу Амосу, по себе и по своих родителех. А что де в те поры, как сыскивали тех образов по челобитью боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского, протопоп Амос в тех образах запирался, и то де он учинил не по его, Иванову, веленью. А как де те образы в то время, как сыскивали у протопопа у Амоса на подворьи, выняли, и после де того по московской грамоте те образы отданы боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому. А в том, что на нем, Иване, буттось велено с протопопом с Амосом допра-

[1] Так в тексте.

вити пенных денег за те образы, сослался на записку: будет та записка и приговор за государевою печатью и за диячими руками.

А боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской, выслушав Пятого писма Григорьева и его речей, и Ивановых речей Тимофеева, говорил боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну: про которые де образы сказывает на Ивана Пятой, и Иван в роспросе сказывает, и про те де он образы ведает подлинно, как де после шурина его Михайла Татищева рухлядь Михайлову взяли на государя, а те образы, образ Спасов да образ Николы чюдотворца, взяли с тою рухлядью, а был де у той рухляди по приказу боярина князя Михайла Васильевича Шуйсково дияк Иван Тимофеев да гость Степан Иголкин. И как де он, князь Иван Никитич, учал про те образы шурина своего Михайла Татищева сыскивати, и ему де боярину князю Ивану Никитичю сказал про те образы гость Степан Иголкин, что де те образы у протопопа Амоса, и протопоп про те образы ставлен и роспрашиван. И в роспросе тех образов у себя не сказывал. И те образы после роспросу у него, протопопа, выняты и отданы ему князю Ивану Никитичю по московской грамоте все целы, и он князь Иван Никитич те образы сослал к шурьям своим к Москве, а приговор де в пенных денгах писан был до сыску, до которых мест те образы не сысканы, а писал его дияк Семейка Самсонов. А как де образы у протопопа сыскали, и он де князь Иван Никитич тот приговор и подрал, потому что он, князь Иван Никитич, был о тех образех челобитчик. А имя его в приговоре о том деле дьяки написали, а записка де о том деле и ныне лежит у него, боярина и воеводы у князя Ивана Никитича, запечатана его печатью в печатной коробье, где лежит государева ноугородцкая печать.

И боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн говорил боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому, чтоб он ту записку велел прискати.

И того ж часу по приказу боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского записка о образех сыскана в печатной коробье запечатана печатью боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского.

И королевского величества боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской тое записки о образех смотрели и слушали, и под тою запискою подклеен приговор о пенных денгах, что велено доправити пени на дияки на Иване Тимофееве да на протопопе Амосе, а государевы печати у приговору и у записки и у приговору ж дьячих приписей нет. А выслушав, боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин и воевода князь Иван Никитич Болшой Одоевской тое записки и приговору, велели того ж часу выписати ис приговору, потому что ис той записки о всем объявилось в приговоре.

И в приговоре, каков подклеен под запискою, написано...[1]

Да под приговором ж написано, что пенные денги по приговору на протопопе Амосе и на Иване Тимофееве велено доправити и на поруку дати Василью Ушакову да Ивану Брянцову. И память им о том дана такова. А памяти под запискою и под приговором никакие нет.

И та записка и приговор положена в печатной же коробье того же часу.

А про соболиную казну, и про опалные рухляди, и про денги про пол-3000 рублев Пятой Григорьев сказал: написал де он про те дела на Ивана Тимофеева, слыша от людей в розговорех, а он человек приезжей, те дела делалися до него, и в тех бы делех во всех велети дияка Ивана Тимофеева счести.

И дияк Иван Тимофеев бил челом боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому, чтоб его пожаловати, велети допросити Пятого Григорьева против тех речей и писма его, в котором году у него у Ивана Тимофеева со Жданом Медведевым денег пол-3000 рублев изгибло.

[1] См. док. № 1 — приговор боярина кн. И. Н. Большого Одоевского и дьяков Корнила Иевлева и Семейки Самсонова по делу дьяка И. Тимофеева и протопопа Амоса от апреля 1611 г.

И дияк Пятой Григорьев по вспросу сказал: слышел де он в розговоре у подьячего у Микифора у Коптева, что де у Ивана Тимофеева со Жданом Медведевым многие воровские статьи в государеве казне. А в котором году те у них статьи воровские есть, того де он не ведает, толко б его Ивана велети по книгам счести при его седенье, и по книгам де в счете то все объявитца.

Да в том Пятой слался из виноватого на книги при Иванове сиденье Тимофеева.

А диак Иван Тимофеев на книги приходные и на росходные и на товарыщей в том из виноватого слался ж.

Да сказал Иван: был де в Новегороде в дияцех Ефим Телепнев да он, Иван, и толко де будет Пятой Григорьев называет воровством ту статью, что Ждан Медведев учинил при боярине и воеводе при князе Михайле Васильевиче Шуйском, и он де Иван про то скажет ныне, как де приехал в Великий Новгород боярин и воевода князь Михайло Васильевич, а с ним дияк Сыдавной Васильев, и велели де им делати на приход и на росход свои книги, и подьячей де Ждан Медведев зделав книги, написал в те новые книги в приход и болши полутретьих тысеч ноугородцких доходов, а в прежних в приходных в болших книгах те денги в приходе написаны в розных статьях, колко в которой статье каких доходов взято. И про то де он, Иван, в счете в своем объявил, а не укрыл той статьи. И его пожаловати, допросити про то Пятого, про те ли денги он опять на него сказывает.

И дияк Пятой Григорьев по вспросу сказал: как де велят счести Ивана Тимофеева, и он де Пятой чает, что и не столко объявитца, а при Ждане Медведеве про те статьи он, Иван, ведал, и ему про то наровил и бояром про то не сказывал.

И дияк Иван Тимофеев по вспросу сказал: про то де он, Иван, что написаны денги у Ждана вдвое, бояром не сказывал, а счетной список был де у боярина...[1], а перечневой список у дияка у Меньши Мартыновича, а чьи пометы у тех статей, в которых написаны денги вдвое, того де он не упомнит.

И боярин и ратной воевода Эверт Карлусович Горн да боярин князь Иван Никитич Болшой Одоевской велели дьяку Ивану Тимофееву счетной список положити перед собою для досмотру про те статьи, как у него те статье в счетном списке написаны.

И того ж часу дияк Иван Тимофеев счету своего список перед бояры положил.

И бояре и воеводы Эверт Карлусович Горн да князь Иван Никитич Болшой Одоевской велели ис того счетного списка про те статьи выписати.

И в счетном списке диака Ивана Тимофеева написано:

Во 117-м году при боярине и воеводе при князе Михайле Васильевиче Шуйском в приходе 32952 рубли 13 алтын пол-6 де[ньги], опроче 2554-х рублев 18 ал[тын] пол-2 де[нег], которые денги подьячей Ждан Медведев, забывсясь сном, да в дву книгах одне денги двожды в приходе написал, и тот счетной список дал диаку Ивану Тимофееву.

Да тут ж, не сходя от роспросу, дияк Иван Тимофеев боярину и ратному воеводе Эверт Карлусовичю Горну да боярину князю Ивану Никитичю Болшому Одоевскому подал счету своего список Дворцового приказу об дровах, а в счетном списке пишет.... [2]

Да по вспросу ж дияк Иван Тимофеев про ту статью, что в списке в счетном своем, который список счетной о дровах написал он, Иван, что у Пятого у Григорьева перед приходом в росходе много лишних денег, сказал, что по его, Иванову, счету объявилось лишка сверх приходу во Дворце дватцать семь рублев, а по рукам по подьяческим лишка у Первого у Карпова пять рублев дватцать алтын, у Микифора у Коптева тритцать три рубли, у Ивана у Конанова шестнатцать рублев, и ис того де числа надобно против приходу в росход по его счету дватцать шесть рублев, а что за тем, и то лишек.

---

[1] Далее полностью стерто несколько слов.

[2] Далее следует выписка из расходных книг и других документов и допрос Пятого Григорьева.

Да туто ж, не сходя от роспросу, дияк Иван Тимофеев бояром Эверт Карлусовичю да князю Ивану Никитичю подал челобитную. А в челобитной пишет:

Пресветлейшему и высокороженному государю королевичю и великому князю Карлусу Филиппу Карлусовичю бьет челом холоп твой Иванко Тимофеев.

Жалоба, государь, мне по ноугородцкого диака дворцового на Пятово Григорьева. По приказу, государь, твоих, государевых, бояр и воевод, боярина и болшово ратново воеводы Якова Пунтусовича Делегарда да боярина и воеводы князя Ивана Никитича Болшого Одоевского, велено мне, холопу твоему, в Великом Новегороде считати в диячих избах в обеих приказех, в Боярской избе, где бояре сидят, и Дворцовой приказ подьячих всех столов в денежных в приходех и в росходех по книгам за семь лет, со 115-го году по 122-й год. И я, холоп твой, обеих приказов по книгам в колких столех подьячих поспел счести по сю пору, только счол. И недочет твоей, государеве, казне в счотных списках объявил, и дьячьи и подьяческие наружные вины потому же объявлены, как твоею, государевою, казною корыстовались, в книги и в списки денги и всякую казну в росход записывали. И ныне, государь, рняся тому моему счоту, дворцовой диак Пятой Григорьев, счотное дело хотя поставити, штоб их вины не обьявилися, подал твоим, государевым, бояром на меня писмо безделное, хотя тем свои премые вины замять, которые на них прямые их вины у счоту ныне сыканы, а написал, государь, Пятой в том своем безделном писме меня холопа твоево, ведомым вором, неведомо почему, без улик. А я, холоп твой, у прежних великих государей царей был во многих приказех на Москве у великих дел и зде в Новегороде, а воровства моего никакова нигде не бывало.

Милостивый государь королевич и великий князь Карлус Филип Карлусовичь, пожалуй холопа своего, вели мне на тово Пятово Григорьева дати управу, штоб я, холоп твой, от такова без вины на старость в позоре обезчестен не был.

Государь, королевич и великий князь Карлус Филип Карлусович, смилуйся [1].

Стокгольмский государственный архив, фонд новгородских документов, ст. № 55.

[1] Дальнейшие документы не дают ничего нового, повторяют старый материал. Дело не закончено. Черновые бумаги по данному делу о И. Тимофееве см. в том же фонде под №№ 201, 247.

Дневники Воспоминания

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЕ Г. И. ТХОРЕ

12 марта 1959 г. приказом министра обороны СССР генерал-майор авиации Григорий Илларионович Тхор был зачислен навечно в списки N авиационного полка. В приказе говорилось: «Беззаветная преданность социалистической Родине, героизм и верность военной присяге бесстрашного советского патриота генерал-майора авиации Тхора должны служить примером для всего личного состава Вооруженных Сил СССР» [1].

Осенью 1923 г. Григорий Тхор, двадцатилетний член сельского Совета с. Подлипное, вступил добровольно в ряды РККА и по разверстке Конотопского укома комсомола был послан на 9-е Сумские пехотные командирские курсы имени Щорса. Вскоре он был направлен в Объединенную военную школу имени ВЦИК. Бывшие командиры школы помнят его не только как лучшего курсанта, но и как энергичного бессменного редактора многотиражной газеты «Кремлевец».

В апреле 1926 г. Г. И. Тхор вступает в члены ВКП(б). В мае 1931 г. он добивается разрешения Наркомата обороны о переходе в военную авиацию и стажируется в Гомельской 52-й авиаэскадриле на летнаба, а через три месяца сдает экстерном экзамены за школу летнабов. Через некоторое время заканчивает авиашколу и становится пилотом.

Осенью 1936 г. в группе советских летчиков-добровольцев Тхор прибывает в Испанию. На фронтах республиканской Испании экипаж старшего лейтенанта Тхора совершил 102 боевых вылета.

В 1938 г. полковник Тхор руководит всей боевой работой наших летчиков-добровольцев, самоотверженно отстаивающих свободу и независимость великого китайского народа в тяжелых боях с японскими интервентами.

В 1940 г. в числе первой группы советских военачальников он был удостоен звания генерал-майора авиации.

Заслуги Г. И. Тхора были высоко оценены Советским правительством; он был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом «Знак Почета». Незадолго до Великой Отечественной войны опытный боевой военачальник Г. И. Тхор назначается заместителем командира дивизии бомбардировщиков дальнего действия. И фактически с первых же дней войны командует дивизией, так как ее командир был болен и прибыл в дивизию только в конце июля 1941 г.

В тяжелые первые месяцы войны дивизия показала высокие образцы боевой работы [1)].

В сентябре 1941 г. Г. И. Тхор был тяжело ранен в голову и плечо и в бессознательном состоянии захвачен в плен.

---

[1] Приказ министра обороны СССР № 87, 12 марта 1959 г. См. газ. «Красная звезда» от 15 марта 1959 г.

Шарлоттенбургская тюрьма (Берлин), международный лагерь военнопленных офицеров — Хаммельбург (офлаг — XII-д), Нюрнбергская тюрьма гестапо, штрафной концентрационный лагерь Флоссенбург — вот этапы тяжелого пребывания Г. И. Тхора в фашистской неволе.

Но никакими пытками и провокациями гитлеровцы не могли сломить воли и мужества советского генерала. В марте 1942 г. фашисты доставили Г. И. Тхора, измученного, с открытыми ранами, доведенного до полного истощения, в международный лагерь военнопленных офицеров — Хаммельбург.

Публикуемые письма — воспоминания бывших узников Хаммельбурга — Н. Т. Копельца, Н. Ф. Панасенко, И. А. Панфилова, К. Н. Кузьмина — рассказывают о мужестве, героизме и стойкости Г. И. Тхора. С первых дней пребывания в лагере он возглавил боевую деятельность существовавшей в Хаммельбурге подпольной организации Сопротивления, созданной советскими офицерами и генералами, и до последнего вздоха оставался на боевом посту, бесстрашно отстаивая честь нашей Родины.

В январе 1943 г. Тхор был зверски замучен в бункере тюрьмы Флоссенбурга.

В течение почти трехлетних поисков мною собрано среди участников Хаммельбургской и Флоссенбургской организаций движения Сопротивления фашизму и боевых товарищей Г. И. Тхора по авиации более 1500 писем-воспоминаний.

Публикуется лишь небольшая часть этих воспоминаний, тщательно проверенных среди участников организации Сопротивления лагеря Хаммельбург и штрафного концлагеря Флоссенбург как путем переписки, так и в личных встречах.

Биографические сведения проверены по данным архива Министерства обороны СССР.

Все материалы одобрены участниками встречи бывших узников Хаммельбурга и Флоссенбурга, состоявшейся в Москве 20 июня 1958 г., и публикуются впервые.

* * *

Надеюсь, что товарищи, лично знавшие Г. И. Тхора, откликнутся на эту публикацию и дополнят уже собранный материал новыми, пока еще не известными фактами.

А. С. Юркова

Воспоминания о генерале Г. И. Тхоре

I

Однажды, вызвав меня в комендатуру блока лагеря военнопленных в Хаммельбурге (Hammelburg), офлаг XII-д (в котором я, по заданию подпольной патриотической организации, возглавляемой в свое время генерал-майором Никитиным И. С., с сентября 1941 г. работал переводчиком при штабе блока), ст. унтер-офицер блока (по происхождению — австриец) сообщил:

«Николай, скоро в блок приведут одного летчика; он генерал, привезли из Берлина. Он был в Моабите [1]. Он настоящий герой (Er ist richtige Held!). Сейчас он содержится в абвере (Abwehr)» [2].

Часа два спустя этот же ст. унтер-офицер, вызвав меня вновь, сообщил: «он уже здесь». На мой удивленный вопрос: «Где „здесь"?» — (так как все это время я следил за воротами и не видел, чтобы кого-либо вводили) последовал ответ: «В карцере, за бараками».

---

[1] Как впоследствии установлено свидетельскими показаниями генерал-майора А. С. Зотова, В. П. Приходько, П. Л. Булавко, Г. И. Тхор содержался в Шарлоттенбургской тюрьме.

[2] Речь идет о фашистской военной разведке, где допрашивался Г. И. Тхор.

Направившись к помещению карцера и проходя мимо окон, я увидел в одном из них человека в полушубке,— это был генерал-майор авиации Григорий Илларионович Тхор.

На мое приветствие и обращение с вопросом, не могу ли я быть чем-либо полезным, последовал ответ: «Кто Вы и откуда Вам известно, что я генерал?» Затем он спросил о контингенте лагеря, режиме, о том, сильно ли свирепствует гестапо и т. п.

К сожалению, свисток и окрик часового заставили меня уйти, но все же я успел ему кое о чем рассказать и предупредить о возможных провокациях.

Незадолго до вечерней поверки (Appell) в блок пришел старший переводчик комендатуры лагеря — Оредат. Как бы мимоходом он бросил реплику: «Наверное, этот летчик — генерал, который сидит в карцере, здорово насолил, раз его привезли в наручниках, да еще в сопровождении шести конвоиров с собаками. Начальник конвоя заявил, что это настоящий герой; он был ранен, когда падал с подбитого самолета» [3].

В тот же вечер я оповестил всех, с кем был связан по подпольной работе, о том, что в лагерь доставлен и посажен в карцер генерал-майор Г. И. Тхор.

Все последующие дни, как только появлялась какая-либо возможность, я подходил к окну Григория Илларионовича и информировал его о лагерной жизни, зверствах гестапо, о начальнике полиции — предателе Латыпове, выдавшем гестапо многих наших товарищей, о том, что гитлеровцы намеревались превратить Хаммельбургский лагерь в центр отбора военнопленных в различные антисоветские организации и для этого создали среди военнопленных профашистскую «партию», которую возглавил предатель С. Мальцев, величавший себя «генеральным секретарем» РТНП [4], о том, как это гнусное отребье, с санкции гестапо, издавало полные мерзкой клеветы провокационные листовки; о том, как изможденных голодом, доведенных до отчаяния бесконечными издевательствами людей пытались вербовать в пресловутую РТНП, обещая улучшить условия тем, кто вступит в ее ряды, соблазняя котелком супа, куском хлеба и сигаретами...

Наконец, я рассказал Г. И. Тхору о том, что генерал-майором И. С. Никитиным была создана подпольная патриотическая организация, о задачах, поставленных Никитиным в то время, когда он был еще в лагере, и о том, что организация продолжает существовать и после его ареста.

Во время одной из бесед Г. И. Тхор рассказал, что фашисты хотели его завербовать, обещая всякие награды, соблазняя виллой и прочей дрянью, лишь бы он выдал секреты нового вооружения. «Думали,— сказал он,— что я попрошу пощады, когда меня за руки подвешивали. Ну, ничего, посмотрим еще кто — кого».

Вскоре Г. И. Тхор был переведен в блок, ближе познакомился с остальными членами подпольного комитета нашей патриотической организации и возглавил ее работу.

От ст. унтер-офицера блока Мюллера и ст. переводчика комендатуры Оредата мне стало известно, что в ближайшее время в лагерь должна приехать группа представителей организации Тодта и вербовщики-власовцы.

В тот же день в одной из комнат мастерской игрушек (служившей чем-то вроде кладовой сырья) было созвано бюро, на котором Григорий Илларионович поручил майору Н. Панасенко, капитан-лейтенанту Е. Тыжненко (работавшему бригадиром команды банщиков), мне и другим товарищам развернуть разъяснительную работу, направленную на срыв вербовки в организацию Тодта, занимавшуюся строительством оборонных сооружений.

Одновременно обсуждался вопрос о подготовке побега. Кроме основных задач, поставленных Г. И. Тхором, было решено бороться за каждого человека, активно участвовать в отборе и отправке военнопленных на работы как в самом лагере, так и

---

[3] Здесь допущена неточность. Г. И. Тхор был ранен в наземном бою.— *А. Ю.*

[4] Так называемая «Русская трудовая народная партия».

во внешние команды, в распределении по баракам; усилить наблюдение за предателями и возможными провокаторами, максимально ослаблять врагов, не допускать роста пресловутой РТНП.

Г. И. Тхор предложил мне и ряду других товарищей посещать хоровой музыкальный кружок, созданный с разрешения лагерного командования и служивший хорошей ширмой для сбора военнопленных.

Одним из источников информации стало общежитие банщиков. Банщики имели возможность перекинуться несколькими словами с сербами и французами, изредка проносить швейцарские газеты, а иногда и обрывки сведений, передаваемых подпольной французской радиостанцией.

Немалую роль в информации играли и немецкие газеты, которые мне удавалось доставать через Оредата и Мюллера, а также и отрывочные беседы с охраной лагеря (в это время в охране лагеря было очень много солдат и унтер-офицеров,— в основном призванных из запаса,— выздоравливающих после ранения на фронте).

Все эти сведения сосредотачивались у Григория Илларионовича и с соответствующими комментариями распространялись среди военнопленных то во время бесед, то в виде листовок.

Нам было ясно, что проводимая под руководством генерала Тхора подпольная агитационная работа чревата большими опасностями и если о ней пронюхают в гестапо, то никому из нас не сдобровать.

Однако все мы помнили слова Тхора: «Человек рожден не для того, чтобы во имя сытной еды и личного благополучия терпеть унижения, пресмыкаться, лгать и предавать. Родиться для того, чтобы есть, пить и, наконец, умереть — это паразитизм. Ценность каждого из нас должна определяться той пользой, которую мы можем принести своей Родине, своему народу. Нужно бороться до последней возможности, пока есть силы, не самим гибнуть, а побеждать — это наша задача».

Интенданту Г. Ткаченко, капитану Н. Гришину и мне пришлось некоторое время работать в картотеке комендатуры лагеря над составлением уточненных списков военнопленных, намеченных к вербовке.

Пользуясь тем, что нас заперли в комнате, где больше никого не было, капитан Гришин и интендант Ткаченко, знавшие о моей работе в подпольной организации, каждый раз, как только им попадались в руки карточки с какими-то условными штампами, называли мне фамилии и штамп.

К концу работы был составлен целый список генералов и офицеров с пометками «V», «FV» и «G» или с несколькими штампами сразу. На некоторых карточках были штампы «Z».

Через Оредата и Мюллера мне удалось выяснить, что красные штампы означают: «подозрительный» (Verdächtig), «подозреваемый в побеге» (Felcht Verdacht), «опасный» (Getährlich), «надежный» (Zuverleißig).

На карточке Г. И. Тхора стояли два штампа «G» и «FV». Такие же штампы стояли на карточках генералов Михайлова, Преснякова, Шепетова; майоров Панасенко и Эрусте; инженер-капитана Николаева и других. Карточки генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева, генерал-майора Зусмановича и ряда других (в том числе и моя) были украшены штампами «G» и «V». Через всю карточку генерала Зусмановича красовалась надпись «Juden».

Обо всем этом я немедленно доложил Григорию Илларионовичу. Стало очевидным, что дальше медлить нельзя.

После долгого обсуждения руководители подпольного комитета, возглавляемые Г. И. Тхором, решили ускорить подготовку к побегу. Было создано несколько групп, назначены старшие, распределены обязанности, специально выделены товарищи, отвлекающие внимание охраны; было дано задание уточнить подступы к складу оружия и боеприпасов, расположение постов, наиболее безопасные маршруты.

По заданию Г. И. Тхора майор Н. Панасенко и капитан А. Ужинский скопировали изъятую капитаном Ужинским из немецкой столярной мастерской топографическую

карту (в эту мастерскую капитана Ужинского водили за получением материалов и инструментов). Капитан-лейтенант Е. Тыжненко достал очень хороший компас у сербов.

Необходимо было организовать запас продуктов. Для этого частично была использована мастерская игрушек, организованная в свое время капитаном А. К. Ужинским. Выпускаемые в мастерской игрушек шахматы, домино, шкатулки, мундштуки, ножи для бумаги и т. п. частично утаивались и выменивались у немецких солдат на продукты (консервы, маргарин, хлеб и т. п.). Все эти продукты были на строгом учете у руководства комитета подпольной организации и распределялись между наиболее пострадавшими и изнуренными товарищами. Многим, доведенным до полного истощения, буквально возвращали жизнь. Большую помощь медикаментами и продуктами оказывали сербы и французы. Немалую роль в пополнении запасов продуктов играло и то обстоятельство, что на немецкую кухню удалось устроить на работу четырех человек, которые ежедневно приносили оттуда различные продукты и готовую пищу.

Накопленные запасы хранились в инфекционном бараке санчасти (Revier) блока, у члена подпольной организации Г. Куклина.

Систематически проводимая по указанию Григория Илларионовича агитационная работа и выпускаемые комитетом подпольной патриотической организации листовки дали блестящие результаты: ни одно из намеченных гитлеровцами мероприятий по вербовке в организацию Тодта, РОА, на курсы шпионов и диверсантов и т. п. успехом не увенчалось.

Полный провал вербовок взбесил гитлеровцев. В лагерь стали поступать сведения от приезжавших из различных рабочих команд о работе, развернутой там товарищами, направленными по указанию Григория Илларионовича. Во всех командах, где были наши товарищи, инструктируемые перед отправкой туда Тхором, проводились акты саботажа. Так, на заводах в Регенсбурге, на «Фелла-верке» и других было выведено из строя много станков.

На авиационных заводах «Мессершмидт» передерживались в ваннах дюралевые заклепки, нарушались технология и режим ванн и т. п.; в результате дюраль становился более хрупким и т. д.

Опять стало свирепствовать гестапо. Арестовали и увезли Тхора, генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева.

Однако фашисты просчитались, надеясь, что с арестом Тхора они расправятся с нараставшим сопротивлением военнопленных. Организацию Сопротивления возглавил генерал-майор бронетанковых войск Н. Ф. Михайлов. Подготовка к побегу и работа среди военнопленных продолжались, но только более конспиративно.

В Хаммельбурге было назначено новое командование лагерем и заменено руководство блоком. Под угрозой расстрела было запрещено выходить из бараков после наступления сумерек. Усилились посты. Начались безжалостные избиения. Систематические, но проводимые в различное время суток обыски ничего не давали. Фашисты выходили из себя. Не имея нитей подпольной организации, гестаповцы начали арестовывать всех, кто был у них на подозрении.

Однако нам было ясно, что все эти зверства — результат страха фашистов, результат их слабости и далеко не блестящих дел на Восточном фронте. Правильность этих выводов подтвердили просочившиеся в лагерь слухи об огромных потерях гитлеровцев под Сталинградом.

* * *

В середине декабря 1942 г. было арестовано и увезено 28 человек, в том числе Н. Ф. Михайлов, Н. Ф. Панасенко, Р. Р. Эрусте, Б. И. Николаев и другие. 10 февраля 1943 г. арестовали С. А. Ткаченко, П. Новикова, Прохорова, Т. Новикова, С. В. Вишневского и других; всего было арестовано 18 человек, в том числе и я. 11 февраля нас привезли в Нюрнбергскую тюрьму гестапо. После тщательного обыска и жестокого, до потери сознания, избиения нас загнали в тесную камеру.

Здесь на стене нами была обнаружена надпись: «Генерал Тхор, 18 декабря 1942 г.». Под этой надписью следовало 28 фамилий тех, кто был арестован и увезен вместе с Н. Ф. Михайловым. Стало ясно, что из Хаммельбурга путь вел в Нюрнбергскую тюрьму гестапо. А дальше?

Неоднократные допросы, производившиеся по 3—4 раза в сутки и сопровождавшиеся зверскими пытками, издевательствами и избиениями с требованиями подписать показания о том, что мы состояли в подпольной организации и готовили вооруженный побег, вели агитацию как среди военнопленных, так и среди немецких солдат, саботировали сами и подготавливали других к саботажу мероприятий немецкого командования, что нами руководил Тхор, что им все это давно известно и что Тхор во всем признался, были безрезультатными.

И вот, 23 февраля 1943 г., задолго до рассвета, нас вывели, попарно заковали цепями и в сопровождении собак отправили, как потом выяснилось, в каторжный лагерь Флоссенбург (Flossenburg), или, как его сокращенно называли, «KL Floss»

В тот же вечер нам стало известно, что в этом лагере много советских военнопленных, но о Григории Илларионовиче никто ничего не знал.

Постепенно наладились связи с немецкими коммунистами-функционерами, среди которых находился и бывший член ЦК Германской Компартии Альберт Бухман, руководивший в лагере немецкой подпольной фракцией. Через них мы получали ценные информации о положении на фронте. Вскоре один из них познакомил меня с заключенным австрийцем по имени Франц, работавшим во внутренней тюрьме уборщиком, истопником и носильщиком трупов расстрелянных.

Франц рассказал, что во второй половине декабря 1942 г. ночью в закрытой автомашине привезли закованного в кандалы русского военнопленного (как он потом узнал) генерала, одетого в грязный полушубок; велели раздеться догола и, бросив какую-то рваную тряпку, напоминавшую короткие кальсоны, посадили в подвал, в сырую и темную одиночную камеру, не имевшую ни койки, ни стула, ни стола — глухие голые гранитные стены, железобетонный потолок, бетонный пол; воздух попадал сюда только через глазок в двери.

Генерала долго, зверски истязая, допрашивали, то угрожая расстрелом, то предлагая свободу. Но никакие угрозы и издевательства ни к чему не привели: он был непоколебим. Когда через несколько дней разъяренный гестаповец, отпилив у генерала вначале пальцы, а потом и кисти рук, не смея смотреть в глаза генералу, приказал ему отвернуться к стене, генерал, плюнув фашисту в лицо, заявил, что большевики не привыкли отворачиваться даже от смертельной опасности и, запев «Интернационал», пошел на гестаповца, наводившего на него маузер...

Остервеневший фашист, выкрикивая ругательства, успокоился только после того, как полностью разрядил маузер в уже бездыханный труп генерала.

«Так мог умереть только настоящий герой»,— закончил свой рассказ Франц. С первых же слов Франца я решил, что это был Григорий Илларионович Тхор. Однако фамилии генерала Франц назвать не мог.

В 1945 г., работая в картотеке внутрилагерной канцелярии (куда меня, после перенесенного тифа, устроили немецкие и чешские коммунисты) на перерегистрации и составлении списков отправляемых в подразделения Гросс-Розен и Равенсбрюк, мне пришлось откладывать карточки убывших на транспорт и умерших.

Раскладывая их по алфавиту, я обнаружил карточку Григория Илларионовича Тхора, на которой стоял штамп «Sonder Behandlung» (особый режим) и в правом углу пометка «G. S.» со знаком «W. 1. 43».

Как мне удалось позднее выяснить, это означало: «Genick Senuβ War I. 43», т. е. выстрел в затылок.

Так расправились фашисты с пламенным патриотом нашей Родины.

Н. Т. Копелец[2)]

Одесса. 8 сентября 1957 г.

II

Мое знакомство с генералом Г. И. Тхором в лагере Хаммельбург произошло совершенно случайно.

Дело было так. Я шел из барака штабс-офицера (барак, в котором размещался старший и высший командный состав) мимо столовой в мастерскую. В это время в сопровождении лагерного полицая два военнопленных везли тележку, груженную брюквой. Один кочан брюквы упал на дорогу. Проходивший мимо, очень истощенный, обессиленный офицер поднял брюкву, как вдруг полицай набросился на офицера, сбил его с ног и начал бить.

Я бросился защищать этого офицера, оттолкнул полицая и стал его ругать за зверство (полицай был по званию лейтенант из военнопленных).

Всю эту картину увидел из окна Григорий Илларионович; он сразу же выбежал и стал ругать полицая. В этот момент и произошло наше знакомство. Вечером я встретился с Григорием Илларионовичем у генерал-майора С. В. Вишневского, с которым был хорошо знаком с 1936 г. Здесь мы познакомились еще ближе.

Когда фашисты захватили Г. И. Тхора в плен, то сразу направили его в разведывательный центр в Восточную Пруссию. Здесь его несколько раз принимались допрашивать, но, так ничего и не добившись, отправили в Берлин и посадили в тюрьму, где продержали шесть месяцев, беспрерывно пытаясь получить от него какие-нибудь сведения о советской авиации или заставить подписать антисоветские листовки и обращения к Советской Армии и народу о прекращении сопротивления. Пытались заставить его выступить по радио с антисоветской фальшивкой, но генерал Тхор категорически отказался от всех провокационных предложений.

Увидев, что никакими запугиваниями от Григория Илларионовича добиться ничего нельзя, фашисты отправили его в лагерь военнопленных Хаммельбург. Здесь, через несколько дней после нашего знакомства, я намекнул ему, что у нас есть честные, беззаветно преданные Родине офицеры, которые могут пойти на любое задание, не страшась ни истязаний, ни смерти.

Григорий Илларионович как-то сразу ожил, стал строить разные планы. Зашел разговор и о возможности побега, и о возможном восстании, безусловно, при благоприятной и целесообразной обстановке, о срыве мероприятий немецкого командования и т. д.

В этот раз я еще не рискнул сказать Г. И. Тхору о существовании подпольной патриотической организации. Хотя я был одним из первых членов комитета этой организации, но не имел права ввести кого бы то ни было в курс наших дел, не посоветовавшись предварительно с товарищами.

Обсудив этот вопрос с генерал-майором С. А. Ткаченко, Н. Т. Копельцом, полковником Г. И. Фисенко, А. К. Ужинским и другими и получив их разрешение, я рассказал Григорию Илларионовичу о существовании подпольной патриотической организации, ставившей своей задачей:

1. Срыв мероприятий немецкого командования по вербовке в немецкую армию.
2. Организацию побегов из плена.
3. Организацию саботажа на производстве, где работают военнопленные.
4. Поддержание воинской дисциплины; выполнение долга перед Родиной.
5. Поддержка морального состояния.
6. Защита интересов военнопленных.
7. Подбор наиболее стойких и волевых офицеров для вооруженного восстания если это будет возможным.

Трудно передать радость Григория Илларионовича, когда он узнал о существовании подпольной патриотической организации.

В тюрьме он был окружен всякого рода провокаторами, твердившими, что Советская власть разгромлена, что она уже не сможет оказать серьезного сопротивления, что все потеряно и т. д. Когда Григория Илларионовича привезли в лагерь, то здесь к нему также стали подсылать всяких провокаторов.

Наконец он мог с надежными людьми поговорить обо всем, что наболело, рассказать о своих планах и надеждах.

Тхор энергично взялся за разработку планов побега, вооруженного восстания и борьбы с провокаторами.

Дело в том, что немцы забросили в лагерь Хаммельбург довольно большую группу провокаторов, завербованных из уголовных элементов, бывших кулаков и эмигрантов. Все эти подонки старались вести антисоветские беседы с военнопленными. Григорий Илларионович не мог относиться к этому равнодушно и, как только увидит такую группу, подходит к ней и начинает клеймить их позором.

Мы стали просить его, чтобы он вел себя более осторожно, ибо немцы использовали такие выступления еще и для того, чтобы выявить патриотически настроенных офицеров. Григорий Илларионович бывало потерпит немного, а потом опять пойдет на эти сборища и ввяжется с провокаторами в спор.

В скором времени в лагерь привезли генерал-майора танковых войск Михайлова Николая Филипповича, который тоже вошел в нашу подпольную патриотическую организацию. Он тоже несколько раз разговаривал с генералом Тхором о его неосторожности и неоднократно поручал мне смотреть за Григорием Илларионовичем, чтобы в разговоре с военнопленными на этих сборищах он был осторожен, а если выходил за рамки осторожности, то условным сигналом, наводящим вопросом или взглядом я давал ему понять, что нужно прекратить разговор.

Тем более, что я знал почти всех провокаторов и гестаповских шпионов, так как мы специально собирали о них сведения, составляли списки и через свою сеть проводили информацию, чтобы их знали остальные и не попадались им на удочку.

Товарищ Тхор очень хорошо понимал меня с полуслова или по взгляду, и когда мы отходили от группы, то иногда он несколько раздраженно говорил: «И чего ты, Коля, ходишь за мной, как нянька», но я чувствовал — ему было приятно, что товарищи его оберегают.

Однажды Григория Илларионовича вызвали в гестапо и всяческими методами пытались на него воздействовать, чтобы он прекратил большевистскую агитацию. Здесь было все: крики, угрозы, запугивания,— но это его не остановило, а только заставило быть осторожнее.

Через некоторое время последовало еще несколько вызовов в гестапо. Григорий Илларионович чувствовал, что надвигается гроза, что со дня на день его могут арестовать или вывезти из лагеря Хаммельбург, и когда мы добыли карту, то решили бежать из лагеря, так как меня, Н. Т. Копельца, Сашу Ужинского и других товарищей тоже вызывали в гестапо.

Было решено бежать из плена несколькими группами по 3—4 человека и в разных направлениях. Каждая группа разработала подробный план побега. По этому вопросу было проведено совещание в игрушечной мастерской, где присутствовали Тхор, Михайлов. Вишневский, Пресняков, Шепетов, Ужинский, Копелец и другие.

Тхор решил бежать в Чехословакию, а там перевалить Карпаты, где по нашим сведениям были партизаны; генерал Михайлов — в Югославию и т. д.

Мы начали усиленно готовить для каждой группы продукты. Я с капитанами Ужинским и Поносовым по ночам готовили маршрутные копии с топографической карты, а днем я и Ужинский изготовляли компасы для каждого участника побега.

Инженер-капитан Николаев со старшим лейтенантом Дементьевым должны были сделать проход для побега в проволочном заграждении.

Одновременно с подготовкой к побегу мы продолжали вести намеченную нашей подпольной патриотической организацией программу; по заданию патриотической огранизации тов. Копелец собирал сведения о всех провокаторах и шпионах гестапо. Списки этих изменников, по указанию генерала Тхора, должны были переслать через одного ст. лейтенанта (фамилию которого я никак не могу вспомнить) в Советский Союз.

Для этого Григорий Илларионович приказал ст. лейтенанту вступить «добро-

вольно» во власовскую армию, добраться до фронта, перейти его и передать списки и устное донесение обо всем, что он знает о лагере.

Какова судьба этого ст. лейтенанта, я не знаю.

Наш побег не состоялся, так как Г. И. Тхор заболел, а затем был арестован гестапо.

г. Инта, март 1957 г.

Н. Ф. Панасенко[3]

III

Вспоминается лето 1942 г. Лагерь военнопленных в Хаммельбурге. Перед вечером в лагерный лазарет прибегает ко мне озабоченный Григорий Илларионович. Вызывает из палаты в сторонку и торопливо говорит:

«Опять эти сволочи собрали людей между кухней и косторезной[5] и проводят какую-то лекцию. Нужно немедленно сорвать. Идем». Я торопливо беру шинель, набрасываю ее на плечи: не от холода,— она неплохо прикрывает, когда бьют палкой. А дело к тому шло. По дороге в гору генерал говорит: «Сейчас иди прямо туда, где они беседуют, и не жди, а сразу задавай вопросы. Любые, какие тебе придут в голову. Пусть они сыпятся, как горох, и не давай говорить этой сволочи. Ясно?!».

Я встречаюсь с его глазами; они серые, всегда лучистые, сейчас колючие,— в них отвага, непреклонное решение, суровость.

Я говорю, что мне ясно, и бегу к уже видимой группе. Подхожу вплотчую и вижу: лектор сидит за столом, вокруг него человек 80—100,— кто сидит, кто стоит. Еще издали слышу голос лектора; он говорит о «новой России». Я протискиваюсь вперед, оттесняя стоящих. Небольшая пауза, и опять слышу, как лектор говорит «новая Россия». Я перебиваю его: «Позвольте! Вы часто говорите „новая Россия", „новая Россия". Я не понимаю, что это за „новая Россия". Какая в ней будет власть?».

«Вы не перебивайте, в конце будут вопросы»,— гундосит лектор.

«Как это в конце? Я стою и не понимаю, какая же будет власть в этой „новой России". Какое там будет правительство? Парламент? Военная диктатура? Или может быть вы царя какого-нибудь посадите?! Так какое же правительство будет? Хотелось бы сразу узнать, чтобы лучше понять вашу лекцию».

Вопрос о правительстве был особенно неприятен этим горе-лекторам. Какую они могли предложить советским людям более демократическую власть, чем власть Советов депутатов трудящихся! И кроме того, не могли же они открыто сказать, что новая Россия будет колонией Германии и власть там будет такая, которая угодна немцам.

«Я тебе говорю, не перебивай. Я знаю ты зачем сюда пришел. Мешать мне, но это тебе не удастся!».

«Я не мешаю. Я вопрос о правительстве задаю!».

«Ну хватит! — уже кричит „лектор". Я найду на тебя управу!» и показывает на проволоку, откуда, опустив голову и скосив ее, как-то по-собачьи, смотрит немецкий часовой.

«Что же это вы? Лектор, а солдатом пугаете! Я же вопрос задаю».

В это время через барак из-за косторезной летят большие камни; они падают на асфальт и катятся под ноги собравшимся. Один, два, три, четыре. Сидящие вскакивают, все сторонятся камней. Кто-то кричит: «Тикай ребята! А то головы попробивают!». Кто-то побежал. Я тоже кричу: «Тикай!» и бегу. Впереди бегут, сзади тоже слышу топот.

Несколько позже встречаю генерала. Он очень хорошо умел улыбаться — тепло, ласково, душевно.

---

[5] Мастерская по изготовлению игрушек из костей, поступавших из эсесовской кухни. Была создана по заданию первого руководителя Хаммельбургского подполья генерала И. С. Никитина капитаном А. К. Ужинским с целью использования ее для проведения подпольной работы.

«Хорошо получилось! Прямо и не думал о таком блестящем исходе». Я спрашиваю: «Как это у Вас зародился такой именно план?». «Чорт его знает как! Нужно же было как-то сорвать их затею. Вот и зародился. На ходу».

После этого случая «лекторы» уже больше не устраивали лекций на свежем воздухе, а перенесли их в помещение; была такая комната при кухне.

Но патриотическая организация бойкотировала это здание и объявила, что всякий, кто станет туда ходить, будет считаться изменником родины, и так о них будет доложено по возвращении на родину. Комнату посещали очень немногие и всегда одни и те же.

И. А. Панфилов[4)]

г. Щекино, 20 ноября 1958 г.

IV

Приближался великий праздник 7 ноября 1942 г. Г. И. Тхор поставил нам задачу, чтобы в этот день во всех бараках были устроены вечера воспоминаний о Великой Октябрьской годовщине. Раньше мы не могли этого сделать, так как в 1941 г. гестаповцы широко развернули свою работу по разложению советских военнопленных; сейчас мы это обязаны сделать.

Помню, как 7 ноября в своем бараке собрались все банщики и в присутствии генерала Тхора провели этот вечер воспоминаний.

Первое слово было предоставлено Тхору. Он говорил о неизбежности поражения фашистской армии, о победе наших Советских Вооруженных Сил. Рассказал о последних событиях на Восточном фронте и призвал к сплочению советских людей, верности своему народу и присяге. После его выступления мы, банщики, дали клятву верности своей присяге и закончили этот вечер пением «Интернационала».

Чтобы обеспечить проведение этого вечера, была организована наша служба предупреждения; был организован «обед»: на столе стояли миски с супом, топилась маленькая печурка. У дверей стояли тов. Проходцев и Федя Нефедов. Я периодически выходил из барака и вел наблюдение за нашими окнами и за бараком. У барака стоял Андрей Разговоров.

После вечера воспоминаний, а это было примерно около 12 часов ночи, все разошлись незамеченными. Я и Разговоров зашли в другой барак, где размещалась группа пленных, работавших в сапожной команде. Там жил наш товарищ Ефим Анищенко, который рассказал, что у них в бараке тоже был проведен вечер воспоминаний о Великом празднике 7 ноября и что даже одного предателя, который мешал, избили.

Утром 7 ноября я развесил, вернее наклеил хлебом, пять штук листовок, переданных мне генералом Тхором, с обращением к пленным и поздравлением с Великим праздником 7 ноября.

Утром я узнал, что вечера были организованы во многих бараках, и на следующий день во время утренней поверки было заметно, что люди стали бодрее и выглядели веселей. В строю только и слышны были поздравления с праздником. В этот день гестаповцы сделали четыре поверки, в то время как всегда делали две.

Все наши листовки были сорваны, но мы заранее предусмотрели это, и роздали сообщения Советского информбюро, написанные на длинных лентах бумаги, для ознакомления нашим товарищам.

К. Н. Кузьмин[5)]

Апрель 1957 г.

Из личного архива А. С. Юрковой.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) В личном деле Г. И. Тхора имеется следующая характеристика его боевой работы:

«Личный состав дивизии в составе 4-х авиационных полков действовал в составе ВВС 5 Армии Юго-Западного фронта. За период войны с германским фашизмом проявил исключительно высокую боеспособность, мужество и геройство.

Во взаимодействии с наземными частями 5 Армии исключительно умело и самоотверженно, с напряжением до четырех вылетов в день каждого экипажа; произведено 2173 самолетовылета. Сброшено 739 420 кг бомб, израсходовано 1 362 650 штук патронов.

Части дивизии в основном действовали по танковым, мотомеханизированным и артиллерийским частям противника и, вскрыв основную группировку на переправах рр. Горынь и Случ, бомбардировочными налетами задержали продвижение противника от 3-х до 4-х дней.

Сложные метеоусловия не поколебали духа личного состава добывать данные о противнике, и эту задачу эскадрильи выполняли с бреющей высоты.

За время войны с германским фашизмом частями 62 авиационной дивизии уничтожен в воздушных боях и на его аэродромах 51 самолет противника.

При последнем, 26.VII.41 г., массированном налете по уничтожению самолетов противника на аэродромах в районе Белая Церковь уничтожено до 50 самолетов.

Сам т. Тхор является опытным боевым командиром и организатором, умеет своим опытом, стойкостью увлечь и поднять дух молодого летного состава для решительного удара и разгрома противника в любых условиях.

Смелый, решительный, опытный командир. В должности зам. командира 62 АД многим способствовал и обеспечивал сокрушительный удар по уничтожению противника. За отличные показатели по разгрому противника 62 авиационная дивизия представляется к высшей правительственной награде — ордену Красного Знамени.

Командующий ВВС Юго-Западного фронта	Военкомисар ВВС Юго-Западного фронта
генерал-лейтенант авиации Астахов	дивизионный комиссар Гальцев

(Архив Министерства обороны СССР, ф. № 67 942. Личное дело Тхора Г. И., л. 31).

2) Копелец Н. Т. (р. 1914 г.). В июле 1941 г., будучи начальником группы артиллерии и спецоборудования 72 УНС, при прорыве окружения в районе Минска захвачен в плен. В настоящее время работает в Одессе в СМУ-10 треста «Укргазнефтестрой» Главгаза.— 183.

3) Панасенко Н. Ф. (р. 1910 г.), член КПСС; в 1941 г. окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. С первого дня Отечественной войны участвовал в боях. При прорыве из окружения был ранен и захвачен в плен. В настоящее время работает в полярном городе Инта заместителем начальника угольной шахты. — 186.

4) Панфилов И. А. (р. 1911 г.), член КПСС; в 1935 г. окончил школу летчиков. 6 апреля 1942 г. в воздушном бою на Северо-Западном фронте был сбит и раненым взят в плен. В настоящее время работает инженером на заводе в г. Щекино Тульской обл. — 187.

5) Кузьмин К. Н. (р. 1909 г.), член КПСС; перед Отечественной войной служил в г. Ионава (Латвийской ССР) начальником штаба батальона. В 4 часа утра 22 июня 1941 г. вступил в бой в районе Россиян. В настоящее время работает слесарем Прядильно-ниточного комбината им. Кирова в Ленинграде.— 187.

Статьи

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СОВЕТСКОЙ АРХЕОГРАФИИ

М. С. СЕЛЕЗНЕВ

До недавнего времени теоретическим вопросам археографии уделялось недостаточное внимание. Однако положение меняется к лучшему, о чем, в частности, свидетельствует помещенная в журнале «Исторический архив» в порядке обсуждения статья Б. Г. Литвака «Назревшие вопросы археографии документов советской эпохи» [1]. В ней содержатся некоторые правильные положения о соотношении отбора документов и целей публикаций, сделана попытка поставить вопрос о типах документальных изданий, высказано заслуживающее одобрения предложение о применении метода составления таблиц для ознакомления широких кругов читателей с содержанием массовых документов статистического характера.

Однако, на наш взгляд, в работе Б. Г. Литвака имеются и спорные положения, с которыми нельзя согласиться. На некоторых из них мы и остановимся в настоящей статье.

В существующей литературе вопрос о типах документальных изданий слабо разработан. Б. Г. Литвак указывает два типа изданий — академическое и массовое, что, бесспорно, заслуживает внимания. Однако критерии, положенные в основу такого деления, по нашему мнению, изложены автором противоречиво. В статье говорится, что академическое издание «должно документально отразить всю совокупность фактов без единого исключения, так как речь идет об источнике научного исследования» [2], а в другом месте сказано, что указанные издания должны, как правило, «содержать только неопубликованные документы» [3]. Остается невыясненным, как одними неопубликованными источниками можно обеспечить требование «отразить всю совокупность фактов без единого исключения»?

Нам представляется, что при определении типов [4] публикаций в качестве основного должен быть положен критерий отражения объективной истины в изданиях документов с учетом назначения изданий. Известно, что научно отразить действительность — значит показать все стороны, все связи предмета или явления, их исторические особенности и реальные противоречия, определяющие развитие. Однако нельзя требовать от любого издания, чтобы в нем были отражены все факты и события, относящиеся к данной проблеме, все их стороны и качества и т. д. В различных изданиях степень полноты освещения проблемы может быть и бывает неодинаковой. Учитывая сказанное, можно наметить следующие типы изданий:

---

[1] «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 186—194.

[2] Там же, стр. 189.

[3] Там же, стр. 190.

[4] Понятие «тип» употребляется мною здесь и далее как понятие более широкое в сравнении с понятием «вид», которое у некоторых авторов нередко приобретает крайне неопределенное значение — иногда слишком общее, иногда же — слишком специфическое, узкое.

а) Академический — служит основной печатной базой для исследования предмета и претендует на возможно бо́льшую полноту документов, являясь (в пределах возможностей) исчерпывающим. В этом случае необходим подбор таких опубликованных и неопубликованных документов, которые давали бы материал не только по главным, но и по менее главным вопросам, а также по отдельным деталям, которые часто важны для выяснения и оценки истины. К числу академических изданий следует отнести: 2-е издание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, 5-е издание сочинений В. И. Ленина [5], полные собрания сочинений классиков русской литературы, «Русская Правда» (издание Института истории АН СССР) и др.

б) Выборочный тип публикации для научно-исследовательских целей не исчерпывает истории предмета, но дает материал либо по всем наиболее существенным сторонам темы в целом, либо освещает тему в определенной ее части, но обязательно более или менее всесторонне. Такие публикации вводят в научный оборот прежде всего неопубликованные документы с привлечением уже известных документов, особенно тех, которые помещены в редких изданиях. Среди публикаций данного типа следует назвать: серию «Великая Октябрьская социалистическая революция», «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», «Декреты Советской власти», серийные сборники «Русские полководцы» и «Русские флотоводцы», «Рабочее движение в России в XIX в.», «Революция 1905—1907 гг. в России» и др.

в) Научно-популярный тип издания дает широким кругам читателей важнейшие конкретные факты и основные материалы по теме. В этом случае достаточно ограничиться главными и характерными источниками. К такого рода изданиям относятся, в частности, многие сборники документов о Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: «Письма с фронта», «Воронежская область в Великой Отечественной войне», «Битва за Тулу» и др.; сборники об освоении целины — «Коммунистическая партия Казахстана в борьбе за освоение целинных и залежных земель», «Народное движение за освоение целинных земель в Казахстане».

г) Тип учебной документальной публикации содержит документы, подобранные с учетом специфических учебных задач. Сюда, в частности, относятся хрестоматии по древней, средней, новой и новейшей истории, учебные издания «Русской Правды» и т. д.

Значение этого типа издания возрастает в связи с осуществлением «Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» от 24 декабря 1958 г. и Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР «О некоторых изменениях в преподавании истории в школах», принятого 8 октября 1959 г.

д) Публикация, дающая отдельные факты и материалы к теме (в газетах, журналах и др.), призвана дать отдельные ценные источники к определенной теме; в ее задачу не входит широкое освещение темы.

Необходимо различать *тип* публикации и *форму*. Так, академическое издание часто выпускается в виде серии томов, построенных различно (по данной теме может быть один том, включающий документы одного вида, другой том может состоять из различных видов документов, но по определенному вопросу темы и т. д.).

Выборочный тип публикации для научно-исследовательских целей также часто выступает в форме серии томов, построенных на различных основаниях.

Научно-популярный тип издания обычно выступает в виде однотомного издания на определенную тему [6], что соответствует самому понятию «популярное издание».

[5] Считаю необоснованным отнесение Б. Г. Литваком «Ленинских сборников» к числу академических изданий только на том основании, что в них помещены неопубликованные документы.

[6] В практике и в литературе распространено мнение, что сборник, включающий определенную разновидность документов (декреты, протоколы и др.), не является тематическим. В действительности подобные сборники также имеют свою определенную тему, которой они посвящены: «Декреты Октябрьской революции», «Письма с фронта» и др.

Здесь часто применяется тематический принцип организации материалов внутри тома.

Выбор того или иного типа публикации зависит от ряда обстоятельств, в том числе от целей, которые ставят перед собой археографические учреждения и археографы.

В зависимости от типа и назначения издания решается вопрос об отборе документов для печати. И хотя археограф должен располагать всеми необходимыми источниками по теме, однако это обстоятельство не означает, что все, чем располагает публикатор, обязательно подлежит изданию. Учитывая тип и цель публикации, археограф обязан либо поместить весь материал, либо отобрать определенную часть его.

В статье Б. Г. Литвака явно смешаны два различных, хотя и связанных между собой вопроса: с одной стороны,— анализ всех фактов и обстоятельств дела, сбор всех материалов по теме, а с другой — установление того, что подлежит изданию, и в каком объеме.

Слова В. И. Ленина «Еще более и еще более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую» [7], Б. Г. Литвак ошибочно толкует в том смысле, что это означает необходимость ввести в оборот *все* факты при публикации документов [8], хотя толкование стоит в противоречии с точкой зрения самого автора, который ниже пишет о том, что опубликование документов должно осуществляться с учетом поставленных целей.

Говоря о типах публикаций, следует учитывать, что различие между ними не абсолютное, а относительное. Так, например, научно-популярный тип издания для широких масс используется также исследователями. Поэтому нет оснований абсолютизировать типы изданий, особенно в наших советских условиях, в условиях высокого уровня развития культуры и науки.

Заслуживает широкого обсуждения вопрос о соотношении факта и документа, с чем постоянно практически приходится иметь дело археографу. Б. Г. Литвак вскользь отмечает, что «когда мы говорим о научном отборе документов для печати, мы подразумеваем отбор фактов, в этих документах содержащихся» [9]. Однако это не совсем верно. Факты содержатся не в документах, а в реальной действительности, независимо от каких-либо документов. Люди, пользуясь письмом, отражают факты в документах с той или иной степенью точности. Археограф отбирает для печати именно те документы, в которых сообщаются сведения о фактах; при этом, производя отбор документов, археограф учитывает не только сведения о фактах, но также в неменьшей степени и оценки, которые даются фактам авторами документов. Было бы в корне неправильным считать существенными лишь сведения о фактах, а документы, в которых эти сведения зафиксированы, менее существенными. И то и другое одинаково важно. Но это — вещи разные, и обращаться с ними надо соответственно.

Для археографа вовсе не безразлично, из скольких документов и из каких именно ему известно о том или ином факте. Чем больше таких документов и чем они надежнее, тем достовернее является факт, о котором идет речь. Если документ, из которого мы берем сведения о соответствующем факте, недоброкачественный, то этот факт нельзя считать установленным, во всяком случае до тех пор, пока его существование не будет подтверждено сведениями, полученными из других надежных документов. Поэтому проверка доброкачественности документов всегда составляет важнейшую задачу археографа, решающего вопрос об опубликовании письменных исторических источников.

Когда мы говорим о документах, из которых черпаем сведения о фактах, большое значение имеет их деление на *первоначальные* (или первичные) и *производные* (или вторичные). К первоначальным следует отнести те документы, в которых отражены сведения, исходящие от первоисточника (подлинные постановления, протоко-

[7] «Правда», № 48 (13711), 17 февраля 1956 г., стр. 5.
[8] «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 188.
[9] Там же, стр. 187.

лы, приказы, отчеты и иные документы, соответствующим образом подписанные и оформленные). Производными будут документы, не являющиеся первоисточниками и отражающие содержание сведений, заимствованных из других документов и источников.

Деление документов на первоначальные и производные дает возможность археографу более правильно решать вопросы, связанные с отбором документов. Сказанным не принижается роль производных документов; они требуют лишь тщательной проверки. Когда первоисточник утрачен, производный документ приобретает бо́льшее значение. Кроме того, роль такого документа может оказаться значительной еще и в том отношении, что с его помощью можно установить наличие не известных еще археографу первоисточников.

В литературе и на научных совещаниях иногда высказывается мнение, будто оценка археографом выявленных для издания документов и содержащихся в них сведений о фактах является субъективной и приводит к отступлению от истины. Это мнение в известной степени нашло свое отражение и в статье Б. Г. Литвака, который отмечает, что «субъективизм в отборе документов менее поддается контролю научной общественности при обсуждении публикаций к печати, чем сокращенная передача текста» [10].

Говоря о том, что «проблему научного отбора документов для печати следует решать не на субъективной основе», автор делает из этой верной посылки тот вывод, что при публикации документов необходимо давать *все* факты по вопросу без какого-либо изъятия [11]. В этой рекомендации автор видит гарантию от субъективизма. Однако ориентация на сплошную публикацию во всех случаях документов и сообщаемых в них фактов не может быть признана правильной и уже вызывала критические замечания [12].

Чтобы не допустить субъективизма и не исказить истину, археограф обязан изучить всю совокупность источников по теме, а следовательно, и все факты, о которых в них сообщается. Именно к этому обязывает всякого научного работника и любого человека, занимающегося изучением истории (прошлой и настоящей), цитируемое автором указание В. И. Ленина о том, что «необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения, ибо иначе неизбежно возникает подозрение, и вполне законное подозрение в том, что факты выбраны или подобраны произвольно...» [13].

Но, владея знанием всех источников по теме, археограф в популярном издании, например, может ограничиться подбором только тех документов, которые дадут массовому читателю наиболее существенные факты по теме, и это не может рассматриваться как проявление субъективизма.

Субъективизм имеет место там, где в угоду буржуазному мировоззрению документы подбираются односторонне, фальсифицируют истину и не дают о ней правильного представления.

Конечно, было бы неправильно представлять дело таким образом, будто *все* историки и археографы в любом капиталистическом государстве стремятся в угоду интересам буржуазии намеренно публиковать документы, извращающие действительность, сознательно отбирать материалы, односторонне освещающие тот или иной вопрос. В ряде случаев классовый, буржуазный подход к проблемам археографии проявляется в более или менее скрытых формах, и классовые интересы буржуазии могут проводиться в жизнь даже не всегда вполне осознанно.

К. Маркс, имея в виду сложность отношений между классами и их представителями в области идеологии, писал: «...не следует думать, что все представители демократии на самом деле лавочники или поклонники лавочников. По своему образова-

---

[10] «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 194.
[11] Там же, стр. 188.
[12] В. В. Максаков, М. С. Селезнев. О публикации документальных материалов в СССР. «Вопросы истории», 1953, № 2, стр. 89—104.
[13] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 266.

нию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводят практически его материальные интересы и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями какого-нибудь класса и тем классом, который они представляют»[14].

В совершенно иных условиях протекает деятельность научного работника, в том числе археографа, в социалистическом обществе. Здесь нет условий, которые бы порождали субъективизм как определенную линию или направление в развитии археографии. Чтобы показать, в чем состоят гарантии против субъективности и предвзятости в опубликовании документов, необходимо проанализировать некоторые стороны археографической работы в СССР и раскрыть их смысл[15].

Решающей гарантией объективности в области археографии, как и в других областях науки, является безраздельное господство марксистско-ленинского мировоззрения, коммунистической партийности. Кадры советских археографов, вооруженные этим мировоззрением, в своей деятельности сообразуются только с объективной истиной. Всякое отступление от требований объективной и всесторонней оценки предназначаемых для опубликования исторических документов идет в ущерб нашему обществу, глубоко противоречит коммунистической партийности, являясь уступкой буржуазному мировоззрению на практике.

Не исключается, что в процессе отбора документов для печати личные, субъективные моменты могут сказаться отрицательно, вследствие чего подбор документов окажется односторонним. Чтобы этого не случилось, необходимо постоянно заботиться о высокой теоретической и специальной подготовке археографов.

Помимо того, важнейшим моментом является планирование археографической работы, благодаря которому создается широкая печатная источниковедческая база, планомерно разрабатываются актуальные для науки и практики коммунистического строительства темы, укрепляются связи и кооперирование в работе различных учреждений, занимающихся опубликованием исторических документов. Следует, впрочем, заметить, что планирование археографической работы еще не совсем соответствует требованиям, предъявляемым к науке в нашей стране. Еще не создан археографический центр для согласования и направления научно-публикаторской работы в СССР.

Существенная роль в предотвращении возможных ошибок, субъективизма и односторонности в археографической работе принадлежит правилам публикации исторических документов. Строгое соблюдение правил, их творческое применение значительно повышают гарантии обоснованности не только отбора документов, но и правильного решения остальных вопросов. Важная задача, которую предстоит решить, состоит в том, чтобы приступить к разработке правил публикации специальных видов источников — технических, статистических, фотодокументов и других.

В современных условиях быстрого развития специальных видов документации и повышения ее значения для практики и науки нельзя уже ограничиться разработкой правил издания только обычных документов. Уже сейчас следует создать группы составителей по разработке проектов правил публикации специальных видов документов. Организационное и научное руководство этой работой могли бы взять на себя Главное архивное управление СССР, Институт истории АН СССР и Московский государственный историко-архивный институт в сотрудничестве с заинтересованными учреждениями.

Несколько замечаний к постановке вопроса о регестах. Регесты не есть метод воспроизведения текста публикуемого документа как такового. С помощью регест

---

[14] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, М., 1955, стр. 238.

[15] Эти вопросы заслуживают специального рассмотрения.

содержание документов пересказывается археографом, в ряде случаев документы цитируются, содержание однородных документов (например, статистических) обобщается в виде таблиц, составляемых археографом. Следовательно, метод регест дает возможность создавать научно-справочный аппарат к подлинным текстам публикуемых документов в виде приложения, либо создавать самостоятельный сборник материалов, составленный на основе документов в помощь исследователю и другим кругам читателей. Во всех этих случаях перед нами не сами подлинные документы, а их обработка, представленная в различных формах. Не может быть сомнения, что как бы добросовестно с научной стороны ни были составлены регесты, они не в состоянии заменить подлинного текста документов. В конечном счете самым важным для читателя является подлинник[16]. К сожалению, авторы, ставящие вопрос о регестах, или вовсе не отмечают это важное обстоятельство, или не оценивают его в должной мере. Между тем, постановка вопроса о регестах в советской археографии должна начинаться с определения места и роли регест в археографической практике. Без этого не может быть правильной перспективы в работе археографов.

Регесты в отношении опубликования подлинных текстов имеют подчиненное значение. Материалы, создаваемые этим методом, не включают в себя все те сведения, которые дают полностью публикуемые тексты со всеми их особенностями. Следовательно, необходимо проводить строгое различие между подлинными историческими документами и создаваемыми на их основе материалами. Читатель должен точно знать, с чем он имеет дело.

Несмотря на подчиненное значение регест, неправильно было бы исключить их из археографической практики. За последнее десятилетие применение регест у нас стало более частым. Приведем лишь некоторые примеры. В сборнике «Коммунистические субботники в Петрограде в 1919—1921 гг.» (Л., 1949) составители поместили сводный отчет по дорогам Петроградского узла железных дорог о субботниках за 1921 г., составленный ими на основании ежемесячных подлинных отчетов по всем участкам каждой дороги о политической работе (стр. 239—240).

Обширные «Данные о партийных организациях, возникших в 1917—1918 гг. в Орловской губернии» помещены в приложении к сборнику «Борьба трудящихся Орловской губернии за установление Советской власти в 1917—1918 гг.» (Орел, 1957). Как отмечается в предисловии, «данные» составлялись по документам ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС и партийных архивов при Орловском, Липецком и Брянском обкомах КПСС. Были использованы: протоколы, отчеты, анкетные листки, статистические сведения, переписка и воспоминания, в которых имелись сведения о возникновении и деятельности партийных организаций в губернии (стр. 275—294).

В вышедших соответственно в 1957 и 1958 гг. обзорах документов «Октябрь 1917 года в Москве и Московской губернии» и «Октябрь 1917 года в Петрограде» для раскрытия содержания документальных материалов использованы некоторые характерные для регест приемы.

Регесты расширяют возможности в отношении ознакомления и использования архивных документальных материалов, являются подспорьем в научной, учебной и массово-агитационной работе.

Для того чтобы применение регест было правильным, необходимо:

1) Обобщить опыт применения регест в дореволюционное время в России и особенно в период после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Наш отечественный опыт в этом отношении незаслуженно недооценивается. Некоторые авторы ориентируют внимание лишь на изучение иностранного опыта, игнорируя свой собственный. Нужно сочетать отечественный опыт с зарубежным.

2) Подвергнуть специальному обсуждению вопрос о категориях документов, в отношении которых целесообразно применение метода регест. В первую очередь здесь необходимо иметь в виду документы, отражающие данные учета, который си-

---

[16] См. Ф. Энгельс. Дополнение к третьему тому «Капитала» в кн. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 489.

стематически ведется на всех предприятиях, в организациях и учреждениях, данные специальных переписей по предприятию, министерству, отрасли народного хозяйства или по району, области и т. д., учитывая, что такого рода источники имеют, с одной стороны, очень важное значение для изучения истории советского общества, а с другой — трудность их опубликования целиком.

3) Разработать методику применения регест, принимая во внимание, что формы регест могут быть различны (составление таблиц, воспроизведение содержания документов с помощью переложения их данных, приведение дословно выдержек и др.). Необходимо подчеркнуть при этом, что использование материалов в научных и других целях, составленных методом регест, допустимо лишь при условии ясного понимания того, с помощью каких приемов, способов и на основе каких именно документов составлен тот или иной материал, таблица и т. д.

Если методические вопросы играют крупную роль при издании полных текстов, то тем более их роль возрастает, когда речь идет о материалах, составленных по разным документам. В частности, должен быть четко определен круг основных вопросов, подлежащих обязательному освещению в предисловии к материалам, составленным с помощью регест, а также в примечаниях.

Без соблюдения основных научных требований материалы, создаваемые методом регест, не могут заслуживать серьезного доверия.

Необходимо выдвинуть в качестве важнейшей крупной задачи создание очерков по истории археографии национальных республик, а также обобщающего труда по истории советской археографии. В последнее время у нас выпущен ряд работ по археографии [17]. Однако этого совершенно недостаточно.

До настоящего времени богатый опыт развития археографии в национальных республиках еще не обобщен, не имеется ни одного крупного очерка по истории развития археографии хотя бы в одной из республик. Задача историков и археографов национальных республик — создать работы, показывающие развитие археографии за период с Октябрьской социалистической революции до наших дней.

Вместе с тем, необходимо создать обобщающую работу по истории советской археографии, освещающей развитие и опыт публикации исторических документов во всех союзных и автономных республиках, краях и областях. Эту задачу ставит сейчас перед собой Московский государственный историко-архивный институт. Ее решение во многом будет зависеть от разработки истории археографии в национальных республиках. Советская археография, взятая в целом, характерна своим глубоким идейным единством и все более крепнущими взаимными связями кадров археографов различных республик. Общий труд по истории советской археографии должен дать ясную картину не только исторического пути развития археографии в целом, но и отметить тот особый вклад, который сделали научные учреждения и кадры археографов национальных республик в теорию и практику археографии.

Очевидно, что идеи и планы обобщающего труда по истории советской археографии предварительно должны быть обсуждены на специальных научных заседаниях. Указанные задачи поставлены развитием социалистической культуры в СССР и требуют своего практического решения.

Хочется возразить Б. Г. Литваку и по поводу его замечаний в адрес моей работы «Некоторые вопросы археографии и их отражение в трудах классиков марксизма-ленинизма» [18].

В статье Б. Г. Литвака дело представлено таким образом, будто в моей работе говорится лишь о выборе для печати наиболее существенных документов, а документы, освещающие частности, не приняты во внимание. В действительности, ука-

[17] Правила издания исторических документов. М., 1955, 2-е изд. М., 1956; Методическое пособие по археографии. М., 1958; М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959; Правила издания документов советского периода. М., 1960; Т. В. Ивницкая. Публикация документов по истории рабочего класса СССР (1918—1920 гг.). М., 1960 и др.

[18] «Труды Московского государственного историко-архивного института», т. 8. М., 1957, стр. 3—42.

зав, что В. И. Ленин требовал при подготовке документов к опубликованию уметь выбрать важнейшее, мною на стр. 23 отмечено: «Сказанное, конечно, не означает, что в практике публикации следует вообще пренебрегать документами, освещающими частности. Все дело зависит от того, о какого рода частностях идет речь. Если о частностях, имеющих существенное значение для понимания темы публикации,— в таком случае ими невозможно пренебрегать».

К сожалению, Б. Г. Литвак не указал на это обстоятельство, так же как и на то, что вопросы отбора документов с учетом многообразных целей мною более подробно рассмотрены в другой работе — «Предмет и вопросы методологии советской археографии», вышедшей в свет в феврале текущего года, т. е. *до* выхода статьи Б. Г. Литвака [19]. Эти факты свидетельствуют о неправильных приемах критики, применяемых автором [20].

Не могу согласиться и с тем, что выводы, сделанные в моей диссертации об отборе документов применительно к источникам о рабочем контроле (октябрь 1917 г.— март 1918 г.), имеют только частное значение и что «сумму выводов анализа приемов отбора документов по одной определенной теме,— как пишет автор,— нельзя применить при работе над другой темой» [21]. Если обратиться к выводам, сделанным в диссертации [22], то нетрудно убедиться, что в них имеются моменты, имеющие и более общее значение. Вообще стоит заметить, что выводы, полученные в результате конкретного исследования, обладают в той или иной степени элементами общего. В этой связи уместно привести указание В. И. Ленина о том, что «Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы» [23].

В заключение следует отметить, что предпринятое журналом «Исторический архив» обсуждение некоторых вопросов теории и практики публикации документов советской эпохи нужное и полезное дело, оно будет способствовать дальнейшему развитию отечественной археографии.

---

[19] М. С. Селезнев. Предмет и вопросы методологии советской археографии. М., 1959, стр. 38—39.

[20] «Исторический архив», 1960, № 2, в котором опубликована статья Б. Г. Литвака, был сдан в производство в январе 1960 г.—*Ред.*

[21] «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 187.

[22] См. о некоторых моих выводах: «Вопросы истории», 1953, № 2, стр. 94—98; «Исторический архив», 1956, № 4, стр. 221—222.

[23] В. И Ленин. Соч., т. 38, стр. 359.

Сообщения

ОБЗОР ФОНДА ДОМА-МУЗЕЯ В. И. ЛЕНИНА В УЛЬЯНОВСКЕ

Музей В. И. Ленина в Ульяновске — уникальный памятник, известный всему миру. Он расположен на бывшей Московской ул., ныне ул. В. И. Ленина, в доме, где проживала семья Ульяновых в 1878—1887 гг.; здесь прошли школьные годы Ильича и формировался его характер.

Еще 4 августа 1922 г. «Правда» сообщала о решении Симбирского губисполкома реставрировать дом, в котором жил В. И. Ленин. Инициатором создания музея в доме Ульяновых выступило бюро истпарта Симбирского губкома партии. 15 апреля 1923 г. дом был передан в ведение бюро истпарта под музей (Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 441, оп. 1, д. 1, лл. 1—3, 7).

В апреле 1923 г. истпарт приступил к оборудованию музея и к сбору документов о В. И. Ленине, а 10 декабря 1923 г. в бывшем доме Ульяновых был открыт историко-революционный музей имени В. И. Ленина со следующими отделами: 1) Жизнь В. И. Ленина, 2) История революционного движения в губернии, 3) История РКП(б), 4) История Октябрьской революции.

Наибольший интерес посетителей вызывал раздел о жизни В. И. Ленина и сам дом как священная реликвия. Вскоре, идя навстречу многочисленным пожеланиям трудящихся, особенно в дни траура, было решено оставить в доме только ленинские материалы и реставрировать обстановку, но из-за отсутствия средств в то время этого сделать не удалось (ф. 57, оп. 1, д. 2, лл. 3—12).

5 апреля 1925 г., по докладу зав. истпартотделом губкома РКП(б) В. Н. Алексеева, XIV губернский съезд Советов принял решение: «Считать одной из основных форм увековечения памяти В. И. Ленина в губернии — сохранение дома и полную его реставрацию» (ф. 441, оп. 1, д. 2, л. 40). Это решение съезда было поддержано истпартотделом ЦК РКП(б) и Центральной комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина. С 1 октября 1925 г. музей принят на государственный бюджет (д. 2, л. 84).

17 августа 1928 г. в доме начались реставрационные работы. Дом и его обстановка восстановлены в том виде, в каком они были в период жизни в нем Ульяновых. 6 ноября 1929 г., состоялось торжественное открытие Дома-музея В. И. Ленина, а 7 ноября он был открыт для всеобщего обозрения (д. 19, лл. 14—26).

21 июля 1936 г. Дом-музей В. И. Ленина из ведения Наркомпроса РСФСР передан в ведение Центрального музея В. И. Ленина Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) и переведен на партийный бюджет (д. 22, л. 21б).

В 1938 г., во время пребывания в Ульяновске секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, был поднят вопрос об открытии в Ульяновске филиала Центрального музея В. И. Ленина, и 14 августа 1940 г. ЦК ВКП(б) принял решение о его организации (ф. 13, оп. 1, д. 4044, л. 4; д. 4101, л. 364). 22 марта 1941 г. Дом-музей В. И Ленина

перешел в ведение Ульяновского филиала (ф. 441, оп. 1, д. 88, л. 26). В доме, примыкающем к усадьбе Дома-музея В. И. Ленина с южной стороны, развернут музей по показу революционной деятельности Владимира Ильича, открывшийся для обозрения 2 ноября 1941 г. (д. 98, л. 26).

Таким образом, официальные названия музея следующие: с 10 декабря 1923 г. по август 1928 г.— Симбирский (Ульяновский) историко-революционный музей им. В. И. Ленина, с августа 1928 г. по март 1941 г.— Дом-музей В. И. Ленина в Ульяновске, с марта 1941 г. по настоящее время — Ульяновский филиал Центрального музея В. И. Ленина.

* * *

Фонд музея поступил в партархив Ульяновского обкома КПСС в сентябре 1955 г. в количестве 190 ед. хр. за 1923—1950 гг. Материалы фонда за ранние годы тесно переплетаются с материалами истпартотдела, откуда в фонд музея были переданы дела; это — книга записи впечатлений посетителей историко-революционного музея им. В. И. Ленина за 1923—1925 гг., книга регистрации посетителей за 1928 г. и другие.

Материалы фонда довольно полно отражают историю создания музея, работы по реставрации и консервации дома семьи Ульяновых, научно-исследовательскую, пропагандистскую и собирательскую деятельность музея. К сожалению, в фонде отсутствуют воспоминания современников семьи Ульяновых, архивные материалы последних лет, которые остаются в музее. Наиболее полно сохранились материалы по истории восстановления здания музея в прежнем виде и консервации его на длительные времена. Среди документов специальной комиссии Губоно, обследовавшей 21 февраля 1925 г. дом в связи с капитальным ремонтом, имеется предложение инженера Кожевникова об устройстве над домом «футляра» (д. 2, лл. 16, 36, 40). По ходатайству Губисполкома, согласно решению XIV губернского съезда Советов, строительная секция Госплана СССР 22 мая 1925 г. обсудила вопрос о консервации дома Ленина и признала необходимым на капитальный ремонт, реставрацию и химическую окраску огнестойкими красками ассигновать требуемые средства (там же, лл. 29, 33). Ход ремонта хорошо отражен в протоколах заседания комиссии по консервации дома Ленина (там же, лл. 82, 98, 100, 111, 137, 142, 145, 155, 158, 168, 172, 174). Здесь же имеются сведения о средствах, отпущенных Центральной комиссией по увековечению памяти В. И. Ленина (там же, лл. 54, 69).

В деле комиссии по реставрации дома, созданной 3 марта 1928 г., сохранились планы и сметы реставрационных работ. Неоценимую помощь музею оказали А. И. Елизарова-Ульянова, М. И. и Д. И. Ульяновы. Своими указаниями они помогли восстановить дом и его обстановку в том виде, в каком они были при жизни в нем Ульяновых. Дмитрий Ильич собственноручно начертил план расположения комнат (д. 4, л. 2). В сентябре 1928 г. побывали в Ульяновске М. И. Ульянова и Н. К. Крупская (д. 16а, л. 52). В июне 1929 г. А. И. Елизарова-Ульянова специально приезжала в Ульяновск; лично осмотрела работы по реставрации и дала свои указания; она принимала участие в заседаниях комиссии по реставрации (д. 3, лл. 80—82).

К работе по восстановлению были привлечены друг семьи Ульяновых В. В. Кашкадамова, плотник Калачиков, перестраивавший этот дом в 1905 г., и др. (д. 9, л. 1). В основу реставрационных работ был положен проект архитектора Д. П. Сухова (д. 4, л. 27). Он вел и наблюдения за ходом реставрации. Все детали восстановительных работ, метод подбора соответствующей обстановки можно проследить по протоколам заседаний реставрационной комиссии (д. 3), по планам, дневнику работ (д. 15), нарядам на производство работ (д. 11), отчетам (д. 19), переписке.

В 1931 г. начались работы по реставрации двора и сада. Здесь также не обошлось без помощи членов семьи Ульяновых. Использован в восстановлении план усадьбы Е. М. Молчановой 1873 г. (у которой Ульяновы приобрели дом), найденный в фондах

госархива (д. 36, лл. 80—83); производились раскопки по определению мест бывших построек,— все это сверялось с показаниями современников Ульяновых, что дало возможность восстановить двор и сад в том виде, в каком они были при Ульяновых. В 1932 г. реставрация надворных построек была завершена. Эта работа отражена в протоколах и актах реставрационной комиссии (д. 36, лл. 41—147), в описании двора и сада-усадьбы Ульяновых, сделанном Медведевой со слов Анны Ильиничны (д. 36, лл. 28—29); в решениях окрисполкома, горсовета, Главнауки, в переписке и других документах (д. 32, лл. 5, 46, 47; д. 36, лл. 3, 106). Восстановление сада и садовой беседки происходило позднее (д. 73, л. 95).

Сохранность дома поддерживалась периодическими ремонтами (д. 84, л. 3). Однако реставрация не решила основной задачи — сохранения дома на века. 26 марта 1941 г. музей заключил договор с Академией архитектуры СССР на составление проекта сохранения дома (д. 84, лл. 81—83; д. 99, лл. 1—52), но война помешала осуществить реставрацию дома, и только 20 августа 1947 г. дом был принят от строителей (д. 113, л. 241; д. 145, лл. 55—58). В фонде отложилась вся документация этих работ: проекты, пояснительные записки, чертежи детальной съемки здания, акты, дневники, журналы работ, докладные записки, переписка.

По документам фонда можно проследить историю музея и деятельность его коллектива. Отчеты о деятельности историко-революционного музея имени Ленина не отложились в фонде музея; она отражена в отчетах истпарта.

После преобразования историко-революционного музея в мемориальный деятельность его определялась положением об Ульяновском Доме-музее В. И. Ленина (д. 70, л. 31), а также запиской М. И. Ульяновой от 8 февраля 1936 г. (там же, л. 30). Она отражена в годовых и квартальных отчетах, докладных записках, справках и других документах. По отчетам можно проследить, как из года в год росла посещаемость музея. Большая работа проделана музеем по сбору экспонатов, воспоминаний и других материалов. По актам приема экспонатов можно установить, откуда поступали экспонаты, какие из них являются подлинниками, какие переданы музею А. И. Елизаровой-Ульяновой, М. И. Ульяновой (д. 22, лл. 1—60; д. 70, л. 113). Комиссией при участии Анны Ильиничны часть мебели для музея взята из квартиры В. И. Ленина в Московском Кремле (д. 4, лл. 122, 127).

Собирательную работу музей продолжал и в последующие годы. Так, в 1946 г. получена фотография дома в Цюрихе, в котором жил В. И. Ленин перед возвращением в Россию в апреле 1917 г. К фотографии приложено письмо рабочего Дунаева о хозяине этого дома и судьбе мебели той комнаты, где жил Ильич (д. 139, лл. 91—92).

В документах фонда отражена большая научно-исследовательская и публикаторская работа музея (дд. 135, 151, 163, 171, 173, 184 и др.). Сохранилась переписка с Мариэттой Шагинян, А. Ф. Гринберг и другими деятелями культуры (д. 76). Музей проводит большую политико-просветительную работу и вне стен музея: чтение лекций, организация передвижных выставок на предприятиях, в колхозах и т. д.

Работники музея заботятся о сохранении ленинских мест в г. Ульяновске: дома, где родился Владимир Ильич (д. 48, лл. 15—16), могилы И. Н. Ульянова и др. (д. 73, л. 122; д. 84, лл. 14, 31, 33, 75—76; д. 124, лл. 21—22). С их помощью организована комната Ленина в здании бывшей гимназии, в классе, где учился В. И. Ленин (д. 73, л. 77; д. 124, л. 4).

Особый интерес среди документов, отложившихся в результате деятельности музея, представляют книги записей впечатлений посетителей музея (дд. 1а, 35, 49, 56, 67, 71, 77, 85, 91, 106, 107, 118, 119, 140, 167, 176, 177, 190). Тысячи людей разных профессий и возрастов, партийных и беспартийных, представители различных национальностей Советского Союза и зарубежных стран выражают в них свое отношение к Ленину и ленинизму, благодарят партию и правительство за сохранение этого неоценимого памятника. Книги полны записей, свидетельствующих о безграничной любви народа к В. И. Ленину.

Одна из первых записей, сделанная 15 декабря 1923 г. курсанткой губсовпартшколы Е. Богачевой, гласит: «Надеюсь, что этот музей станет самым дорогим местом для каждого члена коммунистической семьи» (д. 1а, л. 1).

21 января 1924 г. мир поразило тяжелое известие о смерти В. И. Ленина. Вот какой отклик это нашло в книге записей: «Хотя умер Владимир Ильич,— писал комсомолец Курушин 26 января,— но остались живы его идеи, которые, как вешки, не дадут нам сбиться с истинного пути» (д. 1а, л. 8).

Среди записей в книгах отзывов особый интерес представляет автограф А. И. Елизаровой-Ульяновой от 9 июня 1931 г.: «Считаю, что музей-дом Ленина в общих чертах верно передает обстановку дома в годы жизни в нем Владимира Ильича, и должна отметить большую тщательность и заботливость сотрудников музея в восстановлении быта.

Относительно реставрации двора и сада полагаю, что надо не восстанавливать фетишистски сад и двор в прежнем виде, а, связав реставрацию с жизнью, сделать участниками пионеров и школьников железнодорожного училища в доме, выходящем на Покровскую ул., против передачи которого Музею революции возражаю.

А. Елизарова-Ульянова»[1] (д. 35, л. 84).

В 1930 г. встал вопрос о передаче бывшего дома Штемпеля, в котором размещалась школа I ступени им. К. Маркса, музею В. И. Ленина. Н. К. Крупская и А. И. Елизарова-Ульянова соглашались на это при условии, если школе будет предоставлено равноценное помещение и если вводившееся в тот год всеобщее обязательное начальное обучение будет обеспечено помещениями. В 1930 г. школе им. К. Маркса было предоставлено другое помещение, но освободившееся здание было вновь отдано под учебное заведение. Вопрос о передаче этого здания под музей не снимался с повестки дня и позднее. Этим и вызвано возражение А. И. Елизаровой-Ульяновой; здание под филиал музея было передано только в 1940 г. (Партархив Ульяновского обкома КПСС, ф. 441, оп. 1, д. 19, лл. 11—13).

Следует также отметить запись Наркома просвещения РСФСР А. С. Бубнова от 24 сентября 1930 г.: «Дом-музей Владимира Ильича Ленина с величайшей тщательностью восстанавливает быт, семейную обстановку семьи Ульяновых. Музей имеет исключительное историческое значение; недаром он привлекает к себе внимание десятков тысяч посетителей.

А. Бубнов» (д. 35, л. 62).

Интересна запись Д. И. Кочурова, посетившего музей 8 августа 1937 г.:

«Посетить дом Ульяновых — этот живой кусок жизни Владимира Ильича — мне было интересно вдвойне: здесь моему воображению предстал не только быт мирового гения в его детстве и юности, но и ярко воскрес в моей памяти самый образ великого юноши.

Ровно 50 лет назад, в 1887 г., я учился в Симбирской чувашской учительской школе. Мне тогда было 12 лет. Один из моих учителей, Никифор Михайлович Охотников, готовился к экзамену на аттестат зрелости и уроки брал у Владимира Ильича. Не помню теперь, как это случилось, но Никифор Михайлович Охотников почему-то для связи со своим учителем избрал меня (я жил в общежитии на берегу Свияги, через стенку от которого была квартира Охотникова). И вот, частенько я бегал к Владимиру Ильичу, то с какой-нибудь книжкой, то с тетрадкой. Заходил к Владимиру Ильичу обыкновенно со двора, через черное крыльцо. Войдешь бывало, кажется, в кухню,— скажут ему обо мне. Как сейчас помню, быстро выйдет из внутренних комнат этакий приземистый молодой человек в серой куртке, подпоясанный кожаным поясом с большой гимназической бляхой, голова острижена под ерша. „От Охотникова? Давай сюда... [2] Вот так!“. Возьмет то, что я принес, и так же быстро

---

[1] Первый абзац этой записи опубликован в ульяновской газете «Пролетарский путь», № 140, 21 июня 1935 г.

[2] Отточие оригинала.

убежит из кухни, никаких лишних разговоров с двенадцатилетним мальчишкой, конечно, и не могло быть. Только и всего. Но теперь, через 50 лет, когда я сижу и пишу эти строки, живо вспоминаю эти моменты, которым тогда не придавал никакого значения.

Я чрезвычайно доволен, что и я видел величайшего из великих, что и на мою долю выпало счастье быть его современником.

Д. И. Кочуров
преподаватель Оренбургской высшей коммунистической сельскохозяйственной школы» (д. 17, лл. 111—112).

Запись В. Н. Кошубы 6 августа 1941 г. гласит: «Давно мечтал посмотреть домик, где жил и рос вождь мирового пролетариата В. И. Ленин. Мечта сбылась, и 6 августа 1941 г. посетил.

Скромная обстановка окружала В. И. Ленина, и это глубоко запечатлелось мне. Нужно нам учиться скромности у нашего незабвенного вождя. Счастлив, что побывал в этом домике в трудную минуту для нашей Родины, когда мы ожесточенно боремся с германским фашизмом. Многонациональный советский народ уничтожит оголтелый фашизм и завершит дело нашего дорогого В. И. Ленина.

Герой Советского Союза генерал-майор танковых войск Кошуба В. Н.» (д. 91, л. 182).

Об известности Дома-музея В. И. Ленина за рубежом свидетельствует запись (23 июня 1951 г.) вдовы голландского социалиста Давида Вайнкопа, бывшего главным редактором газеты «Трибуна», занимавшего в годы первой мировой войны интернационалистскую позицию: «Считаю для себя большим счастьем и большой честью, что смогла посетить родительский дом Ленина, который был всегда другом и всегда оказывал поддержку и нашей голландской компартии, что видно, в частности, из писем Ленина Вайнкопу, опубликованных в 35 томе собрания сочинений Ленина.

Вдова Давида Вайнкопа (Амстердам)» (д. 176, л. 527).

Все приведенные здесь материалы свидетельствуют о большом интересе данного фонда, документы которого пока исследуются мало.

Г. А. Сазонтов

НОВЫЕ БЕЛОРУССКИЕ ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.

Ценным источником для исследователя, занимающегося изучением экономической истории Белоруссии эпохи феодализма, являются таможенные книги. Без тщательного их изучения и анализа нельзя правильно представить и осветить состояние торговли Белоруссии в указанный период. Тем не менее, в вышедших до настоящего времени работах, которые целиком посвящены торговле Белоруссии конца XVI — первой половины XVII в. или затрагивающих этот вопрос в какой-то мере [1], авторы пользовались лишь одной, опубликованной целиком таможенной книгой горо-

[1] H. Łowmiański. «Handel Mohylowa w XVI w.». Studia historyczne. Kuczci Kutrzeby, t. 2. Krakòw, 1938; A. Wawrzyńczyk. «Studia z dziejów handlu Polski z Wielkim księstwem Litewskim i Rosją w XVI w.». PAN, Warszawa, 1956; Л. С. Абецедарский Торговые связи Белоруссии с Русским государством (Вторая половина XVI — первая половина XVII в.). «Ученые записки» Белорусского гос ун-та, вып. 36. Минск, 1957, стр. 3—42; В. И. Мелешко. О торговле и торговых связях Могилева в XVII столетии. «Труды» Института истории АН БССР, вып. III. 1958, стр. 47—65.

да Витебска[2] и двумя, также опубликованными, фрагментами, из которых один относится к Брестской, а второй к Ковенской таможне[3].

Относительно фрагмента таможенной книги, опубликованного в «Актах Виленской археографической комиссии»[4] следует отметить, что указанная комиссия не смогла определить, к какому году и к какой таможне он относится, так как в сохранившемся русском тексте отсутствовали первые и последние листы. В предисловии к указанному тому «Актов» И. Спрогис относит публикуемый фрагмент таможенной книги ко второй половине XVI в.[5]. В сборнике документов по истории Белоруссии этот же документ публикуется как «Книга при Неманской таможне (в г. Ковно) за 1607 г.»[6]. Л. С. Абецедарский в своей работе «Торговые связи Белоруссии с Русским государством» также относит указанный фрагмент к Неманской (г. Ковно) таможне за апрель — июнь 1607 г. (предположительно) и в то же время отмечает, что это предположение, впервые сделанное Д. И. Довгялло, на основании палеографического анализа и других данных, «возражений не вызывает»[7].

В рукописном отделе библиотеки Вильнюсского государственного университета нам удалось обнаружить польский текст записи Ковенской таможенной книги за декабрь 1600 г. и январь — июнь 1601 г.[8] Они оказались идентичными записями опубликованного фрагмента таможенной книги. Таким образом, опубликованный в «Актах Виленской археографической комиссии» фрагмент таможенной книги за апрель — июнь месяцы, несомненно, следует считать фрагментом Ковенской таможенной книги и относить не к 1607 году, а к 1601.

Л. С. Абецедарский в указанной выше работе о торговле, отметив перечисленные нами таможенные записи как ценный источник, высказал сожаление, что «этими материалами и ограничивается вся таможенная документация»[9].

В последнее время в рукописном отделе Вильнюсского государственного университета нами обнаружены новые, до сего времени неизвестные, таможенные книги городов: Бреста[10], Гродно[11], Могилева[12], Полоцка[13], Вильно[14], Юрборга[15], относящиеся к

---

[2] Rejestr wybierania myta starego na przykomorku Witebskim przez mie Eustaphia Mereckiego. «Витебская старина», т. I. Витебск, 1883, стр. 321—327.

[3] Мытная книга или реестр мыта нового, с оценкою разных товаров, провозившихся через Брест в течение первой половины 1583 г., и обозначением количества пошлин, взимавшихся за эти товары на Берестейской таможне (коморе). «Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси», т. III. Вильно, 1867, стр. 289—322; т. IV, стр. 252—289. Отрывок из таможенной книги, в которой записывалась пошлина с товаров, провозимых на витинах в Королевец и из Королевца обратно. «Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею», т. XIV. 1888, стр. 645—655 (В дальнейшем: АВАК).

[4] АВАК, т. XIV, стр. 645—655.

[5] Там же, стр. XIV.

[6] Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах, т. I. Менск, 1936, стр. 573.

[7] Л. С. Абецедарский. Ук. соч., стр. 6.

[8] «Rejestr myta starego w Kownie poczęty sprawować przez mię Wacława Więckowicza od Jego msci pana Jana Narbutha sekretarza Jego k msci administratora Myth starych W X lit. w Roku 1600 decembra 4 dnia». Библ. Вильнюсского гос. ун-та. Отдел рукописей, А — 1736 (В дальнейшем БВГУ).

[9] Л. С. Абецедарский. Ук. соч., стр. 7.

[10] «Rejestr myta starego komory Brzeskiej za rok 1605». БВГУ, отдел рукописей, Ат — 87, д. 13160.

[11] «Rejestr myta starego komory mytnicy Grodzienskiej za rok 1600». Там же, Ат — 87, д. 13159; «Rejestr myta starego komory Grodzienskiej za rok 1605». Там же, Ат — 87, д. 13161.

[12] Книга записей Могилевской таможни за 1612 г. «Rejestr myta starego Roku 1612. Rejestr spisania towarów zagranic- prowadzonych za sprawowania Moszka Julewicza a Heliasza Jakubowicza». Ат — 88, д. 13166.

[13] «Rejestr do wiedzienia kwitów komory Połockiej» за 1616 год. Там же, Ат — 87, д. 13162.

[14] Таможенная книга г. Вильно за 1616 г., Ат — 87, д. 13156.

[15] Книга таможенного сбора Юрборгской таможенной заставы за 1606 г. «Rejestr spisania towarów róznych kupców, które idą portem na wicinach i lądem na woziech do Kowna s prikomorku Jurborskiego, Roku 1613». Там же, Ат — 87, д. 13155.

первой половине XVII в., изучение которых даст возможность историкам в значительной степени восполнить имеющийся в исторической науке пробел и обогатить данные о торговле и в некоторой степени о ремесле в Белоруссии в указанный период.

Отмеченные таможенные книги содержат подробные записи о количестве купцов, проехавших через таможню с указанием их местожительства, откуда и куда следуют. Указывается также вид транспортировки товаров. Таможенные записи перечисляют ассортимент и количество товаров каждого купца в отдельности. В некоторых случаях указывается, где изготовлен товар: например, «сапоги могилевской работы», «чулки могилевской работы», «мыло гродненской работы», «горшки гродненской работы», «полотно московское», «сукно гданское» и т. д. Почти все таможенные книги указывают социальное положение лиц, занимавшихся торговой деятельностью: мещане, феодалы (светские и духовные), их подданные. Таможенные книги дают возможность определить по отдельным городам численный состав и социальную структуру той части торгового населения, которая занималась иногородней и, особенно, иностранной торговлей, торговые обороты как отдельных городов, так и купеческих фамилий, ассортимент и количество товаров, вывозимых на внутренний и внешний рынок, а также привозимых из-за границы. По записям таможенных книг можно проследить путь следования купцов, установить торговые пути и магистрали, связывающие города Белоруссии между собой и с городами других государств, виды транспортировки, а также тяготение отдельных городов к торговым связям с другими городами и государствами. Таможенные записи в некоторой мере дают представление о состоянии общественного разделения труда в первой половине XVII в. и степени развития ремесла. Все эти таможенные книги, за исключением Могилевской, отражают состояние торговли и торговых связей Белоруссии с западноевропейскими городами, преимущественно польскими и прибалтийскими. Они свидетельствуют об экономических связях белорусских городов Могилева, Минска, Бреста, Гродно, Полоцка, Витебска и других с польскими городами Люблином, Познанью, Гнезно, Торунем, Варшавой, Ярославом, Гданьском, а также с прибалтийскими городами Вильнюсом, Ковно, Крулевцом и Ригой. Белорусские купцы доставляли в Польшу преимущественно меха, различные шкуры, меховые и кожевенные изделия местных ремесленников. Из польских городов привозились в основном сукна, ткани, галантерея, металл и металлические изделия (косы, ножи, гвозди, иголки и пр.). В Прибалтику сбывались преимущественно продукты сельского хозяйства: рожь, ячмень, просо, пшеница, пенька, лен, конопляное и льняное масло, мед, зола и поташ, а оттуда привозились шкуры, соль, сельди и в некоторой мере сукна. В записях Могилевской таможни за 1612 г. представлена торговля со Смоленском и другими русскими городами в период обострившихся политических отношений между Россией и Польшей.

Перечень таможенных книг:

1. Гродненская таможенная книга за 1600 г. (с января по октябрь), на 123 лл. Состояние книги хорошее, в кожаном переплете.

2. Гродненская таможенная книга за 1605 г. (с января 1605 по январь 1606 г.) на 48 лл. Книга сохранилась хорошо, в кожаном переплете.

3. Полоцкая таможенная книга за 1616 г. (с апреля по октябрь) на 43 лл. Состояние книги хорошее.

4. Брестская таможенная книга за 1605 г. (с января 1605 г. по январь 1606 г.) на 63 лл. Книга сохранилась хорошо, но текст трудночитаемый.

5. Виленская таможенная книга за 1616 г. на 32 лл. Начала нет, записи начинаются с апреля.

6. Юрборгская таможенная книга за 1606 г. (с января по октябрь) на 10 лл. Сохранилась хорошо.

7. Юрборгская таможенная книга за 1613 г. на 20 лл. Сохранилась хорошо.

8. Могилевская таможенная книга за 1612 г. (с июня 1612 г. по январь 1613 г.) на 21 лл. Книга сохранилась хорошо[16].

В. И. Мелешко

[16] Во всех книгах записи сделаны по-польски, на обеих сторонах листов.

Заметки архивиста

НЕЛЕГАЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ «БЮЛЛЕТЕНЬ ЦК РСДРП» 1914 г.

Публикуемый ниже «Бюллетень Центрального Комитета РСДРП» № 1 от 15(28) января 1914 г. является нелегальным изданием большевистской партии, выпущенным по решению Центрального Комитета, принятому на заседании, состоявшемся вскоре после Поронинского («летнего») совещания ЦК РСДРП с партийными работниками. Это решение было принято во исполнение резолюции Поронинского совещания о партийной печати, в которой говорилось о необходимости увеличения выпуска нелегальной литературы в целях систематической информации о состоянии революционного движения и партийной работы на местах, для передачи директив ЦК местным организациям и т. п. «Бюллетень ЦК» мало известен в историко-партийной литературе [1]. Хотя он был издан типографским способом, но сохранился лишь в небольшом числе экземпляров в делах Департамента полиции. В настоящее время он имеется в библиотеке Института марксизма-ленинизма.

В. И. Ленин придавал «Бюллетеню» большое значение и принимал непосредственное участие в его подготовке. Находясь в январе 1914 г. в Брюсселе, он редактировал материалы для № 1 и отправил их в Париж, где «Бюллетень» печатался [2].

Предполагалось выпускать «Бюллетень» два раза в месяц и давать в нем информацию о деятельности ЦК и его решениях, о работе местных организаций, небольшие статьи и заметки, агитационные листки на текущие темы. В первом номере помещены заметки и листки о том, как прошли стачки и демонстрации в день 9 января 1914 г.; ряд материалов о борьбе за свободу печати; заметка «Рабочие и деревня» с призывом к рабочим поднимать бедноту на борьбу за республику и конфискацию помещичьих земель. Эти материалы по существу являлись директивными письмами Центрального Комитета по злободневным вопросам партийной работы и революционного движения в стране. Кроме того, были напечатаны информационные материалы о партийной работе в Центральной промышленной области, на Урале и в Ченстохове.

«Бюллетень» издавался небольшим форматом, на папиросной бумаге. Вышел в свет только первый номер. Имеются сведения о том, что готовился второй номер [3], но он не был издан, вероятно, в связи с недостатком средств.

«Бюллетень» получил распространение не только в Петербурге и Москве, но и в крупных промышленных районах страны. Так, в одном из полицейских донесений говорится, что перехвачен «Бюллетень ЦК РСДРП» № 1, посланный 9 марта 1914 г. из Прошевиц, Келецкой губернии, в Варваропольский рудник, Бахмутского уезда, на имя камеронщика шахты Магдалина Т. П. Макарова, ведущего конспиративную переписку с Г. И. Петровским [4].

Н. И. Куклин

---

[1] Впервые его содержание было изложено в статье А. М. Володарской. «Поронинское совещание ЦК РСДРП с партийными работниками в 1913 г.» (см. «Исторические записки», 1957, т. 59, стр. 176). Материал бюллетеня был использован мною в диссертации, написанной в 1955 г.

[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 558.

[3] См. «Исторический архив», 1960, № 2, стр. 32.

[4] См. ЦГИАМ, ф. ДП, ОО, 1914 г., д. 5, ч. 23, л. 6.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ

БЮЛЛЕТЕНЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РСДРП

15 января 1914 года

№ 1

От Центрального Комитета

На своем последнем заседании ЦК РСДРП решил параллельно с ЦО издавать Бюллетень ЦК. Бюллетень этот предполагается выпускать по возможности каждые две недели. Предполагаемая программа издания такова: 1. Сведения из деятельности ЦК. 2. Сведения о жизни партийных организаций на местах. 3. Небольшие статьи и заметки на злобы дня. 4. Агитационные листки на текущие темы. При этом листки будут печататься так, чтобы их можно было вырезывать и распространять особо.

ЦК обращается ко всем партийным организациям и отдельным товарищам с просьбой о поддержке «Бюллетеня». Необходима присылка всех выходящих в России листков, снабжение «Бюллетеня» корреспонденциями (о стачках, демонстрациях, организационной жизни и т. д.), присылка статей на партийные темы и *денежная поддержка.*

Товарищи с мест так много указывали ЦК на необходимость подобного «Бюллетеня», что мы надеемся встретить их энергичную поддержку нашему начинанию.

Обращаем внимание еще на необходимость собирать и передавать ЦК адреса для рассылки «Бюллетеня» и другой литературы. В каждом городе, в каждом районе необходимы десятки рабочих адресов. Лишь тогда будет обеспечено должное распространение.

9 января 1914 года

9-я годовщина расстрела рабочих Николаем Кровавым отмечена была революционной стачкой и революционными демонстрациями. Стачка и демонстрации прошли особенно хорошо в Петербурге и Риге. Кроме этих городов, была частичная забастовка в Москве, Варшаве, Николаеве, Твери, Киеве и других городах. В ряде городов царской шайке удалось сорвать стачку только при помощи массовых арестов передовых рабочих.

Бастовало по всей России свыше 260 тысяч рабочих. Меж тем как 9 января 1912 года стачка была еще совсем слаба и даже 9 января 1913 года бастовало по России всего только 160 тысяч человек. Революционная стачка 9 января, таким образом, привлекла в этом году новых 100 тысяч рабочих. В Петербурге бастовало почти вдвое больше, чем в 1913 году. Это показывает, что массовая политическая стачка растет и развивается.

Движение прошло под знаком трех старых революционных лозунгов рабочего класса: демократическая республика, конфискация помещичьих земель, 8-часовой рабочий день. На улицах вновь появились красные знамена. Площади опять оглашались возгласами: Долой монархию Романовых!

Призыв к стачке 9 января решен был на летнем совещании партийных работников с ЦК [1]). Постановление решено было не публиковать по конспиративным соображениям. Стачка особенно тщательно подготовлялась в СПб. Листок ЦК заблаговременно был разослан всем партийным организациям, а затем последовало массовое распространение его. Уже сейчас получена перепечатка листков ЦК в Москве, СПб., Ташкенте, Полтаве.

Революционная стачка растет. Подымаются новые слои. Движение подходит к постановке на очередь *всероссийской* политической стачки. Задача то-

варищей — всеми силами содействовать распространению революционной стачки *на всю Россию,* помочь планомерной организации ее, нести в массы проповедь новой революции, которая одна освободит Россию от позора Романовых и Пуришкевичей.

Рабочие и деревня

Во время первой революционной волны крестьянское движение опоздало по сравнению с рабочим на $1^1/_2$ десятилетия. Опаздывает крестьянское движение и теперь — во время второй революционной волны. Условия жизни деревни таковы, что революционная организация и агитация там страшно затруднены.

На рабочих ложится еще одна ответственная задача. Только они могут нести революционное слово в деревню — при своих временных поездках туда, через своих родных, знакомых и т. д.

Надо помнить об этой задаче. Несите революционное слово в деревню, доставляйте туда рабочую литературу, помогайте сплачиваться сельскохозяйственным рабочим, будите крестьянскую бедноту, зовите ее на борьбу за республику и конфискацию помещичьих земель.

Ликвидаторы и свобода печати

В ликвидаторской «Новой рабочей газете» начата очередная ликвидаторская «кампания». В борьбе за свободу печати «рабочие не одиноки» — доказывают ликвидаторы. С ними будто бы пойдут и кадеты, и даже октябристы. Рабочим надо-де соединиться с буржуазией, тогда под давлением «общественного мнения» 4-я черносотенная дума откажется от пуришкевического закона против печати.

Ликвидаторы по обыкновению извращают дело. Буржуазия не хочет свободы *рабочей* печати. Она ищет такой сделки с черной сотней, чтобы либерально-октябристская печать была свободна, а рабочую — душили и не давали говорить за революцию, за республику, за конфискацию земель.

Вопроса о свободе печати нельзя вырвать и решить отдельно от больных вопросов русской жизни. Кто хочет свободы печати, тот должен звать народ на революционный путь, тот должен бороться за низвержение монархии Романовых. Вера в 4-ю думу недостойна сознательных рабочих. Помещичья шайка поколеблется в своем желании задушить рабочую печать только в том случае, если увидит, что сотни тысяч и миллионы рабочих и крестьян сплачиваются для новой революции.

Либерально-ликвидаторские разговоры о «борьбе за легальность» не являются действительной борьбой за свободу печати.

Возродите нелегальную печать и покажите, что вы все равно наводните страну революционной литературой, продолжайте развивать революционные стачки и демонстрации, отстаивайте массовыми сборами вашу марксистскую печать, организуйтесь для революционной борьбы. Это единственный путь, который приблизит и свободу печати.

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

О свободе печати

Товарищи! Царь и помещики решили задушить рабочую печать, отнять у рабочих последние крохи той «свободы» печати, которая осталась от 1905 года. Нынешних черносотенных правил в печати оказалось мало. Чтобы окончательно уничтожить свободное слово, понадобился новый закон против печати.

Программу действий продиктовали объединенные помещики. На съезде объединенного дворянства в начале 1913 года черносотенные зубры выработали

основы нового закона против печати. И своим лакеям — министрам и чиновникам — поручили они провести этот закон в жизнь.

Фактически Россией правит кучка черносотенных помещиков. Николай Романов — первый черносотенный помещик в России. По их приказу разгонялась Государственная дума, они отправляли на каторгу с.-д. депутатов 2-й думы, они вздергивали на виселицу лучших борцов народных. Теперь они закидывают петлю на шею свободной печати. Пуришкевич, друг царя, который не так давно наградил своего сподвижника царским портретом, хвастался в газетах, что это он выработал закон против печати, внесенный в думу министром-полицейским Маклаковым.

Новый закон против печати восстановляет позорной памяти предварительную цензуру, вводит 3-тысячные штрафы, намечает огромные денежные налоги, отнимает у рабочих право быть редакторами и т. д. Все это направлено именно против рабочей печати. Бельмом на глазу у царской шайки является рабочая печать. Она не может говорить о революционной борьбе рабочих, она вынуждена говорить полупридушенным голосом, ей приходится обслуживать преимущественно экономическую борьбу. Но и эта печать колет глаза помещикам, и ее решено сжить со свету.

Шаг за шагом черносотенцы ведут страну нашу назад, к самодержавию. Закон против печати, недавно опубликованный закон против союзов, все это — только еще цветочки. Ягодки впереди. Если революционное движение не усилится, если не разовьется революционная стачка, если не подымется крестьянство, если не заговорит городская демократия,— царь и помещики заведут такие порядки, что жизнь наша превратится в сплошное рабство.

Как бороться с новым преступлением царской монархии?

Только стремясь уничтожить без остатка эту монархию, вырвать с корнем всякое воспоминанье о царях, освободить страну от позора Романовых, смести с лица земли царское самодержавие.

Другого средства нет. От Николая Романова и Пуришкевича, от объединенных дворянских зубров и черносотенной Государственной думы не дождаться нам свободы печати. Вопроса о новой революции, как суженого, конем не объедешь. Нет никаких специальных средств завоевать свободу печати или даже удержать нынешнее положение — кроме, как революционная борьба за республику, за отнятие помещичьих земель, за низвержение всего современного политического порядка.

Вспомните, товарищи, 1905 год. Как были отвоеваны первые крохи свободы печати? По постановлению славного Совета рабочих депутатов было решено революционным (явочным) путем брать свободу печати. Ни один рабочий-наборщик не должен был набирать хоть одну строчку, если она шла в предварительную цензуру. Владельцев типографии заставили отказаться от всяких заказов, раз произведения шли в цензуру. Великой стачечной борьбой, подготовкой восстания, общим натиском отвоевано было начало свободы печати.

Только революционной борьбой будет отвоевана свобода печати и теперь.

Рабочие должны показать всей царской шайке, что никакими законами она не убьет рабочей печати. Надо наводнить страну революционными листками, надо добиться, чтобы нелегальная литература опять получила такое же и еще большее распространение, как накануне революции 1905 года. Надо нести революционное слово в деревню. Надо, чтобы миллионы рабочих и крестьян поняли:

— *Пока существует монархия Романовых, до тех пор нет свободы в нашей стране, до тех пор мы рабы, до тех пор не будет и действительной свободы печати.*

Долой царско-помещичий закон против рабочей печати!

Да здравствует революционная борьба за низвержение монархии!

Товарищи рабочие! Не надейтесь ни на кого, кроме как на самих себя. Бур-

жуазия хочет такого закона о печати, который обеспечил бы свободу ее печати. Действительной и полной свободы *рабочей* печати она отстаивать не будет.

Организуйтесь, сплачивайтесь, создавайте свою нелегальную печать, зовите всех, в ком жива душа, на борьбу за

Демократическую республику,
Конфискацию помещичьих земель,
8-часовой рабочий день!

Центральный Комитет РСДРП

Помните о нелегальной печати!

В своем «Извещении» о летнем совещании с партийными работниками ЦК от имени совещания пишет:

Громадное значение в переживаемый момент приобрел вопрос о правильно выходящем нелегальном органе печати — вопрос, которым тоже занималось совещание. Мы привыкли за последние два года к легальной марксистской печати, но непозволительно забывать, что, во-1-х, эта печать могла давать, в лучшем случае, азбуку теоретической пропаганды марксизма, что она *никогда не могла* проводить партийных решений полностью. А, во-2-х, эта печать *не может быть прочна* при царской монархии. Теперь уже все видят, что царское правительство направило все усилия на задушение рабочей печати. *Для этого* внесен новый законопроект о печати в Государственную думу, и октябристы *уже выразили готовность* провести все достаточное и необходимое для задушения рабочей печати.

Товарищи-рабочие! Не будем обольщать себя мыслью о прочности рабочей печати при 3-июньской системе и при царской монархии. Не «борьбу за легальность во что бы то ни стало» при этой погромной черносотенной монархии должны мы проповедовать, а революционную борьбу за свержение монархии.

Никакими силами нельзя «спасти» легальной рабочей печати при монархии царя, если не будет сильной революционной партии с.-д. пролетариата с прочной нелегальной печатью. Кто хочет на деле, а не на словах бороться за политическую свободу, тот должен *немедленно* напрячь *все* силы для укрепления *нелегальной* партии и *создания солидного, очень крупного фонда нелегальной с.-д. печати.*

Рабочие прекрасно научились проводить массовые сборы на легальную рабочую печать. Означает ли эта «наука», что они успокаиваются на «борьбе за легальность» при царской монархии? Так думают ликвидаторы.

Или эта «наука» означает, что рабочие, сплотившись вновь и на стачках, и на выборах партийных кандидатов в думу, и на легальной печати противоликвидаторского направления,— используют свой новый опыт для того, чтобы преодолеть все препятствия и поставить *массовые сборы* на *нелегальную с.-д. печать?* Так думает революционная социал-демократия.

Помните о нелегальной печати, товарищи! Работайте над созданием периодического нелегального органа.

Совещание партийных работников
Центральной промышленной области и Московского округа

Присутствовали на совещании: 3 представителя руководящего коллектива, от области и 7 от 6 пунктов. Кроме того, по случайным причинам отсутствовали представители от 4 пунктов. В докладах с мест сообщения о работе в этих пунктах были сделаны другими делегатами.

Порядок дня: 1. Доклад о последнем совещании ЦК с партийными работниками на местах [1]. 2. Доклад об областной и окружной работе и план даль-

нейшей работы. 3. Доклад с мест. 4. 9 января. 5. С.-д. фракция. 6. Интернациональное социалистическое бюро. 7. Страхование. 8. Печать. 9. Разное (приветствия, технические вопросы).

Резолюции совещания.

Заслушав доклад о последнем совещании ЦК с партийными работниками на местах, Московское совещание вынесло следующую резолюцию.

О совещании ЦК с партийными работниками.

1. Московское совещание, приветствуя последнее партийное совещание, всецело присоединяется к его резолюциям, содержание которых совершенно правильно определяет нужды и задачи рабочего движения России и дает исчерпывающие директивы для очередной партийной работы на местах.

2. Состав партийного совещания и успешное проведение в жизнь его решений Московское совещание считает лучшим доказательством, что годы партийной разрухи минули окончательно. Из пережитых потрясений РСДРП вышла победительницей, сохранив партийное знамя и партийные лозунги. Глубокая вера в эти лозунги и верность старому партийному знамени продолжают руководить революционным движением российского пролетариата.

3. Подчеркивая практическую важность решений последнего партийного совещания, совещание московских областных и окружных работников считает крайне полезным и впредь возможно частый созыв совещаний ЦК с партийными работниками на местах.

О партийном съезде.

1. Несомненный подъем рабочего движения и широкий размах партийной работы за последнее время настоятельно требуют объединения и централизации всех партийных с.-д. организаций России. Поэтому Московское совещание горячо приветствует решение совещания при ЦК о необходимости созвать в возможно ближайшем будущем общероссийский съезд РСДРП.

2. Правом представительства на съезде, по мнению Московского совещания, должны пользоваться все организации России, признающие партийную программу и ведущие партийную с.-д. работу на местах.

3. Московское совещание присоединяется к решениям заграничного совещания о необходимости создания специально съездовского фонда и настоятельно рекомендует всем организациям в московской области и округе немедленно начать сборы с этой целью

Об областной и окружной работе.

1. Заслушав доклад представителя руководящего коллектива о работе в области и округе за минувший год, совещание приветствует руководящий коллектив и одобряет его работу за истекший период.

2. Совещание признает правильной систему работы, принятую до сих пор руководящим коллективом. Связь с местными организациями и координирование работы на местах должно вестись путем объездных и письменных сношений, но не путем временного пребывания членов руководящего коллектива в отдельных организациях.

3. Очередной задачей работы в области и округе совещание считает восстановление и укрепление партийных организаций на местах.

4. Параллельно с работой по укреплению организаций на местах должна вестись подготовительная работа по созыву общеокружной и областной конференции; кроме того, желателен возможно частый созыв совещаний руководящего коллектива с работниками на местах.

5. Совещание настоятельно рекомендует местным организациям обратить особое внимание на агитационную работу среди женщин-работниц, составляющих во многих местах московского промышленного района 50% всех рабочих.

О 9 января.

1. Чтобы провести в жизнь решения о 9 января последнего совещания при ЦК, Московское совещание предлагает местным организациям всеми силами

стремиться устраивать в этот день стачки протеста с лозунгами: демократическая республика, 8-часовой рабочий день и конфискация всех помещичьих земель.

2. Если по местным условиям стачки протеста невозможны, необходимо устраивать рабочие собрания, распространять листки и выходить с фабрик и заводов по окончании работ с провозглашением лозунгов и пением революционных песен.

О думской фракции.

1. Совещание признает, что работа думской с.-д фракции должна вестись в согласии с партийной программой и под руководством центрального учреждения партии.

2. 7-ка, проводя ликвидаторскую линию в своей работе, нарушала эти основные принципы, принятые всей партией в целом, и тем самым делала невозможным положение 6 рабочих депутатов, стоящих на партийной точке зрения, подавляя их случайным большинством одного голоса и тем фактически раскалывая фракцию.

3. Поэтому совещание считает, что образование шестеркой самостоятельной РСДРфракции есть единственно правильный путь для проведения партийной линии в думской работе.

О Международном социалистическом бюро.

1. Подробно ознакомившись с решением МСБ по поводу раскола в русской социал-демократии [2]), Московское совещание находит, что резолюция бюро является результатом полного незнакомства заграничных товарищей с истинным положением дел в России. Совещание выражает глубокое сожаление, что неосведомленным в русских делах оказался даже уважаемый тов. Каутский, сказавший в своей речи, что старая партия умерла.

2. Московское совещание по вопросу о возможности соглашения с ликвидаторами присоединяется к резолюции организованных марксистов, помещенной в № 9 «Пролетарской правды» [3]), считая, однако, что обмен мнений, предложенный МСБ, ни к чему не поведет.

3. Одной из действительных возможностей ознакомить заграничных товарищей с положением дел в русской социал-демократии совещание считает полное и правильное представительство всех рабочих с.-д. организаций России на предстоящем Венском социалистическом конгрессе.

О страховании.

1. Совещание констатирует, что партийными организациями области и округа недостаточно было сделано как в смысле непосредственного участия в страховой кампании, так и в смысле проведения в массы страховых лозунгов.

2. Рабочие массы, недостаточно оценивая всю важность участия в страховой кампании, обнаруживали часто не только индифферентное, но и прямо враждебное отношение к проведению страховых законов.

3. Вследствие всего этого страховая кампания проходила вяло и неорганизованно, что давало возможность хозяевам укреплять свои позиции.

4. Поэтому совещание настоятельно рекомендует партийным организациям принять самое горячее участие в ходе кампании и проведении законов 23 июня, используя его в полной мере, т. е. требуя всюду введения общегородских и общерайонных касс с рабочим уставом, в то же время разъясняя рабочим всю недостаточность законов 23 июня и необходимость введения социального страхования, осуществлять вполне страховую программу.

5. Совещание намечает ряд практических мероприятий, как то: а) распространять страховую рабочую печать; б) поддержать ее как непосредственным участием (корреспонденции, статьи и т. п.), так и денежными сборами; в) создавать кружки и комиссии; г) там, где не производились выборы уполномоченных, стремиться всеми силами к проведению последовательных марксистов; д) там, где больничные кассы уже проведены, вести самую энергичную рабо-

ту среди уполномоченных и е) стремиться к объединению уже открытых фабричных касс в общие.

О печати. 1. (Опубликованию не подлежит.)

2. (Опубликованию не подлежит.)

3. По вопросу о нелегальной печати совещание высказывается в смысле крайней необходимости усилить и регулировать выход всех заграничных изданий, в особенности ЦО. Ввиду недостаточности партийных средств совещание рекомендует местным организациям производить специальные сборы на нелегальную литературу.

Сообщения с мест

Урал. Настроение везде бодрое, условия организационной работы чрезвычайно благоприятны. Вначале только было трудно, сил мало. В организации со 100—200 членами случается нет ни одного интеллигента или товарища, могущего вести строго принципиальную и идейную работу. Услугами многих скомпрометированных товарищей пользоваться не можем, и вообще верхи недоверчиво относились до сих пор ко всему. Много интеллигентных рабочих, безошибочно решающих вопросы, но говорунов мало, писать — пытка для многих, отвыкли. Усовершенствуются, но пока трудно. Спасает упорное, почти стихийное желание держаться на старых позициях и легальная газета. Чтобы не разбрасываться, поставив дело хорошо в одной местности, переходим к другой. Один товарищ постоянно ездит и руководит работой на местах. С Пермью связаны многие организации.

Связи настолько прочны, что провалами их трудно разрушить; достаточно быть знакомым с рабочими одного пункта, чтобы связаться со всей губернией. Рабочие нас и не ждут, сами создают связи, переписываются, остается только направить их в общее русло.

В Екатеринбурге работа тормозится недостатком сил. Много времени отнимает страховая кампания. Была выпущена прокламация против бойкота больничных касс для Верх-Исетских рабочих. В ряде пунктов медленно, но работа подвигается вперед, везде просят людей.

N-ский рудник. Сейчас у нас выборы уполномоченных в больничную кассу. Рабочие взбудоражены, но нет работников, которые в полной мере использовали бы повышенное настроение рабочих. Были устроены две массовки. На первой участвовало 15 человек, обсуждался вопрос о расколе в думской фракции. Вынесена резолюция. За 6 депутатов голосовало 13 человек, против 2. На второй массовке присутствовало человек 40. Рассчитывали на 200 чел., и только помешала дождливая погода. Обсуждали вопрос о выборной кампании. Настроение хорошее, но нет работников. Мы решили образовать один или два кружка более передовых товарищей и попробовать самим подготовиться к пропагандистской деятельности.

Группа с.-д. рабочих N-ского рудника

Ченстохов. Одним из признаков оживления польского рабочего движения и роста его организации была конференция ченстоховской организации Социал-демократии Польши и Литвы. Громадный рабочий центр Ченстохов в отношении организации рабочих масс очень отстал от Варшавы и Лодзи. Профессиональное движение, рабочая страховая кампания там почти отсутствовали. С.-д. организация была разгромлена. На этом пустом месте «господствовал» из-за границы Тышко, противопоставляя Ченстохов «крамольной» Варшаве и Лодзи. Ныне и ченстоховские рабочие отреклись от заграничного кружка Тышки.

Ченстоховская конференция состоялась в средине декабря. Ее составляли представители шести фабрик и заводов (кроме того, еще два представителя, по непредвиденным полицейским обстоятельствам, не попали на заседание).

Присутствовали, сверх того, по одному делегату Варшавского и Лодзинского комитетов.

По вопросу о положении в СДПиЛ конференция высказала свое осуждение так называемым главноправленцам (тышкинцам), раскалывающим партию без всяких принципиальных оснований [4]. Она высказалась за окончательное объявление тышкинцев вне партии и конституирование нового, действительного партийного центра на всю Польшу. Конференция решила также приняться энергичнее за заброшенную в Ченстохове страховую кампанию и выдвинуть в ней на первое место лозунг общей кассы. По вопросу о расколе в думской с.-д. фракции была принята единогласно резолюция, осуждающая раскольническое поведение семерки и выражающая полное сочувствие РСДРФ и, в частности, «представителю польских рабочих тов. Малиновскому» [5].

Конференция, наконец, выбрала Ченстоховский комитет для дальнейшего руководства партийной работой. Его задачей будет, между прочим, войти в соглашение с Варшавским и Лодзинским комитетами с целью образовать партийный центр.

Ченстоховский комитет распространил на фабриках 500 экземпляров листка «За РСДРфракцию». Он работает также над организацией ченстоховского отдела варшавского с.-д. нелегального профессионального союза текстильщиков, ведущего с некоторого времени стачечную работу в Ченстохове и издавшего листок с призывом к организации.

* * *

Ввиду постоянного спроса ЦК в ближайшем будущем выпускает новое издание *программы и устава РСДРП*. С требованиями обращаться в бюро ЦК и в редакцию «Социал-демократа».

Вышло в свет «Извещение и резолюции летнего 1913 года совещания ЦК РСДРП с партийными работниками».

Вышел № 32 «Социал-демократа», ЦО РСДРП.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Имеется в виду совещание ЦК РСДРП с партийными работниками, состоявшееся в Поронине 23 сентября — 1 октября (6—14 октября) 1913 г. и названное в целях конспирации «летним».— 208.

2) Речь идет о решении Международного социалистического бюро, вынесенном на сессии, состоявшейся в Лондоне в декабре 1913 г., якобы в целях единства в РСДРП, а на самом деле для поддержки ликвидаторов. В этом решении Исполнительному Комитету МСБ поручалось провести совещание социал-демократических организаций России для «обмена мнениями» о разногласиях в РСДРП. — 210.

3) В газете «Пролетарская правда» № 9 от 17 декабря 1913 г. была помещена «Резолюция о решении социалистического бюро» за подписью «Группа организованных марксистов».— 210.

4) Речь идет о Главном правлении Социал-демократии Польши и Литвы, возглавляемом Л. Тышка и Р. Люксембург. Оценка положения в СДПиЛ дана В. И. Лениным (см. Соч., т. 18, стр. 449—453; т. 20, стр. 521—522).—212.

5) Малиновский, избранный депутатом IV Государственной думы по рабочей курии Московской губ. и входивший в состав шестерки депутатов-большевиков, поляк по национальности. В 1917 г. был разоблачен как провокатор.— 212.

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. И. ПОДВОЙСКОГО

16 февраля 1960 г. исполнилось 80 лет со дня рождения одного из видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства Николая Ильича Подвойского.

Недавно в Центральном государственном архиве Советской Армии были обнаружены новые документы, отражающие отдельные моменты его многогранной деятельности.

Публикуемый приказ (док. № 1), написанный собственноручно народным комиссаром по военным делам Н. И. Подвойским 13 декабря 1917 г., показывает, насколько точно и оперативно должны были действовать в период национализации частных банков отряды красногвардейцев, революционных солдат и матросов при их захвате.

К приказу приложена собственноручная приписка Подвойского, сделанная им 16 мая 1946 г.: «Очень важный приказ, освещающий вопрос об организации дела национализации банков. Основан на указании В. И. Ленина».

Этот документ по просьбе Подвойского был извлечен в сентябре 1940 г. из фонда ЦК меньшевиков, хранившегося в Ленинградском историческом архиве.

Помимо того, ниже публикуется воззвание Высшей военной инспекции с личной правкой и за подписью Подвойского (док. № 2), написанное во время его пребывания в прифронтовом городе Борисоглебске; документ характеризует Подвойского как страстного пропагандиста и организатора побед Красной Армии.

В. И. Копейкина

№ 1

Приказ народного комиссара по военным делам Н. И. Подвойского о занятии Петроградского местного коммерческого банка

13 декабря 1917 г.

г. Петроград

Приказ тов. Рыжкову [1]

14 дек[абря] с. г. в 10 час. 15 мин. с отрядом в 125 чел. занять Петрогр[адский] м[естный] к[оммерческий] б[анк], находящийся на Невском пр[оспекте], д. 58.

1. Занять все входы и выходы.
2. Обезоружить стражу в вестибюле, при кассе и [обеспечить] безопасн[ость] ящ[иков].
3. Поставить караул у касс, кладовых, главном операц[ионном] зале и обеспечить безопасн[ость] ящ[иков].
4. Расположить караул во всех местах.
5. Вывесить объявление о закрытии банка до завтра, т. е. на один день.
6. Вызвать всех директоров, главного кассира и главного артельщика.
7. Потребовать сдачи ключей комиссару по его указанию.
8. Устроить общее собрание служащих с комиссаром.
9. В случае отказа сдать ключи и дела, принять меры для отобрания их и не выпускать никого из здания впредь до распоряжения комиссара.
10. Подготовить все необходимое для функционирования банка на другой день.
11. Оставить сильную охрану, внутреннюю и внешнюю; об исполнении донести в штаб — Мойка, 67.

Н. Подвойский

ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 1169, л. 1.— Автограф.

[1] Рыжков — командир красногвардейского отряда.

№ 2

Воззвание Высшей военной инспекции ко всем гражданам Борисоглебска и уезда о мобилизации сил на защиту Республики

29 июля 1918 г.

г. Борисоглебск

Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

Ко всем гражданам города Борисоглебска и уезда.

Руководимые наймитами немцев, генералами Красновым и Дудаковым, банды казаков восстали против русских рабочих, крестьян и трудовых казаков.

Цель Краснова — посадить царя и вернуть помещикам землю.

В местностях, куда приходят эти банды, царят произвол, насилие, грабежи и убийства. Никому, особенно иногороднему населению, не дается казаками пощады. Сжигаются дома и села, отнимается хлеб, все мужское население мобилизуется и сгоняется на фронт, на верную смерть.

Население тех мест, куда приближаются банды разбойников, бежит в панике. Волна беженцев расстраивает железные дороги и уничтожает запасы продовольствия.

Все это, безусловно, отразится на вас, граждане Борисоглебска и Борисоглебского уезда, и принесет вам неисправимый ущерб.

Крестьяне! Казаки отнимут у вас тот урожай, который вы сейчас собираете.

Все должны стать, как один, на защиту Республики!

Все под ружье!

Не отдавайте бандам Краснова урожая!

Не теряя ни минуты, обучайтесь военному делу с утра до ночи!

Напряжение всех сил даст нам победу.

Товарищи саперы, кавалеристы, пулеметчики, артиллеристы, все бывшие унтер-офицерские чины, идите охотниками и помогите Республике создать и обучить полки.

Вы сейчас особенно нужны для обороны.

Придите со своими познаниями на помощь власти рабочих и крестьян.

Да здравствует Социалистическая Республика!

Народный комиссар по военным делам
член Высшего военного совета

Н. Подвойский

Заместитель управляющего делами
Высшей военной инспекции

Е. Никольский

ЦГАСА, ф. 33221, оп. 1, д. 10, л. 7.— Подлинник.

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ О РАЗЛОЖЕНИИ КОЛЧАКОВЩИНЫ

В этом году исполняется 40 лет окончательного разгрома колчаковщины в Сибири. Разгром Колчака — событие большой исторической важности, свидетельствующее о непобедимой силе союза трудящегося крестьянства и рабочего класса и Вооруженных Сил Советского государства.

В ходе борьбы с Колчаком огромную роль сыграла партизанская война, развернувшаяся в тылу белогвардейских войск. Беспомощность его диктатуры, лишенной социальной базы, раздираемой внутренними неурядицами, отразилась на боеспособности Сибирской белой армии, которая не смогла противостоять натиску красных войск.

Недавно в коллекции ЦГАОР СССР «Varia» обнаружено два любопытных документа, освещающих разложение колчаковских войск, непрочность их тыла.

Один из них — письмо генерала Розанова генералу Степанову — военному министру в правительстве Колчака. Автор письма — один из виднейших деятелей колчаковского режима, занимал пост «уполномоченного командующего войсками Иркутского военного округа по охранению государственного порядка и общественного спокойствия по Енисейской губернии и части Нижнеудинского уезда». Он вел борьбу с движением трудового крестьянства, выступавшего против Колчака, и «прославился» зверским подавлением восстаний. Расправляясь с повстанцами, сжигая целые деревни, расстреливая сотни заложников,— белый генерал тем не менее видел обреченность того порядка, в защиту которого он столь рьяно выступал.

Письмо было написано Розановым во время его поездки в Забайкалье с целью разобраться в причинах неудач ряда карательных экспедиций.

Розанов с горечью пишет о разложении армии, о падении ее боеспособности; он подчеркивает силу подпольных большевистских организаций, говорит об их активных наступательных действиях; дает характеристику внутреннего разлада в стане врагов революции; показывает (хотя автора письма никак нельзя обвинить в симпатиях к большевизму) силу повстанческого движения, руководимого большевиками, которое в большой степени способствовало разгрому колчаковщины.

Другой документ — это письмо диктатора Колчака генералу А. Н. Пепеляеву, одному из крупнейших военных деятелей колчаковского режима, претендовавшему, помимо всего прочего, также и на политические роли.

А. Н. Пепеляев вместе со своим братом, председателем колчаковского совета министров В. Н. Пепеляевым, носился с идеей созыва «Сибирского земского собора», которому, на их взгляд, и надлежало передать всю полноту власти.

Для этого братья Пепеляевы провели в Тюмени в середине июля 1919 г. совещание, на котором присутствовали командиры соединений, подчиненных генералу Пепеляеву, занимавшему в то время пост командующего 1 Сибирской армией.

На этом совещании и было решено требовать от Колчака передать «выпавшую» из его рук власть «земскому собору» «как выразителю воли русской демократии» [1].

Разумеется, этот «земский собор», даже в том случае, если бы он был созван, ни в коем случае не являлся бы «выразителем воли русской демократии». Вся эта шумиха по существу лишь показывает гнилость, внутреннее разложение колчаковского режима.

Приводимое письмо Колчака является ответом на требование Пепеляевых; оно интересно тем, что в нем верховный правитель дает оценку состоянию Сибирской армии, с горечью пишет об элементах, приведших, по его мнению, диктатуру к краху, дает свою, весьма нелестную оценку предполагаемому «земскому собору». Оно показывает, что к концу лета 1919 г. его режим был обречен, и никакие перемещения министров, никакие жестокости, никакая помощь извне уже не могли его спасти.

А. Л. Райхцаум

[1] Последние дни колчаковщины. Сборник документов. М., 1926, стр. 93.

№ 1

Письмо генерала С. Н. Розанова генералу Н. А. Степанову

16 марта 1919 г

г. Иркутск

Дорогой Николай Александрович, сижу еще в Иркутске; пока задержался в Иркутске по вопросам разведки и ориентировки. Мне [представляется, что] дела обстоят так: организация большевиков сильная и широко распространенная, звено найдено и в Иркутске; центр, по-видимому, на Дальнем Востоке и есть повсюду, народ энергичный, на будущность смотрят бодро.

К пасхе ожидается, по перехваченным документам, широкое восстание и в районе Иркутска. В районе восстания перевес энергии, подъема духа на стороне большевиков; все донесения указывают и на тактический перевес противника.

Наши — михрютки, прущие стадом, не умеющие стрелять и пукающие в воздух (даже артиллерия), а у них партизаны, отбивающие охотничьими централками трехлинейки, подпускающие без выстрела на 20 шагов и потом бьющие на выбор. Наши идут только по дорогам, а там таежники-лыжники, идущие целиной и действующие охватами и засадами.

Состав [наших] войск — сборный, надранные отовсюду роты и команды с младшими офицерами, чаще «ахвицерами», без людей, которые могли бы управлять комбинированными действиями.

Я не сгущаю краски, это резюме всех докладов и донесений. Общие нарекания на банду Красильникова [1]); иначе как бандой хулиганов, ресторанных героев не называют... [2]

Не будучи сам на месте, больше писать про восстание не буду, дальнейшее — с места. Но у меня есть еще много интересного. Дело в том, что, подыскивая людей для разведки, знакомясь с данными контроля, я сделал здесь много наблюдений чисто государственно-политических и считаю нужным тебе их сообщить

Иркутск стоит на границе 2-х влияний — верховного [3] и атамана Семенова [2]). Семенов здесь не отвлеченная величина, а реальная сила и не думаю, что ошибусь, говоря, что Семенов имеет более влияния, чем правитель. Карточка Семенова выставлена в магазине, в витрине; папиросы с его портретом продаются на улице; открытку с «верховным» я видел в магазине,— она не расходится. Влияние правителя только в официальных сферах, в населении — верхи правые и капитал связаны с Семеновым, масса — ярко революционная. Газеты: «Мысль» и «Дело».

«Мысль» — да я бы немедленно конфисковал ее типографию. Направление — явно разлагающее. Отчеты о полевых судах и вообще о крутых мерах напоминают подпольные листки старого времени, почти такая же истерика и т. д.

«Дело» умереннее, но ярко эсерская и оппозиционная. Чтоб где-нибудь видеть благожелательное разъяснение действий правительства, проповедь государственности — этого не жди.

Картина неутешительная, тем более что русских государственно мыслящих кругов здесь, по-видимому, нет.

Русский, в общем, мало битый буржуй, его хата с краю, он ничего не хочет делать, кроме как спекулировать. Зато других организаций хоть отбавляй: латышская, румынская, чешская и т. д. А русская, если и есть — то семеновская. Как реагировать? Во-первых — газеты, прокламации с объяснениями действий правителя, листовки, пропаганда; во-вторых, суровые меры и дисциплина (это Арт[емьев] [3]) сделает: уже честь здорово отдают), затем общая энергия администрации, избави бог от бюрократизма. Подумай еще о мысли: не сделать ли правителю объезд? Правда, почва не подготовлена, но ее энергично готовят против него; лучше [ехать] на нейтральное, чем на враждебное.

---

[2] Отточие оригинала.

[3] Имеется в виду Колчак.— *А. Р.*

Письмо посылаю с Ноксом [4]; если найдешь нужным, доложи верх[овному], думаю, что ему следует ориентироваться, особенно в влиянии Семенова.

Жму руку.

С. Розанов

Да, еще мера: необходимо Артемьеву дать помощником или правителем канц[еля]рии опытного госуда[рственного] деятеля. Поговори с Мельниковым [5].

17/III. Немножко добавление: вчера «Мысль» закрыта, она печаталась в губерн[ской] типографии (хорош губернатор); вчера после перерыва вышла кадетская газета «Свободный край», влачит жалкое существование.

Арт[емьев] говорит: Семенов идет на убыль; нет денег, офицеры начали переходить к Артемьеву.

ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, д. 30, лл. 5—6.— Подлинник.

№ 2

Письмо А. В. Колчака генерал-лейтенанту А. Н. Пепеляеву

28 июля 1919 г.

г. Омск.

Ваше превосходительство, милостивый государь Анатолий Николаевич!

Сегодня я получил письмо от генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса [6], в котором он изложил мне разговор с Вами и Вашими начальниками дивизий, бывший в Тюмени 19 сего июля [7]

Это письмо только подтвердило мне и дало лишнее объяснение того глубокого морального разложения, которое, хочу верить, временно охватило Сибирскую армию.

Не мне, конечно, мыслящему создание государственной власти только путем созыва Национального учредительного собрания, не мне, принявшему перед Сенатом присягу в передаче этому собранию всей полноты власти и обязавшемуся к его немедленному созыву,— как только будет уничтожен большевизм,— говорить о целесообразности этого акта.

Вопрос поставлен Вами о немедленном его созыве, а это в настоящий час послужит разложением для той части армии, на которую была возложена главная надежда.

Неужели Вам, перед глазами которого прошли все революции, не видно смысла и существа того, что произошло 19 июля в Тюмени. Нет, это воспроизведение периода разложения армии при Керенском. Нет, это повторение тех событий, которые определили созыв Учредительного собрания в 1917 г., которое избрало председателем Чернова, а затем — интернационал.

Это собрание было разогнано пьяным матросом и было первым актом к созданию большевистской советской власти [8].

Я не могу допустить, чтобы Вы сознательно могли бы принимать участие в этом деле, но я не ручаюсь за Ваших помощников и тех лиц, которые заявили «требования» в указанном направлении.

Я считаю немедленный созыв Учредительного собрания, помимо фактической невозможности «немедленно» это сделать, гибелью всей огромной и, в общем, успешной борьбы с большевизмом. Это будет победа эсеровщины, того демагогичного фактора государственности, который в лице Керенского и К°, естественно, довел страну до большевизма

На это я никогда не пойду.

Сибирская армия разложена эсеровщиной, может это непонятно для Вас, но мне отлично видно со стороны. В Сибирскую армию, в ее командный состав проникло разложение и последствия его налицо.

В армии, где офицеры требуют, где пишутся даже рапорта, которые я читал у нашего начальника штаба, не может не быть того, что в ней произошло.

Меня более всего удивила Ваша полная неосведомленность о правительственной работе в области не только земельного и рабочего законодательства, но даже вопроса о материальном обеспечении войск, их семейств и льгот.

Я пришел к убеждению, что мои приказы и правительственные распоряжения задерживаются в верхах Сибирской армии и на почве незнания и непонимания велась определенная противоправительственная работа.

Все это уже пережито и испытано. Но я подобного политического шутовства в стиле Керенского не могу выдерживать и обращаюсь к Вам как к солдату с приказанием немедленно прекратить во вверенной Вам армии работу, которая под красивыми лозунгами народоправства приведет с собой большевизм.

Я отдал сегодня приказ, в котором сжато сформулировал свои цели и задачи. Он должен служить для Вас директивой для внушения войскам и разъяснения им, за что мы ведем борьбу. Если Вы этого сделать не сумеете, то что же сделает какой-то «земский собор», в который при настоящих условиях войдут те же элементы, которые уже привели государство к гибели.

Пора перестать обманывать народ, а твердо вести его по тому пути, который указываем я и генерал Деникин — другого выхода нет.

Как командующему армией я приказываю Вам всеми средствами бороться с политиканством и ложным демократизмом и выбросить из состава армии те элементы, которые являются изменниками и предателями.

Нельзя позволить гнусной эсеровщине повторить свой опыт над родиной.

Я верю, что Вы как солдат и патриот поможете мне в этом.

Примите уверение в совершенном уважении

А. Колчак

ЦГАОР, ф. Varia, оп. 1, д. 141, лл. 1—5.— Подлинник.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Красильников — полковник, начальник карательных отрядов в Иркутской и Красноярской губерниях.— 16.
2) Семенов Г. М.— один из главарей контрреволюции в Сибири и на Дальнем Востоке. Создал особый отряд, даже среди белогвардейцев отличавшийся невиданной жестокостью. Когда Колчак объявил себя верховным правителем России, Семенов отказался его признать, претендуя лично на это место.— 216.
3) Артемьев В. В.— генерал-лейтенант, командующий войсками Иркутского военного округа.— 216.
4) Нокс А.— английский бригадный генерал, глава британской военной миссии в Сибири.— 217.
5) Мельников — товарищ министра снабжения в правительстве Колчака.— 217.
6) Дитерихс М. К.— генерал-лейтенант, одно время занимал пост главнокомандующего Сибирской армией.— 217.
7) Имеется в виду совещание, проведенное А. Н. Пепеляевым с целью выработки требований передачи власти от Колчака так называемому «Земскому собору».— 217.
8) Здесь Колчак клеветнически извращает историческую действительность. Имеется в виду А. Г. Железняков — комендант Таврического дворца. В начале 1918 г. Железняков в связи с решением Советского правительства о роспуске контрреволюционного Учредительного собрания объявил о прекращении его заседаний.— 217.

УСТЮЖСКАЯ ГУБНАЯ ГРАМОТА 1540 г.

Из реформ, проведенных в 30—50-х гг. XVI в., губная реформа имела наиболее ясно выраженный классовый характер. Только особой заинтересованностью всего господствующего класса в укреплении своей диктатуры на местах можно объяснить тот факт, что эта реформа, способствовавшая централизации государственного управления за счет сужения прав кормленщиков (передававшая суд по важнейшим уголовным делам в руки губных органов, в которых руководящую роль заняли представители провинциального дворянства), смогла быть задумана и начала проводиться в жизнь в разгар правления соперничавших между собой консервативных боярско-княжеских группировок.

Несмотря на большое внимание, которое было уделено губной реформе в дореволюционной и советской историографии, отдельные вопросы, связанные с конкретным ее проведением в 30—40-х гг., остаются до сих пор мало исследованными из-за чрезвычайно узкого круга источников по губной реформе, имеющихся в распоряжении исследователей; до недавнего времени было известно лишь 12 губных грамот XVI в. [1].

Архивные находки последних лет значительно расширили круг источников по губному управлению в XVI в. Исключительный научный интерес представляет обнаруженная А. А. Зиминым Уставная книга Разбойного приказа 1555—1556 гг.; им же были введены в научный оборот четыре новые губные грамоты, выданные в 1555 г. [2]. Н. Е. Носов опубликовал образец крестоцеловальной записи губных старост 1550-х гг. и губной наказ Новгородской земле 1559 г. [3]. Из известных в настоящее время 17 губных грамот XVI в. только семь восходят по времени к первым годам проведения губной реформы (1539—1542 гг.); одна — к 1549 г., шесть — к 1555—1559 гг., и три — к 70—90-м гг. XVI в.

Публикуемая ниже уставная губная грамота в Устюжский уезд от 4 апреля 1540 г. представляет значительный интерес, так как является одной из грамот, выданных в начале проведения губной реформы. Из более ранних грамот нам известны пока только три: Белозерская и Каргопольская от 23 октября 1539 г. и губная грамота Слободскому городку на Вятке, выданная в феврале 1540 г.

В отличие от Белозерской и Каргопольской губных грамот, публикуемая губная грамота вводила губное самоуправление не на всей территории обширного Устюжского уезда, а только в его трех волостях и одном стане. Устюжская земля, являвшаяся до конца XV в. важнейшим опорным пунктом Москвы за утверждение своего господства в Заволочье, Вятской и Пермской землях и одним из опорных пунктов русской колонизации Заволочья и Поморья, выделялась среди других северных районов своей относительно высокой плотностью населения и значительным разнообразием форм землевладения в отдельных волостях [4]. Наряду с черносошными волостями (наиболее значительными среди которых были так называемые Устьянские черносошные волости в западной части уезда — глухих лесных районах верхнего течения Ваги и ее притоков Пежме, Чадроме, Устье с Кокшенгой и др.) в уезде были волости с довольно высоким для русского Севера процентом феодального землевладения, преимущественно монастырского. Они занимали южную и восточную часть Устюжского уезда по берегам р. Юга с его притоками и р. Виледи — левому притоку Вычегды.

Часть этих волостей, и в том числе те, которым была адресована публикуемая грамота, вошла в состав Сольвычегодского уезда, созданного во второй половине XVI в. путем выделения из Устюжского уезда его восточных волостей и станов. О сравнительно высоком для Поморья проценте феодального землевладения в этих волостях, составивших основную территорию Сольвычегодского уезда, говорят данные переписи, произведенной в первой четверти XVII в. В 1623—1626 гг. в Устюжском уезде число частновладельческих и церковных крестьянских дворов не превышало 8% от всего числа крестьянских дворов, а в Сольвычегодском уезде в эти же годы частновладельческих и церковных крестьянских дворов было до 20% [5].

---

[1] Текст грамот см.: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909; С. А. Шумаков. Новые губные и земские грамоты. «ЖМНП», т. XXIII. М., 1909, стр. 329—364.

[2] «Памятники русского права», вып. 4. М., 1956, стр. 179—185, 356—370; А. А. Зимин. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания. «Записки Отдела рукописей» Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 18. М., 1956, стр. 210—219.

[3] Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.— Л. 1957, стр. 343—346; его же. Губной наказ Новгородской земле 1559 года. «Исторический архив», 1959, № 4, стр. 212—217.

[4] М. М. Богословский. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в., т. I. М., 1909, стр. 23.

[5] Там же, стр. 64—65.

Публикуемый источник служит еще одним веским свидетельством в пользу той точки зрения, что на первом этапе проведения губной реформы губные округа создавались прежде всего в рамках территориально ограниченного района северных и северо-западных земель страны [6], куда в XV—XVI вв. направлялся поток беглых крестьян из центральных уездов, и где вторичный процесс их феодального закабаления в результате шедшей вслед за крестьянской колонизацией колонизации феодальной (главным образом монастырской) вызвал резкое обострение классовых противоречий, одним из проявлений которых был рост количества «разбоев».

Устюжская губная грамота, обнаруженная в Музейном собрании Отдела рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина [7], публикуется впервые. Это список («слово в слово») конца XVI в., написанный на трех столбцах, из которых первые два очень плохой сохранности. Испорченные места грамоты восстанавливаются в квадратных скобках по тексту идентичной (по формуляру) Белозерской губной грамоты. Пропуски отдельных букв и слов даны в круглых скобках без специальных оговорок.

А. К. Леонтьев

Уставная губная грамота Устюжского уезда

4 апреля 1540 г.

[Список с грамо]ты, слово в слово.

От великого князя Ивана Васильевича всеа Русии в Устюжской уезд в Ратмерово, на Лузу, и на Лалу, и в Онтропьеву слободу [1)] князем и детем боярским [8], и помещиком, всем служивым людем, и старостам, и сотцким, и десятцким, [и всем крес]тьяном м[ои]м великого [кн]язя, митрополичьим, и владычным, и княжым, и бояр[ск]им, и помесчиковым, и манастырским, и черным, и псарем, и осочником, [и перев]естником, и бортником, и рыболовем, и бобровником, и оброчником, и всем без измены [9], чей хто нибуди.

Били естя челом нам о том, что у вас во всех ваших волостех многие села и деревни розбойники розбивают и животы ваши грабят, села и деревни жгут и на дорогах мно[ги]х людей грабят и розбивают, и убивают мно[ги]х людей до смерти, и сильные [10] многие люди у вас в волостях разбойников и татей [11] у собя держат, а к и[н]ым людем розбойники с розбоем приежжают и розбойную рухлядь к ним привозят. И мы к вам послали в Устюжской уезд обысщиков своих, и от наших деи обысщиков и от недельщиков [12] чинятца вам великие убытки, а вы деи с нашими обысщики лихих людей не има[ете дл]я того, что вам волокита велика, а сами деи вы [р]озбойников меж собя, без нашего ведома, обыскивати и имати розбойников не смеете.

И вы б, меж собя свестясь все заодинь, учинили собе в тех волостях в головах детей боарских в волости человека три или четыре, которые б грамоте умели, и которые б пригож, да с ними старост и десятцких лутчих [13] людей крестьян человек пять или шесть, да про[меж бы есте] у собя, в станех и в волостех, лихих людей [розбо]йников са[м]и обыскивали по нашему крестному целованью в правду без хитрости, да где которых розбойников обысщете, или хто у собя розбойников держит, или х кому розбойники приезжают и р[о]з[бойну]ю рухлядь привозят, и вы б тех розбойников ведомых меж собя имали да обыски-

---

[6] См.: С. М. Каштанов. К проблеме местного управления в России первой половины XVI века. «История СССР», 1959, № 6, стр. 134—148.

[7] РО ГБЛ, ф. 178 (Муз.), 10971, № 2. Грамота хранилась в частном собрании Д. В. Волоцкого (Вологда) и была передана им в Отдел рукописей в 70-х гг. XIX в. (см.: «Отчет Московского Публичного музея за 1873—1875 гг.», стр. 58, № 1).

[8] В Белозерской грамоте далее следует: «отчинником и помесчиком».

[9] В Белозерской и других грамотах: «без омены».

[10] В Белозерской и других грамотах: «а иные многие люди...».

[11] В Белозерской и других грамотах слово «татей» отсутствует.

[12] В Белозерской грамоте слов «и от недельщиков» нет.

[13] В Белозерской грамоте здесь: «...старост, и десятцких и лутчих людей...».

вали их, и доведче на них и пытали накрепко, и допытався [у них, что он]и розбивают, да тех бы естя розбойников били кнутьем, казнили смертью; то есми положил на ваших душах для земского утверженья[14], а вам от меня в том опалы нет, а от наших намесников и от волостелей в том продажи нет.

А вперед, в ваших волостях, где розобьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розобьют, а на которых людей на своих товарыщов учнут которые розбойники говорити, пытани ли, что (о)ни[15] розбивали, или х кому приежжали, а те живут в Устюжском уезде, и вы б тех розбойников имали же, да обыскивав и доветчи на них, и пытав накрепко, казнили смертью же. А которой розбойник скажет своих товарыщов, розбойников же, в иных городех, и вы б о тех розбойникех писали грамоты в те городы к детем боарским, которые дети боярские в тех городех и в волостях учинены у того дела в головах, и где которой живет розбойник; а в грамотах бы естя писали, чтоб тех розбойников в тех городех меж собя по тому же имали, да обыскивав их, и доведчи, казнили (по) нашим грамотам. А обсылалися б естя о тех делех меж собя неизмешкивая. Где розобьют розбойники село или деревню, или кого на дорозе розобьють, а с розбоев те розбойники куды нибуди поедут, и в Наугородцкую зимлю[2)], а вам про тот розбой весть учинитца, и вы б меж собя свестясь все заодинь, за теми розбойники ездили, да где нибуди тех розбойников доедете, и вы б тех розбойников имали безпенно; да которых розбойников поймаете с полишным с розбойным, или без полишного, а ведомого разбойника, или у которых людей разбойников переимаете, и полишное у нех[16] разбойное повымаете, а тот будет ведомой ж лихой человек, и вы б тех розбойников и х которым людем розбойники приезжают, меж собою обыскав и пытав накрепко, и д[ов]едче на них в правду, казнили смертью же. [Т]о есми положил на ваших душах. А которых розбойников где поимаете, и доведчи на них[17] казните, и которых людей тех розбойников поимают, и в которых на них делех доведут, и вы б то все велели собе писати на список [п]одлинно, а сами бы естя х то(му) х списку, которые у вас умеют грамоте, руки свои прикладывали. А неподружбе, в земляном деле[18], или в брани в какой нибуди, меж собя не мстились нихто никому, по нашему крестному целованью, и неповинно бы естя не имали и не казнили никакова[19] человека, того бы естя меж собя обыскивали накрепко по нашему крестному целованью вправду без хитрости. А не учнете меж собя розбойников обыскивати и имати, и тех людей х которым розбойники приезжают, или не учнете за розбойники ездити и имати и казнити, или станете розбойников пущати, или хто станет розбойником норовити, и мы велели на вас[20] на всех имати иски тех людей, которых в вашей волосте розобьють, без суда[21] вдвое, а самим вам от меня быти в казни же и в продаже[22].

А которых розбойников ведомых поимаете и, обыскав их, казните, и тех бы розбойников подворья, животы и статки отдавали бы естя тем людем, которых учините у собя в головах, а они бы отдавали тем людям, которых те розбойники розбивали, в их иски. А сколько у которого розбойника животов возмете и раздадите исцам, и вы б то собе все писали на списки. А что будет у исцовых исков останется розбойничих животов, и вы б то все переписав на список да клали, где будет пригоже; да о том бы естя отписывали на Москву к на-

[14] В Белозерской и других грамотах слова «для земского утверженья» отсутствуют.

[15] В Белозерской грамоте в этом месте следует: «учнут которые розбойники пытаны говорити, что с ними розбивали....».

[16] В оригинале «т» переправлено на «н».

[17] В Белозерской грамоте: «и доведчи на них да их казните».

[18] В Белозерской грамоте: «А по недружбе, в земском деле».

[19] В слове «никакова» на месте буквы «и» первоначально была написана буква «а».

[20] В Белозерской грамоте: «и мне велети на вас на всех...».

[21] Первоначально было написано «безуда».

[22] В тексте ошибочно: «в дородаже».

шим бояром, которым розбойные дела приказаны [3]). Которых детей боярских, и старост, и десятцких, и лутчих людей учините в головах, в которой волости нибуди, и вы б о том отписывали часа того на Москву к нашим боарам, которым розбойные дела приказаны. А сю б естя нашу грамоту держали у тех людей, которых учините в которой волости в головах. А с сее бы естя грамоты списав списки россылали меж собя по волостем, не издержав ни часу.

Писана на Москве лета 7040-осьмаго апреля в 4 день.

На другой стороне пишет у грамоты: «князь велики Иван Васильевич всея Русии».

На обороте по склейкам разными почерками: «Списано з грамоты. Съем слово в слово». «Список з грамоты». «Списал з грамоты; съем слово в слово».

Рукописный отдел Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 178, 10971, № 2, лл. 1—3.— Копия.

ПРИМЕЧАНИЯ

1) Ратмировский стан Устюжского уезда занимал территорию по берегам р. Лузы и ее притокам Чигре и Пырае. Обширная Лузская волость располагалась в бассейне верхнего течения Лузы и непосредственно граничила с Вятской землей. Лальская волость занимала территорию по обеим берегам р. Лалы, правого притока Лузы, и непосредственно примыкала к Сольвычегодской волости. К западу от Лальской волости, по нижнему течению Лалы и Лузы находилась волость «Антропьева слобода». См.: М. К. Любавский. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л., 1929, стр. 103; М. М. Богословский. Ук. соч., т. 1, М., 1909, стр. 22.— 220.

2) Сыск губными старостами за пределами их губного округа скрывавшихся разбойников вероятнее всего имеет в виду розыск «лихих людей», бежавших в города и волости, в которых не было губных органов. Предъявляемые губными грамотами к губным старостам требования о необходимости поддержания между собой контакта по розыску сообщников схваченного разбойника и о преследовании разбойников, бежавших в другие города и волости, где не было губных округов, могут свидетельствовать об известной близости губных округов, их территориальной ограниченности на первом этапе проведения губной реформы пределами северных и северо-западных районов страны.

Сыск «лихих людей», бежавших далеко от тех мест, где они совершили «разбой» и где их знали, можно было осуществить только с помощью центральной администрации. В губных грамотах конца 1540 — начала 1550 гг. требование о преследовании губными старостами разбойников за пределами своего округа уже отсутствует. К этому времени губное управление охватило основные районы страны и контролировалось Разбойным приказом. Губным старостам достаточно было сообщить в другие губные округа о бежавших туда «лихих людях» и их сообщниках (А. А. Зимин. Губные грамоты..., стр. 219, 224, 228).— 221.

3) Данное сообщение о «боярах, которым приказаны разбойные дела», вносит поправку в предложенную А. А. Зиминым схему организации центрального губного управления в 1539—1548 гг. Опираясь на текст губной грамоты, выданной в феврале 1540 г. в Слободской городок на Вятке, А. А. Зимин предположил, что в годы правления Шуйских боярская комиссия по губным делам была ликвидирована, а ее функции по руководству и контролю за деятельностью учрежденных губных органов были переданы московскому наместнику И. В. Шуйскому. По мнению А. А. Зимина, боярская комиссия по разбойным делам была восстановлена только в июле 1540 г. после прихода к власти боярской группировки, возглавляемой Бельскими (А. А. Зимин. Губные грамоты..., стр. 211). Из текста Устюжской губной грамоты явствует, что боярская комиссия по разбойным делам («бояре, которым приказаны разбойные дела») продолжала функционировать и в годы правления Шуйских.— 223.

Критика Библиография

ПУБЛИКАЦИИ «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА»[1]

«Военно-исторический журнал», выходящий с января 1959 г., систематически публикует на своих страницах различные документы из архивов и музеев, представляющие значительный интерес не только для военных исследователей, но и для широкого круга историков и научных работников в различных областях знания.

В первую очередь, хочется отметить ряд не издававшихся ранее документов по истории создания Красной Армии в 1918 г. Среди них: приказы верховного главнокомандующего Н. В. Крыленко, главнокомандующего Западным фронтом А. Ф. Мясникова и командующего 8-й армией Юго-западного фронта с призывом вступать в ряды новой армии; постановление и телеграмма Управления Северного фронта о формировании частей новой революционной армии; доклад Всероссийского главного штаба Реввоенсовету Республики о численности войск на сентябрь 1918 г. и другие («Военно-исторический журнал»[2], 1960, № 2).

Не меньший научный интерес представляют документы 1918 и 1921 гг. по вопросам управления Вооруженными Силами Советского государства, разработанные в начале строительства Красной Армии по указанию ЦК РКП(б) и лично В. И. Ленина и включенные в подборку «Положения о высших органах военного управления». Здесь «Положение о Революционном Военном Совете Республики», «Положение о Главнокомандующем всеми вооруженными силами республики», «Положение о командующем армиями фронта», «Положение о командующем армией, входящей в состав фронта», «Положение о командующем всеми вооруженными силами на Украине и уполномоченном Революционного Военного Совета Республики на Украине» и «Положение о командующем войсками военного округа» (1960, № 4). Хотя все эти документы были в свое время напечатаны в «Известиях ВЦИК» и «Собрании узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства», их повторное опубликование в научном журнале в составе компактной подборки несомненно целесообразно.

Большую научную ценность представляют документы Сталинградской битвы в публикации «Краткое описание пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 г.» (1959, № 2) и воспоминания самого Паулюса, заимствованные из его личного архива (1960, №№ 2, 3). Эти источники восполняют пробел о ряде событий Сталинградской битвы.

Документы, опубликованные в № 5 за 1959 г., посвящены заключительному акту войны против фашистской Германии. Подробно освещая капитуляцию вооруженных сил фашистской Германии, они воссоздают картину бесславного конца фашистских правителей Германии, раздувших пожар мировой войны с целью установления над народами господства германских империалистов. С небольшими стилистическими поправками и некоторыми сокращениями в этом же номере приводятся два интересных документа: «Описание переговоров с начальником Генерального штаба сухопутных войск германской армии генералом пехоты Гансом Кребсом и командующим обороной города Берлина генералом артиллерии Вейдлингом о капитуляции немецких войск в Берлине» и «Ответы бывшего командующего обороной города Берлина генерала артиллерии Г. Вейдлинга на вопросы представителя советского командования генерал-майора Трусова».

Большой интерес представляет публикация документов о бескорыстной и энергичной помощи Советского правительства и советского военного командования немецкому населению Берлина сразу же по окончании войны. Эти документы помогают глубже раскрыть роль и место советских Вооруженных Сил в создании основ

---

[1] «Военно-исторический журнал». Орган Министерства обороны Союза ССР. 1959, №№ 1—12; 1960, №№ 1—4.

[2] В дальнейшем в ссылках название журнала опускается.

той нерушимой дружбы между Советским Союзом и Германской Демократической Республикой, которая в наши дни выросла в монолитное единство в борьбе за мир и социализм. Эти материалы позволяют глубже раскрыть одну из важных сторон деятельности наших Вооруженных Сил в минувшей войне, выполнявших свой интернациональный долг по отношению к немецкому народу (1959, № 8).

Наибольшее внимание в публикациях 1959 г. уделено документам, отражающим историю подготовки немецко-фашистским командованием нападения на Советский Союз и начальный период войны. В трех номерах журнала (1959, №№ 2, 7, 10) помещены выдержки из служебного дневника начальника Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии генерал-полковника Гальдера за июнь-июль 1941 г., воссоздающие довольно полную картину подготовки агрессии против Советского Союза и планирования немецким командованием военных операций начального периода. Эти публикации позволяют также судить о том, как действительный ход событий на советско-германском фронте в начале войны повлиял на оперативно-стратегическое планирование немецко-фашистской военной верхушки.

Опубликованные в журнале (1959, №№1, 3, 6) документы немецко-фашистского командования по подготовке и планированию войны против Советского Союза проливают свет на характер и ход подготовки агрессии и дают представление об истинных стратегических и оперативных планах немецко-фашистского командования в войне против СССР. Они показывают, как методически и планомерно командование вермахта готовило нападение на Советский Союз и каковы были захватнические цели германского милитаризма. Это тем более важно, что в современной западногерманской, американской и английской реакционной историографии еще имеет место миф о превентивном характере войны Германии против Советского Союза.

Как известно, в настоящее время уже проделана некоторая работа по собиранию и изучению документов, подлежащих включению в подготавливаемую к изданию серию публикаций под названием «Документы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.». Шесть томов этой серии, построенных по тематико-хронологическому принципу, готовятся к изданию в Отделе по изучению Великой Отечественной войны Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Однако публикация части этих документов на страницах «Военно-исторического журнала» способствует более быстрому вовлечению в научный оборот нового широкого круга источников.

В одном из номеров «Военно-исторического журнала» впервые помещен полный текст так называемого «Белого плана» («Fall weiss») — плана нападения на Польшу. Опубликованная при этом «Директива о единой подготовке вооруженных сил к войне на 1939/40 год», утвержденная Гитлером 11 апреля 1939 г., свидетельствует о том, что правящие круги фашистской Германии еще в апреле 1939 г. проводили твердый курс на развязывание второй мировой войны. Из этой директивы явствует также, что немецкое командование рассматривало войну с Польшей лишь как подготовительную ступень в решающей схватке с англо-французскими соперниками германского империализма (1959, № 9).

Публикацией подобных документов полнее раскрывается предвоенная обстановка, захватнические планы германского империализма.

Об этом особенно наглядно свидетельствуют опубликованные в журнале документы генерального плана «Ост», полностью раскрывающие политические цели германского империализма в агрессивных войнах и прежде всего против Советского Союза (1960, № 1). Ознакомление с ними позволит еще лучше осознать величие подвига советского народа, разгромившего в упорной и тяжелой борьбе вооруженные силы фашистской Германии и спасшего тем самым народы Европы от страшной участи, которую им готовили германские империалисты.

Большой интерес представляет также публикация трофейных документов германского верховного главнокомандования вооруженных сил и Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии по вопросу о людских ресурсах и численности вооруженных сил Германии во второй мировой войне. В них приводятся данные об общей численности личного состава вооруженных сил, распределении войск по театрам военных действий, количественном изменении их по месяцам и годам войны (1959, № 4).

Эти документы еще раз подтверждают тот непреложный факт, что советско-германский фронт притянул к себе основные силы немецкой военной машины и являлся главным и решающим фронтом второй мировой войны. Они позволяют составить представление о состоянии людских ресурсов Германии в процессе войны, их кризисном положении, возникшем в результате поражений немецко-фашистских войск на советско-германском фронте.

Центральное место в «Военно-историческом журнале» занимают статьи и материалы, обобщающие опыт Великой Отечественной войны, раскрывающие характер и масштабы вооруженной борьбы на советско-германском и других фронтах. Большой интерес представляют опубликованные здесь статьи, показывающие руководящую роль Коммунистической партии в области строительства советских Вооруженных Сил и обороны нашей Родины.

Помимо публикации документов, в «Военно-историческом журнале» помещаются исторические источники и другого рода,

например, воспоминания, также в значительной мере подкрепленные свидетельствами архивных материалов. Только в 1959 г. в журнале с воспоминаниями выступили маршалы Советского Союза Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, В. И. Чуйков, А. И. Еременко, С. С. Бирюзов; Главный маршал авиации К. А. Вершинин, генералы армии Ф. И. Голиков, В. В. Курасов, М. С. Малинин, М. М. Попов, Д. Д. Лелюшенко [3]. Исследователь найдет здесь ценные факты, позволяющие полнее и конкретнее представить смысл и характер многих событий минувшей войны. Воспоминания представляют особенный интерес для изучения первого периода войны, по которому вообще почти не сохранилось документов.

Отрадно отметить, что среди других материалов мы находим здесь воспоминания о боевых действиях 1-й армии Войска Польского [4] в годы минувшей войны против гитлеровского фашизма. Эти материалы представляют большой интерес для историков, так же как и статьи, рассказывающие о формировании на территории СССР и участии в боевых операциях совместно с советскими войсками чехословацких и румынских воинских частей [5]. Совместная борьба против гитлеровских захватчиков сблизила народы и армии наших стран, закрепила их братскую дружбу. Изучение истории взаимодействия Советской Армии с частями Войска Польского и чехословацкими воинскими формированиями несомненно содействует дальнейшему укреплению боевого содружества вооруженных сил братских стран.

Значительную ценность представляет также публикация документов о боевой деятельности французских летчиков истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман» на советско-германском фронте в 1943—1945 гг. Документы показывают, как формировался этот полк и как мужественно сражался в составе советских Военно-воздушных сил (1960, № 3).

Опубликованные в журнале статьи по различным операциям Великой Отечественной войны, объективное и всестороннее описание хода боевых действий войск приводят большое количество ярких примеров, характеризующих непревзойденный героизм советских воинов и тружеников тыла в борьбе за честь, свободу и независимость нашей Родины. Большое место в них занимают вопросы, связанные с разоблачением реакционного характера буржуазной военной идеологии и фальсификации истории второй мировой войны.

Хотя за 1959 г. в журнале было напечатано еще мало материалов, освещающих русское военное искусство эпохи феодализма, но то, что опубликовано, свидетельствует, что советские военные историки, широко используя документальный материал, правильно излагают вопросы возникновения и развития русского военного искусства в начальный период существования русского государства, умело опровергают и отбрасывают различные «теории», умалявшие или вовсе отрицавшие прогрессивный характер и самостоятельные пути развития русского военного искусства.

Нельзя не отметить, что нередко редакция «Военно-исторического журнала» допускает в публикациях вторжение в текст документа (произвольные сокращения); иногда в легендах опускаются ссылки на архивные фонды, из которых извлечены публикуемые документы. Так, например, в «Кратком описании пленения штаба 6-й немецкой армии во главе с ее командующим генерал-фельдмаршалом Паулюсом в г. Сталинграде частями 64-й армии Донского фронта 31 января 1943 г.» публикаторы внесли некоторые изменения в текст документа, с недостаточно убедительной оговоркой, что в «документ внесены некоторые стилистические исправления» (1959, № 2). Такой же факт допущен в публикации двух важных документов из истории капитуляции вооруженных сил фашистской Германии; здесь редакция указывает, что «документы публикуются с некоторыми сокращениями и стилистическими поправками» (1959, № 5, стр. 80). Спрашивается: зачем редакции научного журнала потребовалось делать сокращения и исправлять стиль исторического источника?

Давно известно, что разнобой в приемах публикации документов не способствует дальнейшему развертыванию научной раз-

---

[3] Р. Я. Малиновский. Из воспоминаний о Ясско-Кишиненской операции (1959, № 2); К. К. Рокоссовский. На центральном фронте (Воспоминания) (1959, № 6); В. И. Чуйков. Незабываемые дни. (Из воспоминаний об оборонительных боях 62-й армии в Сталинграде) (1959, № 3); А. И. Еременко. На западном фронте (Из воспоминаний о первых неделях Великой Отечественной войны) (1959, № 1); С. С. Бирюзов. Наступление войск 4-го Украинского фронта в Крыму (1959, № 5); М. С. Малинин. О действиях войск 1-го Белорусского фронта в Белорусской наступательной операции (1959, № 7); М. М. Попов. Фланговый удар Брянского фронта (Воспоминания) (1959, № 11); Д. Д. Лелюшенко. Боевые действия 21-го мехкорпуса в начальный период войны (Воспоминания) (1959, № 12).

[4] С. Поплавский. От Варшавы до Берлина (Воспоминания Командующего 1-й армией Войска Польского) (1959, № 9); М. Спыхальский. О польско-советском боевом содружестве (1960, № 1).

[5] Е. Прхлик. Славные традиции боевой дружбы чехословацкой и советской армий (1959, № 10); М. Семиряга. Боевое содружество советской и румынской армий (1959, № 12).

работки во всех областях исторической науки. Вот почему хотелось бы пожелать, чтобы публикация документов на страницах «Военно-исторического журнала» производилась в точном соответствии с существующими общепринятыми основными правилами публикации документов Государственного архивного фонда Союза ССР [6].

На страницах журнала периодически сообщается о богатейших фондах советских архивов и музеев. Так, в № 11, за 1959 г. дан обзор документов Центрального государственного военно-исторического архива СССР об участии воинских частей в Октябрьском вооруженном восстании. Обзор знакомит читателя с обширными документальными материалами этого архива, сообщает об участии солдатских масс в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания и позволяет сосредоточить внимание на малоизученных в нашей исторической литературе документах, освещающих работу Коммунистической партии в старой русской армии в годы первой мировой империалистической войны и роль армии в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции.

В другом сообщении журнал знакомит читателей с документальными материалами Центрального государственного архива Советской Армии и содержанием тех сборников документов, которые подготавливаются к изданию. Эта информация несомненно имеет большое значение не только для историков, занимающихся разработкой проблем и вопросов истории Вооруженных Сил нашей страны.

Надо полагать, что публикации и научные сообщения «Военно-исторического журнала» будут широко использованы как военными, так и гражданскими историками не только в их научно-исследовательской работе, но и в связи с постановлением Центрального Комитета КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», в котором дана программа идеологической работы партии в период развернутого строительства коммунистического общества в нашей стране.

Я. М. Горелик

[6] Эти правила разрешают издание документов в извлечении, но только в том случае, если опускаемая часть не относится прямо и непосредственно к теме публикации. Археографы должны указывать причины каждого сокращения.

СПРАВОЧНИК ПО АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМУ ДЕЛЕНИЮ КАЗАХСТАНА[1]

Изданные до сих пор преимущественно для служебного пользования справочники по административно-территориальному делению Казахской ССР не охватывали всех происшедших изменений, допускали серьезные погрешности в истории и наименованиях административных единиц и, кроме того, являются библиографической редкостью.

Рецензируемое пособие частично восполняет существующий в литературе по этому вопросу пробел. На основе кропотливого изучения и систематизации документальных материалов ЦГАОР СССР, ЦГАОР Узбекской ССР, ЦГА Казахской ССР и девяти областных государственных архивов, а также привлечения большого количества печатных изданий, в нем представлено развитие административно-территориального деления Казахстана, начиная с создания Киргизской (Казахской) Автономной ССР (26 августа 1920 г.) и до преобразования Казахской автономной республики в союзную (5 декабря 1936 г.).

Справочник состоит из краткого предисловия, справки об административно-территориальном делении дореволюционного Казахстана, четырех разделов и приложений: перечня основных декретов и постановлений об административно-территориальных преобразованиях Казахской АССР, географического указателя и списка сокращенных слов, встречающихся в книге.

Схема справочника не вызывает каких-либо возражений. Его разделы соответствуют основным изменениям в административно-территориальном устройстве республики и даны в хронологической последовательности: первый раздел посвящен административно-территориальному делению Казахстана в период с 26 августа 1920 г. по 17 января 1928 г. (губернское деление), второй — охватывает время с 17 января 1928 г. по 17 декабря 1930 г. (окружное деление), третий — с 17 декабря 1930 г. по 20 февраля 1932 г. (районное деление) и четвертый — с 20 февраля 1932 г. по 5 декабря 1936 г. (областное деление).

Первый раздел состоит из двух подразделов, границей между которыми является дата завершения национально-государственного размежевания республик Средней Азии — 27 октября 1924 г.

Всем разделам предпосланы введения, в которых рассказывается о причинах изменений административно-территориального устройства Казахстана в каждый период его развития. Так, во введении к первому разделу приведена краткая характе-

[1] Справочник по административно-территориальному делению Казахстана (август 1920 г.— декабрь 1936 г.). Архивное управление МВД Казахской ССР. Составитель Ф. Н. Базанова. Под ред. Г. Ф. Дахшлейгера. Алма-Ата, 1959, 287 стр.

ристика основных декретов и постановлений, отразивших первые мероприятия по созданию казахской советской социалистической государственности, образованию Казахской АССР и ее дальнейшему укреплению. Введение ко второму разделу отражает существенные изменения в административно-территориальном устройстве республики в период реконструкции народного хозяйства. Изменениям в системе административно-территориального деления республики в период наступления социализма по всему фронту и создания колхозного строя посвящено введение к третьему разделу. Введение к четвертому разделу разъясняет необходимость перехода к областному делению в период завершения социалистической реконструкции народного хозяйства.

Крупные административно-территориальные единицы (губернии, округа, области) сопровождаются краткими справками об их образовании, переименовании, ликвидации, о входивших в их состав мелких административных единицах, об основных преобразованиях их административно-территориального устройства.

Наименования административно-территориальных единиц в справочнике размещены в алфавитном порядке. Здесь дана датировка образования и ликвидации административных единиц. В тех случаях, когда постановления правительственных органов о территориальном делении Казахстана по ряду причин не были осуществлены, в справочнике дается фактическое состояние его административно-территориального деления.

Весьма полезен приложенный к справочнику перечень основных декретов и постановлений об административно-территориальных преобразованиях Казахской АССР и географический указатель.

Вместе с тем нельзя не отметить ряда существенных пробелов рецензируемого справочника. В введении к первому разделу недостаточно показана роль В. И. Ленина в создании и развитии Казахской Советской Республики. Еще в июне 1920 года, ознакомившись с проектом Туркестанской комиссии «Об основных задачах РКП(б) в Туркестане», В. И. Ленин считал необходимым:

«1) Поручить составить карту (этнографическую и *проч.*) Туркестана с подразделением на Узбекию, Киргизию, Туркменню.

2) Детальнее выяснить условия слияния или разделения этих 3 частей» [2].

Эти ленинские замечания легли в основу политики Коммунистической партии в национально-государственном размежевании Средней Азии, в воссоединении казахских земель в Казахском Советском государстве.

[2] «Ленинский сборник», XXXIV, стр. 326.

Большим пробелом является и то, что административно-территориальное деление Казахстана доведено только до волостей в период губернского деления и до районов — в период окружного и областного деления. Между тем преобразования низовых звеньев административно-территориального деления — сельсоветов и административных аулов — не нашли в пособии своего отражения, что в значительной степени снижает его ценность.

К сожалению, справочник не освещает административно-территориального деления, происшедшего в Казахстане за последний, более чем двадцатилетний период его истории. Между тем эти преобразования в связи с возникновением и развитием ряда новых районов и освоением целинных и залежных земель вызывают особый интерес широкой общественности.

К числу недостатков следует также отнести отсутствие списка переименований населенных пунктов и административно-территориальных единиц за годы Советской власти. Так, неоднократно упоминаемые в справочнике г. Аулие-Ата был в июне 1938 г. переименован в г. Джамбул, Аулие-Атинский район — в Джамбулский; районный поселок Риддер в феврале 1941 г. был переименован в г. Лениногорск и т. д. Справочник, несомненно, был бы еще более полезен, если бы к нему были приложены карты основных административно-территориальных преобразований республики и хотя бы краткий список рекомендованной по данной теме литературы.

В предисловии от составителя оговорено, что все примечания об образовании, переименовании и ликвидации мелких административно-территориальных единиц даны подстрочно, в то время как они приведены в самом тексте.

Вызывает недоумение крайне незначительный тираж справочника (1500 экз.), недостаточный даже для потребностей одного лишь Казахстана.

Перечисленные недочеты не могут, однако, изменить общей положительной оценки рассматриваемого нами пособия, необходимого для работы Советов, культурно-просветительных учреждений, исследователей и, конечно, для сотрудников архивов в их работе по комплектованию, фондированию, систематизации документальных материалов, наведению справок и т. д.

Представляется целесообразным устранить имеющиеся в книге недочеты и переиздать ее.

Выпуск справочника по административно-территориальному делению республики в связи с предстоящим 40-летием Казахской ССР следует особенно приветствовать.

И. Л. Портной

НОВЫЕ ПОСОБИЯ КАФЕДРЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ АРХИВНОГО ДЕЛА

(Обсуждение в МГИАИ)

В марте 1960 г. состоялось расширенное заседание кафедры теории и практики архивного дела МГИАИ. Обсуждались вышедшие в 1958—1959 гг. разделы учебного пособия, написанные членами кафедры[1]. В обсуждении приняли участие преподаватели института, сотрудники Главного архивного управления, государственных и ведомственных архивов.

Открывая заседание, заведующая кафедрой *К. И. Рудельсон* кратко охарактеризовала изданные отдельными брошюрами разделы учебного пособия, рассчитанного на студентов института и архивных работников[2]. Предполагалось, что все выпуски будут построены по единому плану и включат в себя сведения по истории развития поднятых вопросов, их теоретическому обоснованию и современному состоянию. В известной мере авторам удалось этого добиться, и в дальнейшем они намерены продолжить работу над учебным пособием с целью создания учебника по теории и практике архивного дела.

В. В. Максаков (МГИАИ) отметил, что сам факт создания серии работ по архивоведению заслуживает одобрения. Авторам удалось разрешить большинство методических вопросов архивного дела, но вызывает сожаление недостаточный анализ и обобщение практического опыта, не чувствуется потребности поднимать и разрешать новые задачи, стоящие перед архивными учреждениями. Стремление раскрыть историю отдельных проблем отечественного архивоведения заслуживает одобрения (до сих пор этим почти не занимались). Однако в будущем учебнике эти вопросы следует представить в более сжатом виде, основное внимание уделить обобщению современного опыта, а также изучению положительных результатов зарубежных архивистов, чего (это отмечала и К. И. Рудельсон) мы почти не находим в выпущенных разделах пособия.

Н. В. Бржостовская (МГИАИ) поддержала предложение о целесообразности включения в учебное пособие сведений об опыте зарубежных архивистов. В работе М. Ф. Петровской о систематизации документальных материалов, отметила Н. В. Бржостовская, приведены некоторые данные такого рода. Однако автор прибегает к сравнению методических положений, выдвинутых в разное время и в разных странах, что приводит к смешению понятий. В частности, исчезает история развития провиниенцпринципа, возникновение и утверждение которого нельзя рассматривать в отрыве от развития исторической науки.

Касаясь работы К. И. Рудельсон о каталогизации документальных материалов, Н. В. Бржостовская одобрила разработку основных проблем этого выпуска и, особенно, вопроса о классификаторах.

Издание целого ряда архивоведческих работ, сказал *М. А. Ильин* (АО Калининского облисполкома) оказало большую помощь работникам областных архивов. Желательно, чтобы в будущем пособии авторы поставили вопросы, ориентирующие студентов и практических работников на разработку новых принципов экспертизы ценности документальных материалов. Очень полезна работа В. Е. Дербиной, З. В. Крайской и И. Н. Фирсова об организации производственной работы в архивных учреждениях. Желательно, чтобы авторы более детально изложили вопросы о руководстве районными и городскими архивами, подробнее остановились на приемах проведения справочной работы в вопросах, связанных со сбором документов, хранящихся у населения.

Необходимо уделить серьезное внимание проблемам систематизации документальных материалов ведомственных архивов, сказала *А. А. Иванова* (Архив Министерства здравоохранения СССР). Нередко принятые из ведомственных архивов материалы из-за несовершенства обработки вновь подвергаются систематизации в государст-

---

[1] М. Ф. Петровская. Состав Государственного архивного фонда Союза ССР и комплектование государственных архивов документальными материалами. М., 1959; Ее же. Систематизация документальных материалов в советских архивах. М., 1959; Н. А. Орлова. Экспертиза научной и практической ценности документальных материалов Государственного архивного фонда Союза ССР. М., 1959; М. Н. Шобухов. Составление и издание описей документальных материалов в архивах СССР. М., 1959; Его же. Обзоры архивных фондов. М., 1959; К. И. Рудельсон. Каталогизация документальных материалов в архивах СССР. М., 1958; Ее же. Указатели к архивным справочникам. М., 1959; Н. А. Ковальчук. Организация использования документальных материалов в государственных архивах СССР. М., 1958; В. Е. Дербина, З. В. Крайская и И. Н. Фирсов. Организация производственной работы в архивном отделе, государственном архиве и архиве действующего учреждения. М., 1959.

[2] Издание пособия отдельными выпусками было предпринято для ускорения выхода в свет важнейших разделов, крайне необходимых для учебного процесса (особенно для студентов-заочников).

венных архивах. А. А. Иванова отметила, что в работе М. Ф. Петровской, посвященной этим вопросам, приведены устаревшие примеры.

А. В. Елпатьевский (ГАУ) отметил ряд достоинств в работе Н. А. Орловой об экспертизе ценности документальных материалов, в частности, правильную постановку вопроса о необходимости составления «отраслевых» перечней. В то же время он указал на некоторые неточности методического порядка. Так, объясняя сущность принципа комплексной оценки материалов в процессе экспертизы их научного и практического значения, Н. А. Орлова не указывает на необходимость учитывать связи фонда с документами других фондов, а также не объясняет существования неодинаковых сроков хранения однородных материалов в перечнях различных ведомств. А. В. Елпатьевский возразил против утверждения, будто схема перечня типовых материалов 1943 г. составлена лучше, чем схема перечня 1957 г.; он поддержал М. А. Ильина в вопросе о необходимости разработки новых принципов отбора документальных материалов для хранения и уничтожения.

И. И. Строумова (ГАУ) остановилась на пособии, написанном Н. А. Ковальчук. «Автор,— сказала И. И. Строумова,— последовательно рассматривает основные формы работы архивистов по использованию документальных материалов, поставила некоторые новые вопросы, которые ждут еще дальнейшего исследования». Однако нельзя пройти мимо серьезных недостатков этого выпуска; оперируя устаревшими сведениями, автор не затрагивает таких актуальных вопросов использования материалов, как установление контактов с научными учреждениями, учет эффективности использования материалов, координации деятельности архивов и создания научно-справочного аппарата, максимально облегчающего усилия архивистов в этом направлении, и др.

Б. Н. Богатов (ГАУ) дал положительную оценку работе К. И. Рудельсон о каталогизации документальных материалов, отметив ее своевременность и хорошее изложение истории вопроса о каталогизации, но рекомендовал в дальнейшем значительно сократить этот раздел, оставив только то, что необходимо для усвоения теоретического материала, уделить бóльшее внимание методике составления и систематизации карточек каталогов, оформлению и использованию их, раскрыть проблемы индексации, организации всей этой работы. «К. И. Рудельсон неправильно поступает,— продолжал далее Б. Н. Богатов,— ориентируя архивистов на создание предметно-тематических, а не систематических каталогов». В будущем учебнике нужно уделить больше внимания вопросам создания сводных централизованных каталогов-справочников. Наконец, следует разрешить вопрос об отношении архивистов к библиотечной классификации и показать, почему она н е м о ж е т быть использована для к л а с с и ф и к а ц и и а р х и в н ы х и с т о ч н и к о в.

Е. Ф. Желоховцева (ЦГАДА) высказалась за более глубокий анализ использованного материала. Например, более значительного теоретического осмысливания заслуживают вопросы систематизации документов, чем это сделано в разделе, написанном М. Ф. Петровской. Необходимо показать, чем объясняется различный подход к систематизации современных и древних фондов; обосновать целесообразность сохранения (а не расформирования) некоторых старых коллекций и даже создания новых.

Разбору другого пособия того же автора посвятил свое выступление *В. В. Цаплин* (ГАУ), по мысли которого положительная сторона этой работы заключается лишь в том, что «в ней собраны в систематизированном виде сведения о всех установлениях и инструкциях по вопросам комплектования архивов документальными материалами» [3]. В. В. Цаплин рекомендовал в будущем вопросы комплектования раскрывать в тесной связи с проблемой экспертизы материалов, решая вопрос: какие документы принимать на хранение и от каких отказываться? Комплектование связано и с текущим делопроизводством и пополнением хранилищ ведомственных архивов. В будущем учебном пособии необходимо показать порядок комплектования фондов специальной документации («геологический фонд» и др.). По словам В. В. Цаплина, принцип недробимости архивного фонда является «мифом»: «жизнь постоянно доказывает нам его дробимость». Аргументируя свою мысль, В. В. Цаплин, однако, использовал лишь факты дробимости *комплексов* архивных фондов, а не самих фондов (при ликвидации областей и разделении их территории между другими административными единицами документы областных комплексов дробятся и переходят в другие архивы).

К. Г. Митяев (МГИАИ) отметил, что обсуждение свидетельствует о несогласованности некоторых теоретических проблем с практикой архивного дела. Касаясь предыдущего выступления, К. Г. Митяев подчеркнул, что В. В. Цаплину не удалось аргументировать свое отрицательное отношение к принципу недробимости архивного фонда [4].

В заключение К. Г. Митяев отметил, что вышедшая в свет серия работ членов ка-

---

[3] Эта часть выступления В. В. Цаплина вызвала возражение Н. А. Павловой (МГИАИ), отметившей научный, а не сводный характер работы М. Ф. Петровской.

[4] Редакция согласна с К. Г. Митяевым о недопустимости отказа от принципа недробимости архивного фонда — одного из основных принципов советского архивоведения.— *Примечание редакции.*

федры страдает отсутствием единства концепции и архитектоники. Научный уровень будущего учебника зависит от того, в какой степени авторы сумеют собрать и проанализировать материал о современном опыте работы архивов.

Работу М. Н. Шобухова об обзорах архивных фондов подверг разбору *Л. Н. Кривошеин* (ГАУ). Отметив хороший язык автора, он указал, что методическую (т. е. главную) часть брошюры следовало написать иначе. Автор мог бы привлечь два-три конкретных фонда, охарактеризовать их содержание, предложить несколько вариантов схемы обзора, разные пути раскрытия состава материалов... Все это дало бы возможность студентам продумать возможные решения задачи. Далее Л. Н. Кривошеин поставил вопрос об установлении более тесных творческих контактов между авторами и архивными работниками.

Целый ряд выступающих отметил устарелость материалов, использованных авторами,— сказал *Л. Л. Смоктунович* (ГАУ).— Этот недостаток необходимо исправить. Невнимательны авторы и к работе ведомственных архивов, приобретающих в настоящее время все большее значение. Обращаясь к вопросу об освещении в учебном пособии истории архивоведения, Л. Л. Смоктунович отметил, что эти проблемы должны занять в нем подчиненное место, так же как и сведения об опыте зарубежных архивистов. По мнению Л. Л. Смоктуновича, будущее принадлежит тематическому описанию (тематические путеводители, обзоры, систематические описи и т. д.). В разделе пособия о составлении и издании описей необходимо раскрыть основные приемы этой работы.

Н. А. Павлова (МГИАИ) поддержала предложение Л. Н. Кривошеина о необходимости установления более тесных творческих связей между Историко-архивным институтом и архивными работниками.

Закрывая заседание, К. И. Рудельсон отметила положительные результаты обсуждения, которое показало как достоинства опубликованных разделов учебного пособия, так и их недостатки. Вполне понятно, что выступавшие обращали основное внимание на слабые стороны этих работ с тем, чтобы помочь авторам улучшить их качество. Многие из этих замечаний будут учтены в дальнейшей работе над учебным пособием. К. И. Рудельсон поддержала выдвинутую выступавшими мысль об усилении творческого содружества преподавателей института с работниками архивных учреждений.

Л. Г. Сырченко

Научная информация

ВОПРОСЫ АРХИВНОГО ДЕЛА НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

В марте 1960 г. в Новосибирске, Томске и Иркутске происходила организованная Отделением исторических наук Академии наук СССР и ее Сибирским отделением научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. На конференции были заслушаны доклады и сообщения сотрудников сибирских, дальневосточных, московских и ленинградских научных учреждений по вопросам этнографии, археологии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока.

В работе конференции приняли активное участие научные сотрудники Главного архивного управления при Совете Министров СССР, Архивного управления МВД РСФСР, а также представители архивных учреждений областей, краев и автономных республик Сибири.

Основные проблемные доклады были сделаны на пленарных заседаниях в Новосибирске. Академик *Е. М. Жуков,* доктора исторических наук *А. П. Окладников* и *Л. П. Потапов* выступили с докладами об основных проблемах развития истории, археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока в свете решений XXI съезда КПСС. Доктор философских наук *И. И. Матвеенков* рассказал о перспективном плане развития общественных наук в Сибирском отделении Академии наук СССР на 1960—1965 гг.

В дальнейшем работа научной конференции проводилась по секциям: в Томске происходили заседания секции истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода, в Иркутске — секции археографии, этнографии, антропологии и истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода.

Наибольший интерес вызвала работа секции истории и этнографии Сибири и Дальнего Востока советского периода. В первом же докладе, который прочитал на этой секции доктор исторических наук *И. М. Разгон,* публикаторская деятельность архивных учреждений в последние годы получила, в целом, весьма высокую оценку. И. М. Разгон подчеркнул, что издание сотен документальных сборников и сборников воспоминаний, посвященных 40-летнему юбилею Великой Октябрьской социалистической революции и борьбе с иностранной военной интервенцией и белогвардейцами в 1917—1920 гг., явилось одной из основных причин, позволивших советским историкам сделать крупный шаг вперед в деле изучения истории борьбы за власть Советов по всей стране.

Докладчик отметил и ряд недостатков в публикации сборников документов. Так, некоторые документальные публикации подготовлены без учета административно-территориальных преобразований (сборники документов об установлении Советской власти на территории Кузбасса и Курганской области). Мало публикуется документов, характеризующих местные социально-экономические особенности и определяющих специфику исторических событий в тех или иных районах Сибири и Дальнего Востока. Опубликованные сборники документов по истории борьбы за власть Советов в различных областях и районах Сибири и Дальнего Востока почти не связаны между собой; во многих публикациях революционные события в Сибири и на Дальнем Востоке оказались изолированными от событий, происходивших в остальных районах.

В ряде других докладов и сообщений также отмечалось, что в последние годы государственные архивы внесли ценный вклад в дело расширения документальной базы для изучения истории страны. К сожалению, за немногим исключением, выступавшие историки не дали анализа документов, послуживших источником для их докладов и сообщений. Исключение представляют лишь некоторые доклады и сообщения. Например, в докладе «Из истории борьбы за Советскую власть на Дальнем Востоке» доцент *В. С. Флеров* (Томский гос. университет) подробно охарак-

теризовал документальные материалы Центрального государственного архива РСФСР Дальнего Востока (ЦГА РСФСР ДВ), являющиеся основным источником для изучения истории борьбы с белогвардейскими бандами (отчеты и донесения органов милиции, оперсводки отрядов Красной Армии, оперативные материалы белогвардейских группировок, письма белоэмигрантов на родину и т. п.). Анализ указанных документов позволил автору подробно и по-новому осветить вопрос о деятельности белогвардейских банд как одной из форм иностранной интервенции.

С докладом, посвященным наиболее актуальным проблемам архивного строительства и использования архивных документальных материалов государственных архивов Сибири и Дальнего Востока, выступил начальник отдела Архивного управления МВД РСФСР *И. Д. Анашкин.* Кратко охарактеризовав итоги научно-публикаторской деятельности сибирских и дальневосточных госархивов в последние годы, он остановился на перспективном плане публикации документальных материалов архивных учреждений РСФСР на 1959—1965 гг., в котором предусматривается подготовка 185 сборников; из них на долю архивистов Сибири и Дальнего Востока приходится 39 сборников.

Тематика планируемых документальных публикаций прежде всего определялась интересами исторической науки и задачами усиления агитационно-пропагандистской работы среди широких масс трудящихся. Наряду с подготовкой фундаментальных работ, предполагается издание сборников документов, представляющих интерес не только для ученых и исследователей, но и для широкого круга читателей.

В соответствии с Постановлением ЦК КПСС о пропаганде в современных условиях Архивное управление МВД РСФСР предложило архивным учреждениям приблизить тематику документальных публикаций к актуальным вопросам современности. В частности, было предложено обратить внимание на темы по истории крупнейших комбинатов, заводов и фабрик, а также совхозов и колхозов.

Архивные учреждения Кемеровской области явились инициаторами в подготовке документальных публикаций, посвященных истории крупнейших первенцев социалистической индустриализации: Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина и Кемеровского коксохимического завода.

Подобные сборники документов готовятся также в Ленинградской, Владимирской, Калининской, Омской и в других областях.

Сборники документов, посвященные установлению и упрочению Советской власти, готовят архивисты Якутской АССР, Амурской, Тюменской, Камчатской областей и Тувинской автономной области.

Историками-архивистами Красноярского края подготовлен к изданию сборник документов, посвященный борьбе против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в Енисейской губернии в 1918—1920 гг. Продолжается подготовка сборника документов об иностранной интервенции и гражданской войне на Дальнем Востоке. Над этим сборником работают сотрудники Центрального госархива РСФСР Дальнего Востока и архивисты Хабаровского края. На тему о восстановлении народного хозяйства в 1921—1926 гг. готовятся сборники документов в Алтайском крае, Иркутской, Кемеровской и Омской областях.

В 1962 г. должен быть издан кооперированный сборник документов «Промышленность Западной Сибири в годы индустриализации (1926—1936 гг.)». В подготовке этого сборника принимают участие архивисты Томской, Новосибирской, Кемеровской и Омской областей, а также Алтайского края. Готовится также межобластной сборник «Из истории коллективизации сельского хозяйства на Дальнем Востоке (1926—1935)».

В ближайшие два-три года будет издана серия сборников о героизме и мужестве советского народа в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Новосибирская, Кемеровская и Омская области, Хабаровский и Алтайский края).

Ряд других сборников, включенных в перспективные планы, охватывает различные темы. Так, архивисты Приморского края готовят сборник документов и материалов «К истории Владивостока» (к столетию города); архивисты Красноярского края совместно с историками местного педагогического института готовят к печати «Протоколы Красноярского Совета (1917—1918 гг.)». Большой интерес историков, этнографов и экономистов должен вызвать двухтомный сборник, подготовку которого заканчивают сотрудники ЦГА РСФСР ДВ: «Материалы к истории малых народностей Дальнего Востока (1850—1936 гг.)». Эта тема изучена очень слабо, хотя имеет важное научное значение.

В конце 1960 г. архивисты Томска совместно с сотрудниками Томского политехнического института должны закончить подготовку к изданию сборника документов «К истории Томского политехнического института». Готовится документальная публикация об образовании Бурятской АССР, о культурном строительстве в Туве (1917—1944 гг.). Архивные документы будут публиковаться не только в форме сборников, но и в виде различного рода публикаций и приложений к статьям, брошюрам, монографиям и т. п.

Укрепление научного содружества архивных работников с сотрудниками научно-исследовательских и высших учебных заведений несомненно будет способствовать дальнейшим успехам в научно-публикаторской работе. Научная общественность могла бы оказать большую помощь архив-

ным учреждениям и в другом, очень важном деле, а именно: в обеспечении сохранности документов крупнейших учреждений, организаций и предприятий. Инспекторы архивных отделов на местах, число которых весьма ограничено, делают очень много в этом направлении, но все же они не в силах осуществить качественный контроль за состоянием всех ведомственных архивов. К сожалению, до сих пор не организованы архивы даже в крупных учреждениях, организациях и на предприятиях, что приводит к гибели документов, отражающих строительство социализма и коммунизма в нашей стране.

Так, например, завод «Сибсельмаш» и проектный институт «Кузбассгипрошахт» (Новосибирск) существуют с 1929 г., а документы сохранились только за несколько последних лет. Плохо обстоит дело с ведомственными архивами в Томской области. Здесь до настоящего времени не имеют архивов совнархоз, а также такие крупные заводы, как «Сибэлектромотор», «Манометр» и «Завод режущих инструментов».

Местные историки (научные работники, краеведы, преподаватели, студенты и даже учащиеся старших классов) могли бы осуществить шефство над архивами крупных предприятий, учреждений и организаций. Большую помощь в сборе личных фондов и воспоминаний очевидцев о важнейших исторических событиях может оказать научная общественность.

В заключение И. Д. Анашкин обратился к организациям «Книготорга» с предложением о небходимости наладить межобластную торговлю сборниками документов и другими местными изданиями. *Е. В. Маркина* (ГАУ) высказалась за подготовку кооперированных (межобластных) сборников и призвала историков к содружеству с архивистами в этой работе.

В. А. Дубровский (Архивный отдел Тувинской автономной области) и *Т. Т. Маркова* (Госархив Омской области) сообщили о наиболее ценных фондах и документах, хранящихся в архивах, а также о путях их использования. Большого внимания заслуживает, в частности, опыт омских архивистов в написании на основе архивных документов различных брошюр («Восстание омских рабочих против Колчака 22 декабря 1918 г.», «Венгерские военнопленные в борьбе за власть Советов в Омске», «Омская милиция в первые годы Советской власти» и т. д.). В настоящее время готовится сборник документов по истории Сибзавода.

П. П. Глухов (ЦГА РСФСР ДВ) подверг глубокому анализу качество археографической обработки сборников документов, посвященных установлению и упрочению Советской власти на территории Сибири и Дальнего Востока. Он привел яркие факты, свидетельствующие о серьезных недостатках в выявлении и отборе документов для публикации, в передаче текста документов, а также в качестве научно-справочного аппарата к сборникам.

На секции истории Сибири и Дальнего Востока дооктябрьского периода *З. Тагаров* (Госархив Иркутской области) сделал сообщение о составе и содержании документальных материалов Иркутского облгосархива, итогах и планах их использования в научных и агитационно-пропагандистских целях.

Сотрудники архивных учреждений приняли участие и в организационных совещаниях творческих групп по изучению определенных исторических проблем. Так, на заседании творческой группы по разработке истории Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (Томск) *И. А. Рубин* (Архивное управление МВД РСФСР) рассказал о планах архивных учреждений Сибири и Дальнего Востока по публикации документов периода Великой Отечественной войны и внес конкретные предложения о взаимной информации и координации этой работы между историками и архивистами.

Тезисы ряда сообщений, представленных научными сотрудниками государственных архивов на секцию истории Сибири и Дальнего Востока советского периода, опубликованы в специальном сборнике. *Л. И. Лесина* (Госархив Томской обл.) подготовила сообщение об участии железнодорожников ст. Тайга в борьбе за власть Советов (1917—1918 гг.); *В. Г. Виноградова* и *Л. К. Пастушенко* (ЦГА РСФСР ДВ) посвятили свои сообщения истории развития народного образования и здравоохранения у малых народов Дальнего Востока (1926—1936 гг.). История борьбы корейских трудящихся против иностранной интервенции и белогвардейцев на Советском Дальнем Востоке нашла отражение в сообщении старшего научного сотрудника *С. Ш. Хаскиной* (ЦГА РСФСР ДВ).

Активное участие в работе конференции приняли также сотрудники партийных архивов и краеведческих музеев Сибири и Дальнего Востока. Научная конференция приняла некоторые предложения представителей архивных учреждений, в частности, о привлечении научной общественности к обеспечению сохранности и собиранию документальных материалов советского периода и более активном участии историков в подготовке кооперированных документальных сборников.

В целом научная конференция явилась значительным вкладом в дело дальнейшей успешной разработки истории Сибири и Дальнего Востока. Одним из положительных результатов конференции явится укрепление деловых связей и творческого содружества историков (работников научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений) с сотрудниками государственных архивов.

И. А. Рубин

АРХИВЫ ЗА РУБЕЖОМ

ИЗДАНИЕ В КИТАЕ СОВЕТСКОГО УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ ПО АРХИВОВЕДЕНИЮ

В феврале 1960 г. в книжные магазины Китая поступила в продажу книга «Теория и практика архивного дела в СССР», выпущенная Издательством Народного университета Китая и являющаяся переводом на китайский язык учебного пособия, изданного Главным архивным управлением СССР (М., 1958 г.)[1].

Китайские архивисты внимательно следят за развитием архивного дела в СССР и широко используют опыт, накопленный советским архивоведением. В КНР издается значительное количество советской архивоведческой литературы. Перевод указанного учебного пособия является одной из больших работ, осуществленных в этой области.

В предисловии к китайскому изданию говорится, что эта книга является «сравнительно законченным учебным пособием по теории и практике архивного дела в Советском Союзе... Этот учебник поможет архивистам нашей страны детально ознакомиться с советским опытом архивного строительства, поможет систематическому и глубокому изучению основных вопросов архивоведения».

Перевод книги выполнен издательско-переводческим отделом Народного университета Китая. Она вышла под общей редакцией Люй Тан. В научном редактировании перевода приняли участие преподаватели историко-архивного факультета Народного университета Китая Шэнь Цзя, Чжао Цзянь, Фэн Дун-юнь, Чэнь Чжао-у и др.

В. В. Иевлев

АРХИВЫ ИТАЛИИ О МЕЖДУНАРОДНОМ ОБМЕНЕ ФОТОКОПИЯМИ ДОКУМЕНТОВ[2]

Итальянские архивисты уделяют большое внимание развитию обмена копиями документальных материалов с зарубежными архивами, считая такой обмен одним из важнейших средств пополнения фондов государственных архивов. С этой целью они широко изучают те иностранные архивы, которые, по их мнению, могут содержать интересные материалы, относящиеся к истории Италии. Так, например, сотрудники Сардинского государственного архива провели выявление документов по истории Сардинии в архивах Испании, Франции и Австрии. В Мадрид, Барселону и другие города Испании направлено пять групп научных сотрудников для выявления и изучения сардинских материалов в испанских архивах. Были выявлены и микрофильмированы документы, представляющие интерес для ученых не только Италии, но и других стран. К микрофильмам готовятся подробные указатели (регесты).

С другой стороны, историки и архивисты ряда зарубежных стран выявляют в итальянских архивах интересующие их документы с целью последующего обмена фотокопиями. Большую активность в этом направлении проявляют, в частности, архивные учреждения ФРГ, которым помогает Институт истории Германии в Риме.

Вопрос о развитии международного обмена копиями документальных материалов неоднократно обсуждался на съездах Национальной ассоциации итальянских архивистов. Так, в 1952 г. на IV съезде говорилось о необходимости активизировать выявления фондов по истории Италии за границей. VII съезд Ассоциации (1957 г.) рекомендовал организовать при Центральном управлении государственных архивов отдел культурных архивных связей. Кроме того, в целях централизации и координации планов выявления документов за границей, некоторые итальянские архивисты предлагают создать специальную архивную администрацию, которая координировала бы в общенациональном масштабе планы, представляемые различными архивами, оказывала архивистам техническую помощь при фотокопировании документов, выделяла историков, которые помогали бы архивистам определить ценность выявленных документов.

Итальянские архивисты предлагают создать Международный центр по координации, который должен предоставлять информацию иностранным ученым и опираться в своей деятельности на Международный совет архивов.

З. П. Польшикова

СОВЕТ ДЕЛОВЫХ АРХИВОВ АВСТРАЛИИ

В 1954 г. в Австралии был создан Совет деловых архивов (Business Archives Council of Australia)[3], объединяющий видных ученых, архивистов, представителей деловых кругов. Кроме того, членами совета являются также около сотни промышленных, коммерческих, финансовых и других фирм и некоторые научные учреждения (Сиднейский университет, Национальная библиотека и др.).

Создание совета вызвано тем, что, по свидетельству австралийской печати, архивы деловых фирм находятся в крайне неудовлетворительном состоянии, которое ставит под угрозу обеспечение сохранности документов, поскольку государство не регламентирует комплектования и хранения архивов частных организаций. Создание

[1] Рецензию на это издание см. «Исторический архив», 1959, № 1, стр. 222—230.

[2] «Rassegna degli archivi di Stato», 1958, № 1.

[3] «Деловыми архивами» называются архивы частных коммерческих, промышленных, сельскохозяйственных, издательских и других учреждений и предприятий.

общественной организации, которая в той или иной степени берет на себя функции упорядочения системы архивов частных фирм, является практически единственным выходом из положения.

Совет деловых архивов Австралии ставит своей целью улучшение сбора, хранения и использования документальных материалов частных фирм, учреждений и предприятий, составляющих основную массу первоисточников по истории экономического развития страны.

В этом направлении совет проводит значительную работу.

В целях пропаганды сохранения документальных материалов с 1954 г. издается «Бюллетень Совета деловых архивов Австралии» («Bulletin of the Business Archives of Australia»), выходящий в свет по мере накопления материалов.

В пяти уже вышедших номерах бюллетеня опубликованы статьи видных ученых и архивистов по вопросам делопроизводства и архивного дела, по истории отдельных австралийских фирм, а также сообщения о выходе в свет новых изданий соответствующего профиля; материалы о деятельности отделений совета в Новом Южном Уэльсе и Виктории.

В частности, пятый номер бюллетеня полностью посвящен состоявшейся в октябре 1958 г. в Мельбурнском университете конференции, посвященной обсуждению вопросов, связанных с написанием истории промышленных, финансовых и других фирм страны. Конференция была организована отделением совета деловых архивов в штате Виктория.

Кроме того, советом издана брошюра А. Берча и Д. Макмиллана, в которой впервые в истории Австралии сделана попытка кодифицировать принципы делопроизводства и комплектования деловых архивов[4].

Совет организовал выявление и проверку многих сохранившихся архивов деловых фирм. Членами совета подготовлено более ста обзоров документальных материалов отдельных учреждений и предприятий.

[4] Dr. A. Birch, D. S. Macmillan. Business Archives. Sidney, Sept. 1955.

В Австралии нет специального учебного заведения, которое бы готовило архивистов. Поэтому совет уделяет большое внимание подбору опытных архивистов-практиков и рекомендует их владельцам фирм. Делаются попытки организовать подготовку квалифицированных кадров архивистов при Сиднейском университете.

В результате, совету удалось добиться некоторых успехов в упорядочении хранения и использования архивов ряда частных фирм. По рекомендации совета некоторые фирмы создали собственные архивы или передали свои архивные документы для хранения и использования в Национальный университет. Кроме того, совет организовал издание ряда публикаций по истории отдельных фирм, в 1956 г. были организованы курсы архивистов и т. д.

Вместе с тем в деятельности совета наметились некоторые тенденции, представляющие, на наш взгляд, серьезную угрозу для объективного освещения истории экономического развития Австралии. Это, прежде всего, получивший распространение на страницах бюллетеня и отчетливо прозвучавший на конференции в Мельбурне тезис «теории» классового сотрудничества, утверждающий, что написание истории деловых фирм должно способствовать «улучшению взаимопонимания между владельцами предприятий, рабочими и потребителями». Эта позиция неизбежно приводит к тенденциозности в комплектовании и использовании архивов в интересах предпринимателей и в ущерб интересам трудящихся и объективной исторической науки.

Исходя из идеалистической концепции о роли личности в истории, авторы брошюры «Деловые архивы» считают, что при комплектовании архивов основное внимание должно уделяться личным документам предпринимателей, играющих, по мнению авторов, роль главной движущей силы экономического развития. Таким образом, принижая роль трудящихся масс в историческом развитии страны, авторы проявляют пренебрежение к сбору важнейших документальных материалов.

В. Ф. Кохов

ЗАМЕТКИ ОБ АРХИВАХ И ДОКУМЕНТАХ

О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ САМОДЕРЖАВИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ В НАЧАЛЕ XX в.

Как известно, управление народами Сибири до Октябрьской революции осуществлялось на основании устава «Об управлении инородцев», принятого в 1822 г. по проекту графа Сперанского (см. ПСЗ, т. XXXVIII, № 29126).

Обычно считается, что в таком виде управление народами Сибири просуществовало до Великой Октябрьской социалистической революции. Однако в начале XX в. это положение было существенно изменено для народов Забайкальской области — бурятов и скотоводов-тунгусов.

23 апреля 1901 г. было утверждено «Временное положение об устройстве управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области». Проведение его в жизнь возлагалось на Забайкальское областное по крестьянским делам присутствие, во главе которого стоял военный губернатор. В цир-

куляре присутствия крестьянским начальникам области предписывалось «с осторожностью и тактом ознакомлять инородческое население с сущностью предстоящей реформы» (Гос. архив Читинской обл., ф. 20, оп. 1, д. 38, л. 5). А сущность реформы заключалась в отмене особого управления, существовавшего у бурятов и тунгусов Забайкалья по уставу Сперанского, в фактическом приравнении коренного населения к русскому.

В «Мнении Государственного совета об устройстве кочевых инородцев Забайкальской области» сказано: «Кочевые инородцы разделяются на волости, состоящие каждая из нескольких сельских обществ» (там же, л. 6). Волости и сельские общества «инородцев» подчинялись крестьянским начальникам. Количество земли, находившееся во владении кочевого населения, ограничивалось. Земельный надел отводился в соответствии с существовавшим землепользованием, но не свыше 15 десятин на наличную душу мужского пола.

Для разъяснения проводившейся реформы местными властями в улусы были направлены чиновники, объяснявшие, что изменение управления и наделение землей не отразятся на традиционном образе жизни населения и не вызовут резкой ломки их хозяйства и быта, что наделение землей «отнюдь не связано с обращением их в оседлое состояние» (там же, л. 6 об.).

Кочевое население Забайкалья — буряты и тунгусы — отрицательно отнеслось к реформе, отказываясь участвовать в выборах новых учреждений и т. п. Для характеристики отношения местного населения к реформе значительный интерес представляет «приговор» бурятов Ульдургинской инородческой управы, живших на территории нынешнего Тунгочёнского района Читинской области.

«1902 года, июля 6 дня, улус Услуглинск по Ульдурге. Мы, нижеподписавшиеся инородцы Читинского уезда, Ульдургинской инородной управы, в числе не менее трех четвертей всех домохозяев, с общественными своими доверенными и в присутствии членов Ульдургинской инородной управы и родовых старост на суглане обсуждали вопрос о применении к инородцам новых реформ в управлении и в землеустройстве.

Принимая во внимание: 1) что за недостаточностью земель в Баргузинском ведомстве, к которому мы ранее принадлежали, вследствие этого недостатка по роду нашей кочевой жизни мы в 1875 г. перечислились в ведомство Ульдургинской степной думы, выкочевав со всеми своими семьями, имуществом и стадами на земли инородцев Ульдургинского ведомства; впоследствии же, с разрешения г. Приамурского генерал-губернатора, поселились на отведенные нам ульдургинскими инородцами земли по р. Ульдурге с ее притоками и образовали отдельную инородную управу; 2) что самая перекочевка наша из одного в другое ведомство на дальнем пространстве значительно отозвалась на нашем благосостоянии, а на возмещение всех произведенных нами расходов по перекочевке потребовалось более 10 лет; 3) что из многолетнего нашего опыта видно, что земли по Ульдурге пригодны только для скотоводства, если таковое вести кочевым способом, но для хлебопашества эти земли негодны по климатическим условиям, так как Ульдурга, лежащая к северу и берущая в себя притоки из Яблонового хребта с северной стороны, отличается преждевременными морозами и поздним наступлением тепла весною. Неудачные попытки хлебопашества по Ульдурге со стороны прежних владельцев таковою Урульгинского ведомства, занимающихся хлебопашеством, убедили в непригодности Ульдурги для этой цели, и они поэтому все время до выделения Ульдурги в наше пользование пользовались таковою только и исключительно для сенокошения и зимних кормежек животных, кочуя по Ульдурге и ее отпадкам со своими стадами по временным зимовьям. Если правительство разными введениями стремится к развитию и улучшению быта и благосостояния сельского населения, а в том числе инородцев, то в этом нужно понимать принятие всяких мер только для пользы населения, но не во вред им, а стало быть, при всяком нововведении необходимо сообразоваться с местными и бытовыми условиями населения и, конечно, без насильного и резкого перелома этих жизненных условий.

Мы, инородцы, живущие по Ульдурге и занимающиеся только скотоводством, как по свойству кочевой жизни, так и по характеру местности, занимаемой нами [на] Ульдурге, далеко не подходим под категорию тех людей, для которых не оказали бы вредного влияния эти новые реформы. Таким образом, предполагаемые к введению между кочующими инородцами порядки управления и землевладения для нас не могут принести пользы, и мы утверждаем это не голословно, а на основании действительных находящихся перед глазами данных и обстоятельств.

Ограничение в землепользовании стеснит наше скотоводство, а следовательно, значительно уменьшит его, крестьянское управление лишит всех удобств кочевой жизни и потребует значительного увеличения расхода по управлению, на содержание волостных и сельских правлений, разных должностных лиц и на внутренние повинности. Все это, конечно, должно отразиться на скотоводстве, составляющем наше достояние, и оно при таких тяжелых условиях, конечно, не может развиваться, а взамен этой отрасли нашего хозяйства новые порядки ничего не дадут, да и не могут ничего дать, кроме переписок.

Вот какие последствия мы видим и должны ожидать для себя с новых устройств нашего землеуправления и землепользования, т. е. обнищание и потерю всякой надежды в будущем. Из холодной и удален-

ной к северу Ульдурги, как и других бесчисленных земель, никем еще не заселенных пространств к северу, никакими реформами нельзя сделать хлебородные долины, как и из кочующих по этим землям инородческих племен нельзя создать фермеров — возделывателей полей и огородов.

Такое наше простое убеждение основывается на практических выводах, на той реальной действительности, которая каждодневно перед нашими глазами, которую мы ежеминутно ощущаем, и оспорить эту действительность, эти существующие факты никто не может, и было бы совершенно бесполезно доказывать противное только по известным теориям и по другим выводам, без достаточной проверки действительности. Вот при таком положении дела, при таких наших взглядах и убеждениях мы видим в тех реформах, которые ныне предполагается ввести между кочующими инородцами, те печальные последствия, которые неизбежно постигают нас, разорив наше скотоводное хозяйство и уничтожив существующий наш порядок самоуправления. А потому, движимые чувством опасности, обо всем вышеизложенном постановили записать в настоящий наш приговор, который представить г. начальнику Забайкальской области и покорнейше просить его превосходительство, ввиду изложенных выше обстоятельств, о направлении сего нашего приговора по принадлежности, с ходатайством о сохранении за нами старого строя управления и жизни, с укреплением за нами владеемых нами земель по Ульдурге, не причисляя нас к какому-либо волостному правлению. Мы глубоко уверены, что высшее начальство не оставит нас своим благосклонным вниманием и войдет в наше печальное положение» (там же, лл. 15—17).

Однако власти стояли на своем. В приказе военного губернатора Забайкальской области генерал-лейтенанта Надарова от 11 ноября 1903 г. за № 84 говорилось, что если «инородцы» не выберут новых должностных лиц, то кандидаты на все должности нового управления и суда будут представлены военным губернатором на утверждение Приамурского генерал-губернатора. «Никакие просьбы инородцев об отсрочке сей реформы приниматься не будут, и с 1 января 1904 г. реформа будет введена безусловно»,— говорилось в приказе. В заключение объявлялось: «31 декабря с. г. закрыть существующие степные думы, родовые управления и суды» (там же, л. 130).

Реформа была введена в действие среди всего коренного населения Забайкальской области, кроме тунгусов Армакской (около 2 тыс. чел.) и Закаменской (около 9 тыс. чел.) инородческих управ Селенгинского уезда, находившихся «в переходной стадии от бродячего к кочевому образу жизни», хотя юридически они числились кочевыми (там же, д. 1656, лл. 45 об.—46). Не затронуты были реформой и «бродячие» эвенки — так называемые орочены, занимавшиеся охотничьим промыслом и оленеводством.

В 1909 г., в нарушение сделанных ранее обещаний, правительство начало перечисление «инородцев» из кочевого разряда в оседлый. Однако это мероприятие не было полностью осуществлено до Октябрьской революции ввиду затянувшегося землеустройства коренного населения Забайкалья.

В. А. Туголуков

К ПРЕБЫВАНИЮ К. Л. ХЕТАГУРОВА В ОЧАКОВЕ

Сосланный царскими властями в Херсон основоположник осетинской литературы революционер-демократ Коста Хетагуров лето 1899 г. провел в Очакове. Исследователи, говоря об этом периоде его жизни и деятельности, упоминают, что поэт находился под гласным надзором полиции. Однако обнаруженные в Центральном государственном историческом архиве Украинской ССР в Киеве секретные донесения начальника Очаковской крепостной жандармской команды начальнику Одесского жандармского управления свидетельствуют, что К. Л. Хетагуров находился одновременно и под тайным наблюдением жандармерии (ЦГИА УССР, ф. 385, д. 670). В донесении от 29 июня 1899 г. сообщалось, что 27 июня в Очаков с разрешения херсонского губернатора прибыл «для пользования морскими купаниями, состоящий под гласным надзором полиции... Константин Хетагуров, и что означенный надзор утвержден за ним» (л. 70). А 6 августа того же года доносилось, что К. Л. Хетагуров в этот день выехал на пароходе в Херсон. «Означенный поднадзорный за время пребывания в г. Очакове вел жизнь замкнутую, знакомств никаких почти не имел, но вел большую корреспонденцию» (л. 71).

Э. Е. Писаренко

ДОКУМЕНТЫ О ПИСАТЕЛЕ-БОЛЬШЕВИКЕ В. М. БАХМЕТЬЕВЕ

В Государственном архиве Воронежской области хранятся документы о преследовании царской охранкой писателя-большевика Владимира Матвеевича Бахметьева, родившегося в 1885 г., в г. Землянске бывшей Воронежской губ., и с девятнадцатилетнего возраста вступившего на путь революционной борьбы.

В донесениях землянского исправника за 1905 г. Бахметьев и его жена характеризуются людьми «вполне неблагонадежными в политическом отношении». За ними ведется постоянный негласный надзор, проводятся частые обыски. Царские жандармы прилагают все усилия к тому, чтобы выслать Бахметьевых из пределов губернии. В рапортах к Воронежскому губернатору за 1907 г. (ф. 6, оп. 1, д. 77) и начальнику Воронежского жандармского управ-

ления (ф. 1, оп. 1, д. 826) землянский уездный исправник, настаивая на их высылке, пишет, что «супруги Бахметьевы задались целью не останавливаться ни перед какими препятствиями для осуществления своих преступных замыслов проведения в среду крестьянского населения противоправительственных идей, но преступную деятельность свою Бахметьевы ведут весьма конспиративно и ввиду этого являются неуловимыми». Требование землянского исправника о выселении Бахметьевых настойчиво повторяется. Он считает «безусловно необходимым в целях охранения государственного порядка и общественного спокойствия воспретить супругам Бахметьевым жительство в Воронежской губернии на срок действия в ней положения о государственной охране».

В 1908 г. Бахметьевых высылают в административном порядке в Сибирь. Но и там Владимир Матвеевич продолжает заниматься активной революционной деятельностью и становится членом Омской группы РСДРП.

В. Н. Бригиневич

О ПЕРВЫХ ОПЫТАХ САДОВОДСТВА В ЗАПАДНОМ КАЗАХСТАНЕ

В Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, в фонде Инспекторского департамента, обнаружено дело о первых опытах садоводства в засушливых районах нижнего течения р. Урала в первой четверти XIX в.

В письме военного губернатора Оренбурга и командира Отдельного Оренбургского корпуса генерала П. Эссена начальнику Главного штаба генералу И. И. Дибичу от 12 ноября 1824 г. сообщалось:

«В 1819 г. при обозрении моем войск, стражу Нижнеуральской линии составляющих, я заметил, что климат крепости Сорочиковской[1], местоположение ее окрестностей и свойство земли весьма удобны к учреждению там и распространению садоводства.

В сем намерении я старался тамошним жителям, не имевшим того в помышлении, внушить пользу таких заведений и склонить их к испытанию, в чем содействовал мне бывший войсковой атаман генерал-майор Бородин.

Сорочиковский житель, Уральского войска отставной урядник Федор Толстов по избыткам своим мог приступить к устройству сада; он первый и последовал моим убеждениям и с того же времени начал учреждать сад близ сказанной крепости. Всю заботливость он обратил на разведение винограда. Лозы оного выписывал из Астрахани и сам отправлялся туда для лучшего узнания способов сбережения его.

Продолжая таким образом с постоянным усердием заниматься разведением виноградных лоз, Толстов в прошлом году уже собрал в саду своем славнейшего винограда 2 пуда 30 фунтов, а в нынешнем году сия пропорция увеличилась вдвое.

В приезд мой в июне месяце текущего года по Нижнеуральской линии я с удовольствием видел, что сад Толстова ежегодно получает новое улучшение.

Теперь находится в нем, на пространстве 210 в длину и 180 сажен в ширину,— 800 кустов виноградных, 40 тутовых, 70 грушевых, 4 персиковых, 150 яблоневых, 60 сливных, 20 вишни гишпанской, 80 владимирской, 50 черносливных и 60 баргамотных.

Урядник Толстов дал мне обещание сделать опыт и над хлопчатой бумагой (т. е. саженцами хлопчатника.— *Авт.*), которая, надеюсь, расти может. По успеху же растения тутового дерева остается испытать разведение шелковичных червей, после чего можно быть уверенным, что на земле казаков уральских возникнут сады и распространится шелководство. Я поставлю долгом к сему приохочивать их.

Зная, как трудно между уральцев, по привязанности их к старым своим обычаям, вводить что-либо новое, хотя польза от того им самим очевидна, я имею, однако ж, полную надежду привлечь их желание к сим занятиям и даже возбудить между ними соревнование. Для таковой цели признаю на сей раз необходимым положившему начало устройству сада отставному уряднику Толстову доставить награждение как в поощрение его, равно в пример другим, и в довод внимательности высшего правительства к полезным намерениям» (ф. 395, III отделение, оп. 130/364, д. 943, лл. 1—2).

В этом же деле мы читаем, что Федор Толстов был награжден медалью «За полезное».

В последующие годы садоводство в Западном Казахстане продолжало развиваться (см. «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Уральское казачье войско», ч. I, СПб., 1866, стр. 163—164).

Приведенный нами документ характеризует не только первые шаги плодового садоводства в этом районе, но также и попытки организовать разведение хлопководства и шелководства, что безусловно представляет определенный интерес.

А. Е. Шнейдер. Л. Я. Янова

[1] Очевидно, имеется в виду Сарайчиковская крепость, расположенная в 50 *км* севернее Гурьева.

ПОПРАВКИ

В журн. «Исторический архив», № 2, 1960 г.

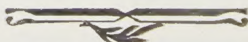
Стр. 108, 26 строка снизу следует читать: «Принимая данные 1926 г. за 100%»

Стр. 231, левая колонка, 1-я строка сверху следует читать: «В октябре 1959 г.»

В Содержании 15 строка сверху следует читать: «Подготовили *Ф. К. Межлаук, А. А. Новикова, В. Б. Постников*»

Содержание

CONTENTS

58